

ПОСЛЕ МЕНЯ

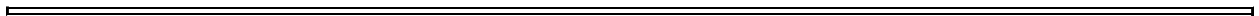
ЛИНДА ГРИН

Annotation

Однажды, проверяя свой профиль в «Фейсбуке», Джесс Маунт обнаруживает посты близких и друзей, которые скорбят... по ней. Дата смерти – ровно через 18 месяцев. Джесс решает, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Но проходит время, публикации продолжают появляться... Девушка видит фото своей свадьбы, а затем и фотографии собственного крошечного сынишки... Как такое возможно? Джесс шокирована: а что, если все это – предупреждение, страшный отблеск ее грядущей судьбы? Может ли она изменить будущее, и стоит ли пытаться спасти себя, если тогда ее сын, которого она уже успела полюбить, вероятно, не родится?..

- [Линда Грин](#)
 -
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Об этой книге](#)
 - [Слова благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Линда Грин

После меня

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

© Linda Green, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

ISBN 978-617-12-5150-2 (fb2)

* * *

Умно и убедительно. Это смелое повествование, которое трогает за душу вплоть до последнего слова.

Дороти Кумсон, автор бестселлеров, отмеченный газетой “Sunday Times”

Красиво написанный роман с очень острой интригой, который держал меня в напряжении до последней страницы. Я хотела сравнить его автора с Гиллиан Флинн или Элис Сиболд^[1], но это было бы неправильно. Эта книга – на сто процентов Линда Грин, а Линда Грин – это чертовски великолепно!

Аманда Проуз, автор бестселлеров № 1

Напряжение при чтении становится прямо-таки невыносимым – и затем следует великолепная концовка в форме резкого поворота событий. Жутко правдоподобная история, которая заставит родителей оглядываться через плечо.

Газета “Sunday Mirror”

Сильное и провокационное повествование, которое буквально проникает к вам под кожу.

Газета “Sun”

Этот роман просто великолепен. Я не могла отложить его в сторону... Я читала его, чувствуя, как у меня все время холодеет на душе.

Книжный клуб “BBC RadioLeeds”

Линда Грин – писатель-романист и завоевывавший премии журналист. Она писала статьи для газеты «Guardian», интернет-издания «Independent on Sunday» и газеты «Big Issue». Линда живет в Западном Йоркшире. Ее предыдущая книга – «Пока мои глаза были закрыты» (*While My Eyes Were Closed*) – была книгой в мягкой обложке, стала бестселлером и заняла в 2016 году пятое место по объему продаж в версии для устройств для чтения электронных книг «Амазон киндл». Посетите странички Линды в «Твиттере» («@LindaGreenisms») и в «Фейсбуке» («Fans of Author Linda Green»).

Памяти Саманты Хант

* * *

Каждый человек рано или поздно теряет маму. Но к тому моменту, когда это происходит, мама должна быть уже старенькой. Морщинистой, сгорбившейся и немощной.

Мамы вроде бы как не должны уходить из жизни в расцвете лет, когда их женский организм все еще нормально функционирует, когда они еще не получили подбадривающих открыток по поводу их сорокалетия и когда, черт побери, они еще даже не начали пользоваться кремами от морщин.

Если жизнь заканчивается так жестоко, так преждевременно, это кажется абсолютно бессмысленным. Мир перестает вращаться. То, на чем основывалась ваша жизнь, куда-то исчезает. Пол у вас под ногами может в любой момент просесть. Это все равно как играть в одну из игр типа «мяч в лабиринте», зная, что в любую секунду ты можешь упасть в

яму.

Опасности. Жизнь кишит опасностями. И если люди пытаются убедить вас в обратном, говоря, что вы чокнутые, если так думаете, то вам необходимо помнить, что чокнутыми являются как раз те, кто отрицает постоянное присутствие опасностей вокруг нас. Потому что единственное, в чем можно быть твердо уверенным в нашей жизни, это то, что все мы в тот или иной день умрем. И что этот день может наступить раньше, чем мы думаем.

Часть первая

Джесс

Понедельник, 11 января 2016 года

Одну-две секунды я ощущаю плохой запах, исходящий у него изо рта, а потом чувствую, как он кладет ладонь на мою задницу. Странно, но почему-то у тех, кто норовит потереться об представителей противоположного пола в общественном транспорте, почти всегда какие-то проблемы с личной гигиеной.

– В чем дело? – кричу я и оборачиваюсь, чтобы оказаться к нему лицом.

Люди, толкущиеся возле турникета, тут же отступают в сторону. Пассажиры, регулярно совершающие поездки из пригорода в город и обратно, ненавидят конфликты в транспорте даже больше, чем опоздания поездов и автобусов.

Этот мужчина с дурным запахом изо рта и чрезмерно проворными руками, похоже, не ожидал подобной реакции. Он поспешно смотрит по сторонам, явно желая свалить вину на кого-нибудь другого.

– Не надо увиливать, это сделали именно вы – мужчина средних лет в блестящем сером костюме. Тащитесь от того, что лапаете женщин за задницу, да?

Он, переступая с ноги на ногу, смотрит в пол, а затем устремляется к турникету.

– Ну да, вы торопитесь на работу. Готова поспорить, что женщины в вашем офисе ждут вас не дождутся. В следующий раз попридержите свои грязные лапы, хорошо?

Я оглядываюсь и вижу, что Сейди смотрит на меня, подняв бровь.

– Что? – говорю я. – Могу тебе сказать, что он еще легко отделался. Тут вообще полно их таких – всяких козлов.

Путь к турникету теперь свободен. Я прохожу через турникет и жду Сейди на другой стороне.

Передо мной останавливается молодой парень с темными волосами.

– Классно вы его обломали, – говорит он с улыбкой. – Хотите, я догоню и уделаю его ради вас?

Парень этот одет в куртку сливового цвета поверх белой футболки – как будто он по ошибке принял понедельник за «вольную пятницу»^[2].

– Чего я хочу – так это чтобы все представители мужского пола пошли к черту и перестали меня донимать.

Улыбка исчезает с его губ.

– Понял, – говорит он и уходит прочь.

– Зачем ты так себя повела? – спрашивает Сейди, таращась на меня. – Он всего лишь пытался быть любезным.

– Ну, иногда это не сразу и поймешь.

Сейди качает головой:

– Вот и я тебя не понимаю. Сегодня что, объявлен общенациональный день по откусыванию кому-нибудь головы или что-то в этом роде?

– Предменструальный синдром и голод – это всегда плохое сочетание. Пошли, мне необходимо купить еды.

Завтрак (я ненавижу слово «бранч»^[3], а потому отказываюсь называть так этот прием пищи, даже если он начинается после десяти тридцати) применительно ко мне состоит из огромного маффина с голубикой (который, я надеюсь, зачтется как первый из пяти моих ежедневных приемов пищи) и баночки напитка «Танго» (который, возможно, зачтется как второй). Мама когда-то говорила мне, что настанет день, когда я уже не смогу есть подобное дерьмо так, чтобы это не отражалось на моей внешности. Я восприняла эти слова как «зеленый свет» для поглощения как можно больше такой пищи, пока я все еще могу делать это без каких-либо негативных последствий.

Стоя в очереди к кассе, я слышу приближающиеся шаги. Сейди слегка толкает меня локтем. Я поднимаю взгляд. Парень, который намеревался «уделать» мужчину, тронувшего меня за задницу, стоит неподалеку, держа в руке букет цветов. Причем оформлен этот букет очень красиво. Такие букеты, по-моему, называют «связанными вручную», хотя я никогда не видела, чтобы букеты связывали с помощью какого-то механизма.

– Извиняюсь за свои предыдущие слова, – говорит он. – Это от имени мужского пола. Чтобы продемонстрировать, что не все мы придурки.

Разговоры в очереди стихают. Я чувствую, что мои щеки становятся такими же красными, как розы в букете.

– Спасибо, – говорю я, беря у парня розы. – Но вообще-то не было необходимости это делать.

– Я знаю, но мне захотелось так поступить. А еще я хочу пригласить вас на ужин, но не уверен, что это не вызовет у вас бурную негативную

реакцию, поэтому я положил в цветы свою визитную карточку. Позвоните мне, если вам захочется принять мое предложение. И спасибо за то, что украсили мне сегодняшнее утро.

Он поворачивается и идет прочь одной из тех в высшей степени самоуверенных походов, которые граничат с явно пижонским поведением.

– Я тебя ненавижу, – говорит Сейди. – Не могу понять, почему в качестве лучшей подруги я выбрала того, кому незнакомцы дарят цветы.

– Ты меня не выбирала, – отвечаю я. – Это я тебя выбрала, помнишь? Главным образом потому, что у тебя был самый лучший пенал.

– Пусть так. Но я все равно тебя ненавижу. Тебе даже не приходится прилагать никаких усилий. Ты ходишь в пуховике, лосинах и ботинках «ДМ»^[4], но тем не менее шикарный незнакомец приглашает тебя на свидание.

– Я, возможно, ему не позвоню, – говорю я, понижая голос, потому что замечаю, как люди в очереди прислушиваются к нашему разговору.

– Тогда ты даже большая недотепа, чем я думала.

– Ну, во всяком случае я не стану звонить ему прямо сейчас.

– Хочешь немного поломаться, да?

– Нет. Я просто умираю от голода и не буду делать вообще ничего до тех пор, пока не запихаю себе в рот маффин с голубикой.

Сейди улыбается мне и затем бросает взгляд на цветы. В нем кроме роз есть лилии и другие цветы, названий которых я не знаю.

– Они, наверное, стоили ему немалых денег, – говорит она.

– Значит, жаль, что он не знал, что меня вполне устроил бы и маффин с голубикой, – отвечаю я.

Сейди смеется. Я невольно сжимаю букет чуточку сильнее.

Центр города Лидс – такой, каким он обычно бывает утром в понедельник: серый, пасмурный и слегка загаженный после уик-энда. Когда я останавливаюсь у перекрестка, кто-то сует мне в руку экземпляр бесплатного журнала. Я беру его, но не потому, что мне хочется его прочесть, а потому, что мне жаль человека, которому приходится вставать на рассвете и идти совать журналы в руки раздражительных пассажиров, едущих из пригорода на работу в центр города. Переходя улицу, я сворачиваю журнал в трубочку и засовываю его в боковой карман рюкзака. Женщина, идущая передо мной, несет свою большую сумку на согнутой правой руке – чтобы было легче. Я едва удерживаюсь от соблазна сказать ей, что она похожа на куклу Барби, у которой какой-то маленький мальчик вывернул руку. Я уверена, что если женский пол будет продолжать в том же духе, то рано или поздно младенцы-девочки начнут рождаться с уже

изогнутой правой рукой и акушерки смогут сразу вешать на них большие сумки.

Сейди, посмотрев туда, куда смотрю я, с понимающим видом улыбается мне. Мы обе – убежденные сторонницы того, что вещи нужно носить не в сумках, а в рюкзаках.

– Интересно, на работе покажут какой-нибудь фильм в память о Боуи или нет, – говорит Сейди. – Например, «Лабиринт» и «Абсолютные новички»^[5].

– Да, интересно, – говорю я. – Готова поспорить, что очень многие люди пришли бы, если бы стали показывать какой-то из этих фильмов.

Я решаю не говорить Сейди, которая почти все время, пока мы ехали на поезде, разглагольствовала о Дэвиде Боуи, что мне это все уже надоело. Каждый раз, когда я захожу в «Фейсбук», в нем полно публикаций, в которых люди отдают свою дань уважения ушедшему из жизни Боуи так, будто они были с ним лично знакомы и понесли в результате его смерти личную утрату. При этом они вряд ли задумываются о том, какие чувства испытывает тот, кто в самом деле потерял любимого человека. Может, даже самого важного человека в их жизни.

Мы сворачиваем с тротуара в сравнительную теплоту торгового центра. Кому-то пришла в голову блестящая мысль не делать у этого здания боковых стен, а потому зимой людям, сидящим за наружными столиками ресторанов, приходится оставаться одетыми в пальто и шарфы, хотя формально эти люди находятся *внутри* торгового центра.

Я иду вслед за Сейди к эскалатору и еду на нем вверх. Кинотеатр находится на этаже, предназначенном для «праздного времяпрепровождения», – там, где расположены и все рестораны. Устроен этот кинотеатр довольно нетрадиционно: в нем стоят диваны, и зрители могут заказать себе пиццу и другую еду, которую им принесут туда, где они сидят и смотрят фильм. Я именно этим обосновываю то, что работаю здесь (а еще тем, что мне не приходится приходить на работу раньше одиннадцати утра, даже когда я на первой смене). Я никогда не смогла бы работать в обычном кинотеатре. Это было бы все равно что позволить дементорам^[6] высосать твою душу.

Нина, которая в кои-то веки встречает всех входящих за стойкой дежурного администратора, смотрит на мои цветы и поднимает бровь:

– Я надеюсь, ты не замышляешь устраивать здесь место поклонения Боуи?

– Эти цветы не имеют к нему никакого отношения. Мне их вообще-то

подарили.

– В связи с чем?

– В связи с тем, что я сказала одному мужчине, что он козел.

– Очень смешно.

– Нет, это правда, – говорю я. – Только козлом я назвала совсем не того мужчину, который мне их подарил.

Нина качает головой и вздыхает:

– Ага, значит, ты купила сама себе цветы по дороге на работу, чтобы со стороны казалось, что их тебе кто-то подарил.

– Вовсе нет, – вмешивается в разговор Сейди еще до того, как я успеваю что-то возразить Нине. – Их подарил ей умопомрачительно шикарный парень, который подошел к ней на вокзале и пригласил ее на свидание. Она просто слишком скромна, чтобы в этом признаться.

– В самом деле? Может, ты уже знаешь и номер его телефона? – спрашивает Нина.

Я выуживаю из букета визитную карточку и сообщаю ей указанный в ней номер.

– Позвони ему, если хочешь, – говорю я. – А я, наверное, не стану утруждать себя этим.

Нина закатывает глаза и снова утыкается в экран, продолжая заниматься тем, чем она занималась до моего появления. Сейди кивает мне, и мы идем в сторону комнаты для персонала. Когда мы заходим в эту комнату, я вдруг осознаю, что все еще держу визитную карточку в руке.

– Как его зовут? – спрашивает Сейди, заметив, что я смотрю на визитку.

– Ли Гриффитс. Судя по визитке, он – заместитель директора в какой-то рекламной фирме в Лидсе.

– Ух ты! Важная персона. Позвони ему.

– Не-а. Это, возможно, всего лишь надувательство.

– Ну, если тебе он не нужен, то я вообще-то отнюдь не гнушаюсь товарами, уже побывавшими в употреблении.

Я улыбаюсь ей в ответ.

Мы идем обратно в вестибюль и видим, что Тарик и Адриан раскладывают на полу новую красную ковровую дорожку, ведущую в зал № 1.

– А-а, вот и вы, леди, – говорит Адриан. – Как раз вовремя к пробному хождению по дорожке.

– Сначала я! – кричит Сейди.

Я, посмеиваясь, смотрю, как она ходит плавной походкой туда-сюда по

красной ковровой дорожке, останавливаясь с таким видом, будто позирует фотографирующим ее воображаемым папарацци.

– Давай, давай, – говорю я, ложась на дорожку перед ней. – Это премьера какого фильма?

– Фильма про суфражистку! – кричит она, а затем ложится на дорожку рядом со мной.

– Что там за крики? – спрашивает Нина, высовывая голову из-за угла.

– Премьера фильма! – говорю я. – Хочешь пройтись по красной дорожке?

– Нет. Я хочу, чтобы вы обе перестали относиться к этому месту, как к детскому саду, и принялись за работу.

Нина возвращается за стойку дежурного администратора. Сейди, застонав, говорит:

– Готова поспорить, что Кэри Маллиган^[7] никогда не приходилось выносить вот такое.

Дождавшись обеденного перерыва, я, когда остаюсь одна в комнате для персонала, пишу сообщение Ли. Мне хочется, чтобы никто этого не видел – на тот случай, если это и в самом деле окажется надувательством. Я решаю сразу перейти к делу.

Привет. Еще раз спасибо за цветы. Сообщи мне дату и время встречи. Я заканчиваю работу в 7 часов вечера до среды включительно, а затем работаю целую неделю допоздна. Джесс.

Я секунду-другую сомневаюсь, раздумывая, не выставлю ли себя беспросветной душой, но затем все же решаю отослать сообщение. Делаю глубокий вдох-выдох и нажимаю «Отправить». Лишь после того, как я отправила это сообщение, я осознаю, как сильно переживаю, ответит он на него или нет. К счастью, мне приходится ждать меньше тридцати секунд, прежде чем мой телефон издает звуковой сигнал о получении текстового сообщения. Этот парень явно не из тех, кто боится показать, что он чего-то очень хочет.

Привет, Джесс. Прекрасно. Может, в среду в 19:30 в «Ботанике»?

«Ботаник» – это супермодный бар, расположенный возле торгового центра. Я в этом баре никогда не была – главным образом потому, что сама я отнюдь не супермодная и не знакома ни с одним супермодным человеком.

Я пишу в ответ, что встречу с ним там, – так, как будто я в этом месте частенько бывала. Он отвечает: Прекрасно, уже жду с нетерпением.

Я все еще сижу в комнате для персонала с радостным и самодовольным выражением лица, когда туда заходит Сейди.

– Ты ему позвонила, да? – спрашивает она.

– Нет, написала.
– И пойдешь на встречу с ним.
– Возможно.
– Если вы решите пожениться, я разыщу того мужчину, который лапал тебя за задницу, и приглашу его на вашу свадьбу.
– Я не думаю, что существует вероятность того, что мы поженимся.
– Почему?
– Ну, мы с ним из разных категорий людей.
– Чепуха. Ты ничуть не хуже его.
– Я все еще подозреваю, что он просто дурачится. Как бы там ни было, в среду ты поедешь домой одна. А я, представь себе, буду находиться в окружении пижонов и заказывать себе коктейли, названия которых раньше никогда даже не слышала.

Сейди фыркает:

– Надеюсь, платить будет он.
– Я тоже на это надеюсь. Иначе придется просить милостыню в подземном переходе.

Когда я уже иду домой со станции Митолройд, мне вдруг приходит в голову, что папа наверняка спросит, откуда у меня цветы. На секунду возникает желание бросить их, не глядя, через голову назад – как это делают на свадьбе невесты, – но, быстро оглянувшись, я вижу, что в этом случае они скорее всего попадут в идущего позади меня длинноволосого толстого парня и ему это вряд ли понравится. Я решаю рассказать папе урезанную версию того, что сегодня произошло. Думаю, он сможет спокойно отнестись к тому, что какой-то парень напрашивается на знакомство со мной, но я уверена, что он разнервничается, если я расскажу ему о мужчине, щупавшем мою задницу.

Я иду мимо рядов примыкающих друг к другу маленьких веранд и веревок для сушки белья, протянутых через задние дворики и кажущихся символами какой-то уходящей в прошлое эпохи. Я готова поспорить, что люди, живущие на юге страны и смотрящие в выпусках новостей репортажи о наводнениях на Рождество, не смогли бы даже поверить, что на свете существует такое местечко, как Митолройд. Я не перестаю удивляться, насколько это маленький и замшелый населенный пункт. Впрочем, некоторые люди прожили в нем всю свою жизнь, никогда не побывав при этом даже в Лидсе (не говоря уже о Лондоне). Думаю, именно поэтому я после окончания колледжа устроилась на первую подвернувшуюся мне в Лидсе работу. Это, конечно, была совсем не та работа, о которой я мечтала, но она, по крайней мере, давала мне шанс

выбраться из Митолройда.

Наша передняя входная дверь открывается прямо на улицу, а задняя – ведет во дворик за нашим домом. Если у меня когда-нибудь появится возможность снять квартиру в Лидсе (что весьма сомнительно), я уже решила, что сниму ее на высоком этаже, чтобы люди, проходящие мимо, не могли заглядывать внутрь, когда я открываю входную дверь.

Я, как обычно, захожу через заднюю дверь. Папа на кухне: вечер понедельника, в отличие от всех других дней недели, у него свободен, потому что итальянский ресторан, в котором он работает, по понедельникам закрыт.

– Вкусно пахнет, – говорю я.

Папа отрывает взгляд от сковородки, на которой он что-то переворачивает, и моментально перемещает его с моего лица на букет.

– Красивые цветы.

– Да.

Я кладу букет на кухонный стол, прекрасно понимая, что таким простым ответом мне не отделаться.

– Откуда они у тебя? – Папа помешивает деревянной ложкой овощи в кастрюле на дальней конфорке плиты, пытаюсь делать вид, что ему не очень-то интересно.

– Мне подарил их парень, которого я встретила сегодня утром на железнодорожном вокзале.

Папа медленно кивает и кладет деревянную ложку на доску для резки мяса.

– Это очень мило с его стороны.

Судя по тону его голоса, папа вообще-то уже думает, что этот парень – серийный убийца. Я решаю разъяснить все одним махом.

– Да. И я пойду ужинать с ним в среду.

– В самом деле? – Папа снова берет ложку и начинает мешать ею с очевидно чрезмерной интенсивностью. – И сколько ему лет, этому парню?

– Я думаю, ему за семьдесят. А то и все восемьдесят.

Папа поворачивается ко мне. Я улыбаюсь ему заранее подготовленной улыбкой.

– Очень смешно, – говорит он.

– А чего ты ожидал? На вид ему под тридцать, но точно сказать не могу. Если хочешь, я возьму с собой в среду бланк анкеты.

– Значит, ты его раньше никогда не встречала?

– Не-а.

– И он просто подошел к тебе сегодня утром, подарил цветы и

предложил с ним встретиться?

– Ага. Примерно так все и было.

– А тебе это не кажется немножечко странным?

– Вообще-то нет.

Мне подумалось, что рассказывать ему про того, кто трогал меня за задницу, мне, наверное, было бы легче.

– А мне вот это кажется немного странным.

– Послушай, ты должен позволять мне жить нормальной жизнью.

– А разве это нормально? Дарить цветы незнакомому человеку!.. Может, он все время так делает. Заманивает тем самым к себе симпатичных девушек.

– Папа, я тебя не понимаю. Ведь ты же сам все время говорил, что мне необходимо побольше общаться с другими людьми.

– Да, но я не имел в виду незнакомцев.

– А он уже больше для меня не незнакомец, разве не так? Он подарил мне цветы и пригласил меня на свидание. Я сказала «да». Я думала, что ты будешь этому рад.

Это вообще-то ложь. Я знала, что он будет вести себя именно так, как он себя сейчас ведет, но я точно знаю, как его можно победить в споре. Он опускает взгляд вниз, на свои ноги.

– Я рад за тебя. Просто после того случая я, видишь ли, не хочу, чтобы кто-то причинил тебе боль.

– Каллум был психически неадекватным ублюдком.

– Джесс.

– Да-да, именно таким он и был! И я с тех пор уже сильно повзрослела, а потому, разумеется, не собираюсь совершать ту же ошибку еще раз.

– Но откуда тебе известно, что этот парень не окажется таким же?

– Это мне еще неизвестно, но он подарил мне цветы, что является очень даже хорошим началом, и, если он мне не понравится в среду, я его больше никогда не увижу. Все просто.

Папа кивает. Я знаю, что он изо всех сил старается выступать в роли обоих родителей в одном лице. Но мне очень не хватает рядом с ним мамы, которая сказала бы ему, что пора позволить мне учиться на моих собственных ошибках.

– Хорошо. Я дам ему шанс. Как его зовут?

– Волан-де-Морт^[8].

Впервые за время разговора папа позволяет себе улыбнуться:

– В самом деле?

– Его зовут Ли, он работает заместителем директора в какой-то рекламной фирме в Лидсе. Больше я о нем ничего не знаю, но, если ты представишь мне свои вопросы завтра к полудню, я обязательно задам их во время ужина с ним. Договорились?

Я быстро выхожу из кухни и иду в свою комнату. Когда я возвращаюсь через десять минут, папа уже поставил цветы в вазу. Я улыбаюсь ему. Иногда он так сильно старается быть правильным, что мне становится аж неприятно.

Сейди Уорд → Джесс Маунт

2 минуты назад

Твой папа только что рассказал мне. Не могу поверить, что тебя не стало. Не могу поверить, что ты уже никогда больше не будешь меня смешить. Я очень, очень сожалею, что не смогла тебя спасти. Люблю тебя вечно. Спи с миром, Джесс.

Джесс

Понедельник, 11 января 2016 года

Я нахожусь в своей комнате, когда приходит это сообщение от Сейди. При этом я сначала вижу фотографию, сделанную еще в те времена, когда мы с Сейди ходили в начальную школу. Носки у меня обмотаны вокруг лодыжек, а волосы – растрепанные. Мы обе глуповато улыбаемся. В ответ на присланную Сейди фотографию я уже собираюсь написать СМС, но тут натыкаюсь на слова, которые она написала над этим снимком.

Я читаю их раз, другой, третий, чувствуя, что я что-то упускаю. Затем жду, не появится ли еще одно сообщение, в котором будет сказано, что это была шутка. Но больше сообщений не приходит. Я звоню Сейди.

- Почему ты написала только что мне эти слова?
- Что именно?
- Слова «спи с миром» в «Фейсбуке».
- По поводу Боуи?
- Нет, по поводу меня.
- Я ничего тебе не писала.

– Писала. В моей «Хронике». Две минуты назад. Там фотография, где мы с тобой в начальной школе, и слова о том, что ты не можешь поверить, что меня не стало, и что ты очень сожалеешь, что не смогла меня спасти. Ты тем самым как бы имела в виду, что я мертва.

– Зачем я стала бы это делать?

– Не знаю. Поэтому я тебе и позвонила.

– Честное слово, я ничего такого не писала.

– Зайди в «Фейсбук» – и увидишь.

– Хорошо. – Примерно на минуту на другом конце линии воцаряется молчание. – Там ничего нет, – говорит она. – Я не размещала никаких публикаций в «Фейсбуке» вот уже несколько часов. А еще я только что заглянула в твою «Хронику». Там тоже ничего нет.

Я снова смотрю на свой телефон и читаю ей вслух ее публикацию.

– Это какой-то бред. Я бы такого никогда не написала. Даже в качестве шутки.

Ниже публикации Сейди появляется комментарий от Адриана – моего коллеги по работе.

– Послушай, – говорю я, – Адриан только что написал следующее: «О-о, Джесс, так жаль тебя терять. Буду скучать по твоей улыбке и нашим с тобой шуткам. Спи с миром, конфетка».

– Наверное, кто-то взломал твой аккаунт, – говорит Сейди. – Я не удивлюсь, если это сделала Нина. Она, возможно, тайком брала твой телефон или что-то в этом роде.

– Но как так получается, что я это вижу, а ты – нет?

– Не знаю. Наверное, есть какой-то способ это сделать.

– Наверное, взломали и твой аккаунт, потому что публикация-то сделана с него.

– Измени пароль. Я свой тоже изменю. Тогда это вроде бы должно прекратиться.

– Хорошо. Я тебе чуть позже перезвоню.

Я захожу в свой аккаунт. Я плохо запоминаю пароли, поэтому мне приходится записать свой новый пароль сразу же после того, как я его устанавливаю. Я выхожу из «Фейсбука», а затем снова захожу в него и смотрю на свою «Хронику». Там сейчас под этой странной публикацией Сейди уже одиннадцать комментариев, причем парочку из них поместили люди, которых я не видела аж с тех пор, как окончила школу, и с которыми не пересекалась в «Фейсбуке» уже давным-давно. Я понятия не имею, почему все это происходит, но собираюсь положить этому конец прямо сейчас. Я начинаю печатать: «Ха-ха-ха, очень смешно. Сообщения о моей

смерти сильно преувеличены» (насколько я помню, такая фраза фигурировала в какой-то книге или пьесе или где-то еще). Пытаюсь разместить эти слова в качестве публикации. Они не появляются. Я пытаюсь сделать это снова. Опять безрезультатно. Я ничего не понимаю. Не понимаю, что происходит. Снова звоню Сейди.

– Я изменила пароль, но эта публикация все еще там. Куча народу поместила свои комментарии, а у меня это сделать не получается. Программа мне этого не позволяет?

– Может, там какой-нибудь вирус или что-то в этом роде?

– А ты уверена, что не можешь этого видеть?

– Абсолютно.

– Я не понимаю, как такое вообще может быть.

– Это, наверное, шалит какой-нибудь тринадцатилетний хакер, которому надоело делать домашнюю работу по математике и который решил поразвлечься такими вот пакостями.

Я вздыхаю и качаю головой:

– И что, по-твоему, мне теперь следует делать?

– Просканируй на вирусы. Это, наверное, поможет. Кстати, если этого не может видеть никто, кроме тебя, то тогда, получается, никакого вреда нет?

– Но ведь люди начали писать комментарии – значит, они это видят? Что, если они подумают, будто я и в самом деле мертва?

– Ну, Адриан первым делом наверняка прислал бы какое-нибудь сообщение мне...

– Думаю, да. Адриан – милашка. Меня вообще-то тронуло за душу, что он написал такой грустный комментарий. Хотя мне понятно, что это очень глупо... Но все то, что люди написали в своих комментариях, – продолжаю я, – весьма похоже на то, что они и в самом деле написали бы.

– Ну, никто не стал бы писать, что он рад тому, что ты откинула коньки, разве не так? В тех случаях, когда кто-то умирает, все всегда говорят и пишут примерно одно и то же.

– Адриан назвал меня в своем комментарии «конфеткой». Как кто-то мог узнать, что он и в самом деле меня так называет?

– Может, потому, что он вообще всех в «Фейсбуке» называет конфеткой? Наверное, существует какой-то алгоритм, который позволяет определить, какие слова люди используют чаще всего.

– А может, ты была права насчет Нины, а? Может, она действительно имеет к этому какое-то отношение?

– Причина для этого у нее, наверное, есть, но я не уверена, что она

достаточно умна и образованна для подобных дел.

– Но кто же еще тогда может желать мне зла, а?

– Никто не желает тебе зла, Джесс.

– А Каллум?

– У него тоже явно не семь пядей во лбу.

– Почему ты мне *в то время* об этом не говорила?

– Потому что ты не стала бы меня слушать. Как бы там ни было, почему бы тебе не поговорить с Ниной утром и не послушать, *что* она тебе скажет? И перестань переживать. Ты ведь очень даже жива. Хорошо?

– Да.

На другом конце линии воцарилась тишина. И у меня возникло ощущение, что я знаю, *что* Сейди скажет дальше.

– С тобой все в порядке, да? Я имею в виду, что ты сказала бы, если бы...

– У меня все прекрасно.

– И ты сказала бы мне, если бы это было не так?

– Ты и сама знаешь, что сказала бы.

– Хорошо. А сейчас выключи свой телефон, просканируй свой лэптоп на вирусы, удали все, что будет выявлено, – и тогда я буду готова поспорить, что, когда ты заглянешь туда утром, там ничего не будет.

– Хорошо. Спасибо. Увидимся завтра.

Я откладываю телефон в сторону и открываю свой лэптоп. Возможно, в нем я ничего такого и не увижу. Возможно, такие фокусы – только в моем телефоне. Я щелкаю на иконке «Фейсбука» и просматриваю подряд все публикации за последнюю пару часов. Ничего. Ту фотографию я здесь не нахожу. Я щелкаю на своей «Хронике», чтобы перепроверить. И сразу же появляется публикация Сейди. Ниже уже целая куча комментариев. Люди спрашивают, что случилось. Публикации в моей «Хронике» стали размещать и другие люди: Жюль, вместе с которым я училась в колледже, Тарик, вместе с которым я работаю, парочка маминых друзей... Все они пишут одно и то же: что они шокированы, что они не могут поверить, что меня больше нет, и что это слишком много горя для одной семьи.

Я вытираю слезы, побежавшие у меня по щекам, и говорю себе не быть такой глупой. Если все это происходит из-за вируса, то проказник, который его создал, явно не задумывается над тем, как тяжело людям, потерявшим близкого и дорогого им человека. Сейди, возможно, права: это, видимо, какой-то подросток, который очень сильно заскучал и решил подобным образом себя развеселить. Мне не следует принимать это близко к сердцу.

Я слышу голоса из телевизора, доносящиеся из-под лестницы. Показывают, похоже, не футбол, а какую-то телепрограмму, посвященную кулинарии. Папа смотрит по телевизору либо футбол, либо такие вот программы. Я раздумываю над тем, не присоединиться ли к нему, чтобы как-то развеяться. Усесться уютненько вдвоем на диване, как мы раньше это делали. Ему понравится. Он всегда говорит, что мы проводим вместе слишком мало времени. В конце концов я решаю этого не делать. Он, возможно, заметит, что мне как-то не по себе, и спросит, что случилось. Или же снова начнет расспрашивать меня про Ли.

Я надеваю наушники, подключаю их к своему телефону и включаю воспроизведение первой песни в меню. Но у меня не получается отогнать от себя мысли о той публикации. Мне вдруг вспоминается мужчина, трогавший меня за задницу на вокзале. А может, он компьютерный фанат, который решил оторваться на мне за то, что я сегодня утром его публично унизила? Может, он каким-то образом умудрился найти мою фотографию и разыскать меня в интернете?

Я снимаю наушники и бросаю телефон на кровать. Потом встаю, подхожу к ноутбуку и запускаю сканирование на вирусы. Я оставляю ноутбук в таком состоянии на всю ночь, надеясь, что к утру вся эта ерунда исчезнет.

Джо Маунт

12 июля 2017 г. Митолройд, Великобритания

Я со сжимающимся от горя сердцем сообщаю, что моя любимая дочь Джесс погибла вчера в результате несчастного случая. Я потерял мою маленькую девочку, и у меня нет слов, чтобы выразить, как много она для меня значила. Единственным утешением для меня служит уверенность в том, что она окажется рядом с ее мамой и что Дебора позаботится о ней. Спи с миром, прекрасная девочка.

Джесс

Вторник, 12 января 2016 года

Я умерла в результате несчастного случая. Я крепко зажмуриваюсь и затем снова открываю глаза – просто чтобы убедиться, что не сплю. Слова

передо мной на экране остаются такими же. Меня охватывает озноб. Проверка ноутбука на вирусы прошедшей ночью выдала однозначный результат: «Вирусы не обнаружены». Возможно, это единственный случай, когда это сообщение вызвало разочарование. Потому что если это не вирус, то что же, черт возьми, это тогда такое? Я уже собираюсь позвонить Сейди, когда до меня вдруг доходит, что в этом нет никакого смысла: она все равно не сможет этого увидеть. Мне придется показать ей эти публикации, когда мы будем ехать в поезде. И она увидит, что я ничего не выдумываю.

Я снова читаю «папины» слова, и у меня на глаза наворачиваются слезы. Мне кажется, он выразился бы именно так, если бы я погибла на самом деле. Перед мысленным взором встает картина, как папа сидит и нажимает двумя пальцами клавиши на своей клавиатуре (он никогда не размещает публикации в «Фейсбуке» через телефон: говорит, что его пальцы слишком большие для телефонных кнопок и что его раздражает предугадывание набираемых слов). Глаза у него красные. Какой-то скомканный лоскут торчит из кармана его любимого серого кардигана, который мама подарила ему на Рождество перед тем, как умерла. Эти публикации вполне реалистичны, даже слишком реалистичны, как по мне. И это мне очень не нравится. Они не кажутся случайными. Непохоже, что какой-то рыскающий по интернету хакер натолкнулся на меня совершенно случайно. Такое ощущение, что тот, кто делает это, выбрал своей целью именно меня осознанно.

И тут, когда я читаю папину публикацию в третий раз, я обращаю внимание на фигурирующую над ней дату: 12 июля 2017 года. Я таращусь на нее довольно долго, а мой мозг в это время пытается «переварить» то, что видят мои глаза. Как кто-то может менять даты в «Фейсбуке»? До этой даты ведь еще восемнадцать месяцев. Ровно восемнадцать месяцев! Я перемещаюсь по страничке до публикаций, появившихся вчера вечером. Когда я читала их, над ними были отметки «2 минуты назад» или «1 час назад». Сейчас же над публикацией Сейди написано «11 июля 2017 года». Мое дыхание становится быстрым и неглубоким. Я набираю в поисковике «Гугл»: «Как изменить даты в Фейсбуке». На меня накатывается волна облегчения, когда я вижу, что вообще-то это возможно. Я читаю, что даты публикаций можно менять в диапазоне прошлого аж до 1 января 1905 года. Однако, читая дальше, я узнаю, что датировать публикацию каким-нибудь днем из будущего невозможно. Никак невозможно.

Кто-то очень сильно пудрит мне мозги. Наверное, это какой-то парень, с которым я ходила в школу, который знает, какие события происходили в моей жизни, и который забавляется, донимая меня таким вот способом.

Под папиной публикацией уже появилось несколько комментариев. Один из них – от моей двоюродной сестры Конни, живущей в Италии. Она в конце своей публикации разместила душещипательную идеограмму. Есть также комментарий от повара из ресторана, в котором работает папа: повар этот выражает свое глубокое сожаление по поводу папиной утраты.

Никто не поинтересовался, что же это был за несчастный случай. Меня, возможно, переехал автобус. Именно такой нелепый случай мог произойти с такой рассеянной недотепой, как я. Я же все время плююсь в свой мобильный телефон. Я ловлю себя на мысленной надежде на то, что смерть моя не была неприглядной, что людям не пришлось соскребать с асфальта мои остатки. Мне бы это не понравилось. Очень даже не понравилось.

Я не собираюсь позволять доставать меня подобным образом кому бы то ни было. Я сообщу об этом менеджерам «Фейсбука», и пусть они выяснят, кто все это вытворяет, и блокируют их. Или же примут какие-то другие меры. Они могут даже обратиться в полицию, если сочтут нужным, или, по крайней мере, пригрозить это сделать. Я просто хочу, чтобы это безобразие прекратилось.

Я надеваю свой домашний халат. Он представляет собой огромное пурпурное пушистое одеяние. Сейди говорит, что я в нем выгляжу как персонаж из мультфильма «Корпорация монстров». Я иду через лестничную площадку в ванную. До меня доносятся звуки движений папы внизу, на кухне. Я пытаюсь выкинуть из головы появившуюся перед моим мысленным взором сцену: он сидит за своим ноутбуком и плачет.

Обычно, когда я пользуюсь душем после папы, я делаю воду менее горячей. Он любит принимать очень горячий душ, а я – нет (он и чай пьет очень горячий, а я – нет). Но сегодня я оставляю воду такой, какая она есть, надеясь, что, может, хоть это заставит мой мозг отвлечься от происходящего – пусть и за счет ощущения жжения от бьющей по телу очень горячей воды. Когда я выхожу из душа, кожа у меня покрасневшая куда больше, чем обычно. Я снимаю свое полотенце с сушителя и заворачиваюсь в него. Это один из тех моментов, в которые я всегда вспоминаю маму – вспоминаю, как она вытирала меня насухо после купания в ванне, когда я была ребенком, и пела мне при этом дурацкие песенки восьмидесятых годов.

К тому времени, когда спускаюсь в кухню, папа, как я подозреваю, пьет уже третью чашку кофе за сегодняшний день. Он улыбается, подходит ко мне и целует меня в лоб. Иногда в подобных случаях я отстраняюсь и напоминаю ему, что мне уже давно не семь лет. Сегодня я ничего не

говорю, а просто слегка улыбаюсь ему в ответ. Я знаю, что он наверняка еще не заходил в «Фейсбук». Он даже не включает свой мобильный телефон, пока не идет на работу. Впрочем, я уверена, что он не сможет увидеть те публикации. И это для меня – большое облегчение.

– У тебя все в порядке? – спрашивает он.

– Да, хотя спала я не очень хорошо.

– Тебе было холодно? Я дам тебе еще одно одеяло, если хочешь.

– Не надо. Я просто очень долго не могла заснуть.

Он кивает. Я замечаю цветы, стоящие на том же месте на столе, что и вчера вечером. Из-за этих странных событий я почти забыла про Ли.

– Сегодня вечером, наверное, пораньше ляжешь спать, чтобы хорошенько выспаться перед своим грандиозным свиданием, – говорит папа, принося мою кружку и ставя ее передо мной.

– Это вовсе не грандиозное свидание, – говорю я.

– А что же это тогда?

– Прием пищи – только и всего.

– Понятно, – говорит он, подмигивая.

Я опускаю взгляд: я не могу даже смотреть ему в глаза, не думая об этом – о том, каково ему придется, если я умру.

Я, как обычно, встречаюсь с Сейди на платформе. Мы не всегда работаем в одну и ту же смену, но, если график составляет Крис или Лиз, то они оба пытаются сделать так, чтобы мы с Сейди оказались в одной смене. Когда мы с ней учились в средней школе, над нами частенько подшучивали. Учитель английского языка называл нас Джессейди, потому что, как он говорил, мы были неразлучными, как сиамские близнецы. Впрочем, я всегда предпочитала иметь только одну хорошую подругу, чем быть частью какой-нибудь большой компании друзей. Или тройки. Три подруги – это в школе очень даже неудобно, потому что непонятно, с кем же из двух подруг сидеть за одной партой.

– Они разместили публикацию и от лица моего папы тоже, – сообщаю я, засовывая руку в карман, чтобы достать телефон. – В ней говорится, что я погибла в результате несчастного случая. А еще они поставили такую дату, как будто эта публикация размещена в следующем году.

– Каким образом они могли такое сделать? – спрашивает Сейди.

– Если верить «Гуглу», то такое невозможно, – отвечаю я, щелкая на иконке «Фейсбука» и переходя к своей «Хронике». – Это-то меня и нервирует. Сканирование на вирусы никаких вирусов не выявило. Кто-то делает это умышленно.

– Покажи мне. Я у себя по-прежнему ничего не вижу.

Я не отвечаю, потому что смотрю на свою «Хронику» и вижу, что там все вернулось в нормальное состояние. *Тех* публикаций в ней больше нет. Я прокручиваю страничку вверх и вниз и не нахожу их. Держа телефон в руке, я смотрю на Сейди.

– Они исчезли.

– Хорошо. Может, чтобы изменение пароля возымело свой эффект, как раз и нужно столько времени.

– Но они были там совсем недавно – перед тем, как я вышла из дому. Я проверила, потому что хотела показать тебе.

Сейди смотрит на меня. Я почти слышу, как она подбирает в уме правильные слова, прежде чем произнести их вслух.

– Ну, их, по крайней мере, уже нет – это главное.

– Мне хотелось, чтобы ты на них посмотрела!

– Я верю тебе, Джесс. Но сейчас это не так уж и важно, правда? Их больше нет, а это как раз то, чего ты хотела.

– Да. Думаю, да.

– А ты ведь можешь написать письмо в «Фейсбук»? Они, наверное, смогут сообщить тебе, был твой аккаунт взломан или нет.

– Но у меня нет никаких подтверждений! Это будет всего лишь мое голословное заявление о том, что у меня на страничке появлялись какие-то странные публикации, которых теперь уже нет. Раз их уже нет, то в «Фейсбуке» вряд ли станут утруждать себя расследованием данного инцидента.

– Думаю, не станут. Как я уже говорила, это скорее всего какой-нибудь прыщавый тринадцатилетний подросток из Гонконга, который не смог придумать себе более интересного занятия.

Я слышу свист на железнодорожных путях и через пару секунд вижу приближающийся поезд. Сейди права. Мне следует забыть о том, что произошло, – я это понимаю. Но что-то холодное внутри меня не позволяет мне этого сделать. Кто-то совершил поступок, прекрасно понимая, как сильно он меня расстроит. И я не могу оставить это без внимания.

Нина сегодня снова работает вместе со всеми остальными – нами, плебеями – в группе приема клиентов. «Группа приема клиентов» – это очень громкое название для тех, кто снует туда-сюда по кинозалам с пиццами и гамбургерами (более вкусными и более дорогими, потому что в них есть халлуми^[9]). Это, по-моему, вроде того, как мусорщиков теперь называют работниками по уборке бытовых отходов, а деревообработку и металлообработку – работой со стойкими материалами в школе. У всех и у всего в наше время должно быть звучное название.

– Ага, сегодня уже без цветов, – говорит Нина, когда я прохожу мимо нее в коридоре.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее, пытаюсь понять, является ли ухмылка на ее лице ухмылкой человека, чувствующего свою вину.

– Ты ковырялась в моем телефоне? – спрашиваю я.

– Это еще что за вопрос?

– Вопрос, на который я хочу получить ответ. Ты проявляла большой интерес к тому, кто подарил мне вчера цветы.

– Ты в самом деле думаешь, что это интересовало меня настолько, что я стала бы ковыряться в твоих контактах в поисках твоего предполагаемого ухажера?

– Может, тебе захотелось зайти на мою страницу в «Фейсбуке».

– Зачем я стала бы это делать?

– Не знаю. Сама скажи мне. Некоторые люди такое делают.

– Ну, тогда я не из их числа. Меня твоя личная жизнь не интересует. И я предлагаю тебе... – говорит она, выставляя указательный палец в сторону моего лица, – не разбрасываться подобными обвинениями.

Я смотрю на нее, пытаюсь понять, говорит ли она правду. Ее крашенные светлые волосы стянуты в хвостик на затылке. При этом кажется, что все ее лицо стянуто к затылку вместе с волосами. У нее одно из тех противных и отчужденных лиц, которые встречаются на фотоснимках подозреваемых в объявлениях «Их разыскивает полиция». Однако, несмотря на ухмылку на устах Нины, я очень сомневаюсь, что у нее хватило бы ума и знаний на то, чтобы взломать мой аккаунт.

– Ну хорошо, давай на этом и разойдемся, – говорю я, уходя прочь.

Я слышу, как за моей спиной она громко цокнула и тихонько ругнулась, но решаю проигнорировать это. Я иду в комнату для персонала, чтобы сделать себе чай, беру чайник, трясую его из стороны в сторону, чтобы понять, есть ли в нем вода, и затем нажимаю на нем на кнопку. Кроме меня, в комнате никого нет. Я знаю, что мне не следует делать этого, но не могу сдержаться: достаю из сумки телефон и захожу на свою страницу в «Фейсбуке».

Те публикации появились снова, и под ними еще больше комментариев: теперь их уже десятки. Целая куча грустных идеограмм и пожеланий упокоиться с миром. Мои пальцы с силой сжимают телефон. Я ничего не понимаю. Этот хакер каким-то образом узнал мой новый пароль? Я захожу в настройки аккаунта и снова меняю пароль. Затем проверяю, не исчезли ли эти публикации, и вижу, что нет. И даты на них – из июля следующего года.

Вода в чайнике уже вскипела, но мне теперь уже не до чая. Я выхожу из комнаты и ищу Сейди.

– Вот, смотри, – говорю я ей, заходя на кухню, где она сортирует пакеты с кетчупом и горчицей. – Они появились снова.

Я едва ли не тыкаю ей дисплеем своего телефона в лицо. Она делает шаг назад, смотрит на телефон, а затем, нахмурившись, переводит взгляд на меня.

– Чокнуться можно, правда? – говорю я.

– Там ничего нет, – тихо говорит она.

Я поворачиваю телефон дисплеем к себе и смотрю на него. Она права. На моей страничке в «Фейсбуке» – лишь моя обычная хроника. Никаких пожеланий упокоиться с миром не видно.

– Я не понимаю! – кричу я. – Они были там минуту назад – когда я находилась в комнате для персонала. Я проверяла.

Сейди смотрит таким взглядом, каким всегда смотрела на меня в тех случаях, когда у меня, как считалось, бывали проблемы с психикой. Взглядом, который говорит: «Я вовсе не хочу тебя обижать, но мне кажется, ты тут что-то путаешь».

– Может, забыть об этом хотя бы на некоторое время, а?

– Я знаю, что это какая-то ерунда, но у меня складывается впечатление, что только я одна и могу их видеть.

Сейди медленно кивает:

– Как я уже сказала – наверное, лучше перестать все время проверять, есть они там или нет.

– Да, – говорю я, кладя телефон себе в карман. – Ты права.

Она улыбается мне, но даже Сейди, у которой большой опыт по части подобных штук, не может скрыть за своей улыбкой охватившее ее беспокойство. Она снова начинает сортировать пакеты с кетчупом и горчицей.

– Эй, – говорю я, – я тебе помогу. Передай мне кетчупы.

Сейди Уорд → Джесс Маунт

12 июля 2017 г. в 20: 37

Я все еще надеюсь увидеть здесь одну из твоих публикаций. Я вижу твои имя и фамилию и думаю, что ты вот-вот разместишь какую-нибудь дурацкую и смешную публикацию, но этого, конечно же, не происходит. Я

вижу лишь то, как кто-то пишет о своем сожалении по поводу твоей кончины. Досадно, но ты, я думаю, никогда даже понятия не имела, как много людей тебя любят. Я знаю, что ты иногда вела себя как задиристая нахалка, но в действительности – в глубине души – ты такой не была. Ты была такой же уязвимой, как все мы, каждый из нас. Думаю, даже в большей степени, чем все остальные. Вот почему ты так сильно запала на Ли. Тебе словно не верилось, что кто-то может тебя по-настоящему полюбить. Мне жаль, что ты не знала, что люди вообще-то тебя любят. Взгляни на все это сейчас, Джесс Маунт. Взгляни на всех этих людей, выстроившихся в очередь для того, чтобы сказать, как сильно они тебя любили. Людей, которые убиты горем из-за того, что ты погибла. Это вообще-то нелепо – не так ли? – что люди не говорят тебе таких слов до тех пор, пока ты не умрешь. Даже Нина у нас на работе заплакала, когда узнала о твоей кончине, а ты ведь думала, что она тебя всей душой ненавидит. И я люблю тебя, Джесс. Мы все тебя любим и безумно по тебе скучаем. И не переживай за «Г». Я обещаю тебе, что найду способ о нем позаботиться.

Джесс

Вторник, 12 января 2016 года

Я прочла публикацию Сейди несколько раз. И комментарии. Люди выражают ей сочувствие. Пишут ей, что нужно быть сильной. Сокрушаются по поводу того, в каком отчаянии, должно быть, пребывает Ли. И все переживают за «Г».

Я читаю это, лежа на своей кровати, но голова у меня кружится так, будто я кручусь на карусели, что на рыночной площади, и меня бросает то вверх, то вниз. Внутри моего мозга роятся, рикошета от стенок черепа, бесчисленные мысли. Я говорю себе, что все это – полнейшая чушь, но какая-то малюсенькая часть меня не хочет этому верить. Какая-то малюсенькая часть, которая не может не испытывать нелепого волнения при мысли о том, что через восемнадцать месяцев я все еще буду встречаться с Ли. А это означает, что я дважды дура, ведь если я не верю в то, что все это – чушь, значит к тому моменту я буду уже мертва, а потому будет у меня ухажер или нет – становится не так уж и важно.

Самое странное заключается в том, что тот, кто вот так измывается надо мной, знает о моем знакомстве с Ли, при том что я не вхожу в число его друзей по «Фейсбуку», да и видела я его только один раз – два дня

назад в течение всего пяти минут. А люди, которые шлют Ли свои соболезнования, даже не знают, что он в моей жизни существует.

Я сажусь на кровати, словно бы надеясь, что если приму вертикальное положение, то мир вокруг меня перестанет вертеться. Однако вместо этого мне начинает казаться, что я стою на краю крутящейся карусели, мои ноги дрожат, и я уверена, что вот-вот свалюсь с карусели. А среди атакующих меня вопросов, каждый из которых пытается привлечь мое внимание к себе, выделяется следующий: кто такой «Г»? Люди выражают ему свою симпатию, а Сейди написала мне, что найдет способ о нем позаботиться, однако я не имею ни малейшего понятия, кто он такой, этот «Г». Единственное, что приходит мне в голову, так это парень из поп-группы «Степс», которого звали Йен «Г» Уоткинс, но я абсолютно уверена, что он не имеет ко всему этому никакого отношения. Может быть, я возьму себе котенка и назову его «Г»? Вообще-то, я хочу завести маленькую кошечку, причем обязательно полосатую, но если я это сделаю, то назову ее Минервой в честь профессора Минервы Макгонагалл из романов и фильмов про Гарри Поттера. Я точно не стану называть ее «Г».

Что еще я никак не могу понять – так это то, почему даты этих публикаций по-прежнему относятся к будущему, которое наступит через восемнадцать месяцев. Может, тот, кто это делает, хочет, чтобы я думала, что меня ждет такое будущее? Он хочет изобразить из себя зловещего предсказателя и убедить меня, что жить мне осталось только восемнадцать месяцев? Это в социальных сетях такой себе эквивалент утыканной сотней иголок куклы вуду, обнаруженной рядом с тикающими часами в своей комнате. Неудивительно, что это меня так сильно раздражает. Я хочу остановить все это, но не знаю, что мне для этого нужно делать. Звонить Сейди – бессмысленно. Она и так уже переживает за меня, я знаю, и мне не хочется усугублять ее переживания. Не могу я показать эти публикации и папе со словами: «Послушай, ты ведь осознаешь, что ты так до сих пор еще не оправился после смерти своей жены. Так вот, кто-то утверждает, что через восемнадцать месяцев умру и я». Это явно не подходящий вариант моих действий. И в полицию я не могу обратиться, потому что они не смогут ничего увидеть. У меня нет доказательств. А если полицейские все-таки решили бы провести расследование, они узнали бы о том, что происходило раньше в моей жизни, и сочли бы, что я чокнутая.

Я вздыхаю и кладу голову на стол. Вообще-то я не стала бы злиться на полицейских. Вся эта история – абсолютно неправдоподобная. Я вздыхаю и... резко выпрямляюсь, удивляясь, что не подумала об этом раньше. Проверяю свой лэптоп, чтобы убедиться, что эти публикации все еще там,

и делаю скриншот. Я при этом слегка улыбаюсь – так, будто уличила кого-то, а он об этом еще не знает. Но уже через несколько секунд, когда я проверяю скриншот и вижу на нем лишь свою обычную «Хронику», которую может видеть кто угодно, улыбка эта исчезает. В животе у меня что-то сжимается. Я проделываю операцию еще раз, но получается то же самое. Даже если есть какой-то способ взломать мой аккаунт и разместить на нем подобные публикации, то это не может, не должно помешать запечатлеться этим публикациям на скриншоте.

Мне приходит в голову еще одна идея. Я беру свой телефон и фотографирую экран ноутбука. При этом я – на всякий случай – делаю три фотографии подряд. Однако когда я проверяю эти снимки, они оказываются фотографиями моей «Хроники» в ее нормальном состоянии – то есть такой, какой сейчас вообще-то нет на этом чертовом экране. Меня аж всю трясоти начинаешь, и я кладу ноутбук на пол.

Я снова ложусь на кровать. Возможно, Сейди права, возможно, у меня начинаются проблемы с психикой. Может, я – единственный человек, который видит эти публикации, по той простой причине, что они существуют только в моей голове. А нам всем известно, *на что* способна моя голова. Может, теперь это просто проявляется иначе, поэтому я и не узнала это сразу. Что ж, звучит вполне правдоподобно, если подумать. Выходит, если ты когда-то чудил каким-то одним способом, а потом заставил себя это прекратить делать, то ты можешь найти другой способ чудить, чтобы обдурить свою систему внутреннего контроля. Но если это мой мозг подшучивает надо мной, то делает он это очень даже искусно. Только я не уверена, что достаточно умна для того, чтобы мой мозг смог такое отчебучить. Фыркнув, я начинаю смеяться. Забавно, но все вроде сходится, если предположить, что я просто схожу с ума.

Когда-то я слышала о людях, у которых белые кровяные клетки атакуют здоровые клетки. Может, я каким-то образом запрограммирована на нечто подобное? Может, я так привыкла пребывать в подавленном настроении, что уничтожаю признаки счастья, едва они появляются?

Я открываю глаза и с удивлением понимаю, что в какой-то момент ночи мне все-таки удалось заснуть. Тянусь к своему телефону. Там еще больше публикаций, еще больше комментариев. Еще больше горя, увидеть которое могу только я. Если я и в самом деле что-то вижу, а не выдумываю.

Свой приход на кухню я рассчитываю так, чтобы папа понял: времени на завтрак у меня нет. Сидя за столом, он поднимает на меня взгляд.

– Там есть банан, – кивает он в сторону рабочего кухонного стола.

– Я не голодна, спасибо, – говорю я.

– Тебе надо бы что-нибудь съесть.
– Нет, мне есть совсем не хочется.
– Бережешь себя для своего грандиозного свидания сегодня вечером, да?

– Да, что-то вроде того.

Папа продолжает смотреть на меня.

– Уже слишком поздно давать ему отбой, – говорит он. – Если у тебя есть на этот счет какие-то задние мысли. Впрочем, твоя мама не явилась на наше первое свидание. Я тебе про это рассказывал?

– У меня нет задних мыслей, – говорю я. – А про ваше с мамой первое свидание вы оба рассказывали мне много раз. – Я смотрю ему в глаза, а затем опускаю взгляд на свои ноги. – Ну да ладно, мне уже пора идти, иначе я опоздаю на поезд. Не сиди и не жди меня вечером, хорошо?

– Желаю хорошо развлечься. И будь осторожной.

Я киваю и открываю дверь. Когда я прохожу снаружи дома возле окна кухни, я вижу, что папа все еще сидит за кухонным столом и смотрит на цветы.

Я переодеваюсь в туалете сразу после окончания рабочего дня. Я понятия не имею, что нужно надевать, когда идешь в модный бар на свидание с заместителем директора, а потому взяла с собой свое любимое классическое платье и теперь натягиваю его на себя, пытаюсь при этом избавиться от мокрого куска туалетной бумаги, прилипшего к моему ботинку. Я подумала, что даже если я надену что-то «не то», эта одежда должна быть, по крайней мере, для меня привычной – такой, в которой я чувствую себя комфортно и про которую, кроме того, все говорят, что она мне к лицу. Я выхожу из кабинки и смотрю на себя в зеркало. Верхняя часть выглядит вполне нормально. Если бы зеркало могло говорить, как в сказке про Белоснежку, оно, наверное, сказало бы: «Не знаю, правильно ли было надевать пурпурные колготки и ботинки “ДМ”, милая», – но, к счастью, мы живем в мире, в котором зеркала не могут разговаривать, а потому мне грозят издевательства.

Я подвожу глаза карандашом толще, чем обычно, наношу на веки мерцающие медные тени, а на ресницы – двойной слой туши. Еще немного бальзама для губ – и я готова. Мама частенько говаривала, что ни глаза, ни губы в украшении не нуждаются. Я завожу волосы за ухо с одной стороны головы и взъерошиваю их с другой. Положительный момент придания своему облику некоторой небрежности заключается в том, что мои волосы, похоже, очень даже для этого подходят.

Когда я выхожу из туалета, мне навстречу идет Адриан с пылесосом

«Генри» в руках.

– Ты сегодня вечером выглядишь особенно шикарно, конфетка, – говорит он и улыбается мне.

Я тоже ему улыбаюсь, но не нахожусь что сказать в ответ. В памяти всплывает то, что он написал обо мне в «Фейсбуке».

– Значит, сегодня у тебя суперсвидание? – спрашивает он.

– А ты откуда об этом знаешь?

– У стен в этом заведении есть уши, – говорит он. – А у некоторых людей – очень длинный язык.

Я качаю головой. Ему, несомненно, рассказала Нина.

– Могу сказать, что этому парню – кем бы он ни был – крупно повезло.

– Спасибо. Ну ладно, мне, пожалуй, не стоит заставлять его долго ждать.

– Немножко опоздай, милая, – говорит Адриан через плечо. – Всегда немножко опаздывай, чтобы люди замечали твое появление.

Я улыбаюсь и иду прочь. Я все еще сомневаюсь, правильно ли сделала, надев пурпурные колготки.

Целый день я упорно не заглядывала в свой телефон. Я пообещала себе, что не буду этого делать. Но когда я уже еду на эскалаторе, моя рука тянется к телефону и одним движением – которое, я клянусь, было абсолютно произвольным – нажимаю на иконку «Фейсбука».

Это все равно что случайно попасть на чьи-то похороны. Все терзаются горем, хватаясь друг за друга в поисках поддержки и выражая соболезнования тем, кто был для усопшего самыми близкими и самыми дорогими людьми. В моем случае к ним, похоже, относится человек, с которым меня сейчас ждет первое свидание. Это все смахивает на какой-то странный фильм с перескоками во времени – фильм, в котором главная героиня знает, что она во второй серии умрет. На предстоящем свидании мне нужно быть осторожной, чтобы во время одной из неловких пауз, которые случаются в разговоре, сдуру не ляпнуть: «Кстати, все будут выражать свою скорбь по поводу того, что я умерла».

Я подхожу к «Ботанику». Фасад этого заведения оформлен кованым железом, уже слегка прихваченным ржавчиной. Я спускаюсь по ступенькам. Снаружи тоже есть столики, но сегодня вечером за ними никто не сидит. Ко мне, улыбаясь, плавно подходит официантка (которая, в отличие от меня, одета очень вычурно, и от нее не пахнет гамбургерами). Я поспешно окидываю помещение взглядом и замечаю Ли за столом в дальнем углу. Он одет в ту же самую куртку сливового цвета, но футболка под ней уже другая. У меня возникает подозрение, что он – один из тех

людей, которые хорошо выглядят во всем, что бы они ни надели.

– Здравствуйте, – говорит официантка.

Она вопросительно смотрит на меня, но у меня почему-то вылетело из головы, как зовут ожидающего меня парня.

– Здравствуйте. Я... э-э... вон с ним, – говорю я, показывая в сторону Ли.

Она кивает, искусно скрывая свое удивление по поводу того, что у такой девушки, как я, свидание с таким парнем, как Ли.

– Прекрасно. Пойдемте со мной.

Я делаю так, как мне сказали. Ли поднимает взгляд. Он улыбается мне, и – я клянусь – мне при этом кажется, что половина Лидса погружается в темноту: такую яркую улыбку можно снабдить надлежащей энергией разве что за счет всей энергосистемы Великобритании.

– Привет, Джесс, – говорит Ли и, встав и наклонившись вперед, целует меня в щеку. – Выглядишь сногшибательно. Я очень рад, что ты смогла прийти.

Он разговаривает со мной, как со своей давнишней подругой, а не как с человеком, с которым он встретился впервые в жизни на вокзале лишь пару дней назад. Я быстренько сажусь за стол, отчаянно пытаюсь отогнать от себя мысли о том, как он горюет по поводу моей кончины.

– Спасибо, – говорю я. – Тут – не как на вокзале, где на ходу покупаешь себе какой-нибудь еды и бежишь на поезд.

– И, по крайней мере, рядом нет зачуханных пассажиров, – улыбается он.

– Да уж.

– Тебе часто приходится совершать такие вот поездки?

– Да, довольно часто.

– Там, на вокзале, как ты сказала, полно всяких придурков.

– Козлов.

– Что?

– Я сказала, что там полно всяких козлов. Да и в Лидсе их, похоже, тоже полно.

– Ну да, и я польщен, что ты сочла, что я – не козел.

Говоря это, он улыбается. Я уже собираюсь сказать, что к концу этого вечера, возможно, изменю свое мнение, но затем передумываю. Официантка возвращается и спрашивает, чего нам хотелось бы выпить. Я бросаю взгляд на лежащее на столе меню, в котором фигурируют коктейли, названий которых я никогда не слышала. Ли выжидающе смотрит на меня.

– Выбирай ты, – говорю я. – Мне подойдет что угодно.

Он поднимает бровь. Я впервые замечаю, какие у него потрясающие брови – темные, широкие и очень красивой формы для мужчины.

– Нам, пожалуйста, коктейль «Коллинс» с лимоном и жасмином, – говорит он официантке.

Та кивает. Он улыбается ей, но не сально, без вожделения.

– Итак, – говорит он, когда официантка уходит, – где ты работаешь?

– В кинотеатре в торговом центре, – отвечаю я, показывая вверх, а затем резко опускаю руку вниз, когда до меня доходит, что это было нелепо. – Я – в группе приема клиентов, то есть я работаю как официантка, встречаю зрителей за стойкой дежурного администратора и все такое прочее.

– Тебе это нравится?

– Работа как работа, – пожимаю я плечами. – А еще у меня там есть возможность смотреть множество всяких фильмов. Ну, во всяком случае, отрывки из них.

– Им очень повезло, что у них есть ты.

– Ты можешь сказать это моему боссу, если хочешь.

– Знаешь, если они не очень тебя ценят, то мы вообще-то скоро дадим объявление, что нам требуется человек на ресепшен.

– Я не уверена, что подхожу для этой работы. Я ведь могу быть слишком прямолинейной и не стесняюсь в словах – как ты, возможно, заметил.

Ли снова улыбается:

– Нет, не заметил. В любом случае я не собираюсь превращать наш разговор в собеседование по поводу приема на работу. Этот вечер посвящен исключительно удовольствию.

Я слегка наклоняю голову, делая вид, что заглядываю в меню, – главным образом для того, чтобы скрыть, как зарделись мои щеки. Чего мне сейчас хотелось бы – так это гамбургер, но я подозреваю, что совсем не это станет заказывать в баре такой изысканный человек, как Ли.

– Может, закажем нам обоим подборку деликатесов? – спрашивает Ли, словно чувствуя мои сомнения. – Там много всяких, и мы сможем их сравнить.

– Годится.

– Но ты сама выбери холодную закуску.

– Хорошо. Это будут грибы с чесноком.

– Ты хочешь заставить меня держаться от тебя на расстоянии? – улыбается он.

– Нет. Мне просто не нравится, когда что-то подается на оловянной

тарелочке или на дощечке, и хотя я понятия не имею, что такое, к примеру, фигурирующий в меню соус «Пири-пири», мне не нравится уже само его название.

– Ты – прямо-таки дуновение свежего воздуха, – говорит Ли, наклоняясь ко мне.

– Прекрасно, – отвечаю я. – Впрочем, ты уже не скажешь этого после того, как я поем чеснока.

В нашем разговоре нет неловких пауз. Их нет на протяжении всего вечера. Мы разговариваем о многом: о том, где продаются самые лучшие пиццы в Лидсе, о том, какими дерьмовыми бывают фильмы, о том, что у меня нет парашюта, о том, что он не умеет толком ездить на мотоцикле. К тому времени, когда дело доходит до десерта, я уже думаю только о том, какими будут следующие восемнадцать месяцев моего общения с этим парнем. А еще – о том, что, если даже через восемнадцать месяцев я в самом деле умру, то, как мне кажется, я, по крайней мере, умру счастливой.

– Ну что, я по-прежнему не считаюсь козлом? – спрашивает Ли. – Или я оказался таким же ужасным, как и все остальные?

– Ты все еще не считаешься козлом, – говорю я с улыбкой. – А как насчет меня? Тебе не хочется забрать у меня свои цветы?

– Нет, можешь оставить их у себя, – говорит он. – Вот если бы ты весь вечер только и делала, что заглядывала в свой мобильный телефон, то я высказался бы прямо противоположно.

Я сглатываю, задаваясь на секунду вопросом, не знает ли он случайно, что со мной в последнее время происходит.

– Почему ты так говоришь?

– Просто я этого очень не люблю. Считаю, что это бестактно. Одна моя бывшая подруга все время заглядывала в свой мобильник. Это меня сильно раздражало.

– Я полагаю, ты встречался с ней недолго, да?

Прежде чем ответить, он пару секунд колеблется.

– Да, недолго. Она нарушила договоренность, которая была между нами.

– А что, если бы мне пришлось заглядывать в свой мобильный телефон по работе?

– Конечно, если ты врач по вызову или что-то в этом роде. Кому еще действительно нужно постоянно заглядывать в свой телефон? Этого не надо делать, во всяком случае в вечернее время. Большинство людей уж очень сильно интересуются тем, чем там занимаются другие люди, или же смотрят дурацкие видео в «Фейсбуке».

Я сжимаю ладони под столом и пытаюсь улыбнуться:

– Ну, тогда лучше не становись моим другом в «Фейсбуке». Я – из тех, кто делится со своими друзьями такими видео.

– «Фейсбук» постепенно отойдет. Я с него уже ушел. Сейчас вся молодежь уже в «Инстаграме». А в следующем году появится что-нибудь еще. Это как всегда и везде – все постоянно изменяется, движется вперед. И человеку приходится поспевать за этими изменениями.

– Ты сейчас похож на сотрудника рекламной компании, – говорю я.

– Извини, – усмехается он. – Да, мне не следовало говорить тебе всей этой ерунды, которая отнюдь не имеет первостепенного значения... Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Ну, тогда получается, что ты на десять лет моложе меня. Ты должна рассказать мне о себе – что ты за человек.

Я пожимаю плечами, пытаюсь скрыть свой шок, оттого что ему уже тридцать два, понимая, что мой папа придет в ужас, когда узнает об этом.

– Ну, я не иду вслед за толпой – люблю все делать по-своему. Люблю носить то, что мне хочется носить, делать то, что мне хочется делать, говорить то, что мне хочется говорить. И я не люблю следовать советам и рекомендациям других людей.

– Ты, получается, свободолюбивый человек, да?

– Мне просто не нравится, когда меня поучают.

– Я это уже заметил, – снова улыбается он.

Нам приносят заказанное нами большое мягкое пирожное из песочного теста, посыпанное шоколадной крошкой. К нему дают две ложечки. Ли передает одну ложку мне и ждет, чтобы я попробовала первой.

– Вкусно? – спрашивает он.

Я киваю, боясь что-либо говорить, потому как подозреваю, что все мои зубы в шоколаде.

Он берет свою ложку и тоже пробует.

– Супер, – говорит он.

– Всегда выбирай то, что ты выбрал бы, когда тебе было двенадцать лет от роду, – говорю я ему.

– Ты выбрала бы грибы с чесноком, когда тебе было двенадцать лет?

– Да. Мой папа – повар. Я привыкла к чесноку еще с тех пор, когда только начала ходить. Он говорил, что не хочет, чтобы я была одной из тех детей, которые не едят то, что едят их родители. Он наполовину итальянец, – добавляю я. – Это многое объясняет.

– Так что, у тебя знойная итальянская фамилия? – спрашивает Ли.

– Нет. Моя фамилия – Маунт. В школе моя фамилия считалась забавной. У папы итальянкой была мама, а не отец. Тем не менее у меня дурацкая фамилия.

– Но ты зато переняла у него средиземноморскую внешность.

– Только глаза. Все остальное – от мамы.

– Тогда она, должно быть, красивая женщина, – говорит Ли.

Я упираю взгляд в стол.

– Она умерла, – говорю я. – Семь лет назад. От рака. Но она и вправду была очень красивая. Во всех отношениях.

– Мне жаль, – говорит Ли.

– Ничего-ничего.

Я тянусь рукой к своему стакану, но он перехватывает мою ладонь.

– Я говорю искренне. Мне очень жаль. Я не знал. Тебе, по-видимому, было очень тяжело.

– Спасибо за сочувствие, – говорю я, пытаюсь удержать себя в руках. – Я пережила это – и это все, что я могу сказать. И все еще тоскую по ней.

– У тебя близкие отношения с отцом?

– Думаю, да. Я все еще живу вместе с ним. Смерть мамы стала для нас обоих тяжелым ударом.

Я больше не собираюсь говорить об этом. Меня удивляет, что я уже так много сказала. Обычно я не очень много о себе рассказываю – по крайней мере, людям, с которыми недавно познакомилась. Наверное, я сделала это потому, что знаю: он станет важным человеком в моей жизни. Во всяком случае, если верить моей страничке в «Фейсбуке».

– А твои родители? – спрашиваю я, желая сменить тему.

– Разведены, – говорит он. – Мама по-прежнему живет в Горсфорте, в пригороде Лидса, где я вырос. Я вижу с ней пару раз в неделю. Она готовит мне по воскресеньям жаркое.

– А папа?

Ли качает головой:

– Я его с тех пор почти не видел.

Мне хочется порасспрашивать его, но у меня возникает ощущение, что Ли не хочет об этом говорить. Я вдруг осознаю, что он все еще держит мою ладонь в своей. Мне это приятно. Мне кажется, что так и должно быть.

Он все еще держит мою ладонь в своей, когда мне вдруг приходит в голову посмотреть на часы.

– Вот черт!.. – говорю я. – Мне пора идти. Последний поезд домой – через десять минут.

– Если хочешь, я отправлю тебя на такси, – говорит Ли.

– Нет, не надо. Я поеду на поезде.

Ли просит принести счет и платит по нему наличными еще до того, как я успеваю предложить оплатить половину.

– Спасибо, – говорю я. – В следующий раз – моя очередь.

– Значит, ты думаешь, что будет следующий раз, да? – спрашивает Ли, поднимая брови.

– Да. Нужно по меньшей мере два свидания для того, чтобы разобраться, козел этот человек или нет. Иногда три. На первом свидании люди так стараются произвести впечатление, что им может даже удастся скрыть свою истинную сущность. На втором они обычно ведут себя менее осторожно и поэтому могут что-нибудь сболтнуть. Ну а на третьем они думают, что уже добились своего, и из них так и лезут всякие глупости.

– То есть весь процесс состоит из трех свиданий, да?

– Возможно. Хотя не каждый доходит до третьего свидания.

– Мне, получается, повезло, что мне удастся попасть на второе.

– Ну, это благодаря первому. Все, мне уже пора.

– Можно я пойду вместе с тобой на вокзал?

– Тебе придется со мной не идти, а бежать.

– Годится.

Он выходит вместе со мной на улицу, и я бросаюсь бежать. Секундой позже я чувствую, что он берет меня на бегу за руку.

– Ого! – говорит он. – Усэйн Болт^[10] тебя бы не догнал.

– Знаешь, нужно ввести новый олимпийский вид спорта – шестиминутный бег к поезду.

Мы бежим со всех ног по улице к железнодорожному вокзалу Лидса. Я чувствую, что из моего носа вот-вот потечет, и мысленно молю Бога о том, чтобы я не оказалась сопливой, если Ли попытается меня поцеловать. Мы подбегаем к турникету, и я засовываю руку в карман, чтобы достать билет.

– Если ты не найдешь его, то можешь переночевать у меня, – говорит он. – Моя квартира – как раз напротив платформы 17-би.

– Это что-то вроде Гарри Поттера. Тебе нужно пробежать сквозь стену, чтобы попасть в нее?

– К сожалению, нет. Мне приходится идти длинным окружным путем.

Я наконец нахожу свой билет и показываю его Ли.

– Извини, – говорю я.

– Ну что ж, тогда предложение действует и для следующего раза.

Он делает шаг вперед и целует меня в губы. И если у меня все-таки уже сопливый нос, то Ли слишком учтив для того, чтобы что-то сказать по этому поводу.

– Ну ладно, иди, – говорит он с улыбкой, отстраняясь от меня. – А то опоздаешь на поезд.

Я улыбаюсь, киваю и поспешно прохожу через турникет. Я бегу вверх по эскалатору и затем вниз по другому эскалатору. Поезд на Манчестер уже подъезжает к платформе.

В вагоне я нахожу для себя место возле окна. Мой телефон издает звуковой сигнал. Я достаю его из кармана и смотрю на пришедшее сообщение.

Я еще почти не знаю тебя, но у меня уже перехватывает дыхание. Х.

– Это был хороший вечер? – спрашивает папа, когда я прихожу домой. На часах – почти полночь. Я думала, что он к этому времени будет уже в постели.

– Да, классный. Спасибо. Выяснилось, что лорд Волан-де-Морт в реальной жизни весьма любезен.

Папа улыбается:

– А Ли? Мне бы он понравился?

– Да, – говорю я. – Я думаю, что да.

– Вот и хорошо. Я иду спать.

– Знаешь, тебе не нужно было меня дожидаться. Я уже большая девочка.

Папа оборачивается и смотрит на меня:

– Родители никогда не перестают переживать, Джесс. Это узнаешь, когда становишься родителем. Какими бы взрослыми ни были дети, их родители никогда не перестают за них переживать.

Джо Маунт

14 июля 2017 г. Митолройд, Великобритания

Для всех, кого это интересует, я размещу подробную информацию о предстоящих похоронах Джесс, как только все будет организовано. Нам придется подождать до того момента, когда коронер закончит расследование. Такое расследование, похоже, проводится всегда, когда кто-то умирает внезапной смертью. Спасибо всем за открытки с подбадривающими надписями и сообщения с соболезнованиями и хорошими словами в адрес Джесс. Ничто сейчас не может ослабить мою боль, но мне приятно осознавать, что вы все переживаете и что Джесс значила так много для такого большого числа людей.

Четверг, 14 января 2016 года

Меня радует, что моя смерть была внезапной. Мама как-то раз сказала мне, что ее самая сильная боль не была физической: больнее всего ей было видеть то, как страдаем мы, глядя на ее медленное и мучительное увядание. А вот при внезапной смерти все, по крайней мере, будут от этого избавлены. Им придется всего лишь пережить шок. Шок, который чувствуется, похоже, в каждом из комментариев, прочитанных мною до этого момента.

Я задумываюсь над тем, что же это мог быть за несчастный случай. Мне вспоминается, как однажды в начальной школе, когда мы делали рисунки, распыляя краски (при этом нужно было сильно дуть в распылитель), я, вместо того чтобы дунуть, втянула краску в себя. Краска была красной, и с учительницей едва не случился сердечный приступ, когда она повернулась и увидела, что у меня изо рта капает красная жидкость. Моя смерть будет представлять собой какую-нибудь нелепость вроде этой – в этом я очень даже уверена. Мне остается только надеяться, что об этом не напишут на моем надгробии. Не напишут что-то вроде: «Здесь лежит Джесс Маунт, умершая абсолютно дурацкой смертью».

Я сажусь в кровати и качаю головой, осознав, что терзаюсь по поводу какой-то чуши. Мне ведь понятно, что именно этого и хотят те, кто сейчас со мной так зло шутит. Но когда читаешь публикацию собственного отца по поводу приготовлений к твоим похоронам, очень трудно не отнестись к этому серьезно. Причем очень серьезно.

Мне приходит в голову, что это, возможно, был и не несчастный случай. Я могла покончить с собой. Совершить самоубийство. Может, именно поэтому и пришлось вмешаться коронеру. Впрочем, я сомневаюсь, что у меня хватило бы на это решимости. Даже если бы имелась серьезная причина. И если через год я все еще буду встречаться с Ли, то не вижу никаких оснований для того, чтобы у меня могла возникнуть мысль о самоубийстве.

Я позволяю себе слегка улыбнуться, вспомнив о том, как приятно мне было чувствовать свою ладонь в его ладони, когда мы вчера вечером бежали с ним к железнодорожному вокзалу. Да, у нас с ним будет второе свидание. Это я знаю точно. И если верить тому, что я читаю в «Фейсбуке» (чему я не верю), то будет еще и превеликое множество других свиданий,

пока в один прекрасный момент меня не переедет автобус или же не произойдет что-то в этом роде.

А может, я просто упаду в пролет между поездом и платформой? Как подходяще это будет для девушки, которая всю свою жизнь бегала к поездам, боясь опоздать на них. Однако это будет очень мерзко. И у всех на глазах. А меня ни то, ни другое не устраивает.

Вздыхнув, я встаю с постели и смотрю на телефон, заряжающийся на комод, но твердо придерживаюсь своего решения к нему не прикасаться. Мне необходимо прекратить читать эти публикации. Возможно, существует какой-то способ определить со стороны, щелкала ли я на них и читала ли их. Если я не буду их читать, сообщать о них и жаловаться, то моим мучителям станет скучно и они переключатся на кого-нибудь другого. Не могу представить себе, чтобы тот, кто этим занимается, стал бы продолжать это делать очень долго.

Я очень надеюсь, что не стал бы, потому что от одной только мысли, что какой-то там Док – вроде Дока из фильма «Назад, в будущее» – будет размещать в «Фейсбуке» из будущего публикации по поводу моей кончины аж до конца моих дней, мне становится дурно.

- Ну что, как? – спрашивает Сейди, когда я прихожу на станцию.
- Было хорошо, – отвечаю я, изо всех сил пытаюсь не улыбнуться.
- Насколько хорошо? По шкале от одного до десяти.
- Не знаю. Может, девять.
- Значит, я так понимаю, за все заплатил он.
- Он был настоящим джентльменом.
- Ты хочешь сказать, что он не предложил тебе трахнуться с ним?
- Он сказал, что я могу у него переночевать, если хочу.
- Почему же ты этого не сделала?
- Послушай, я не настолько испорченная. Не на первом же свидании!
- Как будто раньше это тебя сдерживало.
- Ну, это было уже давно.
- Но он тебя поцеловал, да?
- Может, и поцеловал.
- Ну и как по шкале из десяти?
- Девять.
- Две девятки от девушки, которая никогда не присуждает десяток! Черт возьми, похоже, мне пора покупать себе шляпку на твою свадьбу.
- Угомонись. Еще ведь только начало. У него еще уйма шансов все испортить. У меня, кстати, тоже.

Я говорю это потому, что в подобных случаях я обычно так говорю. Но

даже когда я произношу эти слова, я думаю о том, что Сейди написала в «Фейсбуке»: дескать, я сильно запала на Ли потому, что не думала, что меня вообще-то любят многие люди.

- И когда ты встречаешься с ним в следующий раз?
- Он сказал, что напишет мне.
- Они все так говорят.
- Он напишет.
- Почему ты в этом так уверена?
- Он точно напишет.

Мы садимся на поезд, идущий в Лидс. Как обычно, во второй вагон – самый безопасный. Сейди никогда по этому поводу ничего не говорит. Время от времени, когда поезд забит людьми и нам приходится садиться в один из последних вагонов, она смотрит на меня, чтобы увидеть на моем лице согласие, но никогда ничего не говорит. Она знает, что этого лучше не делать.

Мой телефон издает звуковой сигнал. Я достаю гаджет и вижу на дисплее имя Ли. Я отважилась внести его в список контактов в телефоне только вчера вечером, когда уже ехала домой. Я щелкаю на сообщении.

Когда я смогу снова с тобой увидеться? Как насчет обеденного перерыва, если ты теперь работаешь допоздна? В пятницу?

- Что я тебе говорила? – спрашиваю я у Сейди.

Она присвистывает:

- Впечатляет. Он держит свое слово.

Я пишу ответное сообщение: Пятница подходит. Примерно в 12: 30. Я начинаю работу в 2.

Он сразу отвечает: Прекрасно. Тогда в том же месте в 12: 30. Жду с нетерпением. X

Я кладу телефон обратно себе в карман.

- Ну и что там? – спрашивает Сейди.
- В пятницу, в обеденный перерыв.
- Жаждет встречи.
- Похоже, что да.

– Здорово. Мне приятно видеть, что ты улыбаешься. Я полагаю, что та фигня прекратилась, да? Ну, ты знаешь – то, что происходило в «Фейсбуке».

Я колеблюсь. Мне вообще-то хочется сказать ей правду, но, скорее всего, произойдет то же самое, что и в прошлый раз: она не сможет увидеть эти публикации. И я не хочу, чтобы она опять посмотрела на меня тем обеспокоенным взглядом. За свою жизнь я видела уже достаточно много

таких взглядов.

– Да, – вздыхаю я. – Все снова стало нормальным.

Об этом мне сообщает Нина. Если бы я могла выбирать того, кто приносит плохие вести, она была бы второй в моем списке на эту роль – сразу после профессора Долорес Амбридж^[11].

– Ты слышала про Алана Рикмана?^[12] – спрашивает она, когда мы идем на кухню.

– Слышала что?

– Он умер. В реальной жизни, я имею в виду, а не как Снегг^[13] в руках Волан-де-Морта.

Я таращусь на нее, не желая верить тому, что слышу.

– Ты уверена?

– Да. Об этом написали на веб-сайте новостей Би-би-си и вообще везде. По-видимому, от рака. Ему не было и семидесяти. Кто, интересно, будет следующим, а? Они один за другим на этой неделе откидывают коньки.

Ее, похоже, забавляет то, что вдруг стало умирать так много знаменитостей. Я кладу тарелку, которую держу в руках, и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Эй! – громко говорит Нина. – Не оставляй меня здесь одну. Нам нужно привести в порядок еще очень много столов.

Я не слушаю ее. Я иду в сторону туалетов. Нина, конечно же, понятия не имеет, как много Алан Рикман значил для меня. Я боготворила его, когда была подростком. Северус Снегг был явно самым лучшим персонажем в «Гарри Поттере», и Алан Рикман, игравший Снегга, изобразил его идеально – его недостатки, его тайны, его внутренние конфликты. Я смотрела первые пять фильмов с мамой. Я все еще помню, как тяжело мне было смотреть фильм «Гарри Поттер и Принц-полукровка» без нее. Я знала, что этот фильм понравился бы ей почти так же сильно, как и мне.

Захожу в туалетную кабинку и начинаю плакать. Я даже не знала, что Алан Рикман был серьезно болен. Хотя, если бы я это знала, мне, конечно, было бы не легче. Данное известие меня шокировало – вот и все. Мама умерла, Алан Рикман умер, а теперь еще – предположительно – предстоит умереть и мне... Все это и вправду ужасно шокирует. Я достаю из кармана телефон и захожу на веб-сайт новостей Би-би-си. Там приводятся слова Дж. К. Роулинг и Дэниела Рэдклиффа^[14]. Они говорят как раз то, что от них в данном случае и можно ожидать услышать: он был блестящим актером, замечательным человеком, верным – на всю жизнь – другом. Я захожу в

«Фейсбук». Там полно скорбных сообщений по поводу его кончины. Я просматриваю их и, находя самые хорошие, нажимаю на «Поделиться». Затем я ищу с помощью «Гугла» нужную мне сцену – одно из первых занятий по приготовлению зелья, – копирую ссылку и размещаю публикацию под словом «Всегда».

Я продолжаю просматривать публикации, глядя на фотографии сквозь слезы и сквозь пряди упавших на глаза темных волос. Люди пишут такие красивые слова: например, «как печально то, что первыми уходят самые лучшие». А еще они пишут о вроде бы незначительных моментах и вещах, о которых они будут помнить. Я откидываю волосы назад, подальше от глаз. И только тут до меня доходит, что я уже смотрю на публикации по поводу кончины не Алана Рикмана, а по поводу своей собственной кончины, в которых оплакивают *меня*. Люди пишут, что они пережили шок из-за того, что я умерла, пишут, что скорбят, пишут, что теперь у них на душе пустота. Слезы у меня начинают течь сильнее. Я уже и не знаю, кого оплакиваю – свою маму, Алана Рикмана или саму себя. Возможно, всех троих. И вообще всех тех, кто ушел из жизни раньше времени.

Минут через десять я слышу, как дверь открывается.

– Джесс!.. С тобой все в порядке?

Я вытираю нос рукавом и открываю дверь кабинки.

Сейди, взглянув на мое лицо, обнимает меня:

– Извини. Нина мне только что рассказала. Я подумала, что ты, наверное, здесь. Ну что за ужасная неделя! Я знаю, как много он значил для тебя.

Я громко соплю в ее ухо:

– Следующей буду я. Папа организывает мои похороны. Ты пишешь, как сильно ты по мне скучаешь.

Сейди отстраняется от меня и смотрит мне в глаза. Я достаю свой телефон.

– Ты не сможешь увидеть эти публикации, я знаю, но они здесь. Я их вижу. Через восемнадцать месяцев вы будете писать обо мне до смешного хорошие слова, только мне это уже надоело, даже хочется, чтобы кто-нибудь из вас заявил, что я унылая корова с ужасным вкусом по части одежды и вообще дерьмо.

Сейди качает головой и берет у меня телефон.

– Здесь о тебе ничего нет, Джесс. Здесь все об Алане Рикмане. Я понимаю, что ты расстроена, но ты не должна позволять этому начаться снова.

– Я знаю, это звучит странно и нелепо, но эти публикации там

появляются – появляются только тогда, когда я наедине с собой. Я не могу сделать ни скриншот, ни фотографию, но ты должна поверить мне, что они появляются.

Сейди гладит мои влажные волосы.

– Успокойся, – говорит она, беря меня за руку и ведя к умывальникам. – Давай приведем тебя в порядок. Тебя скоро хватятся. Я знаю, что это могло шокировать, Джесс, и, конечно, это тебя очень сильно взбудоражило. Тебе нужно просто пережить сегодняшний день, ведь правда? Я обещаю, завтрашний день уже не будет таким мрачным.

Я киваю и кладу свой телефон обратно в карман, очень надеясь на то, что она права.

Джесс

Апрель 2008 года

Я стою у ее могилы очень долго. Чувствую внутри себя пустоту – нет даже слез. Тот факт, что я знала, что это произойдет, вроде бы должен был облегчить боль. Но легче не становится. И если кто-то скажет, что она, по крайней мере, уже больше не страдает, я, клянусь, врежу этому человеку по физиономии. Ну конечно, она не страдает. Она ушла от нас. Случилось то, чего она боялась больше всего.

Я не знаю, что будет происходить дальше. Я не уверена, что хочу, чтобы что-то произошло. Может, я смогу просто стоять здесь, возле нее, чувствуя, что она рядом. Потому что точно знаю только одно: для меня будет невыносимо отсюда уйти.

Я не понимаю, как может произойти что-то стольщее, после того как мамы не стало, но она говорила мне не думать об этом. Она прочла мне целые лекции на данную тему. О том, как она хотела, чтобы я встречалась с друзьями, жила своей жизнью и делала все то, чего не довелось делать ей. Она говорила мне, что я – ее храбрая девочка. Что я достаточно сильна для того, чтобы пройти через все это. И вот ее уже нет, а я совсем не чувствую себя сильной. Единственное, что я могу делать, – это стоять, держась прямо, на одном месте. Даже переставить как-то ноги – мне сейчас не по силам.

Я смотрю вниз – туда, где в яме передо мной лежит гроб. Мне хочется прыгнуть и сесть на него. Мне хочется стащить с него крышку и посмотреть на маму еще один раз до того, как она уйдет. До того, как ее

забросают землей и она уйдет навсегда.

Я чувствую, как кто-то кладет ладонь на мое плечо. Я оборачиваюсь и вижу, что за мной стоит папа. Его глаза покраснели, щеки ввалились. Боль и страдание сочатся у него из каждой поры.

– Я не хочу от нее уходить, – говорю я.

– Я знаю, – отвечает он. – Я тоже.

– А разве мы не можем взять ее домой? Не можем похоронить ее на заднем дворе?

Он качает головой и вытирает глаза.

– Она внутри тебя, – говорит он. – Ты можешь носить ее с собой все время. Она в твоём сердце.

Я смотрю на него. Он говорит искренне, я это чувствую. Но он, так же как и я, не знает, как пережить это горе. И, честно, меня уже тошнит, что ко мне относятся как к ребенку. Мама не внутри меня. Она – в гробу, передо мной. И скоро она будет засыпана землей, а сверху установят надгробие с надписью: «Дебора Маунт, горячо любимая жена, мама и дочь». Люди будут проходить мимо и читать на ходу эту надпись, но у них, черт побери, не будет ни малейшего понятия относительно того, как много она значила для нас.

Анджела

Четверг, 14 января 2016 года

Когда люди говорят «надеть на себя маску», я понимаю, что это всего лишь фраза, которую они используют. Однако это вообще-то самое лучшее описание того, что я делаю каждое утро, причем уже много-много лет. Я смотрю в зеркало и вижу настоящую себя: морщины, испещрившие мое лицо, грусть в глазах, сухая, желтоватая кожа. Я не могу выйти из дому в таком виде: не хочу, чтобы люди знали такую версию меня. Это для меня все равно что выйти на улицу голой. Увидев меня такой, люди поймут слишком много и зададут слишком много вопросов. Ох уж мне эти вопросы!.. Вопросы от людей, которые думают, что они уже знают ответы.

Поэтому я «надеваю на себя маску». Это долгий, трудоемкий процесс, и сейчас в большей степени, чем раньше. Но он абсолютно необходим. Убирая густую челку назад, прочь от лица, я надеваю на лоб повязку. Это обнажает тот факт, что корни моих волос уже нуждаются в особом уходе, но пока я пытаюсь это игнорировать. Увлажняющий крем затекает в мои

поры, но моей коже всегда хочется его побольше. Однажды женщина за прилавком косметики в магазине фармацевтической компании «Бутс» сказала мне, что цвет моей кожи – блеклый, поэтому я выбрала более темный тон, чтобы не выглядеть так, как, наверное, выглядел бы оживший мертвец. С тех пор я его не меняла. Я жду, пока крем впитается, а затем пудрю себе лицо, пользуясь маленькой пудреницей с зеркальцем. Такие пудреницы с компактной пудрой, я думаю, уже считаются старомодными. Мне доводится видеть, как молодые женщины наносят большими кисточками на свое лицо рассыпчатую пудру так, будто сегодняшний день – последний. Но для меня это не подходит. Мне в этом деле необходима высокая точность. Мне нравится осознавать, что я без какой-либо суеты и дрожи в руках сумела охватить все, ничего не пропустив, но и не перестаравшись. Затем я наношу кисточкой румяна. Я наношу их маленькой кисточкой, совсем немножко. Больше всего времени у меня уходит на глаза. Я медленно и аккуратно работаю над ними черным контурным карандашом. Без подведенных глаз я чувствую себя голой. Я не открыла бы дверь даже почтальону. Сначала я наношу на веки светлые тени (совсем немного), а затем – слой черной туши на ресницы. У меня тонкие брови, их тоже можно было бы слегка подкрасить, но они почти полностью скрыты челкой. Наконец, я подкрашиваю губы перламутровой помадой. Я использую один и тот же цвет вот уже тридцать лет. Даже не знаю, что буду делать, если такую помаду вдруг перестанут выпускать.

Я снимаю со лба повязку и расчесываю волосы так, чтобы кончики прядей нежно касались лица, подчеркивая линию подбородка. Ну вот, теперь у меня на лице «маска». Мне приходится надевать ее каждый день, но я не хочу, чтобы люди знали об этом. Я надеюсь, что мне удастся их обмануть, что они будут думать, что это и есть настоящая я, и не станут допытываться, что скрывается под всем этим. Не станут пытаться содрать с меня эту маску. А я буду продолжать ее носить. Буду улыбаться и, когда меня будут спрашивать, как у меня дела, буду отвечать, что все замечательно. Потому что это единственный известный мне способ справиться со своими проблемами – проблемами стареющей женщины.

Я смотрю на свои наручные часы. Еще только половина восьмого. Я всегда вставала рано – даже тогда, когда в этом не было никакой необходимости.

Я не работаю по четвергам. Это одна из тех особенностей, которая мне нравится в работе в супермаркете: там очень гибкий подход к тем, кто работает неполный рабочий день. Ли приезжает навестить меня в четверг после работы. Он стал бы смеяться, если бы я сказала ему, почему не

работаю по четвергам. Сказал бы мне не быть такой глупой. Но мне хочется, чтобы к его приходу все было так, как следует: чистота, порядок и уют в доме, ужин в духовке, и я вся ухоженная и разнаряженная. Я могла бы всего этого не делать, но я это делаю. Всегда.

Я спускаюсь на первый этаж. На кухне звучат программы радиостанции «Радио-2». Они развлекают меня с утра до вечера, хотя иногда, во время программы, которую ведет Джереми Вайн^[15], я ставлю компакт-диск с музыкой, потому что предпочитаю музыку болтовне о том о сем. Особенно болтовне про политику. Ею я вообще не интересуюсь.

Я надеваю резиновые перчатки и начинаю наведение порядка с мойки. Моя мама научила меня, как наводить порядок на кухне надлежащим образом. На ее водопроводных кранах вы смогли бы увидеть свое отражение. «Я это просто быстренько протру» – такой подход был не для нее. Я вдыхаю запах чистящего средства. Вроде бы оно должно пахнуть сосной, хотя в таких средствах мне нравятся другие, более острые запахи. Думаю, запахи химических веществ. А впрочем, пусть пахнет чем угодно, лишь бы это был запах чистоты. Мне нравится чувствовать уверенность, что при уборке ничего не было упущено.

Когда я заканчиваю уборку, кухня безупречна. Ее можно даже использовать в какой-нибудь телевизионной рекламе. Это хороший способ начать день – превратить нечто обычное в нечто особенное.

Я смотрю на свои наручные часы. Ли придет через десять минут. Ему все еще нравится быть пунктуальным – точь-в-точь как и мне. От старых привычек избавиться трудно. Приехать вовремя – это, конечно, не так-то просто при загруженности улиц, но Ли всегда как-то умудряется уходить с работы без задержек. Когда он устроился на свою нынешнюю работу, я переживала, что он станет одним из тех трудоголиков, которые ставят карьеру превыше всего, и лишь лет в пятьдесят, проснувшись в один прекрасный день, вдруг осознают, что забыли обзавестись семьей. Однако тот факт, что у него все еще находится время для мамы, позволяет мне надеяться, что он находит время и на кое-что другое. Он не из той категории парней, которые интересуются только своей работой и поэтому становятся очень нудными. Впрочем, пока нет никаких признаков, что он встречается с какой-то девушкой. С тех самых пор, как он расстался с Эммой. Но о ней мы с ним, разумеется, не говорим.

Я проверяю лазанью, готовящуюся в духовке, и поворачиваю ее, чтобы она пропеклась равномерно. Я знаю, что Ли ест много изысканных блюд, когда ходит по ресторанам и кафе, но ему все еще очень нравятся лазанья и воскресное жаркое его мамы. Я готовлю для него большие порции. Они

побольше порций в тех шикарных ресторанах, в которых он бывает. И я изо всех сил стараюсь идти в ногу со временем. На прошлой неделе я приготовила макароны с тунцом и красным стручковым перцем. Это одно из тех слегка необычных блюд, рекламируемых в супермаркете «Сейнсбери».

Строго в назначенное время я слышу, как Ли вставляет ключ в дверной замок. Он стал жить отдельно почти десять лет назад, но когда он открывает входную дверь своим ключом, мне приятно думать, что этот дом все еще и его дом тоже. Есть что-то особенное в том, когда ты, уже став взрослым, приходишь в дом, в котором вырос. По крайней мере, так кажется лично мне.

– Привет, милый, – говорю я, встречая его в коридоре.

Он улыбается и наклоняется, чтобы меня поцеловать. Щеки у него холодные, но его глаза сегодня вечером блестят как-то по-особенному. У него такие же глаза, как у его отца. Хотя мы и не упоминаем об этом.

– Привет, мама. Тут что-то очень приятно пахнет.

– Лазанья, – говорю я. – Она будет готова через минутку-другую. Зайди на кухню и согрейся. – Я беру его куртку и вешаю на вешалку, а затем иду вслед за ним на кухню. – Как у тебя дела на работе?

– Хорошо. Как обычно, дел по горло, а тут еще Карл заболел – что было совсем некстати. Но мы справимся.

Он снова улыбается. Я никогда не расспрашиваю его слишком много про его работу. Я понимаю в целом, чем он занимается, но подробности меня не очень-то интересуют, и он это знает. Что для меня важно – так это то, что у него хорошая работа. Я всегда мечтала, чтобы у него была именно такая работа. Каждый родитель хочет для своего ребенка лучшей жизни, чем у его родителей, и чтобы у него было больше перспектив. И я знаю, что платят ему на его работе хорошо, потому что немногие мужчины его возраста могут позволить себе хорошую квартиру в центре города.

– Я уверена, что ты сумеешь со всем справиться. Ты всегда справляешься. Ну да ладно, садись, а я накрою на стол.

– Можно я тебе помогу?

– Нет, спасибо, милый. Тебе нужно отдохнуть.

Он всегда предлагает свою помощь, а я всегда говорю «нет». Тем не менее мне приятно, что он все время рвется мне помочь.

– Пожалуйста, – говорю я, ставя перед ним его тарелку.

Я пытаюсь налить ему бокал вина. Точнее, полбокала – он, когда за рулем, больше половины бокала не пьет.

– Нет, не надо, спасибо, – говорит он, накрыв бокал ладонью.

– Ты воздерживаешься по какой-то важной причине, да? – спрашиваю я, садясь напротив него. – Что-то вроде январского месячника воздержания?

– Нет. Просто я выпил несколько бокалов вчера вечером.

– С коллегами по работе?

– Нет. Я ходил в ресторан с одной своей знакомой.

Я начинаю разрезать лазанью.

– Я ее знаю?

– Нет. Я познакомился с ней на этой неделе.

Он опускает ресницы, но я успеваю заметить выражение его глаз.

– Ну и кто она?

– Я не могу ничего от тебя утаить, да? – говорит он, поднимая взгляд.

Правда, при этом он улыбается. И улыбается с таким видом, что становится ясно: он не возражает против того, чтобы я его расспрашивала. Я сглатываю, чувствуя, как внутри меня словно зажегся какой-то огонек.

– Похоже, кем бы она ни была, ты весьма рад тому, что с ней познакомился?

– Ее зовут Джесс. Вчера вечером было всего лишь первое свидание, но она мне нравится. Она мне очень нравится.

– Она работает вместе с тобой? – спрашиваю я, надеясь, что ответ будет отрицательным, потому что, насколько я могу судить, те женщины, которые работают вместе с Ли, уж очень сконцентрированы на своей карьере.

– Нет, не со мной, но неподалеку. Я вообще-то встретил ее на вокзале. Между нами совершенно случайно завязался разговор.

– Чем она занимается?

– Она работает в кинотеатре, который находится в торговом центре. Встречает зрителей, здоровается с ними, проводит их к их местам – и все такое прочее.

Я киваю. Это не тот род занятий, который можно считать более важным, чем семья.

– Она хорошенькая?

– Мама...

– А что, в нынешние времена про такое уже не спрашивают?

– Она вообще-то потрясающая. Не в обычном, гламурном смысле, нет. Она производит ошеломляющее впечатление. Но при этом очень земная.

– Ну, и когда ты меня с ней познакомишь?

– Дай мне время, это ведь было всего лишь первое свидание.

– Хорошо, но постарайся поскорее привести ее сюда на воскресный

обед.

– Ты имеешь в виду – чтобы ты могла ее осмотреть, как ветеринар осматривает какую-нибудь лошадку, да? – снова улыбается он.

– Нет. Чтобы я могла поприветствовать ее в нашей семье.

Ли поднимает бровь:

– Как я уже сказал, дай мне время. Давай будем продвигаться вперед шаг за шагом. Я не хочу пороть горячку.

– Тебе тридцать два года, Ли. Я не думаю, что кто-то смог бы обвинить тебя в том, что ты порешь горячку.

Он перестает жевать и смотрит на меня. Впервые за этот вечер в воздухе чувствуется холодок.

– Если понуждать какого-то человека остепениться и обзавестись семьей, то он, возможно, совершит при этом ошибку. И, возможно, будет жалеть об этом до конца своей жизни. И, возможно, это скажется на тех, кто его окружает.

Холодок становится настоящим морозом. Я долго жую то, что у меня во рту, уже сомневаясь, смогу ли я физически это проглотить. Рвотные позывы еще очень слабые, но слишком хорошо мне знакомые. Ли может такое сделать. Может вызвать у меня подобную реакцию колким комментарием, изменением в тоне голоса или просто взглядом. В этом он очень похож на своего отца.

– Никто никого не понуждает, – наконец говорю я. – Но если ты и в самом деле решишь привести ее сюда, я ее встречу с большой радостью.

Мы снова начинаем есть. После нескольких минут молчания я, меняя тему разговора, заговариваю о футбольном клубе «Лидс Юнайтед». О нем всегда можно много говорить.

И разговор этот будет гораздо более безопасным.

Позднее, когда Ли уже ушел, а я загрузила и включила посудомоечную машину, я захожу в свободную комнату. Там немного прохладно: я не включаю в ней батарею отопления, потому что считаю расточительством обогревать комнату, которая не используется.

Я опускаюсь на колени и выдвигаю ящик из двуспальной кровати. Вещи там разложены в соответствии с их размером: самые маленькие (для новорожденного) – внизу, а дальше – чем выше, тем больше. Все в целлофановых пакетах с этикетками. Я покупаю только новые вещи. Мне нравится идея начать все с нового. Они в основном в нейтральных тонах (белый и лимонный), но есть и милый зеленый тон, от которого я удержаться не смогла. Его в нынешнее время найти не так-то легко – слишком много всего в голубых и розовых тонах. Но я все еще могу быть

довольно привередливой при выборе вещей. Для моего первого внука необходимо только самое лучшее. Я не могла заставить себя открыть этот ящик с тех пор, как Ли разорвал отношения с Эммой. Но сейчас замерцала надежда, и я снова могу заглянуть в этот ящик. А может, и снова начать покупать подобные вещи.

Я засовываю руки в его глубину, нащупывая нежную ткань, и вытаскиваю ее, как только нахожу. Мои пальцы немного дрожат, когда я разворачиваю бумагу, чтобы вытащить из нее крестильную одежду. Это единственное, что я оставила из одежды Ли и берегу для своего внука. Я все еще храню в памяти картину, как Ли был облачен в нее и смотрел на меня своими огромными глазами. Он хватался ладошками за кружева и что есть силы тянул их. Не думаю, что можно заметить след от малюсенького пятнышка крови, если только не искать его. Оно сильно потускнело от времени. Да и я могла бы запросто выдать его за след от чего-нибудь другого, если бы его кто-то и заметил. Никто не знает и не узнает, что это след крови. Кроме него, конечно. Но он сюда не придет. Ли уже не поддерживает отношений со своим отцом. Это я знаю точно.

Чего я не говорила сыну – так это то, что я вижу его отца каждый раз, когда смотрю на него, Ли, слышу его отца каждый раз, когда он, Ли, что-то говорит, и чувствую запах его отца, когда он, Ли, находится рядом со мной. Сын ведь часто очень похож на своего отца. Но меня от этого озноб пробирает аж до костей.

Джо Маунт

14 июля 2017 г. Митолройд, Великобритания

В такое трудное время я стараюсь концентрироваться на приятных воспоминаниях. Как, например, день свадьбы Джесс. Мы оба плакали, когда я вел ее по проходу в церкви. Я не думаю, что я когда-либо раньше видел ее настолько красивой. Она сделала меня самым счастливым отцом на свете.

Джесс

Четверг, 14 января 2016 года

На фотографии, которую я сейчас рассматриваю, запечатлены мы с Ли в день нашей свадьбы. Я знаю, что фотошоп может творить чудеса, но не такие. Нельзя ведь обрабатывать то, чего еще нет. Это ведь не ретуширование существующего изображения с помощью аэрографа – это создание того, чего вообще-то не происходило. На мне – обтягивающий корсаж с кружевами, длинное платье, оставляющее плечи открытыми, накидка с короткими рукавами и широкий пояс вокруг талии. Волосы собраны в высокую прическу, вдоль лица свисают две длинные пряди – такой стиль я никогда раньше не использовала. На голове у меня – диадема. Диадема, черт возьми! А еще на мне кольцо из жемчуга и непривычный макияж. Я понятия не имею, как сделать свою внешность вот такой, но это, несомненно, я, и рядом со мной на фотографии стоит, несомненно, Ли. Он одет в дорогой по виду костюм и пурпурный галстук, а в остальном он точно такой же, каким я видела его в среду. И он улыбается в объектив фотоаппарата. Улыбается, надо сказать, очень широко. Я тоже улыбаюсь, но, в отличие от Ли, улыбка у меня не лучезарная. Она робкая и неуверенная. Должно быть, я нервничаю. Событие это ведь очень важное. Я не думала, что когда-нибудь выйду замуж. Я не отношу себя к тем, кто стремится связать себя брачными узами. В нынешние времена ведь выходить замуж совсем не обязательно, разве не так? Можно просто жить с каким-нибудь мужчиной вместе. Но, похоже, я выйду замуж за Ли. Я таращусь на фотографическое доказательство этого. Доказательство, которое невозможно опровергнуть. Потому что это не просто наши лица, наложенные на фотографию каких-то там жениха и невесты, – это и мои плечи, и мои руки, и мой палец, на котором я вижу кольцо.

Я делаю вдох, который возвращает меня в настоящее, и вдруг понимаю, что довольно долго сидела, затаив дыхание. Меня охватывает озноб, все тело пробивает дрожь. Я смотрю сейчас на будущее, в котором мы с Ли женимся в какой-то момент времени в ближайшие восемнадцать месяцев. На фотографии нет даты, но ее, похоже, сделали летом: листья на деревьях и кустах зеленые, а на заднем плане видны – хотя и расплывчато – какие-то цветы. Выходит, я недолго пробыла замужем, перед тем как умерла. Ну не смешно ли это? Я ведь, получается, обзавожусь мужем, а потом откидываю коньки.

Какая-то малюсенькая частичка меня – та, что никогда не перестает быть тринадцатилетним подростком, – радуется и ликует по поводу того, что я выйду замуж за такого парня, как Ли. Но мне удастся подавить ее, потому что данное событие не имеет никакого значения: мой отец разместил в «Фейсбуке» эту фотографию, чтобы она напоминала ему обо

мне уже после моей смерти. Вот такая вот ситуация.

Хотя нет, это все ерунда, потому что «Фейсбук» утверждает, что публикации из будущего – это нечто невозможное. И сейчас я вижу это потому, что хочу это видеть. Мне, наверное, в глубине души очень хочется, чтобы Ли на мне женился. Что касается всего остального, то нечто похожее в моей жизни уже происходило, разве нет? Я теряю разум. Я становлюсь одержимой человеческими смертями, и если не буду осторожной, то все испорчу.

Я падаю на постель и молча плачу в подушку. Я не вернусь к тому, что тогда со мной было. Когда меня выписывали из больницы, я попыталась заставить папу пообещать мне, что он не позволит мне вернуться туда, но он покачал головой. Он не мог дать такое обещание. Он знал, что если однажды я начала вести себя психически неадекватно, то это может произойти снова. И это та правда, которая с тех пор висит над нами. Психическое здоровье – это континуум. Я помню, как это объясняли нам обоим, когда меня наконец перестали пичкать лекарствами. Не существует такого понятия, как «лучше», как «исцелилась». Мы находимся в одной точке на некоей линии в любой данный момент времени. А несколько месяцев спустя мы можем оказаться в другой точке – к лучшему или к худшему. В этом вся правда. Безумие всегда таится внутри меня. Вопрос заключается лишь в том, позволю ли я ему в той или иной степени завладеть мною.

Как только во время следующего обеденного перерыва я замечаю Ли, сердце у меня екает. Вот он, мой будущий муж. Впрочем, ему я этого сказать не могу. Если я ему хотя бы слегка намекну, что видела одну из наших свадебных фотографий, он, наверное, шарахнется от меня, как от буйнопомешанной. И я не могу сказать, что стала бы его за это винить.

– Привет, – смущенно говорю я, подходя к столику. – Я опоздала?

– Нет, – говорит он, вставая. – Я всегда прихожу раньше, чем нужно.

Он наклоняется ко мне, и меня на секунду охватывают сомнения, следует ли нам снова ограничиться поцелуем в щеку, как это было при нашей встрече в среду, или мы можем поцеловаться в губы, как при расставании. Ли сам принимает решение. А я, чувствуя на своих губах прикосновение его губ и после поцелуя, пытаюсь заставить себя перестать думать о том, что меня только что поцеловал мой будущий муж.

Я улыбаюсь Ли и сажусь, а потом ерзаю на стуле, укладывая салфетку себе на колени.

– Как дела? – спрашивает Ли.

– Хорошо, – вру я. – Спасибо.

Я бросаю взгляд на стол: на нем стоит бутылка газированной воды и два стакана.

– Это годится? – спрашивает он, заметив направление моего взгляда. – Я подумал, что ты вряд ли захочешь выпить чего-то покрепче перед работой.

– Да, я обычно этого не делаю. Вода вполне подходит, спасибо.

– Жаль, что это не пришло мне в голову раньше, но мы могли бы пойти куда-нибудь, где подают поздний завтрак.

– Нет, обед вполне подойдет, тем более что обычно я вообще почти не завтракаю.

– А я завтракаю, – говорит Ли. – Я съедал бы чашу хлопьев при каждом приеме пищи, если бы у меня имелась такая возможность.

– А каких? Мюсли?

– Нет, не мюсли. «Коко попс» и «Райс криспис». Детская еда, от которой я так и не смог отвыкнуть.

Я улыбаюсь ему и закладываю волосы за ухо.

– Тогда я удивляюсь, что у тебя все еще свои собственные зубы.

– А их у меня уже нет, – отвечает он и делает такое движение, как будто сейчас достанет изо рта вставную челюсть, но затем, видя мое выражение лица, останавливается. – Что, поверила? – улыбается он.

Мои плечи слегка опускаются, а тело расслабляется. Мне нравится наше второе свидание.

Я качаю головой:

– По крайней мере, я – не единственная, кто ест какую-то фигню. Может, съедим на обед по шикарному гамбургеру?

– Конечно, – отвечает он. – У тебя ведь впереди долгий рабочий день. Когда ты заканчиваешь работу?

– В десять тридцать. Есть и более поздняя смена, которая заканчивается в половине двенадцатого, но, поскольку это означает, что мы с Сейди не успеваем на последний поезд домой, мы с ней чаще других вызываемся работать в эту смену, до десяти тридцати.

– Кто такая Сейди?

– Моя лучшая подруга. Она была со мной на вокзале в понедельник.

Судя по выражению лица Ли, это ему ни о чем не говорит.

– Высокая девушка с короткими темными волосами, одетая в кожаную куртку, – добавляю я.

Он кивает, но я не уверена, что он ее там заметил. Мне немного неудобно за Сейди. Впрочем, ее бы это не расстроило.

– И ты не против того, чтобы работать по вечерам?

– Вообще-то нет. Это ведь означает, что я еду на работу и домой не в час пик.

Я не говорю ему, что до недавнего времени у меня не было каких-либо более интересных занятий по вечерам. А еще мне приходит в голову, что с моими вечерними сменами мне будет не просто приходить на свидания с Ли. Может, именно поэтому я выйду за него замуж? Может, это единственный для меня способ с ним видеться?

– Ну, ты не забывай о том, что я говорил тебе о нашей вакансии секретаря на ресепшен. И зарплата, наверное, будет повыше, чем у тебя сейчас.

– Спасибо, но мне хорошо и там, где я сейчас работаю.

– Сколько времени ты уже там работаешь?

– С тех пор, как окончила колледж.

– А что ты изучала в колледже?

– Искусство и дизайн. Я собиралась поступать в университет по этой специальности.

– А почему ты этого не сделала?

– Я не получила тех оценок, на которые рассчитывала. В то время я работала в кинотеатре по выходным, и когда мне предложили работать там полный рабочий день, я подумала, что это лучшее, что я могу сделать.

– А сейчас?

Я пожимаю плечами:

– Как я уже сказала, меня моя работа устраивает, тем более что я могу на ней смотреть множество фильмов бесплатно.

Официантка подходит и спрашивает, готовы ли мы сделать заказ.

– Говядина или курятина? – спрашивает меня Ли.

– Говядина, пожалуйста.

После смерти мамы я на некоторое время перестала есть красное мясо. И еще много чего перестала делать. Возможно, именно поэтому я сейчас ем его больше, чем ела *до того*, как она умерла. Просто чтобы доказать самой себе, что могу.

– Прекрасно. Тогда нам, пожалуйста, два говяжьих гамбургера, жаренных на углях, – говорит Ли официантке. – И немного картошки фри.

Официантка кивает и улыбается ему. Это такая улыбка, какой и я бы улыбнулась, если бы принимала заказ от такого парня, как Ли: своего рода мечтательный взгляд, который тускнеет от безнадежности по мере того, как она осознает, что у нее нет никаких шансов. Она, несомненно, задается вопросом, что, черт возьми, он делает здесь с такой девушкой, как я. Вероятно, она думает, что я его младшая сестра или что-то в этом роде. А я

слышу, как кричу где-то внутри себя: «Вообще-то я не только хожу с ним по ресторанам – я собираюсь выйти за него замуж!»

Впрочем, я умею сдерживаться. Я очень хорошо помню, каким становится выражение глаз людей, когда ты начинаешь что-то исступленно кричать.

– Ну, и какие фильмы показывают у вас в этот уик-энд? – спрашивает Ли.

– «Девушка из Дании». Это тот фильм, в котором Эдди Редмэйн^[16] меняет свой пол.

– Думаю, я бы лучше выколол себе глаза.

– Еще у нас показывают парочку фильмов с участием Алана Рикмана – чтобы почтить его память. «Гарри Поттер и Принц-полукровка» и «Искренне, безумно, сильно».

– Этот фильм я не смотрел, – говорит Ли.

– В нем играет Джульет Стивенсон^[17]. Она играет его жену. Фильм в основном о том, как ей живется после того, как он умер. Он, правда, как бы возвращается и, так сказать, присматривает за ней, пока у него не появляется уверенность, что у нее все будет хорошо.

Я замолкаю, потому что чувствую, что мой голос вот-вот дрогнет. Не знаю, как мне справиться с этим наваждением. Это все равно как если бы я являлась к себе самой из могилы еще до того, как умерла. Я все испорчу, если не буду вести себя осторожно. А может, именно в этом-то и проблема: я настолько боюсь быть счастливой, что выдумываю всякую ерунду, тем самым запутывая себе самой жизнь.

– Не очень веселый, похоже, фильм, – говорит Ли. – Думаю, я не стану его смотреть, если ты не возражаешь.

Я киваю и улыбаюсь. Улыбаюсь слабой улыбкой. Потому что теперь я убеждена, что двигаюсь к своей собственной гибели. Мне необходимо все это остановить. У меня ведь впервые за долгое время появился реальный шанс установить серьезные отношения с женщиной, но чтобы это произошло, нужно, чтобы Ли в меня влюбился. И я прекрасно понимаю, что плаксивые женщины, одержимые мыслями о смерти, уж точно не считаются лучшей партией.

Нам приносят наши гамбургеры и картошку фри.

– Итак, – говорю я, беря с тарелки пальцами ломтики картошки, – где, по-твоему, можно пойти и купить самые лучшие чипсы в Лидсе? Начинать предлагать варианты.

28 июля 2017 г.

Тебя похоронят на следующей неделе, и я не могу этого вынести. Я оказалась для тебя никудышной подругой – я это знаю. Я сомневалась в тебе, когда мне не следовало этого делать, и не была рядом с тобой, когда мое присутствие имело значение. Я всегда буду об этом жалеть. Но я хочу, чтобы ты знала: теперь я буду для тебя такой подругой, которая тебе нужна. И я не успокоюсь до тех пор, пока ты не сможешь и в самом деле успокоиться с миром.

Джесс

Пятница, 29 января 2016 года

Сейди запомнила то, что я ей сказала. Через восемнадцать месяцев от настоящего момента она будет горевать о том, что призывала меня игнорировать все эти странные публикации в «Фейсбуке». Мне хотелось бы, чтобы она не винила себя: это заставляет меня сильно жалеть о том, что я ей обо всем этом рассказала. Я не должна больше ей об этом говорить, как бы тяжело мне ни становилось. Потому что если я это сделаю, она будет лишь еще больше винить себя после того, как я...

Я вовремя обрываю саму себя и кладу телефон обратно в карман куртки. Это все не может быть правдой. Это все – только в моей голове. Этих публикаций нет, раз их не может видеть никто, кроме меня. Я смотрю в зеркало платяного шкафа. Я – Джесс Маунт, и я не собираюсь умирать. А еще я не собираюсь снова впадать в безумие. Я не собираюсь позволять ему завладеть мною. В этот раз я могу потерять слишком много.

Две с половиной недели спустя мы с Ли все еще в очень хороших отношениях, что для меня довольно непривычно. К этому времени мой детектор козлов уже обычно срабатывал. Но Ли не говорил и не делал ничего такого, что заставило бы меня счесть его козлом. Более того, мое мнение о нем с каждым днем улучшается. Он, похоже, по какой-то причине чувствует то же самое по отношению ко мне. Я виделась с ним еще всего лишь три раза, но только потому, что работала в вечернюю смену, а не потому, что не хотела с ним встречаться. По правде говоря, эти мои поздние

смены начинают меня сильно раздражать: уж очень трудно найти вечер или уик-энд, в который бы я не работала. Мне даже кажется, что мы с Ли существуем в разных часовых поясах, – глупость, конечно, потому что мы живем в одном городе. Ли ничего по этому поводу не говорил, но я уверена, что это начинает раздражать и его. Он отпускает шуточки по поводу того, что обеденные перерывы стали для нас своего рода вечерами, но у меня складывается впечатление, что на самом деле он вовсе не считает это забавным. Мне нужно что-то по этому поводу предпринять, но я не знаю что.

Когда я прихожу на платформу, Сейди уже там. Я подхожу к ней, обхватываю ее руками и крепко обнимаю.

– Что это с тобой? – удивляется она.

– Я что, не могу обнять свою лучшую подругу?

– С тобой что-то случилось?

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Но либо что-то случилось, либо ты собираешься извиняться. Ты ведь придешь завтра вечером, правда?

Завтра – восемнадцатилетие Мэдди, младшей сестры Сейди. Она хотя и младшая, но ростом уже выше Сейди. Мне даже не верится, что она когда-то была совсем маленькой и что мы с Сейди оставались присматривать за ней, когда родители куда-нибудь уходили раз в две недели. Они настояли на том, что будут мне за это платить, хотя я всего лишь составляла Сейди компанию.

– Да, – отвечаю я. – Жду с нетерпением, когда же я побуду одним из старых пердунов, которые мешают детям веселиться на дне рождения. Мы, наверное, начнем жаловаться на то, что музыка слишком громкая.

– И ты пробудешь на дне рождения до самого конца?

– Да. А почему бы я не стала этого делать?

– Не знаю. Я просто подумала, что ты, возможно, улизнешь раньше, чтобы встретиться со своим ухажером.

Я опускаю взгляд. Вообще-то именно это я и собиралась сделать. Завтра ведь у меня первый свободный субботний вечер в этом месяце, и я, получается, проведу его со своей лучшей подругой, а не с Ли. Он расстроился, когда я сказала ему об этом. Впрочем, я объяснила, что насчет празднования дня рождения все было договорено уже давным-давно. И что я знаю Мэдди еще с того времени, когда она была младенцем. И что она для меня вроде моей родной сестры.

– Ли не возражает.

– Ты можешь взять его с собой, если хочешь. Ему еще не слишком

поздно решить туда пойти.

Я чувствую, как мои щеки краснеют. Вообще-то я ему этого не предлагала. Это ведь мероприятие – отмечание восемнадцатилетия в стиле дискотеки в арендуемом для этой цели церковном помещении в Митолройде. Не очень-то привлекательное мероприятие для того, кто работает заместителем директора в навороченной компании. И из всех приглашенных он знаком только со мной. Кроме того, папа сказал, что он заглянет на этот день рождения по пути с работы домой. Поэтому мне тогда придется знакомить папу с Ли, и это станет волнующим моментом, и папа, наверное, скажет что-нибудь глупое, и все это сведется к дурацкой ситуации, когда знакомые тебе люди, которые никогда раньше друг с другом не встречались, вдруг оказались в одном месте.

Нет, я хочу, чтобы при первой встрече Ли с папой посторонних не было. И произойти это должно, конечно же, не на праздновании восемнадцатилетия в каком-то церковном помещении.

– Нет, я не буду его брать с собой. Он, наверное, пойдет куда-то в Лидсе со своими друзьями.

Сейди кивает. Я знаю, что ей из любопытства хочется пообщаться с ним поближе, но думаю, она рада, что на этот день рождения он не придет. Я помню, каково было мне, когда она встречалась с Робби. Я всегда чувствовала себя неловко, оказываясь в компании с ними двумя.

К платформе подъезжает наш поезд. Мы заходим в него, и Сейди, как обычно, позволяет мне выбрать места. Она, возможно, станет подшучивать надо мной, когда поезд будет резко набирать скорость или когда он накренится и завибрирует на крутом повороте. От старых привычек избавиться трудно.

Я показываю места в кинозале зрителям, пришедшим смотреть мультфильм «Кунг-фу панда-3», когда вдруг у меня в кармане начинает вибрировать телефон. Я смотрю на дисплей и вижу, что это звонит Ли, но я не должна отвечать на звонок, пока не усажу зрителей на их места. На детей всегда уходит много времени – они нагружены картонными коробками с попкорном, стаканчиками с газированными напитками и пакетиками со сладостями. Я готова поклясться, что некоторые из них, находясь здесь, в кинотеатре, поглощают столько килограммов всякого разного, сколько весят сами.

Наконец, когда мультфильм уже начинается, я выскакиваю из кинозала, быстро иду по коридору и заглядываю в комнату для персонала. В ней никого нет.

Я захожу и звоню Ли. Он тут же отвечает.

– Привет, – говорю я. – Извини, что не могла сразу ответить на твой звонок.

– Ничего страшного. Послушай, я понимаю, что это как бы в самую последнюю минуту и у тебя на завтра уже есть планы, но у нас Карл заболел, а они с женой должны были пойти завтра вечером на торжественный ужин, во время которого будут вручаться премии. Мы претендуем на премию как самая лучшая креативная компания, и нам выделили два места за столом лорд-мэра^[18]. Не могла бы ты пойти туда со мной?

Пару секунд я ошеломленно молчу. Я не могу поверить, что он предложил это мне, и в то же самое время я вполне могу представить себе, каким станет выражение лица Сейди, если я скажу ей, что не приду на день рождения ее сестры.

– Хм, даже не знаю, – наконец говорю я. – Я имею в виду, что это очень мило с твоей стороны – меня туда пригласить, но я не хочу подводить сестру Сейди.

– Я знаю, я понимаю это, и я не стал бы просить тебя об этом, если бы это не было так важно.

– А что, у вас в компании больше некому пойти?

– К сожалению, нет. Эми – на конференции рекламных организаций в Лондоне, Майк занят помолвкой своей дочери, а Скотт завтра улетает в США в командировку. Мы действительно попали в затруднительное положение.

Я снова колеблюсь, размышляя, не сумею ли я каким-то образом побывать и там, и там.

– А во сколько это закончится?

– Не знаю. Может, в половине десятого или в десять. Начинается в семь.

– Ну, тогда я, наверное, успею после этого попасть на день рождения сестры Сейди – хотя бы на час или около того. Так годится?

На другом конце линии воцаряется тишина. Я могу поссориться и с Сейди, и с Ли, если не буду достаточно осторожной.

– Да, если такой вариант тебе подходит, то это замечательно. Мне необходимо быть там, но я должен прийти не один, и мне бы очень хотелось, чтобы со мной была ты.

Я чувствую, как к глазам подступают слезы радости. Я знаю, что должна быстренько принять окончательное решение, пока не расплакалась или не разозлила Ли.

– Спасибо. Я с удовольствием пойду с тобой.

– Джесс, ты – прелесть, и я просто обязан устроить тебе классное времяпрепровождение.

– Прекрасно, – говорю я. – Мне ведь там удастся бесплатно поесть?

– И еда там будет очень вкусной. Мероприятие пройдет в отеле «Квинс». Очень крутой отель.

И тут меня охватывает ужас от внезапного осознания того, что мне абсолютно не в чем пойти в такое место, как отель «Квинс».

– А какой там дресс-код?

– Вечернее платье.

– О-о, я не уверена, что у меня есть что-нибудь в этом роде, и я не могу сейчас себе позволить...

– Это не проблема, – говорит Ли. – Я куплю тебе что-нибудь сегодня вечером по дороге домой.

– Нет-нет, я вовсе не просила тебя это делать.

– Я настаиваю. Я оформлю это как расходы нашей компании. Думаю, это самое меньшее, что мы в данных обстоятельствах можем сделать. Ты ведь как бы чем-то жертвуешь ради того, чтобы помочь нашей компании, и поэтому, я считаю, будет правильно, если мы возьмем расходы на себя.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Тут не может быть никаких возражений. Мне искать какой размер – восемь или десять?

– Десять.

– Хорошо. Я, возможно, пришлю тебе фотографии имеющихся вариантов, и ты выскажешь мне свое мнение.

– Спасибо.

– Нет, спасибо тебе, Джесс. Я очень рад, что ты согласилась. Ну ладно, поговорим еще чуть позже.

Я кладу телефон в карман. Та часть меня, которая рада возможности поучаствовать в подобном мероприятии, сейчас отчаянно дерется с той моей частью, которая чувствует себя последней свиньей из-за того, что придется так нехорошо поступить по отношению к Сейди и ее сестре.

В комнату для персонала заходит Адриан.

– Привет, конфетка, – говорит он. – У тебя все нормально?

– Да, все хорошо, спасибо.

– Однако ты выглядишь как человек, который пытается настроить себя на то, чтобы посмотреть «Кунг-фу панда-3» от начала до конца уже в четвертый раз.

Я улыбаюсь ему.

– Какой самый вежливый способ сказать кому-то, что ты не

выполнишь своего обещания по отношению к нему, Ади?

– Это мужчина или женщина?

– Женщина.

– Скажи ей, что ты знаешь, что она поймет, потому что она очень хорошая подруга.

– Хорошо, – говорю я.

– Потом расскажешь мне, сработало это или нет.

Я киваю и направляюсь к выходу. Адриан окликает меня, и я поворачиваюсь к нему.

– Но имей в виду, что поступить так можно только один раз. Более одного раза – это будет уже слишком.

Я жду, пока не закончится «Кунг-фу панда-3» и пока мы с Сейди не начнем наводить порядок в кинозале номер два. Я все еще не могу привыкнуть и понять, каким образом люди умудряются устроить такой жуткий бардак за какие-то там девяносто минут. Они ведь вроде бы должны все время смотреть на экран.

Держа в руках большой пакет для мусора, я иду между креслами позади Сейди. Я пытаюсь говорить непринужденным голосом, хотя осознаю, что у меня это не получается.

– Я знаю, что обещала быть завтра на дне рождения с самого начала, но недавно мне позвонил Ли, у них там что-то вроде чрезвычайной ситуации.

Сейди смотрит на меня, держа в руке картонную коробку с недоеденным попкорном.

– И что?

– Ему завтра вечером необходимо пойти на торжественный ужин, во время которого будут вручать премии. Его директор, который должен был туда пойти, заболел. Ли сказал, что ему очень неудобно просить меня об этом, но кроме него туда пойти некому.

– А почему туда нужно пойти и тебе?

– Его компании выделили два места за столом лорд-мэра. Это очень важное событие. Я не смогла сказать ему «нет», и я знала, что ты меня поймешь.

Мои слова тяжело повисли в воздухе между нами. Мне на какой-то миг показалось, что метод Адриана не так уж и хорош: он может восприниматься как скрытая угроза.

– Но ты все равно придешь на день рождения, да?

– Да, но позже. Это мероприятие должно закончиться часов в десять. И я сразу же бегом на поезд.

Сейди смотрит на меня с сомнением, а затем говорит:

– Хорошо.

– Я извиняюсь за то, что так получилось, Сейди. И извинись за меня перед Мэдди.

Она кивает и начинает как-то чересчур энергично запихивать пустые стаканчики в пакет для мусора. Уж лучше бы она меня обругала, чем вот так вот угрюмо согласилась.

У меня в кармане раздается звуковой сигнал. Я достаю телефон и смотрю на две фотографии, которые прислал Ли: на одной из них черное кружевное платье с длинными рукавами, а на другой – платье, оставляющее плечи открытыми. На втором платье я вижу бирку «Джигсо». Я никогда не носила вещи этой торговой марки, потому что считала их слишком дорогими. Я показываю Сейди дисплей телефона.

– Какое, по-твоему, лучше подойдет? Ли собирается купить мне нечто роскошное.

Сейди смотрит на меня, нахмурившись:

– Это еще, черт возьми, что такое? Он что, кто-то вроде Ричарда Гира в фильме «Красотка»?

– Это строгое вечернее платье. Я сказала ему, что мне на это мероприятие нечего надеть.

– То есть он покупает его для тебя?

– Не он. Компания, в которой он работает. Он сказал, что это будет за счет компании.

Сейди вскидывает брови и поднимает с пола какой-то мусор, который зрители оставили под сиденьями.

– Так все-таки какое из этих платьев? – спрашиваю я.

– Не знаю. Вообще-то не имеет большого значения то, что я думаю, разве нет? Почему бы тебе не спросить у него самого?

Я пишу Ли, что они мне нравятся оба и что он может выбрать сам. Сейди направляется к выходу из зала, чтобы принести пылесос «Генри», и в этот момент в зал заходит Адриан. Он смотрит сначала на лицо Сейди, а затем – на мое.

– Я что, напортачил? – спрашивает он.

– Нет, – отвечаю я. – Думаю, что сделала это исключительно я сама.

Когда я подхожу к дому, к нему подъезжает на автомобиле папа.

– Привет, милая, – говорит он, захлопывая дверцу и засовывая руку в карман, чтобы достать ключи. – Как работалось сегодня вечером?

– Нормально. А ты выглядишь усталым.

– Тяжелый был вечер. У нас было большое мероприятие. Но это мне

все равно нравится больше, чем когда тихо.

Я киваю, и мы оба заходим на кухню. Там довольно холодно: папа не любит оставлять отопление включенным, когда мы оба уходим на работу.

– Я приготовлю какао, не возражаешь? – спрашивает он.

– Спасибо. Это было бы здорово.

Я даю ему возможность начать подогрывать молоко, прежде чем продолжить говорить, – ну, чтобы он в этот момент был чем-то занят.

– У меня меняются планы на завтрашний вечер. Я пойду с Ли на торжественный ужин в Лидсе, во время которого будут вручаться премии, а потом отправлюсь на празднование дня рождения Мэдди.

– Ого! Это почему?

– Директор, который должен был пойти на этот ужин, заболел. Им выделили два места за столом лорд-мэра. Ли подумал, что было бы нехорошо, если бы от них никто не пришел. Это мероприятие будет проходить в отеле «Квинс».

Папа аж присвистывает, наливая молоко в кружки и быстро его размешивая.

– Ого, очень круто! А когда это мероприятие заканчивается?

– Ли полагает, что около десяти. Я сразу же сяду на поезд.

– Значит, когда ты приедешь, празднование дня рождения уже почти закончится?

– Да. Я знаю. Но это самое лучшее, что я могу сделать.

– А как насчет Мэдди?

– Все будет в порядке. Она в любом случае будет праздновать со своими друзьями по колледжу. Она и не заметит.

Папа, ставя кружки на стол, поднимает брови:

– Но подводить своих друзей – это вообще-то нехорошо.

– Мне не хотелось подводить и Ли.

– Вы знакомы друг с другом всего ничего.

– Да, и наше знакомство продлится недолго, если я не буду с ним встречаться.

– Ты только постарайся сделать так, чтобы не растерять своих друзей, хорошо?

– Что ты имеешь в виду?

– Они – те, на кого ты можешь рассчитывать, Джесс. Причем еще очень долго после того, как ухажеры исчезнут.

– А этот ухажер вообще-то не исчезнет.

– Тем не менее ты нуждаешься в друзьях, Джесс. Независимо от того, исчезнет твой ухажер или нет. И если он к тебе и в самом деле

неравнодушен, он это поймет.

– Спасибо за такие ободряющие слова. Не забудь поставить меня в известность, когда на радио начнет выходить в эфир твоя телепрограмма о пропавших ухажерах.

Папа выдавливая из себя улыбку:

– Я всего лишь стараюсь о тебе заботиться. Это моя работа.

– Я знаю, знаю. Но тебе нужно понимать, что я уже достаточно взрослая для того, чтобы позаботиться о себе самостоятельно.

Папа, ничего не говоря, заканчивает помешивать какао и кладет ложку на блюдце, которое он поставил между нами на стол.

– Получается, что тебе, чтобы поучаствовать завтра в этом крутом мероприятии, нужно взять какую-то шикарную одежду напрокат?

– Нет. Ли покупает мне платье. За счет компании. Он говорит, что это самое меньшее, что они могут сделать.

Папа медленно кивает:

– Ты ведь знаешь, что я всегда куплю тебе все, что тебе нужно, Джесс.

– Спасибо. Но Ли настоял на том, чтобы я согласилась на эту его покупку. Но и ты мне можешь кое в чем помочь. У меня нет обуви, которую я могла бы надеть на подобное мероприятие. Ты не возражаешь, если я надену лучшие мамины туфли? Я буду обращаться с ними очень осторожно.

Папа подносит кружку к своим губам, и я вижу, что его рука при этом дрожит.

Мне становится не по себе из-за того, что я его об этом попросила.

– Ладно, не надо, – продолжаю я. – Я могу купить себе какие-нибудь туфли завтра во время обеденного перерыва. Я спросила, не подумав.

– Нет, я вообще-то не возражаю. Бери их. Она тоже была бы согласна. Мы ведь не можем вынуждать тебя появляться перед лорд-мэром в ботинках «ДМ», правда?

Я улыбаюсь и целую его в щеку, а затем беру свою кружку.

– Спасибо. Я пойду наверх и возьму их прямо сейчас, хорошо? Просто чтобы проверить, подойдут ли они мне.

Он кивает. Я иду на второй этаж, стараясь не накапать какао на ковер. Прежде чем зайти в папину комнату, я ставлю кружку на пол на лестничной площадке. Я знаю точно, где находятся эти туфли. Тем не менее меня охватывают странные чувства, когда я открываю платяной шкаф, опускаюсь на колени и засовываю руку вглубь шкафа. Папа отнес большинство маминих вещей в магазин, торгующий подержанными вещами и отдающий выручку на благотворительные цели, но с некоторыми

вещами он не смог заставить себя расстаться. Эти вещи казались такой неотъемлемой частью мамы, что было невозможно смотреть на них, не видя в них ее. Одежда – вся в полиэтиленовых пакетах с одной стороны платяного шкафа. Обувь и аксессуары – в большой коробке внизу шкафа.

Я поддвигаю коробку к себе и снимаю с нее крышку. Это для меня – все равно что открыть огромную коробку с памятными вещами. Я прикасаюсь к зеленому шарфу, вспоминая, каким мягким он мне казался, когда я в детстве прикасалась к нему лицом. Разноцветная шерстяная шляпа пахнет Ночью Гая Фокса^[19] и холодными зимними прогулками.

Я беру пурпурные четки и перебираю их так, как это делала мама, даже не замечавшая, что она это делает. Я кладу их обратно и продолжаю ковыряться в коробке. На ее дне лежат черные фирменные туфли на шпильках. Она носила их не очень часто: обычно она ходила в гораздо более удобной обуви без каблуков. Однако в тех редких случаях, когда нужно было выглядеть импозантной, она надевала именно их. Я помню, как смотрела на ее отражение в длинном зеркале в спальне, когда она стояла вон там и поправляла вырез декольте своего пурпурного вельветового платья, которое и сейчас висит в шкафу. Я сказала ей, что она красивая. Она улыбнулась мне и сказала, что умеет наводить красоту, когда у нее есть на это время. Впрочем, она в самом деле была красивой. Папа тоже это говорил. Но она относилась к тем женщинам, которые не очень-то верят подобным словам.

Я накрываю коробку крышкой, ставлю ее в шкаф и отношу туфли в свою комнату. Затем я иду на лестничную площадку и беру там свое какао. Когда я возвращаюсь к себе в комнату, я готова поклясться, что вижу, как мама стоит там в туфлях и разглядывает свое отражение в зеркале.

Джо Маунт → Джесс Маунт

29 июля 2017 г.

Твои похороны в понедельник будут самым тяжелым днем моей жизни – даже более тяжелым, чем тот день, когда мы хоронили твою маму. Я утратил двух людей, которых любил больше всего на свете. Единственное, что заставляет меня жить дальше, – вот этот человечек. Не могу поверить, что эта фотография была сделана лишь три недели назад. Ты была – и останешься – самой лучшей мамой в мире Гаррисона. Тем, кого это интересует, сообщаю, что с ним все в порядке и что о нем заботится Ли,

которому помогает Анджела. Но сегодня он придет повидаться с дедушкой. И я поцелую и обниму его за тебя, Джесс. И я позабочусь о том, чтобы твой драгоценный мальчик никогда тебя не забывал. Х

Джесс

Суббота, 30 января 2016 года

Я рассматриваю на экране фотографию младенца. У него большие голубые глаза, слегка приподнятые – как будто от удивления – брови (хотя и не так высоко, как сейчас мои), маленький носик-кнопочка и красивейшие ямочки. На голове – прядки темных волос. Он более чем восхитительный. А еще он очень похож на Ли. Это поразительно. Он – Гаррисон. Предположительно, тот самый «Г», о котором все упоминали. Он – мой ребенок. А рядом с ним на фотографии – мое лицо. Да, мое. Лицо его мамочки. Я выгляжу как-то совсем по-другому. У меня явно уставший вид, на лице почти нет косметики, но взгляд, которым я смотрю на своего малыша... Это будто вовсе не мое лицо. В его выражении чувствуется переживание за что-то такое взрослое и серьезное, с чем я не сталкивалась и чего не понимаю. Самое похожее из всего, что я когда-либо видела, – это взгляд, которым на меня смотрела мама и которым все еще иногда смотрит папа. Это взгляд, преисполненный любовью и желанием защищать, надеждой и страхом, радостным волнением и тревогой.

Я это себе сейчас не воображаю. Такое не может вообразить даже моя голова. Это – реальность. Эта фотография – настоящая, и изображенный на ней ребенок – настоящий. Его пухленькие пальчики тянут мои волосы. Я почти чувствую их прикосновение. А еще я почти чувствую запах этого ребенка. Его в данный момент, возможно, не существует, но это не означает, что он ненастоящий. В том виде, в каком изображена на фотографии, я в данный момент тоже не существую, но я буду такой через восемнадцать месяцев.

Одной лишь мысли об этом вполне достаточно для того, чтобы заставить меня тяжело опуститься на кровать. Мне предстоит столкнуться со всем, что так или иначе связано с материнством, а я даже не чувствую себя в полной мере взрослой. Сумею ли я справиться с младенцем? Мне, правда, не долго придется с ним справляться. Я снова смотрю на фотографию. Я не специалист по младенцам, но, думаю, ему всего несколько месяцев, а это означает, что я умру довольно скоро после его

рождения. Возможно, в результате послеродовой депрессии. Мама говорила, что у нее такая депрессия была. Может, она передалась мне генетически? Хотя по этой фотографии не скажешь, что у меня депрессия. Я всего лишь выгляжу измотанной.

Я вытираю наворачивающиеся на глаза слезы. Это уж слишком. Огромная часть меня хочет по-прежнему верить, что все это – лишь порождение моего чрезмерно богатого воображения. Однако правда – вот она, у меня перед глазами. Я снова смотрю на фотографию, на которой запечатлены мы с Гаррисоном. Может, я психически и неустойчивая, но я узнаю своего ребенка, когда увижу его.

Я к этому не готова. Ни к чему подобному. Получается, что за восемнадцать месяцев я выйду замуж, рожу ребенка и умру. Вся моя жизнь будто поставлена на быструю перемутку вперед. Как я с этим справлюсь? Я, девушка, которая не может подняться с постели до десяти часов утра и которая ест на завтрак маффины с голубикой. Девушка, которая пожертвовала шансом сделать какую-либо карьеру ради работы в кинотеатре, потому что это прикольно и потому что там можно смотреть фильмы бесплатно. Девушка, у которой после смерти мамы поехала крыша и которую все еще опекает ее отец. Возможно, я умру, не выдержав груза ответственности. Это – не моя жизнь. Это – не тот человек, которым я должна была бы быть.

Я ложусь на спину и всхлипываю. Я хочу, чтобы все это прекратилось. Хочу, чтобы все вернулось в норму. Хочу думать о том, когда Ли трахнет меня в первый раз, поедет ли мы летом в отпуск вместе и будем ли мы все еще встречаться на Рождество. Вот о чем думают нормальные девушки моего возраста. Я никого не просила разложить передо мной мою жизнь, как географическую карту. Я не хочу знать ответы заранее – я хочу узнавать их с течением времени. Как это делают все другие люди. Я хочу прекратить вращение на карусели. Моя голова кружится, и я хочу сойти с этой карусели. Но не знаю, как это сделать.

Я опять смотрю на своего сына-младенца. Уже эти слова кажутся мне какими-то странными и неправильными. Я вообще не собиралась когда-либо обзаводиться детьми. Это всегда казалось мне чересчур ответственным. Я всегда везде все забываю. Женщина в отделе потерянных вещей на вокзале Лидса знает меня по имени. Я, чего доброго, когда-нибудь забуду своего младенца в поезде. Вот такой никудышной мамой я буду. Мне вспоминается моя мама, вспоминается все то, что она делала для меня. Как, черт побери, я смогу быть не хуже ее?

Снова и снова я прокручиваю все это в своей голове вместо того,

чтобы думать о встрече с Ли сегодня вечером. Как я смогу смотреть ему в глаза, если я уже видела нашего будущего ребенка? Как я смогу ему об этом не рассказать? Это ведь неправильно. Тут вообще все неправильно, и мне нужно придумать, каким образом строить наши отношения, если при этом я буду смотреть в «Фейсбуке», как растет наш будущий сын.

Я подношу телефон с фотографией на дисплее к своей груди. Я понимаю, что это нелепо, но мне хочется, чтобы мой сын был сейчас поближе ко мне. Я знаю, что должна перестать смотреть на него, но уже слишком поздно. У меня есть ребенок. И на мне лежит ответственность за то, чтобы у него все было хорошо.

Пожалуй, я могу попытаться выяснить, каким образом умру. А может, я даже смогу это предотвратить. Возможно, как в фильме «Назад в будущее», я смогу как-то изменять обстоятельства и влиять на свою собственную судьбу, если только мне удастся оказываться в нужном месте в нужное время, как в тот момент в фильме, когда ударяет молния. Может быть, именно поэтому и были размещены эти публикации? Может быть, кто-то из будущего пытается спасти мою жизнь?..

Я качаю головой при мысли о том, что кто-то там, в будущем, стал бы из-за этого переживать, и бросаю взгляд на мамины туфли, стоящие на полу возле платяного шкафа. Она бы знала, что следует делать. Я всегда могла поговорить с ней о чем угодно. Она разобралась бы во всем и придумала бы, как от этого избавиться. Я очень сильно скучаю по ней сегодня. Сильнее, чем когда-либо.

Весь день у меня проходит как в каком-то тумане: я то переживаю за свое будущее, то с нетерпением жду наступления сегодняшнего вечера и думаю о нем. Сейди взяла выходной, чтобы помочь подготовиться к вечеринке, и я рада возникшей передышке: если бы она была сейчас на работе и стала бы меня расспрашивать, я, конечно, не выдержала бы и проболталась.

Когда я иду после работы к вокзалу, у меня такое ощущение, будто я иду на встречу со своим будущим. Стоит ли говорить об охватившем меня нервном напряжении?! Мне, можно сказать, еще повезло, что мне нравится этот парень, не знаю, что бы я делала, если бы он мне не нравился. А что бы произошло, если бы я разорвала отношения с ним? Нет, я не хочу этого делать. Мне просто интересно, могу ли я их разорвать. А если все предрешиено, то каким образом мне строить эти отношения? Могу ли я расслабиться и просто думать о своей свадьбе?

Мы договорились с Ли встретиться возле вокзала. Когда я уже подхожу к месту встречи, я говорю себе выкинуть все это из головы.

Однако легко сказать, да трудно сделать. Как только я вижу Ли, единственное, о чем я могу думать, – так это о том, как я оставлю его – в прямом смысле – с младенцем на руках, когда меня не станет. Стал бы он со мной общаться, если бы узнал, что такое произойдет? Возможно, с моей стороны было бы гуманнее пройти сейчас мимо, избавив его от всего этого.

Ли улыбается и машет мне рукой. Я иду по направлению к нему, мысленно повторяя себе, что мне следует вести себя как ни в чем не бывало. И что я не могу позволить себе все это испортить.

– Привет, – говорит Ли, целуя меня в губы. – Готова пойти на бал?

– А разве это бал?

– Нет, я просто шучу.

От меня не ускользает, однако, что он как бы сравнил меня с Золушкой. Я стою здесь в лосинах и ботинках «ДМ», и мне вроде бы предстоит трансформироваться так, чтобы не стыдно было бы пойти и на бал. Впрочем, следует заметить, что Ли не очень-то похож на крестную-волшебницу из сказки про Золушку.

– Это хорошо, – говорю я, – потому что я не умею танцевать балльные танцы. Но я вполне готова набивать себе живот на халяву, а также свистеть и улюлюкать, когда ты пойдешь получать свою премию.

Ли смеется:

– Ты в самом деле собираешься свистеть?

– Ну да. В подобных случаях разве так не делают?

– Нет. В подобных случаях вежливо хлопают и пытаются не выказывать свою досаду из-за того, что премию вручают не им.

– Ты имеешь в виду, как при вручении премии «Оскар»? Они собираются фотографировать и снимать на видеокамеру всех номинантов?

– Надеюсь, что нет. Кроме того, вполне может так получиться, что премию вручат не нам, а кому-нибудь другому.

– Нет, вручат именно вам. Вас не стали бы сажать за стол лорд-мэра, если бы не собирались давать вам премию. Разве лорд-мэр захотел бы сидеть в окружении лузеров?

– Будем надеяться, что не захотел бы. Ну да ладно, давай займемся твоим нарядом. Нам сейчас нужно пойти ко мне домой.

Он берет меня за руку, и мы движемся в обход здания вокзала.

– Жаль, что ты не можешь просто перепрыгнуть через перила на платформу семнадцать и три четверти.

– Вообще-то это платформа 17-би.

– Это то же самое для фанатов Гарри Поттера.

– О господи, у тебя, надеюсь, нет одного из ожерелий «Дары смерти»?

- Есть. И соответствующая татуировка.
- Где?
- Стесняюсь сказать.
- Мне тогда придется самому это выяснить. Только не показывай ее лорд-мэру до того, как покажешь мне.
- Хорошо, договорились.
- А я возьму себе на заметку никогда не брать тебя с собой на вечеринку-маскарад, раз уж, как я теперь подозреваю, у тебя имеется костюм профессора Минервы Макгонагалл.
- Вообще-то костюм Беллатрисы Лестрейндж. У отрицательных героев обычно самые лучшие наряды. А для себя ты какой бы выбрал маскарадный костюм?
- Хан Соло из «Звездных войн».
- Это тот, у которого был световой меч?
- Нет, то был Люк Скайуокер. Хан Соло – постарше. Его играл Гаррисон Форд.

Я внимательно смотрю на Ли. Ему нравится Гаррисон Форд. Ребенка, который вроде бы должен появиться у нас с ним в будущем, зовут Гаррисон. Может, это просто совпадение. А может, и нет.

- Ты, что ли, его почитатель?
- Да. Мне очень нравились фильмы из серии «Звездные войны», а еще все фильмы про Индиану Джонса. Он классный, по-настоящему классный. Пусть даже и немного переигрывает.
- А ты назвал бы своего ребенка в его честь?
- Ли оборачивается и, нахмурившись, смотрит на меня.
- Что ты имеешь в виду?
- Если бы у тебя когда-нибудь родился сын, ты назвал бы его Гаррисоном?
- Не знаю. Думаю, это имя в любом случае лучше, чем Оби-Ван Кеноби^[20].

Я киваю и улыбаюсь. Именно это в действительности и произойдет. У нас будет сынишка, которого будут звать Гаррисон. Ли, возможно, напомнит мне об этом разговоре, когда мы будем обсуждать с ним, как назвать нашего ребенка.

Наверное, мне сейчас следует что-то сказать. Что-то такое, о чем я смогу напомнить ему когда-нибудь в будущем.

- А я думаю, что выбрала бы имя Северус, – говорю я.
- Ну, тогда до свидания и желаю тебе удачи.

Я смеюсь, но это не смешно. Совсем не смешно. Мы ведь

разговариваем не о чем-нибудь, а о нашей жизни. Просто Ли об этом еще не знает. А я только сейчас всерьез задумалась о том, что все это вообще-то может оказаться правдой.

Мы поворачиваем направо. Ультрамодные магазины сменяются зачуханными строениями под старыми железнодорожными арками, а те, в свою очередь, уступают место новым многоквартирным домам, теснящимся вдоль канала. Они все – одинакового размера и одинаковой конструкции, с маленькими стеклянными балконами.

– Ну вот мы и пришли, – говорит Ли.

– Какой этаж?

– Верхний.

Я молча киваю.

– Не переживай, там есть лифт, и тебе будет приятно узнать, что он обычно работает и в нем не воняет.

Я думаю совсем не об этом. Глядя вверх, на балконы верхнего этажа, я вообще-то задаюсь вопросом, не свалюсь ли я с него. Люди падают с балконов только в фильмах или и в реальной жизни тоже? Меня охватывает озноб, когда мне вдруг приходит в голову, что я, возможно, смотрю на место своей смерти. Может, я, напившись допьяна, свалюсь через перила балкона? Упаду я на дорожку вдоль канала или в канал? В обоих случаях сцена будет не очень-то красивой. Впрочем, я вряд ли стану напиваться, когда у меня будет трехмесячный младенец. И мы, наверное, не станем жить в такой квартире, если у нас будет маленький ребенок. Возможно, к тому времени, когда это произойдет, мы уже переедем в другое место.

Я замечаю, что Ли смотрит на меня, и пытаюсь разжать кулаки, в которые как-то сами собой сжались мои ладони.

– Чудесное место, – шепчу я.

– Да, тут вообще-то есть все, что мне нужно. Внизу – кафе и магазинчик. По ту сторону пристани – бар. До работы – десять минут ходьбы.

– Прекрасно, – отвечаю я, потирая ладони в попытке согреться и чувствуя, как уходит прочь едва не охватившее меня оцепенение.

Затем я иду вслед за Ли к одному из домов. Ли нажимает какие-то кнопки на кодовом замке и, открыв дверь, пропускает меня вперед. Коридор – симпатичный, и в нем пахнет чистотой. Ли нажимает на кнопку вызова лифта. Двери лифта открываются почти сразу, и я захожу в кабинку. Здесь со всех сторон – зеркала. Я замечаю, как Ли смотрит на меня, когда двери закрываются. И тут до меня доходит, что сейчас я оказалась с ним наедине. Он поворачивает меня лицом к себе и целует. Целует очень крепко

– так, как это делают в кино. У меня мелькает мысль, что он, возможно, собирается застопорить лифт и между нами все случится, как в фильме «Роковое влечение». Я не стала бы сопротивляться. Последний раз я занималась сексом в маленькой зачуханной квартирке над прачечной самообслуживания. Так что мне не помешал бы новый опыт.

Лифт останавливается, и его двери открываются. Я поднимаю взгляд на Ли.

– Жаль, – говорит он. – Я наслаждался. Пожалуйста, после тебя.

Я выхожу из лифта. Ли при этом крепко обнимает меня за талию.

Он направляет меня к самой дальней двери с левой стороны и открывает ее. Я захожу вслед за ним в маленькую прихожую, все выходящие в нее двери – закрыты. Это похоже на одну из тех приключенческих игр, в которых, чтобы выбраться наружу, нужно взломать код.

– Позволь мне помочь тебе повесить куртку, – говорит он.

Я снимаю свой рюкзак и куртку и протягиваю ее ему. Затем наклоняюсь, чтобы снять ботинки.

– Обувь снимать не нужно, – говорит он.

– Я не хочу пачкать твой пол.

– У меня наводит порядок уборщица.

– Ну, тогда я не хочу пачкать ее пол.

Я снимаю ботинки. В чем я не хочу признаваться – так это в том, что они натерли мне ноги, потому что я в одних чулках, без толстых носков сверху. Мамины туфли лежат в моем рюкзаке. Я не была уверена, что смогу пройти в них такое большое расстояние.

– Ну что, небольшая экскурсия? – спрашивает Ли.

– Да, пожалуйста.

Он ведет меня в гостиную. Там все – как в каталоге компании ИКЕА: пол из ламината, модная мебель, коврики и светильники. Но меня больше всего притягивает к себе окно.

– Ого, классный вид.

– Да. Это не Париж, но Лидс отсюда, с высоты, тоже выглядит неплохо. Особенно ночью.

Он ведет меня обратно в прихожую и открывает дверь на кухню. Там у кухонной стойки – две табуретки. Интересно, думаю я, скольким женщинам доводилось сидеть здесь по утрам рядом с Ли. Наверное, многим. Меня, по правде говоря, удивляет, что он до сих пор холост. Парней вроде него обычно расхватывают довольно быстро.

– Очень мило.

– Может, дать тебе чего-нибудь выпить, прежде чем мы пойдем? – спрашивает он.

– Нет, не нужно, спасибо.

Он кивает, и я выхожу вслед за ним из кухни.

– Ванная, если она тебе понадобится, находится вот здесь, – продолжает он, открывая дверь на противоположной стороне коридора.

За дверью ванной меня встречает море сияющего хрома и безупречно-белого кафеля. На вешалках идеально ровно висят аккуратные полотенца. У меня возникает ощущение, что я нахожусь в номере люкс одного из тех шикарных отелей, которые показывают по телевизору. Я все еще пытаюсь разобраться, сумею ли построить отношения с парнем, который живет в такой вот квартире. Как если бы, к примеру, на данную роль в кино выбрали не совсем подходящую актрису. Мне, пожалуй, следовало бы проверить, не имеет ли тут место ошибка в установлении личности.

– В такую квартиру страшновато входить – того и гляди что-нибудь испачкаешь, – говорю я.

– В этом-то и заключается прелесть того, что я нанял уборщицу. Когда я прихожу домой в понедельник, тут всегда все выглядит подобным образом. Независимо от того, в каком состоянии я оставил квартиру, когда выходил из нее.

– Но сегодня суббота, – говорю я. – Как получилось, что все выглядит так, как будто уборщица ушла только что?

Ли пожимает плечами:

– Мне кажется, я довольно аккуратный и чистоплотный. И я не люблю, когда вокруг меня бардак.

Мне следует предупредить его о том, какой его ждет шок, если он и в самом деле женится на мне. Пожалуй, придется повышать в этой игре ставки.

– А вот здесь, – продолжает он, направляясь к двери, которая ближе всего к входной, – находится твоя гримерная.

Он пропускает меня вперед. В этой комнате – все как в журналах про дизайн внутреннего интерьера. Гигантских размеров кровать с серым пуховым одеялом с черной каймой и соответствующими подушками, пол из ламината с ковром посередине; белые стены и встроенные платяные шкафы с зеркалами. А еще – двойные двери, ведущие на балкон.

Ли проходит вперед и открывает эти двери. Я чувствую, как в меня ударяет струя холодного воздуха.

Я не хочу выходить на балкон, но в то же самое время меня тянет посмотреть на то, что может стать местом моей смерти. Я высовываю

голову наружу – высовываю ровно настолько, чтобы можно было увидеть внизу канал, – а затем отхожу вглубь комнаты, отчаянно пытаюсь перестать думать о падении с этого балкона.

– Боишься высоты? – спрашивает Ли.

– Нет, просто там холодновато.

Ли закрывает двери, а потом открывает платяной шкаф и достает из него длинное черное платье.

– Это, – говорит он, протягивая его мне, – для вас, мадам.

Минуту назад я думала о месте возможной смерти. А сейчас я смотрю на платье, в котором собираюсь пойти на «бал». Это все равно как оказаться в каком-нибудь необычайно странном мультфильме Уолта Диснея, в котором зрителю предлагаются два варианта концовки: приезжает прекрасный принц на белом коне или же убивают олененка Бэмби, причем убивает его тот же самый человек, который застрелил его маму. Мне вполне понятно, какую концовку я выберу.

Я протягиваю руку и прикасаюсь к ткани. Ли выбрал платье с открытыми плечами. Оно выглядит даже лучше, чем на фотографии. Ткань с блестками, мерцающими под лучами света. У меня еще никогда ничего подобного не было.

– О господи!.. Большое спасибо. Оно великолепное.

– Это самое меньшее, что я могу сделать, – говорит Ли. – Я очень высоко ценю то, что ты согласилась пойти со мной.

Когда он это говорит, меня охватывает острое чувство вины из-за того, что я уже и забыла про день рождения сестры Сейди.

– Ничего, ничего. Я сказала, что вернусь последним поездом и успею попасть хотя бы на конец вечеринки.

– Не говори глупостей, я отправлю тебя на такси. Тебе нет нужды гоняться за поездами в таком красивом наряде. Ты ведь можешь при этом потерять на платформе свой хрустальный башмачок.

Он бросает взгляд вниз, на мои голые ступни.

– Ой, мне надо было купить тебе и туфли тоже? – спрашивает он.

– Нет-нет, не надо было. У меня есть туфли. Они в рюкзаке. Я просто не привыкла ходить на высоких каблуках.

– Хм, а я уж было на секунду подумал, что ты отправишься на это мероприятие в вечернем платье и в ботинках.

– Не переживай, – говорю я, решив не признаваться, что туфли, которые я принесла, вообще-то не мои. – У меня не все так уж плохо.

– Ну ладно, мне уже пора бы переодеться и дать тебе возможность сделать то же самое, – говорит он, доставая из платяного шкафа свой

костюм. – Надеюсь, это платье тебе подойдет по размеру. Если тебе понадобится помощь, позови меня погромче.

Он улыбается мне, и я улыбаюсь в ответ. Это как-то странно – находиться с этим мужчиной в его спальне. Я размышляю, будет ли Гаррисон зачат именно здесь. А еще – как, черт побери, я смогу вести себя как ни в чем не бывало, если я уже так много знаю о нашем совместном будущем? Когда Ли выходит и закрывает за собой дверь, я вздыхаю и начинаю раздеваться, радуясь тому, что додумалась взять с собой лифчик без бретелек, на тот случай если Ли выберет платье с открытыми плечами.

Я снимаю платье с вешалки. Ли оторвал ценник, но я уже знаю, во сколько оно ему обошлось. Я заглянула на веб-сайт «Джигсо»: это платье стоит 179 фунтов стерлингов, второе – 159. Мне льстит, что он выбрал из них то, что подороже. Пусть даже он и утверждает, что купил его за счет компании.

Я натягиваю на себя платье, правда, мне не удастся застегнуть молнию на спине до конца. Затем я поворачиваюсь и смотрю на свое отражение. Я не узнаю молодую женщину, которая смотрит на меня из зеркала. Она вся такая гламурная и изысканная. Ну, в какой-то степени изысканная. Мои волосы пока что довольно растрепанные, но в рюкзаке, оставшемся в прихожей, лежит расческа. Я делаю глубокий вдох и открываю дверь.

Ли стоит в коридоре уже в костюме и выглядит при этом так, как будто явился сюда из какого-то фильма про Джеймса Бонда. Он оборачивается и окидывает меня взглядом. Выражение его лица напоминает мне выражение лица менеджера отеля из фильма «Красотка», когда тот впервые увидел Джулию Робертс нарядной.

– Ого! – говорит Ли, делая шаг вперед. – Ты выглядишь потрясающе.

– Спасибо, – говорю я. – Ты тоже выглядишь неплохо. Но я не смогла застегнуть молнию до конца.

Он заходит мне за спину. Я чувствую на шее его дыхание, когда он застегивает молнию. Его ладони касаются моих плеч. Секундой позже он уже покрывает поцелуями мою шею. Это аккуратные, нежные поцелуи – как будто я представляю собой очень хрупкое создание. Меня еще никто никогда не целовал подобным образом. Он разворачивает меня лицом к себе и целует в губы. Теперь уже более энергично. Он запускает пальцы в мои волосы, слегка тянет и сжимает их. У меня такое ощущение, что он переключился при езде на автомобиле на пару передач выше. Одна его рука опускается на мое бедро и ныряет в разрез платья к верхней части моих чулок, а вторая прикасается к соску моей правой груди.

Наши губы на секунду размыкаются: мы оба делаем вдох.

– Я знал, что это плохая идея, – шепчет он. – Я по глупости думал, что смогу себя контролировать.

– Мы теперь опоздаем?

– Нет, если пошевелимся. Подожди меня здесь.

Он исчезает в ванной и снова появляется секундой позже с маленьким квадратным пакетиком в руке.

– Мы не можем допустить, чтобы я испортил тебе платье, правда? – улыбается он, кладя этот пакетик в свой верхний карман. – На чем мы остановились?

Он обхватывает мои груди ладонями, а затем приподнимает подол платья и засовывает свою ладонь мне в трусики. Я отклоняю голову назад, прислоняясь к стене, и выгибаю спину. Его пальцы движутся быстро и легко. Он, черт побери, умеет это делать. Я издаю стон и прижимаюсь губами к его плечу, чтобы не позволить себе застонать громче. Он, возбуждая меня, улыбается. Улыбается с таким видом, как будто наслаждается буквально каждой секундой нашей близости. Оторвавшись от меня, он расстегивает ширинку и, достав из кармана пакетик с презервативом, разрывает его.

– Ты такая красивая!.. – шепчет он.

Улыбка с его лица исчезла: ее сменило выражение решительности, которого я еще никогда не видела. Он придвигается ко мне, беря меня руками за бедра и пожирая меня глазами. Он собирается трахнуть меня здесь, у стены. И я не думаю, что мне когда-либо раньше хотелось трахнуться так сильно, как сейчас.

Мы оба прислоняемся к стене, грудь у нас обоих вздымается, мы оба пытаемся восстановить дыхание.

– Да уж, это стоило того, чтобы заставить лорд-мэра ждать, – говорит Ли, улыбаясь мне и убирая прядь волос с моих глаз.

– Мы еще не опоздали на начало мероприятия?

– Нет. Мы успеем. Но я не стал бы расстраиваться, если бы мы и опоздали.

– А я стала бы, – говорю я. – Мне очень хочется попасть на этот ужин.

– Куда оно все девается – то, что ты ешь? Ты такая худенькая!

– Моя мама говорила, что я проснусь на свой сороковой день рождения и увижу, что все то, что я когда-либо ела, за одну ночь легло жиром на моих бедрах.

– Я надеюсь, что этого не произойдет, – говорит Ли, проводя ладонью по моему бедру. – Мне они больше нравятся такими, какие сейчас.

Я расплываюсь в улыбке. У меня еще никогда не было парня, который

вызывал бы у меня подобные ощущения. Мне хочется смаковать каждую секунду общения с ним. Но у меня в животе вдруг начинает громко урчать.

– Это сработала моя звуковая сигнализация по поводу того, что нам уже пора пойти чего-нибудь похавать, – говорю я, сдерживая смех.

– Ну, тогда пошли, – улыбается он. – Я не готов вступать в битву с твоим животом.

Ли наклоняется и целует меня в последний раз, а затем идет в ванную. Я стою в коридоре, пытаюсь осмыслить то, что только что произошло. Меня охватывает беспокойство: а не использовал ли он презерватив, не спросив меня, потому, что я похожа на девушку, которая трахается с кем попало? Еще меня беспокоит, не вызвало ли у него отвращение то, что я слишком боюсь боли при эпиляции, а потому не удаляю себе волосы в интимных местах. Но больше всего меня беспокоит то, что я не могу перестать думать обо всем, что я видела в «Фейсбуке», вместо того, чтобы позволить себе влюбиться в этого мужчину.

Мы прибываем в отель ровно в семь часов. Я уверена, что от нас все еще пахнет сексом. Мы поспешно проходим через вестибюль, и Ли предъявляет наши приглашения мужчине, стоящему у двери зала для торжественных мероприятий. Тот кивает и показывает нам на дальнюю часть помещения. Все остальные уже сидят на своих местах. Ли, держа меня за руку, ведет к двум незанятым местам за столом лорд-мэра. Когда мы подходим, Ли отодвигает для меня стул. Лорд-мэр встает, и его примеру следуют все остальные сидящие за столом мужчины. Я улыбаюсь и быстренько сажусь на свой стул, подозревая, что над моей головой светится огромная неоновая вывеска со словами: «Я опоздала, потому что только что занималась вот с ним сексом». И от вывески идет стрелочка, указывающая на Ли.

Женщины за столом вежливо кивают. Я, черт побери, уверена, что они обо всем догадались. У меня щеки наверняка алеют так, что только на смущение этого не спишешь.

– Это большая честь – познакомиться с вами, – говорит Ли, протягивая руку лорд-мэру. – Ли Гриффитс, компания «Эклипс Пи-Ар». А это Джесс, моя возлюбленная.

«Возлюбленная». Он произнес это вслух. Значит, все это происходит на самом деле, а не в каком-то мультике Уолта Диснея.

– Очень рад, что вы смогли прийти, – говорит лорд-мэр, поочередно пожимая руку нам обоим. – А то я уже начинал подумывать, что мне, возможно, придется съесть три порции.

– Не переживайте, – говорю я. – Я не собираюсь оставлять от своей

порции ни крошки.

Лорд-мэр наклоняется ко мне.

– Очень даже правильно, – говорит он, подмигивая. – Я прихожу на такие мероприятия только для того, чтобы бесплатно поесть, но лучше об этом никому не говорить.

Он знакомит нас со своей супругой. У нее стеклянное выражение глаз и пухлые щеки. У меня возникает подозрение, что и она приходит на такие мероприятия только для того, чтобы поесть.

Ли гладит под столом мою ляжку.

– Я же говорил тебе, что мы явимся сюда вовремя, – шепчет он.

– Люди смотрят на нас странными взглядами. Как ты думаешь, они знают, чем мы только что занимались, а?

– Мне наплевать, даже если знают. Они сейчас все лишь завидуют. Во всяком случае, мужчины.

Он снова мне улыбается. Подняв взгляд, я замечаю, что все сидящие за столом женщины смотрят на Ли. Похоже, что завидуют сейчас не одни только мужчины. Меня наполняет чувство гордости. Мне очень хочется крикнуть: «Эй, вы, он – мой, и нечего на него таращиться!» Но я этого не делаю. Однако вид у меня, наверное, очень даже самодовольный.

Когда компании Ли все-таки присуждают премию «Самое лучшее малое предприятие в Лидсе», я тихонько улюлюкаю, еле слышно присвистываю и громко хлопаю в ладоши. Хлопаю так сильно, что ладони у меня начинают болеть.

– Я же говорила тебе! – шепчу я, когда Ли возвращается с наградой к столу.

– Мне, пожалуй, следовало к твоим словам прислушаться, – говорит Ли. – Ты довольно хорошо умеешь предвидеть будущее. Если у тебя есть какие-либо соображения насчет того, какое число выиграет в лотерее, которая проводится в Йорке в следующий уик-энд, ты могла бы шепнуть мне на ушко.

Я улыбаюсь ему, искренне желая, чтобы это было единственным, что я знаю о будущем.

– Поздравляю, – говорит Ли женщина, сидящая рядом со мной.

– Спасибо, – говорит Ли.

– И вас тоже, дорогая.

Она улыбается.

– О-о, я не работаю в этой компании, – говорю я.

– Она *пока еще* не работает, – говорит Ли. – Я пытаюсь ее уговорить.

Я смотрю на него.

– Я серьезно, – говорит он. – Я хочу, чтобы ты стала работать у нас секретарем на ресепшене.

– Я тебе уже говорила, что мне это не интересно.

– Эта работа – твоя, если ты вдруг на нее согласишься.

– Я как-нибудь сама смогу найти себе другую работу, если захочу. Но как бы там ни было, я тебе уже сказала, что я не из тех, из кого получают гламурные секретарши.

– И это говорит самая гламурная из всех женщин, находящихся в этом зале.

Я краснею.

– Ты изумительная, – продолжает Ли. – Кроме того, я смог бы видеть тебя намного чаще, потому что ты уже не работала бы в эти свои дурацкие поздние смены.

– Я попытаюсь выхлопотать себе свободный вечер на следующей неделе.

– Собеседования с кандидатами будут проводиться через неделю в среду. И в данном конкретном случае я буду рад сделать исключение для кандидатов, которые обратятся к нам уже после этого дня.

– Прекрасно. Но мне это все равно неинтересно.

– Ну, если ты вдруг передумаешь, то предложение остается в силе, – говорит Ли.

Когда он отводит взгляд куда-то в сторону, я украдкой смотрю на него. Он, похоже, немного расстроился. Этот парень, видимо, привык всегда получать то, чего ему хочется. Я надеюсь, что он не затаил на меня зло за мой отказ.

Мы выходим на ступеньки отеля «Квинс». Ли держит в руках полученную им награду. Мои ступни сильно болят. Я бросаю взгляд вниз, на туфли, и мне тут же вспоминается мама. Я невольно спрашиваю себя, болели ли у нее ступни, когда она носила эти туфли.

– Который сейчас час? – спрашиваю я.

Я оставила свои наручные часы в его квартире.

– Только что перевалило за десять, – говорит он.

– Тогда мне следует спешить. Может, еще успею на празднование дня рождения.

– Если хочешь, я вызову такси для тебя из своей квартиры.

– Спасибо. Ты уверен?

– Насчет оплаты – да. Насчет того, что тебе надо уехать, – нет.

Я смотрю на него:

– Я обещала.

– Я знаю. Но я не хочу, чтобы этот наш с тобой вечер закончился вот здесь. Я хочу отвезти тебя к себе домой. Хочу, чтобы ты у меня осталась. Хочу проснуться завтра утром рядом с тобой. Хочу провести с тобой уик-энд и сходить с тобой на воскресный обед к моей маме. Хочу делать все то, что делают влюбленные парочки. Я хочу быть с тобой, Джесс. Вот так вот все просто.

Я чувствую, как мое сердце раза в четыре увеличивается в размерах. Я даже начинаю бояться, как бы оно не выскочило у меня из груди. Уже несколько лет, лежа в своей спальне, я мечтала о том, как какой-нибудь парень скажет мне именно такие вот слова, но теперь, когда это наконец произошло, я должна отвернуться и уйти. Я буду круглой душой, если так поступлю. Он получит полное право порвать со мной отношения, тем более что наверняка нет недостатка в кандидатках, желающих занять мое место.

– Я не взяла зубную щетку, – говорю я.

– Ты можешь воспользоваться моей.

– А еще я не взяла свои личные вещи. И мне нечего надеть на воскресный обед у твоей мамы.

– Это не проблема. Спать ты можешь и голой, а всю другую необходимую одежду мы можем купить завтра. Магазины работают с десяти утра.

Я бросаю взгляд вниз, на свои ноги, которые уже очень сильно болят, особенно пятки. Мысль о том, что мне нужно расстаться сейчас с этим парнем ради того, чтобы пойти в какое-то там арендуемое церковное помещение в Митолройде, кажется мне просто смешной. Сейди и Мэдди поймут это, ведь правда?

– Мне все еще неловко из-за того, что я подвела Сейди и ее сестру...

– Я уверен, что они не станут возражать. Они сейчас, наверное, уже хорошенько набрались и поэтому, возможно, даже не вспомнят, что ты так и не появилась.

Я знаю, что он не прав – во всяком случае, насчет того, что не вспомнят. Но я также знаю, что мне сейчас хочется сделать. Я хочу оставить свою прежнюю жизнь позади. Я хочу ухватиться за то, что он протягивает мне, обеими руками. Я хочу его. Причем в данный конкретный момент я хочу его так сильно, что все остальное не имеет значения.

– Да, ты прав, – говорю я.

– Я знаю, что я прав. Просто скажешь им, что ты не успела на последний поезд домой. Они поймут.

Ли обнимает меня за талию. Я чувствую, что меня еще сильнее тянет к нему и что чувство вины постепенно улетучивается.

– Пойдем, красавица. Мы с тобой еще не закончили кое-какие наши дела.

– Что, еще не закончили? – улыбаюсь я.

– Ну, не знаю, как ты, а я обычно не делаю все так быстро, как у нас произошло. Мне бы хотелось начать заново – с самого начала. Если ты не возражаешь. Я люблю делать все не спеша. Я не хочу пропустить у тебя ни одного дюйма.

Он притягивает меня к себе и целует. Я вся аж таю. Кто-то там, наверху, очень даже благоволит мне, раз уж предоставляет такую возможность. И ничто на свете не заставит меня все это испортить.

Я жду, пока Ли уходит на кухню, чтобы приготовить кофе, и затем пишу сообщение Сейди и Мэдди.

Мне очень жаль, но вручение премий затянулось, и я не успела на последний поезд. Надеюсь, что у вас обеих был чудесный вечер. Х

Это никудышное оправдание, причем даже по моим стандартам. Я пишу СМС и папе. Сообщаю ему то же самое, а также еще и то, что собираюсь переночевать у Ли. Это, конечно, кажется немножко странным, потому что это все равно что сказать своему отцу, что ты сегодня будешь заниматься сексом и что ему как бы следует отвернуться и сделать вид, что он ничего не замечает.

Пару минут спустя приходит сообщение от папы:

У тебя все нормально? Я могу за тобой приехать или же заплачу за такси, если ты захочешь на нем приехать. Х

Он желает мне добра, я знаю. Я почти даже слышу, как он говорит: «Я всего лишь выполняю свой долг». Но ему необходимо смотреть фактам в лицо: мне уж двадцать два года.

Я хочу остаться на ночь здесь, папа. У меня все замечательно. И даже более чем замечательно. Увидимся завтра. Х

Отправляя это сообщение, я чувствую себя взрослой. Затем, читая его снова, я чувствую себя полной дурой.

Папа шлет мне в ответ два значка поцелуя. Я представляю себе, как он сидит сейчас на кухне, упершись локтями в стол, и переживает. А потом перед моим мысленным взором мелькают его публикации в «Фейсбуке» – такие тяжелые от веса наполняющей их грусти, что, кажется, эта тяжесть может раздавить папу. Я вдруг осознаю, что не заглядывала в «Фейсбук» с тех пор, как Ли встретил меня после работы. Я щелкаю на иконке «Фейсбука» и захожу в свою «Хронику». Там уже целая серия комментариев под размещенной папой фотографией меня с Гаррисоном.

Едва я начинаю просматривать их, как в комнату возвращается Ли. Он

несет кофе.

– Ну вот, стоило мне выйти из комнаты на пять минут – и ты уже в «Фейсбуке».

Тон его голоса – шутливый, но в выражении лица промелькнуло что-то очень похожее на раздражение.

Я пытаюсь ему улыбнуться, а затем бросаю быстрый взгляд вниз, на свой телефон. Фотография Гаррисона исчезла, а вместе с ней исчезли и все имевшиеся под ней комментарии. Но даже если бы они и не исчезли, я не оказалась бы настолько глупой, чтобы их ему показывать. Если я хочу, чтобы у меня сложились с ним отношения (а я этого хочу), то мне следует твердо помнить, что есть вещи, которые мне придется держать от него – и от всех остальных людей – в секрете.

Джесс

Июль 2008 года

Папа стучит в мою дверь. Моя первая реакция – притворяюсь, что сплю. Я не хочу вступать с ним в разговор. Но он прекрасно знает, что я вовсе не сплю, и я не могу позволить себе проявить по отношению к нему непорядочность. Поэтому я говорю: «Да!» – и морально готовлюсь к тому, что мне сейчас предстоит услышать.

Он заходит и садится на край кровати. Сидит и тербит пуговицы на своем кардигане, не решаясь посмотреть мне в глаза.

– Мне сегодня позвонила миссис Бут, – говорит он. Я закатываю глаза и таращусь на потолок. – Она говорит, что волнуется за тебя.

– За что она волнуется – так это за то, что я завалю в следующем году экзамены и что это плохо отразится на их показателях успеваемости.

Папа вздыхает. Теперь уже его очередь таращиться на потолок.

– Она на самом деле переживает за тебя, Джесс. Мы все переживаем. Мы просто хотим тебе помочь.

– Да, но вам не под силу это сделать, правда? Если, конечно, вы не обладаете способностью воскрешать людей из мертвых. И я знаю, что все думают, что я веду себя неадекватно: я ведь вижу, как они переглядываются, – но ты знаешь, что я тебе скажу? Я веду себя адекватно. Просто я справляюсь с ситуацией так, как могу. Простите, что я не пытаюсь казаться веселой, но мне как-то не хочется веселиться,

потому что прошло всего лишь три месяца после того, как мама умерла. А еще знаешь что? Я сомневаюсь, что смогу справиться с этим через полгода, через год или черт знает через сколько времени, потому что мне попросту этого не хочется. Понятно?

Папа смотрит на меня в первый раз за этот наш с ним разговор. Его глаза поблескивают от подступивших слез. Я кажусь самой себе какой-то дурой.

– Мама не хотела, чтобы у нас все было вот так, ведь правда? И если в школе переживают по поводу твоей успеваемости, нужно что-то сделать для того, чтобы тебе помочь, потому что уж чего мама точно бы не хотела – так это того, чтобы ее кончина сказалась на твоей учебе.

– Но мне плевать на мою успеваемость. Мне уже вообще на все наплевать. Неужели ты этого не понимаешь?

– Ты говорила маме, что приложишь все усилия для того, чтобы поступить в художественный колледж.

– Да, это верно, но я тогда просто старалась ее как-то подбадривать, потому что знала: она очень хочет, чтобы я туда поступила. Я же не могла ей говорить, что собираюсь вечно горевать и буду заваливать все в своей жизни после того, как она умрет.

Папа проводит пальцами по тому, что еще осталось у него на голове от волос.

– Может, тебе стоит почаще ходить куда-нибудь со своими друзьями? Это нехорошо, что ты все время находишься наедине с собой.

– Я не хочу никуда ходить. Ты же никуда не ходишь.

– Хожу.

– Только на работу. Ни на какие вечеринки ты ведь не ходишь. Потому что тебе не хочется этого делать. И мне вот тоже не хочется.

– Да, но я – старый хрыч, у которого совсем нет друзей. Тебе же всего пятнадцать лет, и друзей у тебя – полно.

Когда он это говорит, на его лице появляется слабое подобие улыбки. Я изо всех сил пытаюсь улыбнуться в ответ, но мне, кажется, удастся лишь слегка приподнять один уголок своего рта.

– Я встречаюсь с Сейди. Она – единственный человек, который мне в данный момент нужен. Она – единственная, кто меня понимает.

Я позволяю Сейди приходить ко мне, потому что она позволяет мне грустить, хныкать и говорить, что это несправедливо. Я знаю, что становлюсь, наверное, похожей на ослика Иа, но именно такое у меня в последнее время настроение, и я не собираюсь этого скрывать. Во всяком случае, от своей лучшей подруги. Иногда я сожалею, что не живу в одной

из тех стран, в которых после смерти близкого человека нужно ходить в трауре целый год, потому что лично мне это кажется гораздо более уместным и порядочным, чем когда все пытаются улыбаться и делать вид, что этого трагического события не происходило, и уклоняются от разговоров о нем, потому что не хотят меня расстраивать.

Папа обхватывает свою голову руками. Я знаю, что он делает все, что только может. Я знаю, что мне следовало бы сейчас его обнять, но я не могу это сделать. Не могу потому, что, если я это сделаю, вся моя боль выйдет наружу, а это его еще больше встревожит. У него ведь тогда и в самом деле появится серьезный повод для беспокойства.

– Пожалуйста, просто попробуйся, Джесс, – шепчет он. – Ради мамы.

– Хорошо, – шепчу я в ответ.

Он встает и выходит из комнаты, бесшумно закрывая за собой дверь.

Анджела

Воскресенье, 31 января 2016 года

Ли звонит в десять, что для него довольно рано. Уж не собирается ли он сказать, что не придет? Я очень надеюсь, что нет.

– Привет, милый, все в порядке? – спрашиваю я.

– Да, все хорошо, спасибо. Мне просто интересно, не слишком ли уже поздно добавить еще одного человека в число участников нашего воскресного обеда? Мне хотелось бы привести с собой Джесс, если это возможно.

Мое лицо расплывается в улыбке. Похоже, тут все серьезно. Я знала это.

– Ну конечно, она может прийти. Мне будет очень приятно с ней познакомиться.

– Ну вот и хорошо. Я не был уверен, найдется ли у тебя дома достаточно еды. Я могу принести что-нибудь с собой, если нужно.

– Не говори глупостей. Ты же знаешь, что у меня всегда всего полно.

– Да, но аппетит у нее – будь здоров.

Я слышу через телефонную трубку, как рядом с Ли кто-то хихикает.

– У меня всего будет даже больше, чем нужно. Жаркое для нее подойдет? Есть что-нибудь такое, чего она не любит?

– Только соус «Пири-пири».

– Что-что?

Раздается какой-то приглушенный звук, а затем я слышу, как кто-то тихонько говорит «Ой!» в стороне от телефона.

– Нет, ничего, не переживай. Она ест все подряд.

– Вот и хорошо, я рада.

Я и в самом деле рада. У Эммы был аппетит, как у воробья. Я даже начинала переживать, что ей не нравится, как я готовлю, но Ли сказал, что она всегда ест очень мало.

– Здорово. Тогда мы придем к тебе в час дня.

Я кладу телефон. И на несколько секунд впадаю в ступор. Мне сейчас необходимо очень многое сделать, но я не знаю, с чего начать. Но затем я как бы прихожу в себя, и до меня доходит, что я должна сделать в первую очередь. Пойти в магазин. Мне нужно пойти и купить еще продуктов. Имеющийся у меня кусок говядины достаточно большой для того, чтобы его запросто хватило на троих, но я не уверена, что у меня достаточно картошки для жаркого. Да и моркови у меня, пожалуй, маловато.

Я надеваю сапожки, беру сумку и пальто и запираю за собой входную дверь. Очень удобно, что неподалеку от моего дома на автозаправочной станции имеется магазинчик компании «Маркс и Спенсер». Это как раз то, что нужно в подобных экстремальных ситуациях. Впрочем, в данном случае ситуация не то чтобы экстремальная. Просто я предпочитаю подстраховаться, чтобы не пришлось оправдываться.

Ли обычно не приводит своих девушек на встречу со мной так быстро. *Эта*, по-видимому, имеет для него какое-то особенное значение. Это чувствуется по его голосу. Он ею явно дорожит. И хочет произвести на нее впечатление. Подозреваю, что она – настоящая красавица.

Я поспешно иду через двор автозаправочной станции в магазин. Заходя сюда, я, как правило, беру экземпляр газеты «Санди мирро», но сегодня у меня нет времени даже на то, чтобы хотя бы быстро просмотреть эту газету. Я кладу в свою корзинку сетку картошки и поворачиваюсь туда, где лежит морковь. Обычно я не покупаю уже помытую морковь, но сегодня сделаю исключение. Мне важно сэкономить хоть немного времени. Я протягиваю деньги девушке, сидящей за кассой. Наверное, работать в компании «Маркс и Спенсер» для нее очень даже неплохо. И зарплата у нее, наверное, повыше моей. Но я не думаю, что смогла бы работать на автозаправочной станции. Я все время переживала бы, что могу стать жертвой нападения вооруженных грабителей. В супермаркете, насколько я знаю, такое вряд ли произойдет.

Из магазина я иду напрямик домой и достаю из шкафа под лестницей

пылесос. Это горизонтальный пылесос производства компании «Миле». Я не понимаю тех, кто предпочитает вертикальные пылесосы, особенно с прозрачным корпусом. Мне не нравится думать о пыли, которая находилась на ковре, и уж тем более мне не хочется ее видеть. Вообще-то я пылесосила не далее как вчера, но, думаю, мне следует быстренько пропылесосить еще разок. Дело не в том, что я полагаю, будто гостя может меня за что-то осудить: девушки в возрасте двадцати с лишним лет в нынешние времена вряд ли всерьез задумываются о чистоте в доме, – но я хочу, чтобы она знала: Ли вырос в доме, в котором все делается надлежащим образом. И уж чего мне сейчас больше всего не хочется – так это подвести своего сына. Я, возможно, не всегда была такой матерью, которой он может гордиться, но я уж точно не собираюсь быть такой, из-за которой ему придется краснеть.

Когда я ставлю говядину в духовку, у меня остается еще уйма времени. Я покрошила на говядину немножко розмарина. Я делала это уже пару раз, и Ли сказал, что ему понравилось. Пока готовится жаркое, я занимаюсь уборкой на кухне. При этом я слушаю компакт-диск с песнями Робби Уильямса. Ли, когда ведет себя нахально, чем-то напоминает мне этого певца. Нет, петь Ли, безусловно, не умеет. Но с его внешностью он вполне мог бы входить в состав какой-нибудь современной молодежной группы. По правде говоря, некоторые из участников таких групп явно попали в них исключительно благодаря своей внешности. По крайней мере, кое-кто из тех, кого я слышала на шоу «Икс-Фактор».

Я смотрю на часы и добавляю в говядину картофель. Я очень рада, что Ли никогда не встречался с какой-нибудь вегетарианкой, считающей, что мясо и овощи надо готовить отдельно. Лично для меня такой подход абсолютно неприемлем.

Пока готовится жаркое, я взбиваю тесто для йоркширских пудингов^[21]. Это будут настоящие большие йоркширские пудинги, подаваемые с подливкой в качестве первого блюда. Люди, живущие на юге нашей страны, не знают, как много они теряют из-за того, что не умеют готовить такие пудинги, как в Йоркшире.

Окинув напоследок кухню придирчивым взглядом, я поднимаюсь на второй этаж, чтобы привести в порядок уже саму себя. Все замечательно, все под контролем. Именно так, как и должно быть.

Без десяти час я начинаю смотреть на улицу через окно спальни. Ли бы очень не понравилось, если бы он узнал о моем наблюдении, но я не думаю, что он сможет меня в окне заметить. Я вовсе не собираюсь за ними шпионить – просто хочу увидеть их вместе до того, как они переступят мой порог, то есть тогда, когда они и не догадываются, что за ними кто-то

наблюдает.

Я бросаю взгляд на край стены рядом с окном. Там сейчас краска вместо обоев. Я все еще вижу их, мысленно конечно. Все еще слышу звуки, которые раздавались, когда я соскребала этот кусочек обоев. И в глубине души мне все еще стыдно.

Я прячусь за шторой, когда автомобиль Ли останавливается на противоположной стороне проезжей части. Выйдя из машины, Ли обходит ее и открывает дверь со стороны переднего пассажирского сиденья. Он ведь джентльмен, наш Ли – насчет этого никогда не было никаких сомнений. Сначала я вижу ее ноги – точнее, высокие ботинки, которые появляются из автомобиля. Ботинки на толстой грубой подошве с большими громоздкими каблуками, которые в нынешние времена носят многие девушки. Она одета в платье-тунику горчичного цвета и черную куртку с подкладкой. У нее длинные, слегка растрепанные волосы. Она улыбается Ли. Он берет ее за руку и захлопывает дверцу автомобиля.

Я быстро спускаюсь на первый этаж. Проходя мимо зеркала, я бросаю на себя взгляд. Я чуть-чуть подправила «маску», которую «надела» на свое лицо сегодня утром – просто чтобы слегка освежить ее, но чтобы при этом не было заметно, как я старалась. К тому моменту, когда Ли вставляет ключ в замочную скважину, я уже нахожусь на кухне. Услышав, как он громко говорит «Привет!», я выхожу в коридор.

– Привет, милый, – говорю я, целуя его.

– Мама, это Джесс. Джесс, это Анджела.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Она, похоже, очень сильно нервничает. Я все еще хорошо помню знакомство с родителями Саймона. Оно проходило в очень официальной обстановке, и у меня, когда мы сидели за обеденным столом и ели, упала с вилки на пол горошина. Я тогда не знала, как мне следует поступить: то ли наклониться и поднять ее, то ли сделать вид, что ничего у меня не падало.

– Мне очень приятно с тобой познакомиться, – говорю я, легонько целуя ее в щеку. – Заходи и чувствуй себя как дома. У нас тут не нужно придерживаться никаких формальностей.

Она улыбается мне, и ее плечи, похоже, слегка опускаются. Ли берет у нее куртку. Он прав: ее лицо – удивительное. У нее слегка средиземноморская внешность, большущие глаза и высокие скулы. Она – завидная девушка. Но и Ли, конечно же, тоже завидный парень. У них, несомненно, родится потрясающе красивый ребенок.

Они идут вслед за мной на кухню.

– Я сейчас подам на стол йоркширские пудинги, – говорю я.

– Да, тебе обязательно нужно их попробовать, Джесс, – говорит Ли. – Они самые вкусные во всей нашей стране.

– Не говори так, – улыбаюсь я ему. – Я уверена, что мама Джесс прекрасно умеет готовить йоркширский пудинг.

Они переглядываются. У меня появляется ощущение, что я сказала что-то не так.

– Извини, мне следовало бы предупредить тебя об этом, – говорит Ли. – Мама Джесс умерла семь лет назад.

– Ой, мне очень жаль, дорогая. Я ляпнула нечто неуместное...

– Ничего-ничего, – говорит Джесс. – Вы просто этого не знали. Она была замечательной мамой, но у нее не получалось готовить йоркширские пудинги, поэтому она перестала это делать и попросту покупала их в магазине.

Она улыбается, говоря это, но ее голос немного дрожит. Она мне нравится. Очень нравится.

– Она, должно быть, очень сильно гордилась тем, что у нее такая красивая дочь, как ты, – говорю я. – Это платье сидит на тебе очень хорошо. Да и цвет тоже приятный.

Ее щеки слегка розовеют. Она бросает взгляд вниз, на свои ноги. Эта девушка, похоже, не отличается чрезмерной самоуверенностью. В ней даже чувствуется застенчивость, а это, пожалуй, не часто встретишь в девушках в нынешнее время.

– Спасибо, – говорит она. – Мне это подарили.

Произнося эти слова, она бросает взгляд на Ли. Он ей явно очень нравится: это прямо-таки написано на ее лице. С ней нам с Ли может повезти. Очень даже может.

– Я рада, что он относится к тебе должным образом. Ну да ладно, а чего бы вам хотелось выпить? У меня есть красное и белое вино.

– Мне только кофе, спасибо, – говорит Джесс.

– И мне, – говорит Ли. – Вчера лег спать поздно.

– Да, конечно, я совсем забыла про вручение наград, – говорю я, ставя на плиту чайник. – Как прошло мероприятие?

– Хорошо, спасибо, – говорит Ли. – Мы теперь официально признаны самой лучшей компанией среди малого бизнеса в Лидсе.

– Это замечательно! Молодцы. А вам дали что-то вроде памятного подарка?

– Да. Но я оставил его дома. Красивая штукавина. Как раз подойдет для нашего офиса.

– А еще мы сидели за столом лорд-мэра, – говорит Джесс. – Он вел

себя очень любезно. Ничуть не чопорно.

Ли был прав. Она действительно очень близка к земле. На нее, похоже, это мероприятие произвело большое впечатление. Подозреваю, что она участвовала в таких мероприятиях не чаще меня. А я в них вообще не участвовала.

– Получается, вы с Ли пообщались с весьма солидными людьми, да?

Она кивает и слегка пожимает плечами с таким видом, как будто ей и самой в это не верится.

– И Джесс, конечно, была самой красивой в том зале, – добавляет Ли.

Она снова краснеет и опускает взгляд. Ли берет ее за руку. Он тоже, похоже, немного смутился.

– Я уверена, что это правда, – говорю я, ставя на стол кофе. – Ну ладно, вы вдвоем пока садитесь за стол, а я пойду посмотрю, готовы ли пудинги.

Они готовы. Я подаю их со своей домашней подливкой. Им обоим – по большому пудингу. Я помню, как нахмурилась Эмма, когда пришла в первый раз. По-видимому, такие большие йоркширские пудинги не принято делать на юге, откуда она родом. Джесс же съедает все до последней крошки. Она расправляется со своим пудингом быстрее всех.

– Ух ты, это было очень вкусно, спасибо, – говорит она.

– Спасибо тебе, приходи еще, – шучу я.

– О-о, она обязательно еще придет, – говорит Ли.

Я замечаю, какое у него выражение глаз, когда он это говорит. Он настроен серьезно. Уж эту девушку он от себя не отпустит.

Когда мы все расправились с пудингами, я достаю из духовки говядину и Ли начинает ее разрезать. Он перенял эту роль у отца, когда его место в этом доме стало свободным. Ли в то время еще даже не был подростком. Мой маленький мужчина. Так я его раньше называла. Сейчас он, конечно, уже совсем не маленький. Из него получится замечательный отец, я уверена. И вот теперь – впервые за долгое время – у меня появилась реальная надежда, что это и в самом деле произойдет.

– А где ты живешь, Джесс?

– В Митолройде. Это возле Хебден-Бриджа. Я живу вдвоем с папой.

– Он, получается, не нашел себе какую-нибудь другую женщину, да?

Она отрицательно качает головой:

– Нет, он слишком предан маме. Я не думаю, что в его жизни будет еще какая-то женщина.

– Вы, должно быть, очень дружны с ним?

– Да. Думаю, что очень дружны.

Это хорошо, конечно, когда человек очень дружен со своими ближайшими родственниками. Если, конечно, она не настолько дружна со своим отцом, что не захочет его покинуть.

– Готова поспорить, что он очень скучал бы по тебе, если бы тебя рядом с ним не стало.

Она роняет вилку, и та со звоном падает на ее тарелку. Она быстро бросает на меня и на Ли взгляд и слегка хмурится. Я не понимаю, что я такого сказала. Может, она меня просто как-то неправильно поняла?

– Я имею в виду, что ему будет трудно, когда ты переедешь жить в какое-то другое место. Ну, то есть обзаведешься своей собственной семьей и все такое прочее. Мужчинам зачастую бывает трудно самим заниматься хозяйством и готовить себе еду.

Она открывает рот, но ничего не говорит. Ли бросает на меня выразительный взгляд.

– Отец Джесс – повар, – говорит он.

– А-а, ну тогда ему будет намного проще. Большинство мужчин ведь не умеют готовить. Они не привыкли заниматься домашними хлопотами, но он, похоже, вполне справится.

Она опускает голову, и волосы скрывают одну сторону ее лица.

– Кстати, – говорит Ли, – а Джесс, возможно, работать в кинотеатре скоро уже не будет. У нас намечается собеседование с кандидатами в среду.

– С кандидатами на что?

– На должность секретаря на ресепшн. Бет уходит в декретный отпуск, и формально нам нужен человек на время ее отпуска, но мы более чем уверены, что она на работу не вернется.

– Это замечательно, – говорю я с облегчением, хотя и пытаюсь это скрыть.

Мгновение я думаю, не скажет ли она сейчас, что горит желанием заниматься рекламным бизнесом. Что она из тех девушек, которые хотят сделать себе карьеру. Но работа секретаря – это нечто совсем иное. Секретарем устраиваются работать перед тем, как выходят замуж и заводят детей. Выйти замуж и завести детей работа секретаря аж никак не помешает.

– Это было бы здорово, если бы вы работали вместе, правда? – говорю я, поворачиваясь к Джесс.

И только теперь замечаю выражение ее лица. Она пристально смотрит на Ли.

– Я вообще-то не соглашалась пойти на это собеседование, – говорит она, и при этом ее голос становится более твердым, чем за все время

нашего разговора.

– Но ты же знаешь, что пойдешь на него, – говорит Ли. – Ты просто ломаешься.

Он, я вижу это по выражению его лица, ее как бы дразнит. Но я не уверена, что ей это нравится. Она поворачивается и, увидев, что я смотрю на нее, немного ерзает на стуле.

– Мне это вообще-то совсем не по душе, – говорит она.

– А я сказал ей, что она сможет проявить себя на этой работе очень даже замечательно, – говорит Ли. – Еще как сможет – правда, мама?

– Не вовлекай меня в этот ваш спор, – говорю я, поднимая руки вверх.

– Перейти на работу к нам – это было бы очень даже разумно, – говорит Ли. – Закончатся все эти поздние смены.

– О-о, я об этом не знала, – говорю я. – И часто тебе приходится работать в вечерние смены?

– Да, – говорит она. – После вчерашнего свободных вечеров не будет аж две недели.

– О господи! – говорю я. – Это совсем не весело, правда?

– Ни для нее, ни для меня, – говорит Ли. – Мне, чтобы повидаться со своей девушкой, приходится бронировать время за месяц вперед.

Джесс вздыхает и поднимает взгляд.

– Ну хорошо, я подумаю об этом, – говорит она. – Но я ничего не обещаю.

– Вот и хорошо, – говорит Ли. – Я знал, что ты перестанешь упрямиться.

Я вижу, как Ли берет ее под столом за руку.

– Ну что же, желаю удачи, если ты и в самом деле согласишься, Джесс, – говорю я. – Впрочем, удача тебе и не понадобится. У тебя и так все будет хорошо... Кто из вас хочет еще картошки?

После обеда Ли помогает мне загрузить посудомоечную машину. Я перед этим попросила Джесс пойти в гостиную и чувствовать себя там как дома.

– Она очень милая, – говорю я, передавая ему тарелку.

– Я знаю, – отвечает он.

– Будь с ней поаккуратнее, хорошо?

Он смотрит на меня пристальным взглядом:

– Что это означает?

Я вижу, как в его глазах мелькнул гнев. Такие вот моменты, когда я как бы сталкиваюсь с отголосками своего прошлого, до сих пор застают меня врасплох. Я чувствую, как мои плечи напрягаются. Мне приходится

напомнить себе, что я разговариваю сейчас не с кем-нибудь, а со своим сыном.

– Ничего. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив. В ней что-то есть, в этой девушке. И она с характером. Знаешь, тебе не следует быть с ней слишком резким.

– Я и сам знаю, как мне обращаться со своей девушкой, – говорит он.

– Хорошо, – отвечаю я и передаю ему еще одну тарелку.

Они остаются у меня после обеда еще около часа. Ли говорит, что отвезет ее домой, чтобы ей не пришлось ждать поезда, да еще в воскресенье.

Когда они уходят, я целую ее в щечку.

– Мне было очень приятно с тобой познакомиться, Джесс. И помни, что отныне ты заангажирована на каждый из таких воскресных обедов.

– Спасибо, – говорит она. – Я думаю, это будет подбадривать меня всю неделю.

– Я напомню тебе об этом завтра, – говорит Ли. – Когда ты будешь стоять в очереди, чтобы купить себе маффин с голубикой.

Она корчит ему рожицу. Мне нравится, когда они заигрывают друг с другом подобным образом. Это хорошо, когда люди способны на такое добродушное подшучивание. Между мной и Саймоном никогда такого не было. Насколько я помню.

После того как они уходят, я поднимаюсь на второй этаж, выдвигаю из нижней части кровати ящик и снова достаю крестильную рубашку Ли. Я стараюсь отогнать от себя мрачные воспоминания, на которые она меня наводит, и пытаюсь сконцентрироваться на воспоминаниях приятных. Я надеюсь, что мне не очень долго осталось ждать того момента, как я увижу, что эта рубашка снова на кого-то надета. И тогда появятся новые приятные воспоминания, которые, возможно, затмят собой мрачные воспоминания раз и навсегда.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Сейди Уорд

31/07/2017 11: 46

Джесс, я пишу тебе личное сообщение, потому что не могу разместить это в твоей «Хронике». Я знаю, что это глупо, ведь ты уже мертва и все такое прочее, но я хочу, чтобы ты кое-что знала и чтобы у меня было ну хоть какое-то ощущение того, что я тебе

рассказала.

Я вспомнила про твое письмо. Я положила его в какое-то безопасное место и почти забыла о нем. Я прочла его, и по моему лицу потекли ручьями слезы. Это ведь так на тебя похоже – думать в первую очередь о других и только потом о себе.

Вот почему я решила обратиться в полицию. Потому что я теперь уже точно знаю, что с тобой произошло. Я подозревала, что это не несчастный случай, но у меня не было никаких доказательств. Теперь же у меня есть твое письмо, и им придется меня выслушать. В общем, я собираюсь рассказать им обо всем завтра, за день до твоих похорон. И если они не захотят меня слушать, я начну кричать – и буду кричать все громче и громче, пока они не станут слушать. Я буду бороться ради тебя, Джесс. Я знаю, что спасти тебя уже слишком поздно, но еще не поздно спасти «Г». Некоторым людям это не понравится, и, возможно, будут серьезные последствия, но я позабочусь о том, чтобы стала известна правда.

Я все еще не могу смириться с тем, что тебя похоронят. Единственное, что дает мне силы жить дальше, так это мысль о том, что тебе, по крайней мере, больше ничего не угрожает. Там, где ты сейчас находишься, больше уже никто и никогда не сможет причинить боли.

Я люблю тебя и очень по тебе скучаю. Х

Джесс

Понедельник, 1 февраля 2016 года

Я не имею никакого представления, о чем пишет Сейди. Ни малейшего. Неужели это не был несчастный случай? Она что, утверждает, что меня кто-то убил? Убил умышленно? Если бы это было так, обязательно вмешалась бы полиция. Но никто раньше даже не упоминал о полиции. Если бы что-то было подозрительным, люди вовсю обсуждали бы это в «Фейсбуке». А папа написал, что коронер уже закончил расследование. Правоохранительные органы не позволили бы меня хоронить, если бы в моей смерти было что-то странное.

Я не понимаю, как какое-то мое письмо может что-то изменить. Я не имею ни малейшего представления, о каком письме упоминает Сейди.

Может, до того, как я умерла, произошло что-то такое, о чем я никому не рассказала? Но почему тогда Сейди знает о том, что произошло? Она была там? Возможно, она была свидетельницей. Но если бы она была свидетельницей, то ее уже допросили бы полицейские. Тут получается какая-то неувязочка.

Может, она чувствует себя настолько виноватой в том, что не поверила публикациям в «Фейсбуке», что аж испытывает необходимость обвинить в моей смерти кого-то еще? Впрочем, это совсем не похоже на Сейди – по крайней мере на ту Сейди, которую я знаю. Проблема в том, что ее намерение может спровоцировать целый поток всякого дерьма. А папе это нужно меньше всего. Да и Ли тоже. Думаю, мой отец и мой муж не стали бы меня хоронить, если бы имелись хотя бы малейшие сомнения относительно того, что произошло. Но вот теперь Сейди собирается о чем-то заявить в полицию и тем самым поднять большой шум, который причинит им обоим еще больше боли. Черт побери! Папа уже еле-еле держится, и такой удар может окончательно добить его. Мне хочется, чтобы Сейди просто смирилась с тем, что есть, и оставила меня в покое. Пусть меня похоронят, пусть погорюют, и пусть их жизнь продолжится своим чередом. Не стоит устраивать шумных скандалов уже перед самыми похоронами.

Я встаю и провожу рукой по волосам. «Отойди от лэптопа!» – кричит мне мой внутренний голос. Я знаю: мне следует прекратить читать эти публикации в «Фейсбуке», но это ведь все равно что найти свою полную биографию еще до того, как ты прожил собственную жизнь. Мне необходимо знать, чем все это закончится. Не только ради себя – еще и ради Гаррисона.

Снова подойдя к лэптопу, я вывожу на экран фотографию Гаррисона. Мне безумно хочется обнаружить еще какую-нибудь его фотографию. Я хочу увидеть, как он растет. Папа написал, что Ли заботится о нем и что в этом ему помогает Анджела. Она вела себя при нашей встрече вполне нормально, эта Анджела, но в ней было что-то немножко странное. И я, черт побери, уверена, что не хочу, чтобы моего сына растила она. Для меня очевидно, что она очень дружна с Ли, но мне трудно назвать ее человеком, с которым не скучно. А в моей маме замечательным было то, что она могла быть строгой, когда хотела, но при этом всегда была человеком, с которым не скучно.

Я позволяю своим пальцам погладить щеку Гаррисона. Мне хочется прикоснуться к его щечкам и в реальной жизни. Я хочу быть его мамой, хочу наблюдать за тем, как он растет. Хочу защищать его от всего того

дерьма, которое окружает нас в этом мире. Я собираюсь попытаться изменить ход событий. Тот факт, что я верю в начало всей этой истории, еще не означает, что я должна согласиться с ее концом.

Я собираю свои вещи, кладу их в рюкзак и иду на первый этаж, решив, что мне следует, по крайней мере, показаться перед папой, прежде чем я отправлюсь на работу. Когда я захожу на кухню, папа поднимает на меня глаза. Он почти ничего не говорил, когда я вернулась вчера вечером домой. Правда, я тоже почти ничего не говорила. Я практически сразу отправилась в свою комнату, чтобы избежать разговора с ним. Я надеялась, что сегодня утром будет легче, но мои надежды не оправдались.

– Доброе утро, – говорит папа, а затем бросает взгляд на часы. – Ну что, уик-энд, я полагаю, удался?

– Да, еще как.

Когда я сажусь за стол, он пододвигает ко мне кружку с чаем.

– Спасибо.

– У него хорошее жилье, да?

– Да, шикарная квартира. И вид из окна на Лидс хороший.

Он кивает. Он прекрасно понимает, что со мной происходило в этой квартире, но он, по крайней мере, достаточно деликатен, чтобы об этом не говорить и не читать мне нотаций.

– А как прошла церемония вручения премий?

– Прекрасно. Его компании дали премию. Шикарный отель, вкусная еда. Мы болтали с лорд-мэром, и все было классно.

Он отхлебывает чай из своей кружки.

– А куда ты ходила вчера?

– К его матери. Она тоже живет в Лидсе. Точнее говоря, в Горсфорте.

– Она тебе понравилась?

– Она любезная, доброжелательная и все такое прочее. Хорошо готовит йоркширский пудинг.

– Но?.. – произнося это слово, он пристально смотрит мне в глаза. Я догадываюсь, что он уловил что-то в моем голосе.

Я пожимаю плечами:

– Она и в подметки не годится маме.

Он медленно кивает:

– Ей никто в подметки не годится, милая. В этом-то и проблема. А его отец?

– Его родители разошлись много лет назад. Он, похоже, уже не общается с отцом.

– А ты узнала, сколько ему лет? Я имею в виду Ли.

Я вздыхаю. Я не сказала папе о возрасте Ли после первого свидания с этим парнем, но понимаю, что рано или поздно это придется сделать.

– Ему тридцать два. Но он выглядит моложе своего возраста.

– О господи, Джесс...

– А какое это имеет значение?

– Имеет, если у человека двадцатидвухлетняя дочь, о которой нужно заботиться.

– Но почему? Это ведь означает, что он более зрелый, чем другие парни, с которыми я встречалась. Лично я бы сочла, что это даже хорошо.

– Да, я просто, наверное, смотрю на это совсем другими глазами.

Я знаю, про что он. Про секс. Папе не нравится, что мужчина на четвертом десятке охмуряет его маленькую девочку и тащит ее в постель. Хотя папа, конечно, никогда в этом не признается.

– К твоему сведению, он еще и более ответственный, чем все, с кем мне доводилось встречаться.

Папа вздыхает и смотрит на потолок. Я думаю, он прекрасно понимает, что я имею в виду.

– Ну а как же так получилось, что он все еще холостой в свои тридцать два?

– Я не знаю. Я спрошу его в следующий раз. Спросить? Или же я могу привести его сюда, и ты сможешь спросить его сам.

– Ты могла бы привести его, когда он привез тебя сюда вчера вечером.

– Я знаю. И теперь я рада, что не сделала этого, иначе ему пришлось бы столкнуться с таким вот допросом.

Мы некоторое время сидим молча. Я пью свой чай – главным образом для того, чтобы избавиться от необходимости разговаривать. Правда заключается в том, что я не пригласила Ли к себе домой потому, что не хотела, чтобы он видел, в каком доме я живу. Он и так ведь видел из машины убогость нашего Митолройда... Не хватало еще, чтобы он зашел ко мне домой и увидел, какая это жалкая лачуга! Этот парень привык к жизни в шикарных квартирах, и если он придет сюда, то увидит, что я – не из его мира.

– Я всего лишь пытаюсь оберегать тебя, Джесс.

– Правда? А может, ты пытаешься удержать рядом с собой свою доченьку на веки вечные?

Я встаю и направляюсь к двери. Папа опять бросает взгляд на часы. Мой поезд придет только через пятнадцать минут. Папа это знает, но, по-видимому, решает ничего по этому поводу не говорить.

Когда я прихожу на платформу, Сейди там еще нет. Прийти так рано –

это вообще не про меня. Но сейчас это что-то вроде передышки между двумя неприятными разговорами. Впрочем, я подозреваю, что разговор с папой похож на легкий бриз по сравнению с ураганом, который ждет меня во время разговора с Сейди. Она прислала мне в воскресенье ответное сообщение, но оно было очень коротким: «Хорошо». Она могла бы написать что-нибудь такое, от чего мне стало бы легче, но, видимо, решила этого не делать.

Я вижу, как Сейди идет по пешеходному мостику. Судя по ее походке, она все еще очень сильно на меня злится. Даже ее кожаная куртка – и та как бы напыжилась.

– Привет, – говорю я, когда Сейди подходит ко мне. – Как прошла вечеринка?

– Хорошо.

– Мне очень жаль, что я не смогла прийти.

– Правда жаль?

– Ну конечно.

Она кивает, и мы какое-то время стоим молча. Сейди переминается с ноги на ногу. У нее никогда не получалось злиться на меня очень долго.

– А я бы не сожалела, – говорит она.

– Что ты имеешь в виду?

– Если бы я выбирала между крутым парнем, предлагающим затрахать меня аж до потери чувств, и ерундовым празднованием дня рождения какого-то подростка в Митолройде, я не думаю, что хоть сколько-нибудь сожалела о том, что не пошла на этот день рождения.

Я позволяю себе слегка улыбнуться, внимательно наблюдая за Сейди на тот случай, если улыбка окажется неуместной.

– Вообще-то, – говорю я, – он трахнул меня еще до того, как мы пошли на мероприятие.

Ее рот открывается, и она хватается за куртку:

– Ну ты и шлюха!

– Но я все равно думала, что поеду после того мероприятия домой, понятно? Я вовсе не собиралась пропускать празднование дня рождения.

Произнося это, я улыбаюсь уже настоящей улыбкой, чувствуя облегчение от всего того, что сказала Сейди.

– Готова поспорить, что вы сделали это и позднее, разве не так?

– Может, и сделали, – отвечаю я, сдерживая смех.

– И как, воспаление мочевого пузыря у тебя уже началось?

– Заткнись, – говорю я, пытаюсь отвести ее подальше от двух людей, только что пришедших на платформу.

– Ну, тогда скоро начнется, если ты будешь продолжать в том же духе. Ты ведь еще не привыкла так часто этим заниматься, девочка.

– Думаю, я уже вполне могла к этому привыкнуть.

– Он хорош, да?

– Не жалуясь. Но я, кстати, искренне сожалею. Я по поводу того, что не пришла на вечеринку. Я надеюсь, Мэдди не сильно сердилась.

– Она к половине десятого уже изрядно подвыпила.

– Ли сказал, что так и будет.

Сейди оборачивается и смотрит на меня, слегка выгнув бровь:

– Что ты имеешь в виду?

Я слишком поздно осознаю, что сболтнула лишнее.

– Просто я чувствовала себя очень неловко из-за того, что у меня не получается попасть на день рождения. И он пытался меня утешить.

– Понятно. – Судя по ее голосу, она не очень-то мне поверила. – Ты оставалась с ним и весь вчерашний день?

– Да. Мы пошли домой к его маме на обед, а потом ненадолго вернулись к нему.

– Еще вроде бы рановато знакомиться с родителями, а?

– Он всегда ходит к ней в воскресенье на обед. Так что в этом не было ничего особенного.

Сейди вскидывает брови:

– А мне это кажется уже довольно серьезным. Ты уверена, что не ходила туда для того, чтобы получить официальное благословение?

– Нет. Все было совсем по-другому.

– Напомни мне об этом, когда она станет твоей свекровью.

Я таращусь на Сейди. Она, конечно, и сама не понимает, что она только что сказала. Однако внутри меня все холодеет. Я делаю пару шагов в сторону, надеясь, что она не сможет увидеть мое лицо. Но она знает меня слишком хорошо, так легко скрыть от нее мои эмоции невозможно.

– Эй, я всего лишь пошутила.

– Я знаю.

– Она что, настолько ужасная?

– Нет. Немного странная и прямолинейная, но ничего такого, с чем я не смогла бы справиться.

– В чем же тогда проблема?

Я смотрю вверх, на небо. Мне очень сильно хочется рассказать ей обо всем, но я понимаю, что чем больше я расскажу, тем хуже ей будет, когда я умру. Я не могу так поступить с ней.

– Все, что так или иначе касается того, что может произойти в

будущем, напоминает мне о тех публикациях в «Фейсбуке» – только и всего.

– Но ты же вроде бы сказала, что это все уже прекратилось...

– Да, прекратилось. Но меня эти публикации все же слегка вывели из равновесия.

Мы некоторое время молчим.

– У тебя все нормально, точно? – тихо спрашивает Сейди.

– Да. Все прекрасно.

– Хорошо. Ты меня заставила слегка поволноваться.

Я чувствую, что у меня на глазах вот-вот выступят слезы. Сейди, черт побери, всегда была так добра ко мне. Она – единственный человек, который понимает (или, по крайней мере, пытается понять), что со мной происходит. А я вот заставляю ее волноваться. Мне нужно попытаться заставить ее забыть об этом или хотя бы убедить, что я тоже во все это не верю.

Поезд медленно подъезжает к станции. Пока мы ждем, когда откроются двери, я поворачиваюсь к Сейди:

– Ты можешь вообще забыть о том, что я тебе про это когда-то рассказывала? Я просто чувствую себя из-за этого какой-то дурой. Полной дурой. Я вела себя как полная идиотка.

– Конечно могу, – говорит она.

– Спасибо, – отвечаю я, надеясь, что она когда-нибудь в будущем вспомнит об этом разговоре. И что это, возможно, поможет ей не судить себя очень строго.

Новый график – на следующие две недели – вывешен в комнате для персонала. Мне предстоит работать оба уик-энда и до половины одиннадцатого каждый вечер, кроме завтрашнего дня, а также понедельника и вторника на следующей неделе, когда у меня будут выходные.

– Черт побери!.. – говорю я, разглядывая график.

– Что такое? – спрашивает Сейди.

– В ближайшие две недели я почти не смогу видеться с Ли.

– Ты будешь ходить на свидания с ним в обеденный перерыв.

– Это не одно и то же.

– Ты имеешь в виду, что ты не сможешь с ним трахаться?

– Нет, – говорю я, резко поворачиваясь к Сейди. – Я имею в виду, что хочу проводить с ним время по-настоящему. Прошлый уик-энд был просто изумительным, но теперь одному только Богу известно, когда мы сможем это повторить.

Сейди подходит ко мне и смотрит на график.

– Я предложила бы нам с тобой поменяться, – говорит она, – но мы с тобой в одних рабочих сменах.

– Я знаю. Но все равно спасибо. Мне, думаю, остается лишь надеяться, что он увлечен мною настолько, что не бросит меня из-за этого.

Примерно через час приходит сообщение от Ли.

Спасибо за классный уик-энд. Последнее время, выделенное для собеседования, – полдень среды. Я зарезервировал его для тебя. Поставь меня в известность. Но не настаиваю. Когда я снова тебя увижу? Х

Я закрываю глаза и вздыхаю. В полдень в среду я могла бы сходить: работа в этот день у меня начинается в два. Ли хочет со мной видиться, но если я буду и дальше работать здесь, в кинотеатре, то встречаться с ним по вечерам не смогу. Ему в конце концов надоест меня все время ждать, и он начнет встречаться с кем-нибудь другим. Я не могу так рисковать. Не хочу, чтобы эта моя новая жизнь так быстро закончилась. Она ведь мне уж очень нравится. Я быстренько отправляю ответ, чтобы вдруг не передумать.

Спасибо. Я соглашусь на эту работу, если ты уверен, что я с ней справлюсь. Так и быть. Я свободна завтра вечером, а потом аж в понедельник на следующей неделе. Х

Я запикиваю телефон обратно в карман и тяжело вздыхаю. Выходит, я сделала это. Да, сделала. Сейди очень сильно расстроится, если я отсюда уволюсь. Я это знаю. Но я также знаю, что не могу продолжать работать здесь, если хочу, чтобы мои отношения с Ли развивались. Они должны развиваться. Я видела свое будущее, и я хочу для себя такое будущее. Ну, конечно же, кроме его трагического конца. Но его я могу изменить. Я должна его изменить. Но сначала мне нужно позаботиться о том, чтобы все, что ему предшествует, произошло на самом деле.

Мой телефон снова издает звуковой сигнал: еще одно сообщение от Ли.

Это замечательно. С тобой проведет собеседование Карл. Надень что-нибудь модное, но сугубо женское. И ботинки, которые я тебе купил. Ты произведешь на него сногшибательное впечатление. Завтра вечером я занят на работе, поэтому мне, похоже, придется ждать до понедельника. Х

Я не уверена, что смогу надеть что-то сугубо женское. Честно говоря, я даже и не знаю, что это означает – «модное, но сугубо женское». В любом случае я более чем уверена, что у меня нет ничего такого, что подходило бы под это описание. Мне придется пройтись по магазинам в обеденный перерыв и купить себе что-то. В силу моего плачевного финансового

положения это весьма затруднительно, но я должна как-то умудриться это сделать. Мне необходимо выглядеть соответствующим образом. Я не могу подвести Ли, отправившись на собеседование в лосинах.

Я устраиваю себе обеденный перерыв, когда Сейди еще возится на кухне. Если я зайду в какой-нибудь магазин одежды здесь, в торговом центре, я могу успеть вернуться на работу еще до того, как Сейди заметит, что я ушла. Я бегу вниз по эскалатору. Так, «Примарк» мне вряд ли подойдет. Я смотрю на манекен в витрине «Френч коллекшн». На манекене – черная юбка с белой блузкой из легкой, почти прозрачной ткани. Я захожу в магазин, осознавая при этом, что мой нынешний внешний вид этому магазину не очень-то соответствует. Я жду, когда продавщица, взглянув на меня, усмехнется – как это было в фильме «Красотка». Но она этого не делает. Она улыбается и спрашивает, может ли она мне чем-то помочь. Я говорю ей, что мне нужна модная, но сугубо женская одежда, чтобы пойти на собеседование по поводу трудоустройства. Уже через несколько минут я стою в примерочной, таращась на свое отражение в зеркале. Черт возьми, я выгляжу как настоящая секретарша. И это меня раздражает, пусть даже именно такую одежду я и попросила.

– Я беру это, – говорю я продавщице, выйдя из примерочной.

Я даже не гляжу на цифру на аппарате для оплаты кредитной картой, когда ввожу свой ПИН-код. Сколько бы мне ни пришлось заплатить, оно стоит того, если я смогу быть рядом с Ли.

Джо Маунт → Джесс Маунт

02 августа 2017 г.

Знаешь, я едва не отказался везти тебя на кладбище. Когда приехал представитель похоронного агентства и я увидел на улице катафалк, мне захотелось его прогнать – сказать, чтобы он уезжал и что я оставляю тебя у себя. Я даже не задумался о возможных последствиях. Это не имело значения. Что имело значение – так это то, что я не хотел хоронить тебя на кладбище. Мне кажется, что до сегодняшнего дня я по-настоящему не верил в то, что ты умерла. Пока не увидел твоё тело в гробу. Я заплакал, Джесс, зарыдал в голос. Плакал все время, пока стоял рядом с катафалком и пока шла церемония погребения. Я, конечно, не единственный, кто плакал. Думаю, что у всех в тот или иной момент текли слезы. Но я среди всех этих людей был единственным, кто хоронит свою дочь.

Прощание с тобой – это самое тяжелое из всего, что мне когда-либо приходилось делать. Я знаю, Ли прощался со своей женой, но это не одно и то же. Он, возможно, когда-нибудь найдет себе другую жену, а я никогда не найду себе другую дочь.

Гаррисон тоже никогда не найдет себе другую маму. Один из самых болезненных моментов состоит в том, что он не будет помнить тебя. Впрочем, я буду рассказывать ему о тебе, когда он подрастет. И обо всех глупых и безрассудных вещах, которые ты говорила и делала. О вещах, которые приводили меня и маму в ужас. А также обо всем прекрасном. О том, как ты делала комнату светлее уже одним своим появлением. О том, как нежно ты смотрела на него, Гаррисона, даже тогда, когда провела всю ночь на ногах совсем без сна.

Спокойной ночи, Джесс. Я очень горжусь тем, что у меня была такая дочь, как ты.

Джесс

Среда, 3 февраля 2016 года

Прошло довольно много времени, прежде чем я перестала плакать и стала морально готовиться к тому, чтобы увидеть папу. Я плеснула несколько раз в глаза холодной водой, а затем подняла голову вверх, глядя на потолок, и глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

Когда я наконец-то спускаюсь на первый этаж, мне приходится остановиться, чтобы вновь взять себя в руки, прежде чем зайти на кухню. Часть меня хочет каким-то образом заколдовать папу, лишив его способности что-либо чувствовать, – в общем, сделать что угодно ради того, чтобы он так не страдал. Единственным малюсеньким утешением для меня стало то, что, что бы Сейди ни рассказала полиции, это не помешало меня похоронить. Я не думаю, что папа выдержал бы, если бы мои похороны пришлось отложить. По крайней мере, он увидел, что я упокоилась с миром, как бы трудно ему при этом ни было.

Я тихонько прокашливаюсь. Папа оборачивается и улыбается мне.

– Доброе утро, милая, – говорит он. – Ты сегодня рано.

– Да. Подумала, что позавтракаю с тобой сегодня, прежде чем принимать душ.

Его улыбка становится более широкой.

– Вот и прекрасно. Как насчет яичницы и гренок?

– Годится, – говорю я.

Он начинает суесться. Он никогда не выглядит более счастливым, чем когда находится на кухне. Мама подолгу сидела здесь и смотрела на него аж до самой своей смерти. Она как-то сказала мне, что это улучшало ее самочувствие намного эффективнее, чем все когда-либо предлагавшиеся ей лекарства и курсы лечения.

– Я сегодня уеду раньше, – говорю я.

– Чтобы встретиться с Ли?

– Не совсем. Я пойду на собеседование в его компанию по поводу трудоустройства.

Папа прекращает суесться так же резко, как и начал. Он убирает сковородку с огня и поворачивается ко мне:

– Ты мне об этом ничего не говорила.

– Я приняла решение лишь в понедельник.

Папа хмурится все сильнее и сильнее.

– Но я вообще-то думал, что тебе нравится работать в кинотеатре... Или не нравится?

– Нравится, в какой-то степени. Но мне очень трудно встречаться с Ли, ведь я почти все время работаю в вечернюю смену.

– Ничего страшного. Люди, знаешь ли, проходили вместе и через мировые войны. Если у него серьезные намерения относительно тебя, то это вовсе не будет проблемой.

– Да, это верно, но сейчас нет войны, и проблема все-таки есть.

Он пожимает плечами и качает головой. В подобных ситуациях в разговор обычно вмешивалась мама, сглаживая острые углы и успокаивая нас обоих. Я скучаю по ней в такие моменты еще сильнее.

– И что это за работа? – спрашивает папа, пытаясь говорить спокойным голосом.

– Секретарь на ресепшене. Это только на то время, пока штатный секретарь в декретном отпуске, но Ли абсолютно уверен, что та женщина на свое рабочее место из отпуска не вернется.

– Ты собираешься поменять свою постоянную работу на такую вот, временную?

– Ли говорит, что они найдут для меня что-нибудь еще, если та женщина все-таки вернется на работу.

– Но ты же ничего не знаешь о работе рекламных компаний.

Я качаю головой:

– Спасибо за то, что подбодрил меня, папа.

– Я просто говорю правду – только и всего.

Я чувствую, как внутри меня нарастает нечто, вытесняющее все мысли о страданиях папы на моих похоронах.

– В общем, как я уже сказала, я иду на собеседование по поводу работы секретарем на ресепшене. Я буду встречать людей, делать им кофе и показывать, куда идти. Именно этим я занимаюсь и на теперешней своей работе, но только мне не придется пахнуть целый день гамбургерами и убирать с пола недоеденный кем-то попкорн.

Папа вздыхает и снова начинает заниматься яичницей и гренками. Только теперь уже гораздо более шумно, чем раньше. Когда он вновь начинает говорить, он все еще стоит ко мне спиной.

– А если у тебя с Ли ничего не получится?

– Ты, похоже, изо всех сил пытаешься сегодня утром меня подбодрить, да?

– Я хочу сказать, что если вы с ним вдруг расстанетесь, у тебя на новой работе могут начаться неприятности. Ты в самом деле хочешь, чтобы он был еще и твоим начальником?

– Мы не расстанемся.

– Ты говорила это и про Каллума.

– Это не одно и то же. Теперь я твердо знаю, что говорю.

– Откуда ты можешь это знать? Ты встречаешься с ним лишь несколько недель.

Он поворачивается ко мне, и я вижу, что буквально из всех его пор сочится отчаяние. Мне очень хочется рассказать ему, почему я так уверена, но я не могу сделать это, не рассказав всего остального. В том числе и того, как я только что прочла его описание тяжелых чувств, испытанных им на похоронах собственной дочери.

– Послушай, все это будет всерьез и надолго. Можешь мне поверить.

Он выдавливая из себя слабую улыбку, ставит на стол тарелку с яичницей и гренками и садится напротив меня. Я терзаюсь перед выбором: бросить ему эту яичницу в лицо или же подойти к нему и крепко его обнять. В конце концов я просто говорю ему «Спасибо!» и ем свой завтрак.

Некоторое время спустя я снова спускаюсь на первый этаж, уже приняв душ и надев ту одежду, в которой пойду на собеседование. Папа бросает на меня удивленный взгляд, когда я захожу на кухню.

– О господи! – говорит он.

– Что со мной не так?

– Ничего, – отвечает он. – Ты выглядишь совсем по-другому – только и всего.

– Ты имеешь в виду, что обычно выгляжу так ужасно, что сразу же

бросается в глаза, когда я стараюсь привести себя в порядок?

Он пытается улыбнуться, но это ему не очень удается.

– Я имею в виду, что я тебя с трудом узнаю. Ты похожа на секретаря.

– Ну слава богу – я ведь и пытаюсь устроиться на работу секретарем.

Папа начинает разгружать посудомоечную машину.

– И эту одежду тебе тоже купил Ли?

– Нет. Я купила ее сама. Мне потребуется такая одежда, если меня возьмут на работу.

– Но такая одежда тебе не по карману.

– Я буду зарабатывать больше, чем сейчас.

– А как насчет того, чтобы вставать рано по утрам?

Я закатываю глаза:

– Ты изо всех сил стараешься меня отговорить, да?

– Я всего лишь пытаюсь быть реалистом, Джесс. Я знаю, как сильно тебе не нравится вставать рано по утрам.

– Но я с этим справлюсь, понятно? И может, иногда я буду оставаться на ночь у Ли.

Раздается грохот: папа роняет несколько столовых приборов. Он снова поворачивается лицом ко мне:

– События развиваются уж слишком быстро, Джесс.

– Слишком быстро для кого? Лично мне движение на такой скорости очень нравится.

– От нуля до шестидесяти за девять секунд – это отнюдь не нормальная манера вождения.

– Это что еще такое? Инструктаж по поводу того, как водить машину, в программе «Высшая передача»?

Папа вздыхает и снимает с плеча кухонное полотенце.

– Это совсем не то, чего ты хотела, Джесс. Как же твои мечты? Как же те удивительные художественные произведения, которые ты создавала в колледже?

– Я выросла, папа. Я стала реалисткой.

– И стала сильно зависимой от своего ухажера.

Я, взглянув на него, чувствую, как мои глаза сузились от негодования:

– Что означают эти твои слова?

– Не позволяй ему изменять тебе уж слишком сильно, Джесс.

– Он не изменяет меня. Это я изменяю себя, понятно?

Я направляюсь к двери.

– Желаю удачи, милая! – кричит он мне вслед.

Но ноги вынесли меня на улицу еще до того, как я успела что-то

ответить.

Здание, в котором работает Ли, выглядит снаружи старым и немного уродливым, но внутри все супермодное. Везде висят стилизованные панно, на которых изображена их рекламная продукция, а в углу вестибюля стоит пурпурный мягкий диван. Женщина за стойкой дежурного администратора поднимает взгляд и улыбается мне.

– Здравствуйте, – говорит она. – Чем мы можем вам помочь?

– Здравствуйте, я – Джесс Маунт, – отвечаю я. – Я пришла на собеседование.

К ее чести надо отметить, что лучезарность ее улыбки не тускнеет и тогда, когда она осознает, что я – ее возможная замена.

– Это замечательно, присаживайтесь, Джесс, – говорит она, показывая мне жестом на диван. – Могу я предложить вам чай или кофе?

Я уже чувствую себя ниже ее, хотя пробыла здесь всего лишь пару минут.

– Э-э... Кофе – это было бы замечательно, спасибо. С молоком, но без сахара.

Я сажусь на диван. Только когда эта женщина выходит из-за стойки дежурного администратора, я вспоминаю, почему ее нужно кем-то заменить. Ее живот появляется как бы на пару мгновений раньше всего остального. Откровенно говоря, животик у нее довольно аккуратный. Я видела женщин, которые к семи месяцам беременности выглядели так, как будто они вот-вот лопнут. А эта – все еще стройная, если не считать выступающего вперед живота. Она к тому же симпатичная: темно-каштановые волосы до плеч, красивый макияж, длинные ноги. Я замечаю, что туфли у нее – на шпильках. Ей, наверное, на них ужасно неудобно. Мне вдруг приходит в голову, что если я устроюсь на эту работу, то, возможно, буду работать здесь и тогда, когда забеременею. От меня что, будут требовать, чтобы я одевалась таким вот образом даже перед самым увольнением? Думаю, мне, наверное, на такой стадии беременности захочется ходить на работу в комбинезоне. А еще я уверена, что у меня будут очень толстые лодыжки. Мама говорила, что у нее растолстели лодыжки, когда она была беременна мной. И размер ее ног увеличился. Она надеялась, что они станут такими же, как были раньше, после того как она меня родит, но они не уменьшились, и поэтому ей пришлось отдать все ее туфли четвертого размера тетушке Саре.

Секретарша подходит ко мне с моим кофе. Я бросаю взгляд на ее лодыжки. Мне они кажутся вполне нормальными.

– Спасибо, – говорю я, когда она передает мне чашку с кофе. – У вас,

наверное, к концу дня очень сильно болят ноги. Я не могу долго ходить в таких туфлях, хотя я и не беременная.

– Да, но такова политика компании. Это нигде не написано, но когда я однажды пришла в обуви без каблуков, на меня косо посмотрели и несколько раз негативно прокомментировали.

Это наверняка сделал Карл. Ли никогда бы так не поступил.

Мой мозг начинает лихорадочно соединять точки в хронике моего будущего. Им придется искать кого-то мне на замену, когда я соберусь в декретный отпуск, – точно так же, как они пытаются сейчас найти замену этой женщине. Люди, возможно, будут отпускать шуточки по поводу того, что стоит только постоять сколько-то дней за стойкой дежурного администратора – и забеременеешь. Или будут говорить, что это тут просто вода такая. Я буду встречать молодых женщин, которые станут приходить сюда на собеседование в качестве моей потенциальной замены. И при этом я все время буду помнить, что если я не сумею изменить свою судьбу, то через несколько месяцев буду мертва.

Я отхлебываю из чашки кофе, пытаюсь унять дрожь в руках. По лестнице спускается какая-то женщина, вслед за ней идет высокий, хорошо сложенный мужчина в сером костюме. Это, должно быть, Карл. Я вижу, как он пожимает ей руку. Она, проходя мимо меня, слегка улыбается. Я, улыбаясь в ответ, чувствую себя какой-то гнидой. У меня ведь интимные отношения с одним из местных начальников. Она не получит эту работу. А ведь она, наверное, очень хочет ее получить. Надеюсь, она придет сюда в следующий раз, когда будут искать замену уже мне. Тогда я не буду чувствовать себя неловко, потому что буду знать, что она устроится на работу надолго.

– Вы, должно быть, Джесс, – говорит мужчина в сером костюме. – Я – Карл Уолкер. Очень приятно с вами познакомиться. Я много о вас слышал.

Он подмигивает и протягивает мне руку. Интересно, что именно Ли ему рассказывал обо мне и говорил ли он ему, что мы переспали. У меня аж с души воротит при мысли о том, что Карлу известно про меня такое. Я не должна была соглашаться сюда приходить. Мне следовало бы и дальше ездить на свою нынешнюю работу на поезде вместе с Сейди и не пытаться быть тем, кем я не являюсь. Однако менять решение уже поздно. Ли разочаруется во мне, если я на данном этапе вдруг дам задний ход. Это поставит его в дурацкое положение. И он тогда будет иметь все основания для того, чтобы меня бросить... Я встаю.

– Здравствуйте, очень приятно с вами познакомиться, – говорю я, пожимая ему руку. Он удерживает мою руку в своей чуть дольше, чем

считается приемлемым.

– Тогда проходите. Я после вас.

Я готова поклясться, что чувствую его взгляд на своей заднице, когда иду вверх по лестнице. Я осознаю, что юбка у меня облегающая, а блузка сзади – просвечивающая. Мне очень хочется знать, много ли мужчины разговаривают друг с другом на работе о своей личной жизни и рассказывал ли Ли Карлу о нашем с ним уик-энде так подробно, как я рассказывала Сейди. Я чувствую себя очень мерзко – как проститутка, которая хочет, чтобы все побыстрее закончилось и чтобы она тогда могла поскорее пойти домой и принять душ.

Я останавливаюсь на лестничной площадке и пропускаю Карла вперед. Он, проходя, слегка задевает меня – как бы трется. Мне хотелось бы верить, что он сделал это не умышленно, но я думаю, что очень даже умышленно.

– Заходите и садитесь, – говорит он, открывая дверь, что слева от нас.

Я захожу в большое офисное помещение, в котором стоит письменный стол. За столом – большое черное вращающееся кресло. Я сажусь на стул, стоящий перед столом, и скрещиваю ноги. Мне довольно непривычно видеть свои ноги голыми, а не в лосинах.

Когда я поднимаю взгляд, я вижу, что Карл тоже смотрит на мои ноги.

– Приятно видеть, что вы оделись соответствующим образом. Нам нужно, чтобы наши сотрудники, общающиеся непосредственно с клиентами, всегда радовали глаз своим внешним видом.

Он снова подмигивает и тяжело опускается в кресло. Я пытаюсь сделать так, чтобы по выражению моего лица не было видно, что мне от общения с ним хочется блевать.

– Кстати, спасибо вам за резюме, – говорит он.

Это резюме я составила вчера, используя один из тех шаблонов, которые можно найти в интернете, и надеясь на то, что профессиональный дизайн хоть как-то компенсирует жиденькое содержание. Впрочем, дизайн я слегка улучшила.

– Значит, Джесс, вы работаете в кинотеатре в торговом центре.

– Да. Я занимаюсь заказами через интернет и по телефону, а также встречаю и обслуживаю проходящих к нам зрителей. Кинотеатр у нас небольшой, и мы не можем конкурировать по размеру с гигантскими кинотеатрами, имеющими много зрительных залов, но мы компенсируем это тем, что предлагаем индивидуальное обслуживание в дружеской манере.

Готовясь к собеседованию, я прочла в интернете одну из статей о том,

как на таких собеседованиях следует себя вести. Весь смысл, похоже, состоит в том, чтобы нажимать на правильные кнопки. Судя по выражению лица Карла, мне это удалось.

– Понятно. Знаете, для такой маленькой компании, как наша, очень важно, чтобы наши клиенты и потенциальные клиенты чувствовали дружеское отношение к себе уже с первой секунды своего прихода.

– Ну, я уверена, что они его чувствуют. И я с удовольствием буду вести себя так, чтобы люди, с которыми я общаюсь, чувствовали себя психологически раскованно и даже комфортно и к тому моменту, когда они окажутся у вас, уже испытывали симпатию к компании.

Карл улыбается. И при этом то и дело поглядывает на мои сиськи. Я получу эту работу – хочу я этого или нет. Мое будущее несется ко мне так быстро, что того и гляди собьет меня с ног. Я не могу разобраться, кружится ли голова у меня сейчас от волнения или же меня начинает тошнить.

Когда я раскладываю столовые приборы на своей нынешней работе в своей обычной рабочей одежде (одежда, в которой я ходила на собеседование, лежит подальше от посторонних глаз в комнате для персонала), приходит сообщение от Ли.

Поздравляю. Карл растаял. Тебя берут на работу. Как насчет того, чтобы пойти со мной завтра на обед и отпраздновать?

Я сделала это. Я получила то, чего хотела. Жаль только, что я не испытываю по этому поводу особой радости. На кухню заходит Сейди. У меня есть два варианта: я могу рассказать ей все прямо сейчас (и тем самым как бы решить проблему сразу) или же откладывать этот разговор как можно дольше и терзаться предположениями относительно того, что она скажет, когда все узнает. По правде говоря, не ахти какой выбор.

– Эй! – говорю я. – У тебя есть минутка?

– Да, конечно, – говорит Сейди, чуть сдвинув брови.

Я вывожу ее из кухни, и мы проходим дальше по коридору. Прежде чем что-то говорить, я убеждаюсь в том, что нас никто не сможет услышать.

– Я... э-э... устраиваюсь на новую работу, – говорю я.

– Что?

– Я сегодня перед началом работы ходила на собеседование. Меня берут на новую работу.

Она таращится на меня неверящим взглядом:

– Где? И кем?

– В компании Ли. В качестве секретаря на ресепшене.

Она морщится:

– Ну, и зачем тебе это нужно?

– Только в этом случае я смогу встречаться с Ли. Если я и дальше буду работать здесь, у нас с ним ничего не получится.

– Черт побери, Джесс!..

– Что?

– Ты позволяешь ему полностью наложить лапу на всю твою жизнь.

Я смотрю на нее пристальным взглядом. Мне кажется, что я впервые вижу у нее такой всплеск ревности. Именно из-за ревности она сейчас так набросилась на меня, делая заявление, которое не соответствует действительности.

– Ничего подобного! – резко возражаю я. – У них просто появилась вакансия, и я попыталась устроиться на эту работу. Собеседование со мной проводил не Ли.

– Но ты никогда не стала бы пытаться устраиваться на подобную работу, если бы ты не встречалась с Ли.

– Может, и не стала бы. Если бы я не встречалась с ним, мне бы не надоело работать по вечерам, не имея возможности с ним встречаться.

Сейди качает головой:

– Значит, ты собираешься бросить работу, которая тебе очень нравится, из-за него?

– Да ладно тебе, здесь у нас вовсе не та работа, о которой можно мечтать.

– Но нам здесь работать прикольно, разве нет?

– Ну да, прикольно. Но это не означает, что я собираюсь работать здесь всю свою оставшуюся жизнь, правда? Послушай. Эта моя новая работа – лишь на время декретного отпуска штатного секретаря. Если мне не понравится, я всегда смогу вернуться.

– Значит, это даже не постоянная работа?

– Нет, не постоянная. Но Ли не думает, что их нынешний секретарь вернется к ним после того, как у нее появится ребенок.

– Ты всегда говорила, что не смогла бы работать в офисе.

У Сейди такой вид, как будто она вот-вот расплечется. Мне очень неприятно, что я поступаю так по отношению к ней, но у меня, похоже, нет другого выхода, если я хочу иметь возможность видаться с Ли.

Я пожимаю плечами:

– Мне нужна работа с девяти до пяти. Все очень просто.

Сейди качает головой:

– А как насчет нас?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, если ты будешь работать там в обычное офисное время, а по вечерам – видаться с ним, то когда же мы с тобой сможем видаться друг с другом?

– Мы сможем видаться по уик-эндам.

– Не говори глупостей. По уик-эндам ты тоже будешь занята сексом с этим своим хахалем.

Я отвожу взгляд в сторону:

– Сейди, пожалуйста, не веди себя так.

– А как я, по-твоему, должна себя вести?

– Я знаю, что это для тебя шокирующее известие, но я думала, что ты по крайней мере за меня порадуешься.

– Как я могу за тебя радоваться, если ты по сути продаешь себя?

Волосы у меня едва не встают дыбом: Сейди зашла чересчур далеко.

– Ну это уж слишком!

– Почему? Потому что это правда? Ты никогда не хотела быть секретарем. Ты никогда не хотела ходить на работу с девяти до пяти, и ты никогда не хотела быть безвольной женщиной, которая делает все, о чем ее попросит ее дружок.

Я собираюсь сказать что-то в ответ, но к моему горлу подступает ком, который не дает мне произнести ни одного слова. Поэтому я разворачиваюсь и иду по направлению к туалетам. Я не могу поверить, что Сейди в самом деле сказала мне такое. Это ведь так несправедливо! Она просто ревнует. Она думает, что Ли забирает меня у нее, поэтому она злится и говорит глупости.

Закрыв дверь кабинки, я прислоняюсь к ней спиной, вновь и вновь мысленно повторяя себе, что я поступаю правильно. Когда это не срабатывает, я достаю телефон и захожу в «Фейсбук». Папа разместил там еще одну фотографию Гаррисона. Под ней он написал, что Гаррисон – очень милый мальчик. Я прислоняю голову к двери и начинаю плакать.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Сейди Уорд

03/08/ 2017 23: 20

Они не захотели меня слушать, Джесс. Они сказали, что выслушают, но при этом даже не предложили мне подать заявление официально. Они лишь много кивали и записывали то, что я им рассказывала, а затем сказали, что свяжутся со мной,

если им потребуется какая-то дополнительная информация.

Я продолжала надеяться, что они потребуют отложить похороны, но они не сделали этого. Тебя похоронили вместе со всеми уликами, а я осталась стоять, сгорая от желания визжать и орать всем людям, что они не знают и половины того, что произошло, что это вовсе не был несчастный случай и что все то, что они прочли или слышали об этом, не соответствует действительности. Я не могла даже смотреть на твоего отца – в таком жутком состоянии он пребывал.

Чего нельзя сказать о Ли. Ли был единственным, кому удалось быть сдержанным во время похорон. Люди говорят, что он все еще в состоянии шока. Но на самом деле никакого шока у него нет. Я это знаю. Единственное, от чего он должен быть в шоке, так это от того, что ему удалось остаться как бы ни при чем.

Часть вторая

Джесс

Пятница, 4 марта 2016 года

Я все еще не могу толком осмыслить тот факт, что Сейди думает, что меня убил Ли. Да ведь это просто смешно! А я еще думала, что это у меня проблемы с психикой! Единственное объяснение, которое я могу найти, – это ревность. Ничего другого тут не может быть: реакция Сейди, обычно такой здравомыслящей, на известие о том, что я ухожу с нашей работы, была уж слишком бурной. Весь прошедший месяц она избегает меня и винит Ли в том, что он отнял меня у нее. Очевидно, в какой-то момент развития событий в будущем она позволит своей ревности завладеть ею так сильно, что и в самом деле начнет верить в то, что он меня убил.

Я пыталась заставить ее понять, что дело в ней самой, а не в Ли. Она ведь явно чувствует себя брошенной. Я предложила ей начать искать себе другую работу, но она не хочет об этом даже слышать. А напрасно, потому что если она останется там, в кинотеатре, без меня, то ее душевная рана загноится. Мне необходимо найти способ ее как-то образумить. После того как я уволюсь, станет слишком поздно. Когда человек, которого ты любишь, умирает, ты не способен мыслить здраво. Уж кто-кто, а я-то это знаю. Знаю это лучше, чем кто-либо другой. И сейчас нужно подавить это в самом зародыше.

– Привет, – говорю я, когда прихожу на платформу и вижу, что Сейди уже там.

– Привет, – отвечает она, даже не пытаясь при этом скрывать свои чувства.

Сегодня мой последний рабочий день в кинотеатре. И сегодня мы в последний раз поедem вместе на поезде. Такое ощущение, что заканчивается целая эпоха нашей жизни. Это все как-то очень странно. Вопреки всему тому, через что нам с Сейди довелось пройти вместе, Джессейди к концу сегодняшнего дня уже перестанет существовать. И никогда уже не вернется – это я теперь знаю. И я просто хочу, чтобы все это закончилось на мажорной ноте, а не в такой вот ужасной атмосфере.

– Ты так и не передумала уходить с работы? Если нет, то еще есть

время организовать что-нибудь по поводу твоего ухода, если вдруг захочешь, – говорит Сейди.

– Нет, спасибо. Я не хочу никакого шума и суеты. Тем более что после работы меня будет встречать Ли.

Она морщится и смотрит в землю, водя носком ботинка по воображаемой линии.

– Почему бы тебе не дать ему шанс, Сейди?

– Шанс на что? Мы уже больше не будем *лучшими* подругами, да?

– Это еще неизвестно. Ты ведь еще вообще не общалась с Ли.

Я осознаю, что в этом виноваты и она, и я сама. Я встречаюсь с Ли так редко, что когда это происходит, я хочу общаться с ним без каких-либо третьих лиц – так сказать, хочу его всего целиком для одной себя. Впрочем, однажды я вскользь предложила пойти что-нибудь выпить втроем – я, Ли и Сейди, – но, честно говоря, у Ли эта идея явно не вызвала большого энтузиазма.

– Я не уверена, что мы с ним поладим, – говорит Сейди. – У нас с ним ведь нет ничего общего.

– Я – вот что у вас общее.

– То есть мы будем весь вечер разговаривать о тебе?

– Послушай, а давай ты пойдешь с нами чего-нибудь выпить сегодня вечером после работы?

Она колеблется, а потом говорит:

– Я подумаю об этом, хорошо?

У меня мелькает мысль, что это, пожалуй, самое большее, на что я могу в данный момент рассчитывать.

– Еще не жалеешь о том, что уходишь? – спрашивает Сейди.

– Нет. Это то, что мне *необходимо* сделать.

– Не знаю, будешь ли ты говорить это после того, как повстаешь целую неделю в семь утра.

– Может, и не буду, – говорю я. – Но я буду иногда оставаться на ночь у Ли, и это облегчит ситуацию с ранними подъемами по утрам.

– А твой папа уже больше не возражает?

Теперь уже моя очередь смотреть в землю.

– Он смирится, – говорю я, но больше с надеждой, чем с уверенностью.

– А когда мы с тобой будем видеться?

– Во время обеденного перерыва. Если ты не против работать в утреннюю смену.

– Платить будешь ты, да? – говорит она, и на ее лице впервые

появляется что-то вроде улыбки.

– Может быть.

– Но все уже будет не таким, как раньше, да?

– Не таким, – говорю я. – Но это не означает, что будет хуже. Ситуация просто становится другой.

Сейди отводит взгляд в сторону. Поезд подъезжает к платформе. Когда я сажусь в вагоне напротив нее, она все еще вытирает слезы.

Мы почти ничего не говорим по дороге с вокзала Лидса на работу. Просто уже нечего сказать. Как только мы приходим на работу, Сейди бросает свои вещи и уходит на кухню, чтобы сразу начать работать. Обычно она не делает этого с такой поспешностью.

– Привет, конфетка, – говорит Адриан, заходя в комнату для персонала и обнимая меня. – Не могу поверить, что сегодня твой последний рабочий день.

– Я знаю. Но я буду сюда приходить и смотреть здесь фильмы. Так что ты так легко от меня не избавишься.

– Ну, тогда постарайся не рассыпать свой попкорн. Ты, возможно, будешь роскошным секретарем на своей новой работе, но я-то знаю, какая ты вообще-то неряха.

Я тыкаю ему пальцами под ребра, не придумав, что можно ответить, и выхожу из комнаты для персонала. В коридоре я тут же сталкиваюсь лицом к лицу с Ниной.

– Не сачкуй, пусть даже это твой последний рабочий день, хорошо? – говорит она.

Я не уверена, говорит она это серьезно или нет.

– Ты будешь скучать по мне, когда я уйду, – отвечаю я, а потом иду дальше по коридору.

Когда я вечером выхожу на улицу вместе с Сейди, Ли стоит и ждет меня у входа. Сейди согласилась пойти со мной и Ли чего-нибудь выпить, но я не предупредила об этом Ли. Я подумала, что будет лучше сказать об этом в самый последний момент.

– Привет! Ну и как ты себя чувствуешь в качестве девушки, которая уже нигде не работает, а значит, полностью свободна?

Он делает шаг вперед и целует меня.

– Только в течение одного уик-энда, – отвечаю я.

– Это ты так думаешь.

Он засовывает руку во внутренний карман куртки, достает конверт и протягивает его мне.

– Что это? – спрашиваю я.

– Открой и увидишь.

Я смотрю на него, а затем оглядываюсь на Сейди, которая стоит позади меня.

– Ой, извини, это – Сейди, – говорю я Ли. – Сейди, это Ли.

– Привет, – говорит Ли, быстренько улыбнувшись Сейди, и тут же возвращает свой взгляд на меня.

Я открываю конверт и вытаскиваю из него два билета. Проходит несколько секунд, прежде чем я, посмотрев на билеты, осознаю, что это авиабилеты в Италию. Еще несколько секунд уходит на то, чтобы заметить, что дата вылета – завтра.

– О господи!.. Мы летим туда на уик-энд?

– Вообще-то на неделю.

– Я не понимаю. А как же работа?

– Я нашел временную замену. Мне пришло в голову, что ты заслуживаешь настоящего отдыха, прежде чем начнешь у нас работать. Поэтому мы проведем неделю в Венеции – если, конечно, ты сможешь меня терпеть в течение такого долгого времени.

Я стою и смотрю на него округлившимися глазами. Он сделал это для меня. Придумал, организовал и оплатил. Никто и никогда не делал для меня ничего подобного. Если мое постоянное пребывание рядом с ним теперь все время будет вот таким, то я с нетерпением жду, когда же оно начнется.

– Мне наконец-таки удалось лишить тебя дара речи? – спрашивает Ли.

– Я не могу в это поверить, – в конце концов говорю я, бросаясь к нему на шею. – Огромное спасибо!

– Пожалуйста. Сейчас я отвезу тебя домой, чтобы ты смогла собрать вещи, а затем на ночь поедem ко мне, чтобы мы смогли приехать в аэропорт «Лидс-Брадфорд» завтра в восемь тридцать.

– Ну ничего себе! Это просто невероятно. Огромное спасибо!

Вдруг я вспоминаю о Сейди, которая все еще стоит позади меня. Мы ведь с ней полагали, что мы втроем пойдем сейчас чего-нибудь выпить по поводу моего ухода с работы. Я оборачиваюсь.

– Прости, – говорю я. – Я и понятия не имела, что все сложится вот так.

– Ничего страшного, – говорит она. – Езжай. У тебя много дел.

Я смотрю на нее, пытаюсь понять, думает ли она так на самом деле или просто пытается быть вежливой.

– Хочешь, мы тебя подвезем домой? Я уверена, что Ли не будет возражать.

– Нет, езжайте вдвоем, – говорит она. – Я поеду на поезде. Мне совсем не хочется быть «третьим лишним».

У Сейди сейчас очень хорошо получается скрывать свои эмоции, но я все-таки слышу в ее голосе нотки недовольства. Она вспомнит об этом когда-то в будущем. Вспомнит о том, как Ли все время становился между нами. Как он нам всегда все портил. Зерна ее ненависти к нему сеются, наверное, именно в этот момент, и я ничего с этим не могу поделать. Она только что сама стала свидетельницей, как Ли совершил по отношению ко мне этот потрясающий жест, но и теперь она не может порадоваться за меня.

– Ну ладно, – пожимаю я плечами.

– Ну все, пока. Увидимся, я думаю, уже после твоего отпуска. Желаю хорошо развлечься.

– Спасибо, – говорю я, пусть даже она и произнесла эти слова сквозь зубы. Она уже поворачивается, собираясь идти прочь, но я хватаю ее за рукав. – Сейди, порадуйся за меня хотя бы немного.

– Я радуюсь, – отвечает она. – Ты, черт возьми, прямо как Золушка.

Я выпускаю ее рукав и позволяю ей уйти, вдруг вспомнив, как мы обсуждали с ней схожую сцену из фильма «Красотка».

Я поворачиваюсь к Ли.

– Что с ней такое? – спрашивает он.

– Думаю, ей тяжело чувствовать себя брошенной.

– Наверное. Ну ладно, нам уже пора. Нам необходимо успеть на самолет, который вылетает менее чем через двенадцать часов.

Я беру его под руку и иду рядом с ним. Иду навстречу будущему, которое меня уже не пугает, потому что, когда я нахожусь рядом с этим мужчиной, ничто не может причинить мне никакого вреда. Вообще никакого.

Ли останавливает автомобиль возле моего дома. Я знаю, что мне следует пригласить Ли к себе домой, чтобы он побыл там, пока я буду собирать вещи, но я все еще не могу заставить себя сделать это. Похоже, я все еще боюсь, что, если позволю Ли войти в мою реальную жизнь, все это, словно мыльный пузырь, лопнет. И моя карета превратится в тыкву.

– Я постараюсь собрать вещи как можно быстрее, – говорю я, отстегивая ремень безопасности.

– Хорошо. Мы поедem налегке – имей это в виду. Все, чего у тебя с собой не окажется, я приобрету для тебя там. Оставь в чемодане немного свободного места.

– Спасибо, – говорю я и выскальзываю из автомобиля, закрывая за

собой дверцу.

Возможно, Сейди и права: возможно, подобные события не происходят в жизни таких людей, как я. Во всяком случае, в обычной жизни. Мне приходит в голову, что Сейди могла иметь какое-то отношение к публикациям в «Фейсбуке». Первая из них была ведь от нее. И они начали появляться в тот день, когда я впервые встретила Ли. Едва подумав об этом, я тут же начинаю себя за такие мысли ненавидеть, потому что знаю, что Сейди никогда и ни за что не поступила бы по отношению ко мне так жестоко. Тем более что она знает, что мне довелось пережить.

Я захожу в дом. Папа готовит себе кофе эспresso.

– Привет, – говорит он. – Не ожидал, что ты приедешь так рано. Думал, что вы пойдете выпить чего-нибудь на прощание.

– Не пошли, – говорю я. – Планы изменились.

– Что это значит?

Я не могу удержаться от улыбки до ушей.

– Ли везет меня отдохнуть в Венецию. Мы вылетаем завтра утром. Я приехала домой только для того, чтобы взять кое-какие вещи, а затем мы поедем к нему. Завтра нам придется встать утром очень рано.

– Ого! – говорит папа, доставая чашку с дымящимся кофе из кофейного аппарата. – Это как-то так неожиданно...

– Это был сюрприз по случаю моего ухода с работы. Ли нашел замену на работе на следующую неделю.

– Вы едете на неделю?

– Да. Он заказал номер в отеле и все такое.

– Но ты ведь его почти не знаешь.

У меня возникает такое ощущение, как будто резиновый мячик моей радости проткнули и из него начал выходить воздух.

– О господи, не начинай этого, папа.

– Непонятно, как он вообще мог рассчитывать на то, что ты бросишь все и просто поедешь с ним... Знаешь, есть вещи, над которыми следует всерьез задумываться.

– Например, над чем?

– Например, над тем, разумно ли будет так поступить.

– Разумно? – Я смотрю на него, вытаращив глаза и не веря тому, что я сейчас услышала. – А когда я поступала разумно? Я не хочу ничего разумного. Я хочу спонтанного и волнующего – а это именно такое и есть. Ну ладно, мне уже нужно собирать чемодан. Я не хочу заставлять Ли долго ждать.

– Он возле нашего дома?

– Да.
– Тебе следовало бы пригласить его зайти.
– Ты только что наглядно продемонстрировал, почему я этого не сделала.

У меня возникает ощущение, что его лицо разваливается на куски и эти куски падают на кухонный пол. Я поспешно иду на второй этаж, стараясь не думать о том хаосе, который я оставляю позади себя, и достаю из-под кровати чемодан. Я не пользовалась им с конца прошлого лета, когда мы с Сейди ездили на уик-энд в Амстердам. Мы ездили туда на поезде. Выбора у нас при этом, по правде говоря, не было. Я не решилась полететь на самолете, потому что со мной мог произойти еще один эмоциональный срыв. Мне вдруг приходит в голову, что завтра утром мне придется сесть вместе с Ли на самолет и как-то умудриться продержаться в течение всего полета. Мне придется это выдержать, потому что я не хочу, чтобы он узнал что-либо о том, *что* со мной когда-то произошло. Я больше не хочу быть *той* Джесс Маунт, а потому мне необходимо похоронить свое прошлое вместе с ней.

Я открываю платяной шкаф. У меня нет ни малейшего представления о том, в чем ходят в Венеции, но я абсолютно уверена, что из имеющихся у меня вещей подойдут только вечернее платье, платье-туника горчичного цвета и ботинки, которые мне купил Ли. Я кладу в чемодан эти вещи, потом добавляю к ним пару джинсов в обтяжку, черные лосины и несколько рубашек. Бросив в чемодан также свое самое лучшее нижнее белье, несколько шорт и футболок, я захожу в ванную, забираю половину содержимого висящего над мойкой шкафчика, хватаю косметичку, иду обратно в комнату и бросаю быстрые взгляды по сторонам. Я вспоминаю про мамины туфли, которые все еще лежат на дне платяного шкафа. Я знаю, что мне вообще-то следовало бы спросить разрешения у папы, но я уверена, что он скажет «да», поэтому я кладу их в чемодан и закрываю его.

Чуть ли не бегом я спускаюсь на первый этаж. Папа сидит за кухонным столом, уже, по-видимому, смирившись с тем, что я уезжаю.

– Ты уверена, что взяла все, что нужно? – спрашивает он.

– Да. Я думаю, что да.

– Паспорт?

Я стону, бегу обратно на второй этаж и роюсь в комод, пока не нахожу паспорт.

– Спасибо, – говорю я, вернувшись на кухню. – Ты сейчас спас мне жизнь.

До меня доходит, *что* я только что сказала, уже когда слова вылетели у

меня изо рта, и мне приходится прикусить язык.

– Послушай, – говорит он, вставая. – Извини, если я сказал что-то не так. Я переживаю за тебя.

– Я знаю. Но тебе необходимо позволить мне жить своей собственной жизнью.

– Я постараюсь.

– У меня есть разрешение на то, чтобы развлечься?

– Да, конечно.

– Вот и хорошо. Потому что именно это я и собираюсь делать.

– Но ты тогда дай мне разрешение за тебя переживать. Потому что я буду это делать – нравится тебе это или нет.

– Со мной все будет в порядке. У меня сейчас самое классное в жизни время.

Папа кивает и делает шаг вперед. Я знаю, что он сейчас меня обнимет, и изо всех сил пытаюсь отогнать от себя картинку, как он плачет на моих похоронах.

– Напиши мне, когда приедешь туда, – говорит он, обнимая меня.

Затаив дыхание, я пытаюсь сдержать уже угрожающие выступить на моих глазах слезы.

– Мне пора, – говорю я.

– Да, конечно. Давай я помогу тебе вынести чемодан и познакомлюсь с этим твоим молодым человеком.

Я колеблюсь. Мне очень не хочется развеивать волшебные чары, позволив моему папе вмешиваться. Но я также знаю, что мне не хочется уезжать на отдых в такой напряженной нервной атмосфере между мною и папой.

– Хорошо, – говорю я и выхожу вслед за папой на улицу.

Ли, увидев нас, выходит из машины и идет нам навстречу.

– Здравствуйте, мистер Маунт, – говорит он, протягивая руку. – Я – Ли. Рад с вами познакомиться.

Папа крепко пожимает ему руку.

– А я рад познакомиться с вами. Пожалуйста, называйте меня просто Джо.

– Хорошо.

Мы некоторое время стоим на тротуаре в неловком молчании.

– Это вообще-то хороший выбор – поехать в Италию, – говорит папа.

– Да, отправься в Италию – и не ошибешься. Там где-то вроде бы живут ваши родственники, да?

– На юге, возле Неаполя. Мы ездим повидаться с ними, когда у нас

есть такая возможность.

Дело в том, что мы почти каждое лето ездили на отдых к ним, когда я была ребенком, но в то лето, когда умерла мама, я не смогла заставить себя сесть в самолет, и с тех пор мы были там лишь два раза. Отчасти потому, что очень утомительно ехать туда и обратно на поезде.

Я смотрю на папу. По его лицу видно, что он вдруг вспомнил и о том инциденте с самолетом.

– А у тебя, случайно, не будет проблем с...

– Не будет, – поспешно говорю я. – Все нормально. Нам уже пора ехать.

– Хорошо, – говорит папа. – Ну что же, желаю вам обоим замечательно провести время.

– Так оно и будет, – говорит Ли. – И не переживайте – я намереваюсь очень хорошо заботиться о вашей дочери.

Папа кивает. Слова Ли его, похоже, успокоили. Мы садимся в машину, и Ли заводит двигатель. Когда автомобиль трогается, я машу папе на прощание.

– Он, похоже, неплохой человек, – говорит Ли.

– Да, именно так. А ты сумел произвести хорошее впечатление на отца своей девушки. Я думаю, ты ему понравился.

– Это потому, что я не сказал ему о своем намерении насиловать тебя каждый день.

– Думаю, ты поступил правильно.

– А еще я покажу тебе достопримечательности, – говорит Ли. – В свободное от изнасилований время.

– Я на это надеюсь. Мы не можем вернуться домой без фотографий. Иначе люди догадаются, чем мы там занимались.

Мой телефон издает звуковой сигнал: пришло сообщение от папы.

Мне он нравится. Думаю, понравился бы и маме. Желаю тебе хорошо развлечься. Люблю тебя. ХХ

Он всегда это делает – ставит значок поцелуев от них обоих, то есть два значка. Как будто мама все еще с нами. Я смотрю в окно, и по моей щеке течет одинокая слеза.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Джо Маунт

4/09/2017 07: 11

Вчера вечером я ходил на твою могилу. Я ходил туда с лопатой, потому что решил, что не могу больше этого выдерживать. Я собирался выкопать тебя, чтобы еще раз на тебя посмотреть. Мне понятно, что это было безумием. Но, как ты сказала мне однажды, если человек влюблен, он совершает безумные поступки. А я люблю тебя по-прежнему, Джесс. Я люблю тебя с того момента, когда впервые услышал биение твоего сердца через стетоскоп акушерки. С того момента, когда я почувствовал, как ты лягнула меня в ладонь из живота мамы. С того момента, когда ты появилась на свет, громко крича, и у меня перехватило дыхание, потому что в тот миг я понял, что ты всегда будешь самым важным человеком в моей жизни.

Поэтому я взял лопату. Ты, наверное, и не помнишь, что у меня была лопата. Я хранил ее в сарайчике для инструментов на заднем дворе. Чаще всего я использовал ее для того, чтобы убирать снег. Я не помню, чтобы я когда-то ею что-то копал, но я всегда считал, что у мужчины должна быть лопата.

Я положил ее с собой в машину. А когда приехал на кладбище, я взял ее с собой, чтобы идти к могиле. Лишь тогда мне впервые пришло в голову, что это безумная идея. Было темно, два часа ночи (в последнее время я плохо сплю), а потому мне можно было не переживать, что поблизости могут оказаться какие-либо люди (даже те, кто выгуливает собак). Я постоял какое-то время, поставив одну ногу на лопату, как бы уже подготовившись копать. А потом я в самом деле начал копать. Я копал как одержимый, но через несколько минут я понял, что не смогу сделать это. Я не захотел беспокоить тебя, Джесс. Я ведь похоронил тебя в быстро разлагаемом микроорганизмами гробу из древесины ивы, потому что тебе всегда нравились эти деревья, и мне вдруг пришло в голову, что если мне удастся докопать до гроба, то моя лопата, возможно, легко проткнет крышку. Твой гроб, возможно, уже сгнил, и в таком случае тебя там уже ничто не защищает. А может, гроб окажется уже таким размякшим, что моя лопата пройдет через него насквозь. И я не смог решиться побеспокоить тебя, Джесс. Я не смог пойти на этот риск, как бы сильно я не хотел вернуть тебя себе и снова побыть рядом с тобой.

Я бросил лопату, упал на кучу выкопанной мною земли и заплакал. Я плакал так, как не плакал еще никогда – даже на

твоих похоронах. Потому что я очень скучаю по тебе, Джесс. Скучаю больше, чем ты можешь себе представить. До меня в этот момент как бы наконец дошло, что я уже никогда не смогу вернуть тебя себе. Мне было очень тяжело, когда умерла твоя мама. Я едва не сошел с ума. Но мне удалось это выдержать, потому что у меня была ты. Теперь же, когда у меня нет и тебя, жизнь, похоже, потеряла всякий смысл. Я как бы оплакивал вас обоих. Поэтому я сел между вашими могилами и стал с вами разговаривать. Я говорил обо всем том, что только смог вспомнить о вас. Когда наступил рассвет, я все еще находился там. Я находился там и тогда, когда появились первые из тех, кто выгуливает собак. Ко мне подбежал какой-то кокер-спаниель и лизнул меня в лицо.

Его хозяин подошел ко мне и стал извиняться. Он спросил, все ли со мной в порядке. Он, наверное, подумал, что я какой-то опасный тип – сижу на кладбище в семь часов утра с лопатой. А я просто посмотрел на него и кивнул. Он кивнул в ответ, хотя, конечно, видел, что со мной не все в порядке, и, позвав свою собаку, пошел себе дальше.

А я отправился домой, Джесс. И поставил лопату обратно в сарайчик для инструментов. Я, возможно, уже не буду пользоваться ею никогда. Даже для того, чтобы чистить снег. Потому что каждый раз, когда я буду смотреть на нее, я буду невольно думать о тебе. И о том, что я уже никогда не смогу тебя увидеть.

Джесс

Суббота, 5 марта 2016 года

Я стою в туалетной кабинке в аэропорту «Лидс-Брадфорд» и читаю папину публикацию. У меня по лицу рекой текут слезы. Мой папа. Разумный, здравомыслящий человек, который никогда не делал в жизни ничего безумного. И вот ему приходит в голову такая безумная идея, как взять лопату и попытаться посреди ночи выкопать меня на кладбище. Моя смерть явно выбила его из колеи. Для него это, возможно, закончится нервным расстройством. Я имею в виду, что ни один человек не может такого выдержать. Умирает твоя жена, а вслед за ней – дочь. И у него не

осталось никого, с кем можно было бы поговорить. У него нет друзей. Во всяком случае, друзей в моем понимании этого слова. У него друзья только мужчины – те, с которыми он вместе работает. Он не ходит с ними никуда, он не звонит никому из них. Единственный близкий человек, который остался в его жизни, – это Гаррисон, но с ним не поговоришь. Кроме того, я не уверена, что папе часто позволяют видеться с Гаррисоном, если тот находится на попечении Ли и Анджелы. От мысли о том, что моего сына воспитывает Анджела, мне становится не по себе. Это не та жизнь, которую я ему желаю. Однако если меня рядом с ним нет, то я, конечно же, ничего не могу с этим поделать.

Я сокрушенно качаю головой и убираю телефон. Я не могу сейчас уделять этому много времени. Ли ждет меня перед входом в туалет и, наверное, уже удивляется, что я, черт побери, так долго делаю в туалете. Я высмаркиваюсь в туалетную бумагу, вытираю глаза и выхожу из кабинки. Мое отражение, которое я вижу в зеркалах над раковинами, меня совсем не радует.

Я сглупила, заглянув в «Фейсбук» перед полетом. Очень сильно сглупила. Мой ухажер везет меня в самое интересное за всю мою жизнь путешествие, а я стою перед зеркалом и вижу, что представляю собой вовсе не веселое зрелище. Я брызгаю водой себе на глаза, достаю косметичку и пытаюсь быстренько привести себя в порядок.

Когда я выхожу из туалета, Ли стоит, прислонившись к стене.

– Ну наконец-то, – говорит он, внимательно глядя на меня. – Все в порядке?

Судя по этому его вопросу, он подозревает, что не все в порядке.

– Да, все хорошо, спасибо. Я просто пыталась подышать глубоко, чтобы психологически расслабиться. Я уже давно не летала на самолете и немножко нервничаю перед вылетом.

Звучит вроде бы правдоподобно. Я имею в виду, что многие люди нервничают перед авиаперелетом. Так что это – обычное дело.

– Тебе следовало бы сказать мне об этом раньше, – говорит он, обнимая меня. – Я буду все время держать тебя за руку. Да и лететь нам совсем недолго. Не заметишь, как уже прилетим. Правда, будет промежуточная посадка в Амстердаме.

Он целует меня в лоб. Я вообще-то не знала, что будет промежуточная посадка. У меня что-то екает в животе. Я сжимаю ладони в кулаки, чтобы Ли не заметил, как дрожат мои пальцы.

– Я почувствую себя в полном порядке, как только мы взлетим. Я плохо переношу лишь взлеты и посадки.

– Ну, тогда я в это время буду тебя всячески отвлекать.

Он берет меня за руку и ведет в зал ожидания. Свой багаж мы уже сдали. Другие пассажиры представляют собой в основном семейные пары средних лет, которые, возможно, пытаются вернуть в свои отношения немного романтики с помощью поездки в один из самых романтических городов в мире. Я замечаю, что на меня искоса поглядывают женщины. Мама как-то сказала мне, что женщина, старея, по привычке продолжает обращать внимание на молодых парней, но вполне можно заставить себя этого не делать, если напоминать себе, что ты им уже не интересна.

Я сжимаю ладонь Ли и стараюсь прикасаться к его телу своим. Если бы о ситуации рассказывал Дэвид Аттенборо^[22], он сказал бы, что эта девушка пытается показать всем, что этот парень уже занят и что не следует подходить к нему ближе.

– Все будет хорошо, – шепчет Ли мне на ухо.

И я ему верю.

Все и в самом деле вроде бы хорошо. Или, скажем так, терпимо. Я думаю, что я веду себя как любой другой обычный нервничающий пассажир, а не как девушка, которая может полностью потерять над собой контроль. Что позволяет мне держать себя в руках – так это мысли о Гаррисоне. Я знаю, что мне не суждено погибнуть во время этого полета, потому что если бы я погибла, Гаррисон бы не появился. А он появится. Я видела его фотографию. Поэтому мне удастся убедить себя в том, что я слетаю из Лидса в Венецию и обратно и ничего со мной при этом не случится.

Ли помогает мне тем, что, как и обещал, целует меня во время взлетов и посадок. Я абсолютно уверена, что другие пассажиры, глядя на это, что-то недовольно бурчат себе под нос, но мне на это наплевать.

Расстегивая ремень безопасности, я тяжело вздыхаю.

– Ну что, тебе было не очень плохо, а? – спрашивает Ли.

– Нет, благодаря тебе.

– Я могу сдать наши билеты в обратную сторону, и мы, если хочешь, поедем домой на поезде.

– Не говори глупостей. Со мной и так все будет в порядке.

– Вот и хорошо. Я просто не хочу, чтобы ты переживала. Я хочу, чтобы ты наслаждалась каждой секундой этой поездки.

– Так оно и будет. Обещаю.

Из аэропорта мы едем на речном трамвайчике. По так называемой оранжевой линии. Ли, похоже, точно знает, куда мы направляемся: он никого ни о чем не спрашивает и не останавливается, чтобы заглянуть в

карту. Он, видимо, уже бывал здесь раньше, и я не могу не задаваться вопросом, с кем он здесь был. Скорее всего, у него уже были какие-то подружки до меня. И, наверное, много. Парень с такой внешностью вряд ли ездит на отдых в одиночестве. Интересно, сколько своих девушек он привозил в Венецию? Хотя мне и хочется быть первой, я не настолько глупа, чтобы в это верить.

Я сижу возле окна и глазею на старинные здания, стоящие вдоль канала. Ли обнимает меня за плечи.

– Итак, вот он, Гранд-канал. Тут немного невзрачно, но станет красивее, когда мы приблизимся к центру города.

– Ну, тут все равно лучше, чем на окраинах Лидса в понедельник утром. А сколько раз ты здесь уже бывал?

– О-о, довольно много. Это одно из моих любимых мест.

Возможно, он привозил сюда каждую из своих прежних подружек. Это могло быть своего рода первоначальной проверочкой – что-то вроде того, как Ричард Гир повел Джулию Робертс в оперу в фильме «Красотка». Наверное, я должна начать говорить что-то про архитектуру или историю. А может, как во все том же фильме, будет достаточно, если я стану восхищаться как человек, который видит все это в первый раз.

– Мне тут уже очень нравится.

– Хорошо. И мы оторвемся тут по полной. Денег жалеть не будем.

Я улыбаюсь ему и кладу голову на плечо. Мне кажется, что если мне и в самом деле суждено умереть, то я, по крайней мере, должна быть благодарной за то, что я умру, будучи счастливой.

– Следующая остановка – наша, – говорит Ли некоторое время спустя.

Он берет наши чемоданы и подает мне руку, когда я схожу с речного трамвая, дрожа при этом от холода.

– Первое, что мы сделаем, так это купим тебе подходящую куртку, – говорит Ли. – Я говорил тебе, что тут будет прохладно.

– Я помню. Я просто никак не думала, что тут будет холоднее, чем в Лидсе.

– Не переживай, – говорит он. – Отсюда до отеля – пять минут ходьбы.

Он ведет меня по улице. Мы сворачиваем налево, проходим по маленькому мосту и поворачиваем направо.

– Ну вот мы и пришли, – говорит Ли, показывая рукой на противоположную часть улицы.

Швейцар в униформе здоровается с нами на итальянском и зовет носильщика, чтобы тот взял наши чемоданы. Я слышу, как Ли говорит ему, что мы поселяемся в номер полулюкс. Затем я иду вслед за Ли к стойке

дежурного администратора. В холле стоит рояль. Ничего себе – рояль! Да уж, такая обстановка для меня явно непривычная. Все, что я способна сейчас сделать, – так это остановиться с разинутым ртом.

Когда я иду по мраморному полу, мои ботинки слегка скрипят. Я кошусь на Ли. Он улыбается и берет меня за руку.

– Подожди, ты еще номер не видела, – шепчет он.

Женщина за стойкой дежурного администратора улыбается нам, и Ли обращается к ней по имени. Пару минут спустя носильщик возвращается и, уводя нас вверх по лестнице, открывает перед нами деревянную дверь. Ли показывает мне жестом, чтобы я вошла в номер. Я захожу. Первое, что я вижу, – это стоящая на мраморном полу посреди комнаты огромная круглая кровать, застеленная белыми простынями, на которых лежат золотистые подушки, и низко висящий над ней красный абажур. У потолка – темные деревянные балки. Стена позади кровати выкрашена в пестрый золотистый цвет. На ней висят позолоченные рамы для картин. С другой стороны – красивые стеклянные двери с золотистым декором. Двери эти выходят на балкон, с которого открывается великолепный вид на канал.

– О господи!.. – шепчу я. – Это все на самом деле?

– Да. Это твое жилье на ближайшую неделю.

– Ого!.. Вообще-то меня вполне устроил бы отель и попроще.

– Нет уж, ты заслуживаешь лучшего, – улыбается Ли. – Кроме того, если уж приезжаешь в Венецию в первый раз, нужно делать это стильно.

Носильщик уходит, но лишь после того, как Ли дает ему чаевые.

Я замечаю на письменном столе электронный планшет.

– Если бы это было в Лидсе, кто-нибудь стибрил бы эту штуковину уже через пять минут, – говорю я.

– У них тут, между прочим, есть мой адрес, – отвечает Ли. – Тебе, кстати, ничего подобного на этой неделе не понадобится. Ты ведь помнишь, что это будет отдых, свободный от компьютеров и телефонов?

Он сказал мне еще в самолете, что это его единственное правило во время всех его отпусков. Я с таким правилом согласилась. Честно говоря, я даже почувствовала облегчение.

– Да. Я свой телефон уже выключила.

– Хорошо. – Ли садится на постель и гладит ее. – Иди сюда. Пришло время дать волю чувствам.

– Ты сказал, что покажешь мне достопримечательности.

– Но только не в наш первый день здесь.

Я улыбаюсь и сажусь на кровать рядом с ним. Он берется за мой левый ботинок и стаскивает его. Затем он стаскивает и правый ботинок и

начинает меня целовать.

– Я никогда не делала этого на круглой кровати, – шепчу я. – Я, наверное, с нее свалюсь.

– Ну, если ты свалишься, я свалюсь вместе с тобой.

Он целует мою шею и начинает расстегивать мою рубашку. Его взгляд снова становится очень пристальным. Он всегда смотрит на меня так, когда мы вот-вот начнем заниматься сексом. Для меня неважно, смотрел ли он подобным образом и на других своих подружек. Вполне возможно, он смотрел так и на тех подружек, которых привозил вот сюда. Что для меня важно – это чтобы он не переставал смотреть на меня так в течение того недолгого времени, которое я пробуду рядом с ним.

Он стягивает рубашку с моих плеч и, наклонившись, целует мой живот. Его ладонь поглаживает между моими ногами. Я приподнимаю таз и позволяю ему стащить с меня лосины. Он тянет за мои трусики зубами. Я смеюсь и помогаю ему их с меня снять. Потом я пытаюсь стащить с него футболку, но он качает головой.

– Не так быстро, – говорит он. – Я еще не закончил тебя разглядывать.

Он приподнимает меня, чтобы расстегнуть и снять мой лифчик, бросает его на пол, укладывает меня на кровать и разводит мои ноги в стороны. Обойдя вокруг кровати, он снимает с себя футболку, штаны и трусы.

– Возбуди себя сама, – шепчет он.

Я поначалу колеблюсь, но затем сую руку себе между ног и делаю то, о чем он попросил, чувствуя, что он наблюдает за мной очень внимательно. Он ходит вокруг кровати, останавливаясь то с одной, то с другой стороны и подбадривая меня, пока я не начинаю громко стонать с крепко закрытыми глазами. Тогда он лезет ко мне на кровать.

– Ты такая сексуальная! – говорит он, ложась на меня сверху. – Ну что же, пора подключаться и мне.

Позднее, когда мы уже лежим рядом на кровати и наши тела прилипают друг к другу из-за пота, я чувствую, как одинокая слеза выскальзывает из уголка моего глаза и падает на его плечо.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Ничего, – говорю я, качая головой из стороны в сторону. – Просто немного эмоций.

– Хорошо. Потому что я тебя люблю.

Я тяжело сглатываю, пытаюсь сдержать другие слезы, которые уже рвутся наружу. Я долго ждала, когда же он скажет это. Хотя я и знаю, что выйду за него замуж и рожу от него ребенка, мне все равно необходимо

было услышать эти слова.

– Я тоже тебя люблю.

– Ну, тогда все в порядке, – отвечает он. – Мы квиты.

Когда мы на следующее утро уже готовы встать с постели, Ли заказывает завтрак в номер. Мы успеваем оба освежиться под душем в ванной и надеть предоставляемые отелем халаты, когда раздается тихий стук в дверь.

– Входите, – громко говорит Ли.

Сидя на краю кровати, я вижу, как в номер заходит девушка. У нее темные волосы, завязанные сзади в хвостик, и красивые розовые пухлые губки. Она несет бронзовый поднос, на котором – кофейник, чашки, блюда и несколько рогаликов. Она идет, потупив взгляд, прямо к столу и уже почти ставит на него поднос, когда я вдруг замечаю, что она бросает украдкой взгляд на Ли. Ее глаза тут же расширяются, она делает резкий вдох, и из ее руки выскальзывает один край подноса. Чашки падают на пол и разбиваются. Я слышу, как она бормочет что-то по-итальянски, а затем поспешно добавляет «Извините!» по-английски.

Ли быстро подходит к ней еще до того, как я успеваю хотя бы привстать с кровати.

– Что вы, черт бы вас побрал, вытворяете? – громко кричит он ей.

Я вижу, как она испуганно отступает к двери балкона.

– Ли, прекрати! – кричу я ему, соскакивая с кровати и становясь между ними.

Девушка смотрит сначала на меня, потом на Ли, а после бежит к выходу. По ее лицу текут слезы. Я лишь в этот момент замечаю, какое у Ли лицо. Его глаза стали сердитыми. Серднее, чем я когда-либо видела их раньше. Его брови гневно сдвинуты. Его дыхание – резкое и прерывистое.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, и мой голос дрожит вместе с моими ногами.

– Ничего, – отвечает он.

– Что значит «ничего»? Ты накричал на нее. И напугал ее до смерти.

Он вообще-то напугал и меня. И продолжает меня пугать, стоя вот так вот неподвижно. Он закрывает глаза. Я слышу, как он глубоко вздыхает. Он подносит руки к своей голове.

– Послушай, мне жаль, что так получилось. Понятно? Я на мгновение вышел из себя.

– Она всего лишь уронила поднос, и совсем не нужно было на нее за это орать.

Мое сердце сильно колотится. Я не понимаю, что же сейчас

произошло. Это был совсем не тот Ли, которого я знаю. Он отреагировал на данный инцидент уж слишком бурно.

Ли подходит к кровати и тяжело опускается на нее. Он все еще держится за свою голову руками.

– Мне жаль, что так получилось, – говорит он снова. – Я осознаю, что повел себя неадекватно. Дело просто в том, что я хочу, чтобы все для тебя было идеальным. А она, как мне показалось, это портит.

– Да пусть она бы уронила на пол обед из трех блюд – для меня это не имело бы значения. Она ведь сделала это не специально. Я, например, на работе все время что-то роняла. Но никто никогда на меня за это не орал.

Он убирает руки от своей головы и протягивает их ко мне. Я не могу удержаться от того, чтобы не отпрянуть в сторону. Он смотрит на меня пристальным взглядом. А я не могу выбросить из головы мысли о том, каким стало выражение глаз у этой девушки, когда она увидела Ли. Она, похоже, с ним знакома. Да, наверняка знакома. А иначе почему она отреагировала подобным образом?

– Ты... когда-либо видел ее раньше? – спрашиваю я.

Ли смотрит на меня.

– Нет, – резко говорит он.

– Но ты ведь бывал в этом отеле раньше?

– Послушай, я ведь уже сказал, что мне жаль, что так получилось. Давай забудем об этом, хорошо?

Он встает и идет в ванную. Мои руки дрожат. Она видела его раньше – в этом я абсолютно уверена. Но чего я не могу понять – так это почему она перепугалась, когда увидела его, и почему он так отреагировал на ее оплошность. Когда Ли выходит из ванной, я пытаюсь найти в себе мужество, чтобы что-то сказать, но тут вдруг снова раздается стук в дверь и в номер заходит мужчина в униформе. У него в руках – другие чашки, веник и совок. Он пространно извиняется, ставя чашки на поднос и подметая осколки на полу. Когда он направляется к выходу, Ли идет вслед за ним. Я вижу, как Ли засовывает руку в карман своей куртки, висящей на тыльной стороне двери, и достает оттуда какие-то деньги, а затем выходит из номера и что-то говорит мужчине в униформе приглушенным голосом. Вернувшись в номер, Ли улыбается и ведет себя так, как будто ничего не произошло.

– Ага, – говорит он. – Завтрак.

Он берет кофейник, наливает кофе в чашки, ставит чашки на прикроватный столик и забирается обратно в постель, держа в руках тарелку с рогаликами.

Я все еще сижу на кровати, не в силах пошевелиться. Ли передает мне тарелку, но мне сейчас не до еды.

Мы минуту-другую молчим. Мне хочется что-то сказать, но я не хочу расстраивать его и заставлять его чувствовать, что я ему не верю.

– Послушай, – наконец говорит Ли. – Официант сказал, что я похож на бывшего парня этой девушки и просто напомнил ей о нем. А он был с ней не очень любезным. Вот почему она так испугалась, когда увидела меня.

– То есть она никогда не видела тебя раньше?

– Нет, не видела. Ей просто показалось, что видела.

Я киваю. Я хочу ему верить. Очень хочу. Я хочу, чтобы все снова стало таким, каким было раньше. Мне очень хотелось бы, чтобы я могла стереть из своей памяти то, что я только что видела, но это не так-то легко.

– Почему ты дал официанту деньги?

– Чтобы он купил этой девушке цветы. Я сделал бы это и сам, но не хочу ее снова пугать.

Я киваю. Я чувствую облегчение от того, что Ли снова стал таким, каким я его знала – или думала, что знаю, – раньше. Наверное, это и в самом деле было – как он пытается меня убедить – недоразумение. Мне неловко из-за того, что я в нем усомнилась. Я беру рогалик и откусываю от него кусочек.

Ли гладит мою руку, тоже испытывая, по-видимому, большое облегчение.

– Куда ты хочешь сегодня пойти? – спрашивает он.

Мы отправляемся на площадь Святого Марка. Вообще-то я в первую очередь хотела бы покататься на гондоле, но мне показалось, что момент для этого пока что не совсем подходящий. Кроме того, мне хочется находиться среди людей. Среди большого количества других людей. Мне хочется слышать, как они разговаривают, и чувствовать запах кофе, и быть частью всей этой туристической суеты. Мы подыскали для себя столик в самом центре площади. В путеводителе, который я взяла в аэропорту, говорилось, что эти столики – самые дорогие и что есть смысл пройти по одной из улочек в сторону от площади и найти себе столик там, однако для Ли это, похоже, не имеет значения.

Он заказывает кофе и два куска шоколадного торта. На наш стол садится голубь, и Ли отгоняет его прочь. Но делает он это как-то так тихонько, аккуратно. Он как будто не хочет этого голубя слишком сильно напугать. Мне трудно поверить, что это тот же самый человек, который наорал на ту девушку пару часов назад. Ли тянется ко мне через стол и берет меня за руку. Официант приносит нам кофе и куски торта. Ли

благодарит его по-итальянски и сжимает мою руку. Все хорошо. Это был всего лишь досадный эпизод. Ли и в самом деле хочет, чтобы этот наш отдых был идеальным, – я это чувствую. И я знаю, что если ты хочешь чего-то очень сильно, то поневоле можешь начать вести себя довольно странно. Мои сомнения должны быть в его пользу. Я глубоко вздыхаю.

– Когда закончим, мы можем подняться вон на ту башню? – спрашиваю я.

– Мы можем делать все, что ты захочешь, – говорит Ли.

Мы больше не видим ту девушку в течение всей оставшейся недели, хотя и заказываем каждый день завтрак в номер. Я задаюсь вопросом, не избегает ли она Ли умышленно. Мне вспоминается, что через несколько месяцев после того, как мы расстались с Каллумом, я как-то увидела, что он стоит в нашем кинотеатре в очереди, чтобы заказать себе какой-то еды, и тут же попросила Адриана обслужить этого парня вместо меня (Адриан потом сказал, что я правильно сделала, избавившись от этого парня, потому что у него какие-то проблемы с кожей, а это вроде бы является верным признаком дурного характера).

В наше последнее утро завтрак нам приносит мужчина, который приходил убирать после того, как та девушка уронила с подноса чашки. Он ставит поднос на его обычное место. Я замечаю, что на подносе стоит что-то под серебристым куполообразным колпаком с ручкой, которыми накрывают еду. Мне приходит в голову, что Ли, наверное, попросил приготовить нам что-нибудь особенное на наш последний день в этом отеле. Ли дает официанту чаевые, и тот уходит.

– Где синьорина хотела бы сегодня позавтракать? – спрашивает Ли, подходя ко мне.

– Я по-прежнему не хочу завтракать на балконе – если ты это имеешь в виду. Там очень холодно.

– Ой, перестань. Это последний имеющийся у нас шанс. Зачем же я платил за номер с балконом, с которого открывается вид на канал, если мы на этот балкон ни разу не выйдем, а?

– Ну хорошо, я согласна. Но пусть это будет очень быстрый завтрак – такой, чтобы даже кофе не успел остыть.

Ли улыбается и, открыв двери на балкон, берет поднос и выносит его туда. Только после того, как я выхожу на балкон вслед за ним, я вижу на столе одну красную розу в вазе, маленькую бутылку шампанского и два бокала.

– Когда это ты успел? – спрашиваю я.

– Знаешь, если проводить целую вечность в ванной, то можно

пропустить нечто очень важное.

Я качаю головой и улыбаюсь ему.

– Садись же, – говорит он.

Я подчиняюсь. Ли подходит к столу с другой стороны и поднимает большой серебристый колпак. Под ним – коробочка. Маленькая красная квадратная коробочка. Я поднимаю взгляд на Ли, не решаясь поверить в это. Ли, улыбаясь, берет коробочку, становится на одно колено на пол балкона, открывает коробочку и протягивает ее мне. В коробочке – золотое кольцо с одним бриллиантом, изготовленное в старинном замысловатом стиле. Такие кольца дарят в честь помолвки.

– Джесс Маунт, самая замечательная, самая красивая, самая сексуальная, самая занятая девушка из всех, кого я когда-либо встречал, выйдешь ли ты за меня замуж?

Я пристально смотрю на него. Слезы опережают мои слова. Ли приподнимает пальцами мой подбородок и вытирает одну слезинку.

– Что-то не так?

Я смеюсь и качаю головой.

– Ну так я получу ответ?

Я ничуть не сомневаюсь. Это самое важное решение в моей жизни, и я знаю точно, что мне нужно сказать. Некоторые люди утверждают, что они видели свое будущее написанным на звездах. Я же видела свое будущее в «Фейсбуке». Это, наверное, не так романтично, но, по крайней мере, когда ты знаешь, что будет происходить, ответ у тебя уже готов.

– Да, – говорю я. – Ответ – «да».

Ли тихо вздыхает – так, как будто почувствовал облегчение. И как будто у него были какие-то сомнения.

– С какой стати я сказала бы в ответ что-то другое? – спрашиваю я, глядя его лицо.

– Не знаю. Думаю, никогда нельзя быть на сто процентов уверенным.

– Ты делаешь все это для меня, – говорю я, показывая рукой на стол и на наш гостиничный номер, – и при этом ты действительно думал, что я могла сказать «нет»?

– Я просто осознаю, что все как-то уж слишком быстро – только и всего. Мне подумалось, что ты, возможно, будешь переживать, что скажет твой отец.

Я качаю головой и на несколько секунд поворачиваю лицо в сторону канала, чтобы Ли не смог увидеть новую порцию слез. У меня такое ощущение, что я его обманываю. Наверное, мне следует рассказать ему правду и дать ему возможность принять решение, уже зная, что ждет его в

семейной жизни. Но нет, я этого сделать не могу, потому что я не могу пойти на риск потерять его. Он мне нужен. А Гаррисону нужен отец.

– Когда знаешь, что этот человек – твой суженый, – говорю, поворачивая лицо к Ли, – нет смысла ждать чего-то еще.

– Спасибо, – говорит он. – Не могу тебе и передать, как это меня радует.

– Хорошо. Ну что, мы теперь можем зайти внутрь, пока у меня от такой погоды не отмерзли сиськи?

Ли смеется.

– Только после того, как ты наденешь вот это, – говорит он, протягивая мне кольцо.

– Надень мне его сам, – говорю я. – Я достаиваю тебя этой чести.

Он надевает кольцо мне на палец. Оно чуть-чуть великовато, но не настолько, чтобы могло соскользнуть.

– Его всегда можно подправить, – говорит он.

– Оно и так замечательное, – отвечаю я. – Даже лучше, чем замечательное. Оно идеальное.

Мы заходим в номер и пьем шампанское в постели, а затем опять занимаемся сексом – уже в последний раз в этом номере. Секс на этот раз уже совсем другой: он медленнее и нежнее. И как-то так глубже. После, когда я уже лежу неподвижно рядом с Ли, я осознаю, что дать задний ход теперь уже невозможно. Какая-то сила толкает меня вперед, к моему будущему. Все, что я могу сделать, – так это пристегнуть ремень безопасности и наслаждаться поездкой, надеясь, что в какой-то момент, еще до того как эта моя идеальная жизнь покатится куда-то совсем не туда, я выясню, где, черт возьми, находится кнопка, позволяющая катапультироваться.

Позже, когда я упаковываю свой чемодан, пока Ли находится в ванной, я обнаруживаю в нем записку, сложенную вчетверо и запихнутую сбоку рядом с кремовой блузкой. В записке корявыми черными буквами написаны два слова: «Будь осторожной».

Джесс

Июль 2008 года

Я сижу и смотрю на женщину напротив меня. Она – психолог управления образования. Ее зовут Паула. Она, похоже, весьма любезный

человек, но мне не хочется быть здесь, рядом с ней. Я нахожусь здесь, потому что администрация школы направила меня к психологу в связи с их «обеспокоенностью», и папа сказал, что он полагает, что это мне, наверное, поможет. Я ему в ответ крикнула, что единственное, что могло бы мне помочь, – это если бы мама вошла в дверь и все произошедшее оказалось бы лишь каким-то кошмарным сном.

Паула говорит со мной, объясняя, каким образом все происходит в такой ситуации, в которой оказалась я. Она говорит исключительно «правильные» вещи, но только они не являются правильными применительно ко мне. Они меня только раздражают. Через минуту-другую она начнет рассуждать о пяти стадиях переживания горя – как будто я никогда об этом не слышала. Мне хочется крикнуть ей, что я умею пользоваться «Гуглом». Я знаю, что у стадий переживания горя нет временных рамок и что разные люди проходят через эти стадии с разной скоростью. Однако в реальной жизни все оказывается совсем не таким. Люди сами принимают решение, правильно ли ты что-то делаешь или нет, даже не поговорив при этом с тобой.

Паула замолкает и пристально смотрит на меня. Я понимаю, что мне сейчас надлежит что-то сказать, но я и понятия не имею, что именно. Поэтому начинаю говорить что попало.

– В прошлую субботу, – говорю я, – я ждала поезд в Галифакс, и какой-то парень на платформе посмотрел на меня и сказал: «Не унывай, милая. Того, о чем ты сейчас с таким мрачным видом размышляешь, никогда, возможно, и не произойдет». Я ответила ему: «Но это уже произошло. Моя мама умерла от рака кишечника». Это заставило его прикусить язык, и он, не говоря больше ни слова, отошел в сторону. А мне захотелось сказать это всем и каждому, или же нанести эти слова себе на лоб в виде татуировки, или сделать что-нибудь еще в этом роде, потому что тогда люди поняли бы, что несчастья и в самом деле происходят и что они могут произойти с любым из них в любую минуту. Я могу, идя домой сегодня вечером, попасть под автобус. А еще автомобили иногда выскакивают на мостовую и сбивают людей. В газете как-то написали, что после одного такого случая пострадавший мужчина умер. Водитель в момент инцидента менял компакт-диск в проигрывателе... Люди гибнут при крушении поездов – не очень часто, но гибнут. При этом обычно гибнут те, кто едет в вагонах, находящихся в хвосте поезда. Я узнала об этом, когда читала про расследования крушений поездов. Можно погибнуть и по дороге в школу, колледж или на работу... Одна из моих учительниц попала в больницу, потому что упала на лестнице и повредила

себе позвоночник. Никто не станет говорить вам, что нельзя ходить по лестницам, правда? Никто не скажет, что это опасно и что вам лучше побережся и установит лестничный подъемник, даже если вам всего лишь двадцать с лишним лет. Получается, что все опасно – даже хождение по лестнице. Вы можете вести жизнь отшельника, который не выходит на улицу, и при этом погибнуть, упав на лестнице у себя дома... Я не переживаю за людей, которые взбираются на Эверест или плывут через Атлантический океан в маленькой резиновой лодочке. Они знали, какие им будут угрожать опасности, но все же решили рискнуть. Они – профессиональные искатели острых ощущений, которые рискуют осознанно. Они прыгают с моста с эластичным канатом, обвязанном вокруг ног, в свое свободное время просто ради забавы... За кого я переживаю – так это за тех, кто не делает ничего безрассудного. Тех, у кого жуткая аллергия на укус осы и кто умирает от этого укуса. Тех, кто оказывается в неудачном месте в тот момент, когда обрушивается вывеска, и эта вывеска убивает их. Тех, кто сидит за рулем автомобиля, когда какой-нибудь идиот бросает кирпич с автомобильного моста... Но когда я завожу речь об этом, люди говорят, что я какая-то странная. Однако в действительности странными являются те, кто затыкает себе пальцами уши и делает вид, что ничего подобного никогда не происходит... И не говорите мне, что поднимать подобные вопросы – это какое-то сумасшествие. Понятно? Это ведь события, которые происходят на самом деле, но люди не хотят об этом ни говорить, ни думать, потому что это их пугает. Поэтому они заставляют всех окружающих делать радостное лицо и говорить что-нибудь хорошее, чтобы не дай Бог кого-то чем-то не испугать. А лично я лучше буду испуганной, чем глупой, и я думаю, что все остальные люди тоже должны быть испуганными. И если это мое мнение делает меня какой-то странной – ну что же, пускай я буду странная.

Я смотрю на Паулу. Она кивает и что-то записывает. И я спрашиваю себя, не думает ли и она, что у меня что-то не так с головой.

Анджела

Воскресенье, 13 марта 2016 года

Я чувствую это до того, как они приезжают. Венеция ведь такой романтический город, не правда ли? Я никогда не бывала там: Саймон не

отличался тягой к романтике и культуре, – но, судя по всему тому, что я видела и слышала, это идеальное место для *этого*.

Уже по тому, как она держится, когда выходит из автомобиля Ли, мне видно, что она чувствует себя как-то по-особенному. Она уже больше не глупенькая юная девушка – она женщина, и это заметно.

Я стараюсь казаться невозмутимой, встречая их у входной двери. И я не смотрю на ее левую руку, когда они заходят в дом. Но они и сами горят желанием рассказать мне о том, что между ними произошло.

Ли приподнимает ее руку так, чтобы я увидела кольцо.

– У нас есть новости, – говорит он.

Я даю волю рвущемуся наружу волнению и крепко обнимаю по очереди Ли и Джесс.

– О-о, это замечательно! Поздравляю! Я так рада за вас обоих! Но я это предчувствовала после того, как ты приходила в прошлый раз. Я подумала, что это скоро произойдет.

Я смотрю на Джесс. Волосы скрывают часть ее лица, когда она поднимает взгляд на Ли, но я все равно вижу, как она взволнована. Это заметно и за километр.

– Дай-ка мне рассмотреть его, милая, – говорю я, протягивая к ней руку.

Когда я вижу кольцо, у меня перехватывает дыхание. Оно очень красивое. Тонкое и изящное, но явно не дешевое.

– Оно великолепно, – говорю я. – Я рада, что у Ли такой хороший вкус.

– Что ты имеешь в виду? – говорит Ли. – Это было единственное кольцо в магазине дешевле пятидесяти фунтов.

Мы все смеемся. Я провожаю их на кухню.

– Жаль, что ты не предупредил меня, Ли. Я приготовила бы что-нибудь подобающее данной ситуации, если бы знала. Боюсь, что у меня есть только вино.

– Вот и чудесно. Мы вчера пили за завтраком шампанское, правда, Джесс? – говорит он, поворачиваясь к ней.

– Ну что ж, я рада, что вы отметили это событие в хорошем стиле, – говорю я. – Садитесь и расскажите мне, как все было. Где ты сделал ей предложение?

– На балконе отеля.

– А я бы подумала, что ты сделал это в гондоле, – говорю я, глядя на Ли.

– Нет, это было бы как-то так избито, разве нет?

– Неужели?

– Да. Я не хотел делать предложение так, как это делают многие другие люди и размещают потом фотографии в интернете. Мне хотелось, чтобы это было в своеобразной манере. Кроме того, стоять в гондоле на одном колене не так-то просто.

– Но он все же катал тебя на гондоле, да? – спрашиваю я у Джесс.

– О-о, да. Гондольер был очень забавным, он все время корчил рожи. Я вообще-то рада, что Ли сделал мне предложение не в гондоле. Там я не смогла бы воспринять его предложение всерьез.

– А ты в самом деле опустился на одно колено? – спрашиваю я у Ли.

– Конечно. Все было так, как положено, и по-честному.

– Рада это слышать. Мы же не можем допустить, чтобы Джесс подумала, что после свадьбы она попадет в семью, которая не делает все так, как положено. Ну да ладно, давайте посмотрим фотографии.

– Фотографии чего? – спрашивает Ли.

– Фотографии того, как вы отдыхали, глупыш.

– Они все еще в фотоаппарате, а он остался у меня дома.

– Жаль, что нашего Ли нет в «Фейсбуке», – говорю я Джесс. – Я этих фотографий никогда не увижу. Почему он не может фотографировать своим мобильным телефоном и затем выставлять снимки в интернете, как это делают все другие люди, – я не знаю.

– Потому что я не хочу, чтобы эти «все другие» их видели, – говорит Ли.

– А ты есть в «Фейсбуке»? – спрашиваю я у Джесс.

– Э-э... да. Но я там мало что выставляю.

– Но ты все же разместишь там фотографии своего кольца, да? И изменишь свой статус.

– Не знаю, – говорит она, косясь на Ли. – Я, наверное, буду сообщать об этом своим знакомым лично. Во всяком случае, тем, кому обязательно следует об этом сообщить.

– А своему папе ты уже сказала?

– Нет. Я скажу ему об этом позже, когда увижусь с ним.

– Думаю, он очень обрадуется.

Она, ничего не говоря в ответ, кивает.

– Ты уже познакомился с ним, Ли? С папой Джесс.

– Мы пообщались немного как раз перед нашей поездкой.

– Мне вскоре надо будет пригласить его сюда, чтобы обсудить приготовления к свадьбе.

Джесс опускает взгляд. Я думаю, она чувствует себя немного ошеломленной из-за всех этих событий. Она ведь еще такая юная. Я, когда

выходила замуж, была на целых пять лет старше ее. Кроме того, почти все организовала моя мама. Тут я вспоминаю: у этой девушки нет мамы.

– Но ты не переживай обо всем этом, – говорю я. – Я с удовольствием возьму на себя все организационные хлопоты. Это самое меньшее, что я могу в данных обстоятельствах сделать.

Они снова переглядываются. Я надеюсь, что я не переступила никакой запретной черты. Я ведь всего лишь старалась говорить и делать то, что считаю правильным.

– Если вам не хочется, чтобы я вмешивалась, скажите мне об этом, – продолжаю я. – Я не хочу влезать туда, где меня не ждут, но поскольку сделать придется многое, думаю, что моя помощь будет для вас не лишней.

– Спасибо, – говорит Ли.

– Это было бы замечательно, – говорит она, хотя вид у нее по-прежнему какой-то неуверенный.

– Вы уже определились с датой? – спрашиваю я у Ли.

– Дай нам время. Я сделал предложение только вчера.

– Да, но я ведь тебя знаю. Ты ничего не делаешь спонтанно, в последний момент. Готова поспорить, что у тебя уже все распланировано.

– Мы хотим, чтобы свадьба была летом, – говорит он.

– Этим летом?

– Никто из нас не видит смысла чего-то ждать, раз уж мы приняли решение. И обряд бракосочетания будет проводиться не в церкви, а, возможно, в отеле или в каком-нибудь аналогичном месте.

– Ну, тогда мне уже пора начать подыскивать соответствующие наряды, не так ли? Джесс, почему бы нам вдвоем не пойти подбирать тебе свадебное платье, а?

– Нет-нет, вам нет необходимости делать это, – говорит она. – Я схожу со своей лучшей подругой.

– Лучшие подруги не всегда скажут тебе то, что тебе необходимо услышать, – говорю я. – Тебе нужен кто-то постарше, с более богатым жизненным опытом.

Ее рот открывается, но из него не доносится ни звука. Она косится на Ли. Я вижу, как он слегка кивает.

– Э-э... да, – говорит она. – Это было бы замечательно, спасибо.

– Вот и хорошо. Дай мне знать, в какую субботу ты будешь свободна, и я составлю список магазинов и договорюсь, чтобы там нам уделили особое внимание. Мы не можем терять время.

Я очень рада, что она согласилась подключить к подбору свадебного платья меня. Дело в том, что я знаю Ли лучше, чем кто-либо другой. Она,

возможно, думает, что знает его, но это не так. В любом случае она знает его не так хорошо, как знает его собственная мать. Мне ведь точно известно, в каком платье он хотел бы ее видеть на свадьбе. В классическом, подходящем для любой эпохи. «Вспомните, как одевалась Грейс Келли» – вот что я скажу продавцам в магазинах. Попытайся подражать в одежде Грейс Келли – и ты не ошибешься.

Мы садимся за стол и принимаемся уплетать йоркширские пудинги. Они рассказывают мне более подробно о том, как отдыхали. На Джесс, похоже, произвел сильное впечатление их отель. Я абсолютно уверена, что это тот же самый отель, в который Ли возил Эмму, но ничего по этому поводу не говорю. Я не хочу, чтобы Джесс думала о том, что она уже не первая. Как бы там ни было, сейчас нет вообще никакого смысла об этом вспоминать. Это все уже стало прошлым. Что сейчас имеет значение – так это Джесс. Джесс, которая станет моей невесткой. И которая – что более важно – станет мамой моего первого внука.

Она снова ест много и с аппетитом. Впрочем, это не имеет значения при ее размерах, потому что они вполне хороши для свадебного платья. Нет ничего хуже, чем видеть невесту, с трудом втиснутую в платье, которое ей маловато. Я все еще не понимаю, как такое может случиться. Мое свадебное платье пришлось перед днем бракосочетания даже немножко ушить. Предсвадебная нервотрепка очень полезна для сброса веса.

– И вы ходили в оперный театр, дорогая? – спрашиваю я у нее. – Наш Ли рассказывал мне о нем. Театр этот, похоже, великолепен.

– Да. Там было так здорово, что я едва не описалась. – Я опускаю вилку и смотрю на нее изумленно. – Это реплика из фильма «Красотка», – поспешно добавляет она, увидев выражение моего лица.

– А-а, да, – говорю я. – Я смотрела этот фильм, и он мне понравился. Ричард Гир был очаровательным, правда?

– Да, но глаза у него слишком маленькие для его лица, – отвечает она.

Я бросаю взгляд на Ли. Он смотрит на нее и улыбается. Она его веселит. Это хорошо. А то он иногда бывает уж слишком напряженным. Надеюсь, она сможет помочь решать данную проблему.

– Ну что ж, нам пора идти, – говорит Ли уже во второй половине дня. – Джесс нужно поехать домой, к своему папе. А еще ей нужно подготовиться к такому важному для нее дню, как завтрашний.

– Конечно, – отвечаю я, поворачиваясь к Джесс. – Я так разволновалась, что почти забыла про твою новую работу.

– Да, – говорит она. – Я тоже.

– Я, к счастью, не забыл, – говорит Ли. – И поэтому для нее есть целый

новый гардероб.

– О-о, как это мило!..

– Я знаю, – говорит Джесс, глядя на Ли. – Он меня балует.

– Так ведь это очень важно – выглядеть соответствующим образом, – говорит Ли. – Хотя я все еще не могу убедить ее сделать себе высокую прическу. Вот ты, мама, разве не считаешь, что Джесс выглядела бы с высокой прической просто великолепно?

– Я уверена, что выглядела бы, но это немножко утомительно – делать себе такую прическу каждое утро. Сделай себе высокую прическу на свадьбу, Джесс. Я всегда думала, что невестам очень идет высокая прическа.

Она смотрит на меня, вытаращив глаза так, что они почти вылазят из орбит. Мне кажется странным, что она то и дело реагирует довольно неадекватно на что-то вроде бы абсолютно безобидное.

– Ну ладно, – говорит Ли, вставая и целуя меня в обе щеки. – Хоть нам и приятно находиться здесь, у тебя, мы вынуждены тебя покинуть.

– Да, идите, милый. Вы, должно быть, устали после этой поездки. Еще раз вас поздравляю. Это самая лучшая новость из всех, которые я получала за очень долгое время.

Я целую Джесс, и она благодарит меня за обед.

– Я обойду магазины для невест, – говорю я, – чтобы получить представление, сколько на это понадобится времени, и все такое прочее.

Она кивает, хотя все еще как будто бы сомневается. Возможно, она просто ошеломлена всем этим.

– И ни о чем не переживай, – продолжаю я. – Я для тебя все организую. Все, что тебе нужно сделать, – так это прийти на свадьбу и при этом шикарно выглядеть.

– Джесс всегда выглядит шикарно, – говорит Ли.

– Ну вот и хорошо, – говорю я. – Значит, тебе нужно только прийти.

Позже, когда они уже ушли, мне вдруг приходит в голову, что Ли может пригласить на свадьбу Саймона. Я не думаю, что он и в самом деле это сделает: насколько мне известно, они не общаются уже несколько лет, – но теоретически Ли может это сделать. И одной только мысли об этом достаточно для того, чтобы в груди у меня все похолодело. Я не уверена, что выдержала бы новую встречу с ним. Не уверена, что смогла бы стоять рядом с ним на свадьбе при фотографировании так, как будто между нами все было нормально. Он всегда очень хорошо умел делать вид, что все нормально. Как говорят, сохранял лицо. Ничто не выходило за пределы этих стен.

Мы никогда не разговаривали с Ли по-настоящему о том, что произошло. Ли в то время был слишком юным, а позже заводить речь обо всех тех событиях мне не хотелось. Я не уверена, много ли он помнит и помнит ли вообще хоть что-нибудь. Возможно, помнит больше, чем я могу предположить, но прошлое лучше держать в прошлом. Нет смысла вытаскивать это все сейчас на поверхность. Нам необходимо сконцентрироваться на будущем. Это все, что меня интересует. Будущее, которое включает в себя свадьбу и, надеюсь, последующее пополнение в семье. Я не думаю, что они будут с этим тянуть. Я даже уверена, что не будут. Когда Ли на что-то настраивается, его уже ничто не остановит. А он явно запал на Джесс. Ему нужна Джесс и нужно все то, что он может от нее получить. Он преобразится, когда станет отцом. Он не совершит тех ошибок, какие совершал Саймон. Он лучше Саймона. Всегда был и всегда будет лучше его.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Сейди Уорд

13/09/2017 10: 45

Со мной недавно связались полицейские. Они сказали, что бывшая подружка Ли обратилась в полицию и выдвинула против него обвинение. Причем, похоже, довольно серьезное. Они расспросили ее, и она рассказала им о возможном свидетеле, которого они собираются допросить. Все это, конечно, к твоему делу прямого отношения не имеет, но теперь получается, что не одна я его в чем-то обвиняю. Другие люди говорят нечто аналогичное. Это означает, что полицейские теперь воспринимают это всерьез. Они уже не положат все эти сведения под сукно. Я не перестану бороться, Джесс. Мне наплевать, что я наживаю себе недоброжелателей: мне необходимо добиться того, чтобы стала известна правда.

Я знаю, что это расстроит твоего отца, но я борюсь за справедливость, и по-другому я не могу поступить. Он слишком добрый, твой папа. Всегда видит в людях только все самое лучшее. Именно поэтому Ли и сумел запудрить ему мозги. Я не собираюсь ничего обнародовать здесь, в «Фейсбуке», зная, что Ли может это увидеть, но я уверена, что рано или поздно им займутся полицейские. Они уже раскручивают это дело.

Детектив, которая позвонила мне (женщина-шотландка), была настроена очень серьезно – я это почувствовала. Она разговаривала со мной совсем не так, как тот мужчина, который принимал у меня заявление и который не проявил никакой заинтересованности. Уж она-то не оставит ни одного неперевернутого камня. Она сама так выразилась, когда говорила со мной. Я буду продолжать бороться, Джесс. Ради тебя и ради Гаррисона. Именно так поступают настоящие друзья.

Джесс

Воскресенье, 13 марта 2016 года

Я прячу свой телефон, когда Ли возвращается в автомобиль, заплатив за бензин. Мои руки дрожат. Я впервые зашла в «Фейсбук» с того момента, как мы отправились на отдых, и уже сильно жалею о том, что сделала это. Это не может быть правдой. Я не могу поверить, что Ли избил какую-то свою подружку. Он был по отношению ко мне исключительно добрым и внимательным: держал мою руку, когда я нервничала в самолете, делал мне комплименты, покупал мне различную одежду. Я, конечно, помню и то, как он повел себя по отношению к той официантке в отеле. Я видела вспышку гнева, видела, какими сердитыми стали его глаза. Официантка его испугалась. Он явно способен вызывать страх у женщин. Возможно, он потерял контроль над собой, возможно, он зашел слишком далеко. Однако кричать на кого-то и кого-то избить – это далеко не одно и то же. И я все еще не верю, что Ли может кого-то избить. Возможно, его бывшая подружка преувеличивает. Возможно, она ревнует, что Ли женился не на ней, а на мне, а Сейди усугубила все это тем, что обратилась в полицию, и вот теперь они пытаются найти на него какой-нибудь компромат. А ведь совсем не трудно найти компромат, если ты его настойчиво ищешь. Мы все совершаем поступки, о которых потом жалеем. Поступки, о которых нам не хочется, чтобы кто-то что-то узнал.

– У тебя все в порядке? – спрашивает Ли, садясь в автомобиль.

Я вдруг осознаю, что сижу в очень напряженной позе, сжав кулаки так, что суставы аж побелели.

– Да, но я немного переживаю из-за папы.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я зашел с тобой к тебе домой?

– Я думаю, будет лучше, если я сообщу ему сама, наедине.

– Потому что ты полагаешь, что он может отнестись негативно?
– Для него это будет очень неожиданным – только и всего. Он скажет, что мы чересчур торопимся.

– Если ты хочешь отложить свадьбу до следующего года, я не возражаю. Если, конечно, так для тебя будет легче.

Я качаю головой, думая о Гаррисоне. Он, наверное, был зачат сразу после того, как мы поженились. А пока что Ли все еще использует презервативы. Я думаю, он перестанет пользоваться ими только после того, как мы поженемся. Если же мы отложим свадьбу, не будет никакого Гаррисона до того, как я умру. Наш сын не появится на этот свет. А такого допускать ни в коем случае нельзя.

– Спасибо, но не надо откладывать. Я хочу, чтобы свадьба состоялась в июле, как мы и договаривались. Всем остальным людям просто придется привыкнуть к этому.

– Ну что ж, если тебе потребуется поддержка, дай мне знать. И если твой папа захочет познакомиться со мной поближе, я не возражаю. Я могу поговорить с ним, как мужчина с женщиной. Заверить его в своих благих намерениях.

Я смотрю на него, приподняв брови от удивления.

– Послушай, милешка, – улыбается Ли, приводя автомобиль в движение, – я – идеальный потенциальный зять. Аккуратный, платежеспособный, даже мухи не обижу.

Я сжимаю свои кулаки еще крепче и смотрю в окно, стараясь не думать о публикации Сейди.

Как только я переступаю через порог, папа подходит ко мне и крепко меня обнимает.

– О-о, путешественница вернулась. Ну, и как там Венеция?

Он похож на какого-то доверчивого лабрадора, которого оставили дома одного и который сейчас увидел, что его хозяин наконец вернулся. Видеть мне это больно, особенно если учесть, что я сейчас собираюсь ему сообщить.

– Венеция удивительная. Она очень красивая.

Он идет закрыть дверь.

– Ли уехал?

– Да. Мы с ним, честно говоря, оба очень сильно измотаны. Думаю, ему хотелось побыстрее вернуться домой.

– Может, угостить тебя горячим какао по случаю твоего возвращения?

– Это было бы замечательно, спасибо, – говорю я, садясь за кухонный стол.

– Ну что, ты там насмотрелась на туристические достопримечательности?

– Да. Ли показал мне практически все интересные места. Мы ходили на мост Риальто, в оперный театр и даже поднимались на вершину какой-то высоченной башни на площади Святого Марка.

– Это колокольня – «кампаниле», – говорит папа. – А оперный театр называется «Театро Ла Фениче».

Он говорит это, старательно изображая итальянский акцент, и я невольно улыбаюсь.

– Да мне все равно, как они называются, – говорю я. – Мы чудесно провели время.

– Вот и хорошо, – говорит он, наливая молоко в кастрюлю.

Я держу свою левую руку под столом, потому что хочу рассказать ему обо всем до того, как он увидит кольцо. Момент сейчас для этого, по моему, вполне подходящий.

– Кстати, – продолжаю я, – у меня для тебя есть новости.

Папа поворачивается ко мне. Наверное, из всего, о чем он может сейчас думать, лучшее для меня – это если он предполагает, что я беременная, тогда свадьба станет для него как бы облегчением.

– Ли сделал мне предложение, – говорю я, вытаскивая левую ладонь из-под стола и показывая кольцо на пальце.

Если папа и почувствовал облегчение от того, что я вовсе не беременная, то он этого никак не показал. Судя по выражению его лица, он и таких слов от меня услышать никак не ожидал.

– Ты выходишь замуж? – спрашивает он, и его лицо как-то странно при этом кривится.

– Я знаю, что это, наверное, кажется со стороны чрезмерно поспешным, но я люблю его, папа, а он любит меня. И он для меня очень даже подходит. Я в этом уверена.

– Все всегда так думают, когда женятся или выходят замуж, Джесс.

– Ты говорил, что он тебе понравился, папа.

– Да, говорил. И сейчас могу это сказать. Однако я с ним почти не общался.

– В чем же тогда проблема?

Он снимает молоко с плиты и медленно наливает его в мою кружку.

– Проблема, – говорит он, поворачиваясь и передавая мне какао, – заключается в том, что я тебя очень сильно люблю и не хочу, чтобы ты влипла в какие-либо неприятности.

– И что теперь? Мне, получается, не следует ни с кем встречаться из

опасения, что они могут меня потом бросить?

– Нет. Но ты и сама сказала, что это все чересчур поспешно.

– Некоторые люди ждут годами, но все потом все равно получается не так, как хотелось бы. Вспомни, например, тетю Сару.

– Да, я знаю, – говорит он, садясь напротив меня. – Но это была не ее вина. Она ведь не могла предвидеть, что он станет тайно встречаться с кем-то еще менее чем через год после их свадьбы.

– Нет, не могла, но до этого она была рядом с ним девять лет. Вот что я имею в виду. Человека невозможно изучить досконально.

– Может, и нельзя, но у людей больше шансов наладить прочные отношения, если у них уже несколько лет за спиной.

Я ударяю ладонью по столу. Папа от неожиданности едва не подпрыгивает. Мне хочется крикнуть ему, что у меня нет нескольких лет. Для меня – сейчас или никогда.

– Послушай, я, как и ты, совсем не хочу испортить свою жизнь. Тебе нужно наконец просто позволить мне жить своей собственной жизнью. Именно это сказала мне мама перед тем, как умерла. Она сказала, что я должна быть честной с самой собой и должна жить той жизнью, о которой всегда мечтала.

Цитировать маму – это подло. Я это знаю. Но мне необходимо задействовать все рычаги для того, чтобы привлечь папу на свою сторону. Я хочу, чтобы он был рад предстоящему событию. Мне кажется, что тогда ему впоследствии будет легче.

Папины глаза становятся такими жалостными, как у олененка Бэмби. Он встает, подходит ко мне и прижимает мою голову к своей груди.

– И она, конечно же, была права. Твоя мама всегда была права. Мне просто тяжело отпускать от себя мою маленькую девочку.

Я встаю и крепко его обнимаю, вытирая при этом свои слезы о его плечо в кардигане.

– Я никогда не перестану быть твоей дочерью.

– А я никогда не перестану за тебя переживать. Я не смог бы выдержать, если бы тебе снова пришлось страдать.

Не сдержавшись на этот раз, я всхлипываю. Папа тянется рукой к кухонному столу и, достав из коробочки салфетку, передает ее мне.

– Ты уверена в нем, Джесс? Может, тебе просто очень сильно вскружил голову симпатичный парень с классной работой и красивой машиной?

Я качаю головой:

– Послушай, ты же знаешь, что я на это так просто бы не повелась.

– Он купил тебе очень много чего. И свозил тебя на дорогостоящий отдых.

– Да, но я не поэтому выхожу за него замуж, понятно? Если бы наш принц Гарри попросил меня выйти за него замуж, я бы сказала «нет» – потому что я не люблю его и потому что он рыжий.

Папа улыбается и вытирает в углу своего глаза слезу.

– А еще я могу тебе сказать, что чувствую, что Ли – мой суженый. Никто никогда не обращался со мной так, как это делает он. Он заставляет меня чувствовать, что я – особенная.

Папа медленно кивает.

– Так вы уже назначили дату?

– Июль.

– В этом году?

– Да.

– Ты не...

– Нет. Я уже говорила тебе, что он – человек ответственный. Мы просто не видим никакого смысла в проволочке.

Папа некоторое время молчит. Я знаю, чем он сейчас занят: он пытается понять, что сказала бы в подобной ситуации мама.

– Ну ладно, держи меня в курсе того, что тебе может понадобится. Я имею в виду, что, само собой разумеется, я все это оплачу.

– Тебе нет необходимости это делать. Все оплатит Ли.

– Платить вообще-то должен отец невесты.

– Знаешь, папа, такой подход – это уже как бы прошлый век.

– Что? Мужчина уже больше не может оплатить свадьбу собственной дочери?

– Это просто вопрос здравого смысла. Ли зарабатывает намного больше, чем ты. А расходы обещают быть немалыми.

– Значит, бракосочетание будет проходить не в церкви у нас на улице?

– Нет. Ли хочет арендовать помещение в каком-нибудь отеле в Лидсе. Анджела собирается помочь организовать это.

У папы такой вид, как будто ему врезали ногой по зубам.

– Она предложила это потому, что мамы нет в живых и она не может это сделать. Мне не хотелось обижать Анджелу отказом.

– Ну да, конечно.

– Может, ты сможешь помочь нам советом по поводу угощений? Поможешь составить меню или что-то в этом роде?

Он идет к раковине и начинает мыть кастрюлю, в которой подогревалось молоко. Я знаю, что ему больно, но больше мне ничего не

приходит в голову, я не знаю, что еще могла бы ему сейчас сказать.

– Ну ладно, – говорю я. – Я, пожалуй, сейчас пойду к себе, мне нужно подготовиться к завтрашнему дню.

– Да, – соглашается папа. – Знаменательный день. В этом году таких дней будет немало.

Я чувствую себя не в своей тарелке, стоя на платформе на станции Митолройд без Сейди. Я чувствую себя не в своей тарелке еще и потому, что вышла из дому в половине восьмого утра, не говоря уже о том, что я одета как какая-нибудь девушка, стоящая за прилавком с косметикой в магазине «Бутс».

Ли сказал, чтобы в свой первый рабочий день я обязательно была «хорошо запряженной». Я раньше слышала этот термин только применительно к лошадям, а применительно ко мне, я думаю, он имел в виду прическу, макияж и одежду, при этом вовсе не рассчитывая на то, что я буду изображать из себя цирковую пони, выставляемую для показухи.

Впрочем, я все же почувствовала себя показушницей. Я обычно вообще не использую косметику до одиннадцати часов утра. Во всяком случае, в такой степени. Я забыла про губную помаду (возможно, потому, что я не привыкла ее использовать), но я исправлю эту оплошность, когда приеду в Лидс. Я не хочу быть одной из тех женщин, которые красят себе губы помадой в поезде, глядя в зеркальце.

Когда я иду по платформе, какой-то парень в сером костюме быстро окидывает меня взглядом. Я уже собираюсь крикнуть ему: «На что ты таращишься, придурок?» – но тут мне приходит в голову, что это будет как-то не по-секретарски. Хотя во мне, конечно, очень мало секретарского. Я с таким же успехом могла бы играть роль секретаря в какой-нибудь пьесе: театральный грим, парик, соответствующий наряд, попытка ходить и разговаривать, как какой-то другой человек, быть другим человеком. И все это – в отчаянном стремлении понравиться зрителям.

В данной ситуации я даже рада, что Сейди нет рядом со мной. Она стала бы задавать мне неприятные вопросы. Она спросила бы меня, в какую, черт побери, игру я играю. И я не имею ни малейшего понятия, что бы я сказала ей в ответ.

Поезд подъезжает к станции, и люди смещаются поближе к краю платформы. Я совсем забыла о том, что при входе в вагон надо еще потолкаться, чтобы занять место получше. Мне, возможно, вообще не достанется сидячего места. В такое время очень многие садятся на этот поезд в Хебден-Бридже. Двери вагонов открываются. Я чувствую, как кто-то подталкивает меня сзади. У меня в груди холодеет. Мой мозг начинает

лихорадочно работать. Я думаю об этой поездке, о толкающихся телах, о людях, которые дергаются, когда поезд резко снижает или набирает скорость. Я начинаю применять один из тех приемов, которым меня научил психотерапевт. Мне необходимо вернуть себя в центр. Необходимо не позволять себе самой сходить с рельсов. Это мне совершенно не нужно в первый день на новой работе.

Я направляюсь к свободному месту между пожилой женщиной и мужчиной средних лет в плаще с поясом. Я смотрю на женщину, потом на ее сумку, которая стоит на свободном месте, и задаюсь вопросом, не из тех ли она людей, которых обязательно нужно попросить, чтобы они убрали свою сумку. Но она вздыхает и, положив сумку себе на колени, смотрит на меня с таким видом, как будто ей очень жаль, что ее сумке доставили такое неудобство.

Я достаю телефон. Так в поезде поступают все, кому не с кем разговаривать. Я щелкаю на иконке «Фейсбука», но захожу на главную ленту новостей, а не в свою «Хронику». Мне приходит в голову, что впервые за все время пользования «Фейсбуком» я могу разместить публикацию с действительно стоящей новостью – новостью о моей помолвке. Впрочем, я не стану этого делать. Прежде всего потому, что я сомневаюсь, что это вызовет одобрение со стороны Ли. Кроме того, я ни в коем случае не хочу, чтобы Сейди узнала о моей помолвке *подобным образом*. Какими бы напряженными ни стали наши отношения, Сейди – как и никто другой – не заслуживает того, чтобы узнать, что ее лучшая подруга собирается выйти замуж, лишь через «Фейсбук».

Я перемещаюсь вниз по страничке, выискивая что-нибудь хоть немного интересное или забавное. Большинство публикаций – какие-то дурацкие селфи и сообщения обо всякой ерунде. Никто не размещает в «Фейсбуке» ничего серьезного. Никто не сообщает ничего плохого или грустного о своей жизни. Те, кто размещает свои публикации в «Фейсбуке», – это, похоже, главным образом люди, пытающиеся делать вид, что они очень классно проводят время. Возможно, Ли прав – «Фейсбук» постепенно отойдет. Мне кажется, что ситуация в «Фейсбуке» была намного лучше тогда, когда он только был создан, – то есть до того, как туда массово рванули все родители. Именно поэтому я надеюсь, что Анджела не будет пытаться найти меня в «Фейсбуке». Я уже не смогу написать ничего откровенного, если моим другом по «Фейсбуку» станет моя будущая свекровь.

Чтобы скоротать время, я захожу на несколько сайтов с фильмами. Я всегда считала, что в кинотеатре следовало бы сделать один зал для показа

только трейлеров. Я не вылазила бы оттуда часами. Помню, как смотрела трейлер фильма «Фантастические твари и где они обитают» вместе с Сейди. Мы тогда пообещали друг другу, что пойдем на этот фильм, как только он выйдет на экраны. Но теперь мы этого сделать не сможем. Интересно, поведет ли меня на этот фильм Ли? Ему не нравится Эдди Редмэйн^[23]. Думаю, не поведет.

Поезд прибывает в Лидс вовремя. Я пропускаю всех к выходу вперед себя: мне совсем не нравится толкаться перед турникетом. Когда в вагоне становится пусто, я достаю зеркальце и подкрашиваю губы своей новой губной помадой. Мне не очень нравится ее цвет, но я решила смириться с такой помадой, а иначе, без нее, меня не сочтут «хорошо запряженной».

Странное ощущение – выйдя из вокзала, идти совсем в другую сторону. Ли предложил проводить меня на работу в первый день, но я сказала «нет». Я и так уже чувствую себя неловко, из-за того что встречаюсь с одним из своих начальников, а приходить вместе на работу как какая-нибудь неразлучная влюбленная парочка – это уж слишком.

Интересно, представит ли он меня всем как свою невесту? Мне всегда очень не нравилось это слово: оно звучит довольно старомодно. Теперь, когда я сама стала невестой, это слово не нравится мне еще больше.

Я глубоко вздыхаю, повернув за угол и увидев вывеску «Эклипс Пи-Ар». «Я в состоянии сделать это», – говорю я себе. Я могу стать тем, кем хочу стать. Пару секунд позднее мой телефон издает звуковой сигнал. Это пришло сообщение от Ли.

Я слышал, что наш новый секретарь очень эффектно одета. Желаю тебе приятного первого рабочего дня. Люблю тебя. Х

Вот и все, что мне нужно. Я захожу через парадную дверь, нацепив на свое лицо улыбку. Даже когда я вижу стойку дежурного администратора и вспоминаю беременную женщину, стоявшую за ней, когда я была здесь в прошлый раз, мне удается удержать себя в руках.

По лестнице спускается Ли.

– Ого! – говорит он. – Ты и в самом деле выглядишь подобающим образом!

– То есть я расфуфырилась довольно неплохо, да?

– Гораздо лучше, чем просто неплохо. Я думаю, всем остальным придется задуматься над улучшением своей собственной внешности.

– Если кто-то спросит, что мне говорить? Я имею в виду о нас.

– Давай на работе говорить только о работе. Тут и так все скоро узнают.

– Хорошо, – говорю я.

Вообще-то я думала, что он им уже все рассказал. Впрочем, может, так и лучше. Я не хочу, чтобы все думали, будто я получила эту работу только потому, что встречаюсь с Ли. Понятно, что они все равно будут так думать, как только им станет известно о наших отношениях, но было бы неплохо, если бы они сначала немного познакомились со мной.

Ли идет назад, вверх по лестнице. Я снимаю куртку и вешаю ее на крючок вешалки. Положив свою сумку за стойкой дежурного администратора, я включаю компьютер. Мне нужно ввести пароль, а я его забыла. Господи, как я ненавижу первый день на любом новом месте. Вниз по лестнице спускается Карл. Сказал ли Ли о нашей помолвке хотя бы ему? Я прячу свое кольцо на тот случай, если не сказал. Мне не хочется стать первой, кто ему об этом сообщит.

– Привет, Джесс, ты прекрасно выглядишь. Это просто здорово, что ты теперь работаешь у нас. – Произнося эти слова, он рыскает глазами вверх-вниз по моему телу. – Дай мне пять минут – и я вернусь с твоим паролем, помогу тебе разобраться с компьютером и устрою для тебя небольшую экскурсию по зданию.

– Хорошо, – говорю я.

Карл уходит вверх по лестнице. И тут же звонит телефон. Лишь после третьего сигнала я набираюсь смелости для того, чтобы поднять трубку и сказать:

– Доброе утро, компания «Эклипс Пи-Ар», чем я могу вам помочь?

Слушая того, кто позвонил, я пытаюсь выкинуть из головы изображение Сейди, хохочущей и показывающей на меня пальцем. Позвонивший спрашивает, можно ли ему поговорить с Ли. Ли уже сказал мне, какой у него добавочный номер, поэтому я переключаю звонок на него. А потом я стою там, как какая-нибудь кукла Барби в форме секретаря, и размышляю над тем, что же я, черт побери, натворила.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Джо Маунт

14/09/2017 21: 58

Джесс, я хочу, чтобы ты знала: мне очень жаль, если я тебя подвел. Сегодня приезжали полицейские. Они задавали много вопросов про Ли. Вот почему я сообщаю тебе это в личном сообщении, а не выставляю на всеобщее обозрение. Я не поверил им. Я сказал им, что считаю, что кто-то просто так пытается

напакостить, и что им совсем не нужно вмешиваться. Но когда они уехали и оставили меня наедине с самим собой, я, размышляя над тем, что они сказали, с ужасом подумал, что они, возможно, правы. Может, я совершил самую ужасную ошибку в своей жизни? Может, я видел только то, что хотел видеть, и не видел всего остального? У людей в жизни такое случается, не так ли? Я начал вспоминать все-все с самого начала и думать о том, что я, возможно, упустил, и вот теперь у меня есть серьезное опасение, что, возможно, именно из-за меня все пошло вкривь и вкось. Возможно, я не смог тебя должным образом защитить. Если я подвел тебя, Джесс, если я не оказался рядом с тобой, когда ты очень-очень во мне нуждалась, пожалуйста, прости меня. Я искренне сожалею.

Джесс

Пятница, 18 марта 2016 года

Я останавливаюсь на ступеньках и делаю несколько глубоких вдохов, прежде чем зайти на кухню. Мне нужно суметь удержать себя в руках, когда я увижу папу. Если я дам слабину, он захочет узнать, в чем дело, а я ему этого рассказать не могу. Я не могу произнести даже одного слова из того, что я только что прочла. По правде говоря, я все еще пытаюсь «переварить» это в своей голове. Тот факт, что полицейские проявляют к произошедшему уже серьезный интерес, меня прямо-таки ошеломил. Они ведь, наверное, знают, что делают. Они не стали бы транжирить свое время на расследование чего-либо, если бы не считали, что подозрения являются обоснованными – или, по крайней мере, в какой-то степени обоснованными. Они не пришли бы к папе и не стали бы его расспрашивать, если бы не полагали, что выдвинутые обвинения вполне могут соответствовать действительности.

Но в то же самое время я не могу совместить человека, относительно которого они проводят расследование, с тем человеком, с которым обручена. Эти двое – не один и тот же человек. Они не могут быть одним и тем же человеком. Я не настолько глупа, чтобы влюбиться в парня, который избивает женщин. Я бы его «раскусила». Я не трачу свое время на подобных козлов. Никогда не тратила. Единственное, что мне приходит в голову, – что где-то что-то пошло как-то не так. Может, его бывшая

подружка рассказала что-то про то, что он ее стукнул, и когда они начали копать в этом направлении, она стала рассказывать то, чего в действительности не было? Мне ведь известно, что Сейди ревновала меня к Ли с самого начала. Ей бы потребовалось совсем немного, чтобы прийти к ложному выводу. Люди верят в то, во что они хотят верить. Вот только теперь и папа тоже полагает, что это, возможно, правда.

– Доброе утро! – говорю я, заходя на кухню. Папа отрывает взгляд от своего кофе, тут же настораживаясь, потому что я никогда не говорю «Доброе утро!». Обычно я вообще не говорю ничего бодрым и громким голосом до восьми часов утра.

– Доброе утро, милая. У нас все готово к сегодняшнему вечеру?

Он сегодня вечером на работу не идет. Я веду его поужинать вместе с Ли в надежде на то, что они начнут налаживать отношения друг с другом.

– Да, я приеду домой после работы, и мы пойдем в ресторан. Ли будет ждать нас там.

Я подхожу к нему и целую его в щеку.

– Это в честь чего? – спрашивает он.

– Ничего. Я просто хочу, чтобы ты помнил, что я тебя люблю. Вот и все.

Встретиться с Сейди во время обеда – это, в общем-то, последнее из всего, что мне хочется сейчас сделать. Она прислала мне в понедельник сообщение, в котором спросила, не хочу ли я встретиться с ней на этой неделе, и у меня не хватило решительности сказать «нет». Кроме того, я знаю, что рано или поздно мне нужно рассказать ей о своей помолвке. Мне совсем не хочется, чтобы она узнала о ней от кого-то еще.

Я захожу в «Прет». Сейди сказала, что не хотела бы идти в какое-либо крутое заведение. Я вижу, что она меня сразу замечает, но при этом как бы вглядывается: я это или не я?

– Привет, – говорю я, подходя к ней. – Как дела?

– Хорошо. А ты, случайно, не видела Джесс Маунт? Она, похоже, куда-то пропала.

– Очень смешно.

– Ну и как оно – вставать рано по утрам?

– Нормально. А насчет одежды – я вообще-то не могу ходить на свою новую работу в лосинах и ботинках «ДМ», не так ли?

– О господи, в следующий раз ты придешь с супермодной сумкой.

– Нет, не приду, я все еще хожу со своим надежным рюкзаком, – говорю я, похлопывая по рюкзаку. – Есть вещи, которые не подлежат переменам.

Сейди таращится на меня с недоверчивым видом.

– Что ты хочешь заказать? – спрашиваю я. – Платить буду я.

– Ну, тогда все подряд.

– Я серьезно.

– Подогретый сэндвич-врап, шоколадное пирожное и какао, пожалуйста. А я заплачу за такую же еду в следующий раз.

Я киваю, беру кое-что для себя и иду обратно к столу. Я пытаюсь разгружать поднос только правой рукой. Лично я вполне могла бы и не заметить, если бы Сейди пришла с обручальным кольцом и с фатой, но Сейди всегда была гораздо более наблюдательной, чем я.

– Ну и как там, на новой работе? – спрашивает она.

– Нормально.

– Всего лишь нормально?

– К ней нужно привыкнуть – только и всего.

– Они там все самодовольные и заносчивые рекламщики?

– Я надеюсь, ты не включаешь Ли в эту категорию.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Они немного прямолинейные. Там у них не очень-то весело, но работа эта, если честно, совсем не трудная. Мне нужно всего лишь стоять там и много улыбаться. И никто не требует, чтобы я ползала по полу и собирала рассыпанный попкорн.

– О-о, это уже кое-что.

– Да. А у тебя на работе как дела?

– Да все так же. Никаких изменений, абсолютно никаких. Как прошла твоя увеселительная поездка?

Прежде чем ответить, я жду, когда Сейди откусит большой кусок сэндвича. Я хочу, чтобы она хотя бы несколько секунд ничего не могла сказать, перед тем как на меня набросится.

– Прекрасно, спасибо. У меня, кстати, есть для тебя кое-какие новости. Мне хотелось сообщить их тебе с глазу на глаз.

Я показываю свою левую руку. Сейди смотрит на кольцо, потом снова на меня и на пару секунд перестает жевать. Когда ее челюсти вновь начинают двигаться, она жует очень медленно. У меня мелькает мысль, что я, пожалуй, предпочла бы, чтобы она сразу на меня набросилась и чтобы мне не пришлось этого ждать.

– Что, черт побери, ты творишь, а? – наконец говорит Сейди.

– Я выхожу замуж.

– Да, в двадцать два, за парня, с которым ты знакома лишь пару месяцев.

– О господи, ты говоришь, как мой папа.

– И это неудивительно, не так ли? Мне кажется, любой человек сказал бы тебе то же самое. Во всяком случае, любой из тех людей, которые за тебя переживают.

– Я знала, что это будет вот так.

– Да, потому что ты совершаешь глупый поступок. Ты разбрасываешься своей жизнью, Джесс. И я не собираюсь стоять в стороне и просто смотреть на это, ничего не говоря.

Я кладу на тарелку свой сэндвич.

– Ты уже все сказала?

– Я еще даже не начинала.

Я оглядываюсь по сторонам и вижу, что люди вокруг уже начинают на нас поглядывать.

– Послушай, я извиняюсь за то, что я счастлива. Извиняюсь за то, что у меня теперь новый парень и новая работа и что я оставила тебя на старой работе.

– Ты думаешь, что я ревную?

– Ну, с того места, где я сейчас сижу, это выглядит именно так.

Сейди качает головой:

– Как мне до тебя достучаться, Джесс? Я не ревную. Ты подцепила симпатичного парня, и я за тебя искренне рада. Но это... – Она показывает на кольцо. – Это – безумие. Взгляни на себя! Ты за пару месяцев так сильно изменилась, что я тебя больше не узнаю. Ты как будто превращаешься в то, во что он хочет, чтобы ты превратилась, но ты так сильно на него запала, что даже не замечаешь этого.

Я опускаю взгляд – главным образом для того, чтобы скрыть слезы, подступившие к моим глазам.

– После всего того, через что я прошла, со мной наконец-то произошло нечто хорошее, а ты реагируешь на это так, как будто я снова понесла утрату.

– Ты утратила чувство здравого смысла, потому что слишком сильно запала на Ли.

– Почему ты его так сильно ненавидишь?

– Я вовсе не испытываю к нему ненависти. Я просто хочу, чтобы ты проснулась и увидела то, что происходит.

– Ты даже понятия не имеешь, какой он. Он заставляет меня чувствовать, что я – самый особенный человек на свете. Он любит меня, Сейди. Еще никто и никогда не любил меня так, как он.

Она качает головой:

– Если бы он в самом деле тебя любил, он бы не стал просить тебя измениться.

– Он не просил.

– Ну да, не просил, как же!.. То есть эта твоя новая одежда, новая работа и дурацкая губная помада у тебя на губах не имеют к нему никакого отношения, да?

Слезы начинают бежать из моих глаз, и я не в состоянии их остановить. Сейди, похоже, собирается потянуться вперед и взять меня за руку, но затем передумывает.

– Ты должна это прекратить, – говорю я. – Это может причинить некоторым людям вред.

– Что ты имеешь в виду?

– Если ты не можешь радоваться за меня, ты должна уйти из моей жизни. Потому что если ты и дальше будешь продолжать вести себя подобным образом, то ты в конце концов все всем испортишь.

– Прекрасно, – говорит она, вставая, запихивая еду в сумку и беря свое какао. – Тогда я пообедаю на ходу. И считай, что я уже в самом деле ушла.

Глядя на то, как она уходит, я изо всех сил пытаюсь сдержать снова подступившие к глазам слезы. Я с ужасом осознаю, что это я вынудила ее поступать впоследствии определенным образом. Это я ее так разозлила, что она в будущем скажет полиции, что меня убил мой муж.

Мы вдвоем с папой сидим в единственном приличном ресторане в Митолройде (если не считать магазина, торгующего горячей пищей, в котором вообще-то классно). Я предпочла бы поехать в Лидс, но в пятницу вечером там полно на улицах пьяных людей, и я не хочу портить папе впечатление от этого нашего мероприятия. Я хочу, чтобы все в этом мероприятии было позитивным. Папа ради такого случая надел костюм и выглядит в нем, надо сказать, очень даже неплохо. Во всяком случае, для человека его возраста. Что хорошо в мужчинах с итальянскими генами – так это, в частности, то, что их не портит лысина.

– Ты встречалась сегодня с Сейди, да? – спрашивает папа, когда мы сидим и прихлебываем минеральную воду.

– Да.

– Я буду прав, если предположу, что она восприняла все это не очень позитивно?

– Это еще слабовато сказано.

– Жаль. Вы ведь всегда были лучшими подругами, Джесс. Ей, наверное, сейчас очень тяжело.

– Я была бы рада за нее, если бы она оказалась на моем месте, а я – на

ее.

– Правда? У тебя в жизни ведь образовалась бы огромная брешь...

– Ну, я точно не стала бы вызывать у нее негативные эмоции. Она – как кипящая масса, состоящая из негодования.

– Она постепенно успокоится.

– Она не успокаивается, – говорю я, а затем спохватываюсь. – Я имею в виду, она не успокоится. Она всерьез ополчилась на Ли.

– Почему?

– Видимо, винит его в том, что он забирает меня у нее. Если она когда-нибудь станет что-то говорить против Ли, вспомни о том, что я тебе только что сказала.

Папа ставит свой стакан на стол.

– А с какой стати она стала бы что-то говорить против Ли?

– Ты просто запомни то, что я тебе только что сказала, – только и всего.

Едва я произношу эти слова, как открывается дверь и заходит Ли. Я виделась с ним всего лишь несколько часов назад, но у меня опять возникает ощущение, что внутри меня что-то вот-вот взорвется.

– Привет, – говорю я, вставая и улыбаясь ему.

Он целует меня в губы – целует таким поцелуем, который вроде бы вполне приемлем в присутствии родственников, но мне все же хотелось бы, чтобы папы при таком поцелуе рядом не было.

– Ты выглядишь, как всегда, шикарно, – говорит Ли, а затем поворачивается к папе. – Рад снова с вами увидеться, Джо.

Папа встает и протягивает руку:

– Я тоже рад тебя видеть, Ли. Поздравляю. Ты, надо сказать, действуешь быстро и решительно.

– Спасибо, – отвечает Ли. – У вас удивительная дочь. Я не собираюсь дожидаться, когда ее заграбастает кто-нибудь другой.

Я вижу, как показания на «одобрителеометре» на лице папы поднимаются еще на одно деление вверх. Мы все садимся. Похоже, очарование Ли выиграло первый раунд. Папа уже почти готов выбросить белое полотенце на ринг в знак того, что сдается. К нам подходит официант, чтобы принять наш заказ на напитки.

– Я думаю, нужно заказать бутылку шампанского, – говорит папа.

Наступление очарования Ли точно закончилось победой. Папа теперь уже на моей стороне. Двое мужчин, которых я люблю больше всего на свете, будут находиться рядом со мной, что бы ни сулило нам будущее.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Сейди Уорд

01/10/2017 23: 22

Я встретила с ней вчера – с бывшей подружкой Ли. Ее зовут Эмма. Эмма Маккинли. Впрочем, ты, наверное, это знала. Она – актриса. Не очень-то знаменитая. Она снимается в сериалах и еще каких-то ролях на телевидении и играет в театрах во время гастролей. Несколько лет назад она какое-то время снималась в сериале «Эммердейл»^[24]. Но мы с тобой его, конечно же, не смотрели. Я понимаю, что мне, наверное, не следовало с ней встречаться. Но я разыскала ее в интернете и связалась с ней после того, как полицейские сообщили мне, что она подала заявление в полицию.

Она очень симпатичная. Точнее говоря, когда-то была очень симпатичной. Я посмотрела с помощью «Гугла», как она выглядела, когда снималась в том сериале. Сейчас она, конечно, выглядит совсем по-другому. Она такая тощая, что похожа на воздушный шарик, из которого выпустили почти весь воздух. Это, впрочем, неудивительно, если вспомнить о том, что с ней произошло. Он избивал ее, Джесс. Он избивал ее очень-очень сильно. Не в самом начале их отношений, нет. Она сказала, что поначалу он был очень любезным и ласковым. Это стало происходить позднее, когда они начали жить вместе. И началось все со шлепка. Всего лишь одного шлепка. Потом он очень сильно извинялся и обещал ей, что такое больше никогда не повторится. Но оно, конечно же, повторилось. А затем еще раз, и еще... И каждый раз она его прощала, потому что он был очень расстроен из-за того, что сделал. Она думала, что сможет помочь ему избавиться от этой своей наклонности, сможет помочь ему стать лучше.

Она надеялась на это, пока они не поехали на отдых в Венецию. Он там сломал ей челюсть, Джесс. Он, черт побери, сломал ей челюсть. Она не подала на него жалобу: она очень сильно опасалась, как бы об этом инциденте не написали в газетах. Но она, по крайней мере, после этого инцидента от него ушла. Она переехала обратно в Лондон. Там она сейчас и живет. И больше она с ним уже не общалась. Она не знала о том, что он

женился и что ты умерла, пока не приехала в Лидс в гости к подруге. Подруга ей об этом и рассказала. Вот тогда-то она и решила обратиться в полицию. У нее есть фотографии, Джесс. Фотографии того, что он с ней сделал. И документы, свидетельствующие о ее лечении в больнице в Италии. А еще то, что с ней произошло в отеле, в котором они жили в Венеции, видел один человек – горничная, которая зашла в их номер вскоре после инцидента и увидела кровь и все такое прочее.

И пока она мне все это рассказывала, я думала только о том, что он, должно быть, делал с тобой. Мне вспоминались те случаи, когда ты должна была прийти на встречу со мной, но не приходила, объясняя это тем, что у тебя была бессонная ночь с «Г». Мне вспомнился твой синяк, про который ты сказала, что просто случайно ударилась. Я вспомнила все это, Джесс, и заплакала горькими слезами из-за жалости к тебе. Заплакала из-за того, что он делал с тобой, и из-за того, что ты, должно быть, сильно страдала.

Но мы не позволим ему избежать наказания за это, Джесс. Эмма готова, если потребуется, обратиться в суд. Готова это сделать и я. Правда выйдет наружу. Мне только жаль, что тебя уже не спасти. Х

<i>Джесс</i>

Суббота, 2 апреля 2016 года

«Нет!» Хотя я и кричу это слово, делаю это беззвучно, в своей голове. И это хорошо, потому что я лежу в постели в квартире у Ли, а он сейчас на кухне готовит нам поздний завтрак.

Мое сердце сильно колотится, как будто пытается предупредить меня о надвигающейся опасности. Посмотрев на свои глаза в зеркале платяного шкафа, я вижу, что они дикие и выпученные. Все мое тело дрожит. Я не хочу в это верить. Я не хочу, чтобы мое счастье было испорчено. Кто бы это ни делал и как бы они это ни делали, они делают это специально, чтобы причинить мне вред. Я это знаю.

Но чего я теперь не могу отрицать – так это того, что они все про меня знают. Знают даже то, чего еще не знаю я сама. Они знают такие вещи, которые, если я позволяю себе их анализировать, очень даже точно

увязываются одна с другой.

Официантка в отеле в Венеции. Та, у которой выскользнул из руки поднос. Может, она в самом деле узнала Ли? Может, она узнала его потому, что уже видела его раньше в том же самом номере, но только с другой женщиной? Женщиной, которая лежала на полу с окровавленным лицом, когда она, официантка, неожиданно зашла в номер.

Похоже, нет никакого смысла все это выдумывать. Вот это-то и заставляет меня нервничать. Я никому о той официантке не рассказывала. Никто, кроме Ли и официанта, который приходил убирать, не знает о том, что там произошло. Но тогда как об этом может быть написано в публикации, которую я сейчас читаю и которую Сейди, что видно по дате, разместит аж через восемнадцать месяцев?

Я выключаю телефон, встаю и кладу его в свой рюкзак, который лежит в углу комнаты. Впрочем, это не тот случай, когда «с глаз долой – из сердца вон». Разве такое возможно? Как можно прочесть что-то вроде этого – и попросту об этом забыть?

Выходит, что если я – хотя бы на мгновение – поверю в то, что это правда, то получится, что я помолвлена с мужчиной, который когда-то избил свою – теперь уже бывшую – подружку так, что сломал ей челюсть.

Это не может быть правдой. Такое если с кем-то и происходит, то не со мной. У меня удивительная новая жизнь, и я никому не собираюсь позволять все испортить с помощью попыток меня запугать.

Я надеваю шелковый халат, который Ли купил мне в Венеции, и иду в ванную. Дверь на кухню закрыта, но я слышу, как шипит на сковороде бекон и как что-то тихонько бубнит радио. Ли подпевает какой-то песне группы «Кайзер Чифс»^[25]. Я хочу улыбнуться, но мышцы рта меня не слушаются.

Я захожу в ванную и закрываю за собой дверь. Нет, им меня не запугать. Я не позволю им привести меня в смятение. Никто не сможет со мной такое сделать.

Я включаю душ и раздеваюсь. Я смотрю на свое тело в зеркало. Гладкая кожа без единого пятнышка. Это все выдумки. Одни лишь выдумки. Если бы Ли на самом деле был таким, я бы про это уже узнала. Но он еще ни разу даже не выходил из себя. Я – и то более вспыльчива, чем он. Всего лишь один инцидент в гостиничном номере в Венеции еще не превращает его в человека, способного укокошить свою жену. Он никогда не причинял мне боли, и я ни разу не видела, чтобы он причинял боль кому-то другому. Вот на чем мне следует концентрировать свое внимание.

Я забираюсь в ванну и задерживаю занавеску. Ванна – скользкая. В нее

бы положить резиновый коврик. Но такому человеку, как Ли, не станешь советовать приобрести резиновый коврик для ванны. Он в ответ лишь рассмеется и скажет, что мне, наверное, затем придет в голову купить вязаное покрывало для крышки унитаза.

Протянув руку, я делаю воду горячее. Да, вода мне сейчас нужна горячая. Достаточно горячая для того, чтобы заставить меня отвлечься от этих дурацких мыслей. Я закрываю глаза и подставляю под воду лицо, а затем начинаю мыть волосы шампунем. Но перед моим мысленным взором то и дело предстает лицо девушки, которую я видела в гостиничном номере в Венеции. И выражение страха на ее лице. Самого настоящего страха. Вот почему она положила ту записку в мои вещи. Потому что она видела, что произошло ранее с той женщиной.

Я замечаю, что дрожу. Я вспоминаю о том, какое объяснение мне дал по этому поводу Ли. Возможно, он и в самом деле оказался похожим на ее бывшего парня. Возможно, страх в ее глазах был вызван именно воспоминанием о ее «бывшем». А записка? «Будь осторожной». Может быть, она просто предупреждала меня, исходя из своего собственного опыта общения с мужчинами? Если кто-то из них относился к ней плохо, она, возможно, решила, что они все такие. Я чувствовала себя подобным образом после того, как меня бросил Каллум. Я была готова наговорить всякого про мужчин любой женщине, которую увидела бы рядом с мужчиной.

Я выключаю душ и тянусь рукой туда, где вроде бы должно висеть полотенце. И тут до меня доходит, что я оставила его на тыльной стороне двери. Я вылезаю из ванны, ничего не видя из-за упавших на глаза волос, и ищу на ощупь полотенце, но вместо этого нащупываю плечо Ли. Я вздрагиваю и слегка вскрикиваю. Я ведь даже не услышала, как он сюда вошел.

– Привет, – говорит он. – Не бойся, это я. Я собирался сказать тебе, что завтрак готов, но теперь с этим придется подождать. – Он начинает целовать мои плечи. – Когда ты пойдешь покупать себе свадебное платье, – говорит он, – обязательно купи платье с открытыми плечами. Я хочу, чтобы все видели, какие роскошные у тебя плечи.

Его ладони обхватывают мои груди. Он крепко целует меня в шею. Я очень сильно его хочу. Я хочу, чтобы он заставил меня забыть обо всем, что я недавно прочла. Я хочу, чтобы он был тем Ли, которого я знаю. Тем Ли, который готов целовать землю, по которой я хожу. Тем Ли, который никогда не причинит мне вреда. Даже и за миллион лет. Я издаю тихий стон, когда его ладонь проскальзывает мне между ног. Мое тело хочет этого. Мое тело

хочет, чтобы он вошел в меня. И нет никакой причины, по которой мое тело стало бы меня обманывать.

Он снимает с себя домашний халат и прижимает меня к кафельной плитке. Я кусаю себе губы, когда он входит в меня. И я позволяю ему трахать меня у стены в ванной. Он трахает меня так энергично, что я на некоторое время даже забываю, как меня зовут, – не говоря уже про то, *что* я недавно прочла.

Я иду в центр города, чтобы встретиться там с Анджелой. Мой мозг все еще лихорадит, а мое тело все еще пощипывает – так, как будто они подрались друг с другом и все никак не могут от этого отойти и успокоиться.

Анджела договорилась с магазинами для новобрачных о том, что мы придем в определенное время и что нам будет оказано особое внимание. Она сказала, что все, что мне нужно будет сделать, – это явиться на свадьбу. В обычной ситуации мне очень не нравится, когда какие-то другие люди говорят мне, что делать и куда идти. Однако сегодня я даже чувствую от этого облегчение. Я не уверена, что смогла бы сейчас организовать даже посещение туалета – не говоря уже о таком мероприятии, как свадьба.

Я подхожу к первому из включенных в список магазинов для новобрачных. Мне он кажется довольно консервативным. Анджела машет мне через окно. Заходя в магазин, я с трудом заставляю себя улыбнуться и изобразить на своем лице что-то вроде радостного волнения. Анджела устремляется ко мне и целует меня. Она, по всей видимости, едва сдерживается.

– Привет, Джесс. Знаешь, у них тут есть очень даже красивые платья. Я, пока ждала тебя, не удержалась и их быстренько осмотрела. Я видела по меньшей мере три, которые понравились мне и которые наверняка понравились бы и Ли.

К нам подходит высокая женщина в униформе продавцов магазина.

– Добрый день, меня зовут Джулия. А вы, должно быть, Джесс. А точнее – будущая миссис Гриффитс.

Если бы здесь была Сейди, то она, наверное, заехала бы этой женщине по физиономии. И, если честно, имела бы для этого основания. Меня тоже охватывает желание ее стукнуть, но я удерживаюсь от этого и лишь вежливо киваю.

– Как это мило – прийти в магазин за покупками вместе со своей будущей свекровью. Я уверена, что вы сможете подыскать что-нибудь такое, что очень понравится вашему жениху.

Для всех, похоже, очень важно, чтобы мое платье обязательно

понравилось Ли. Понравится ли это платье мне самой – для них менее важно.

– Ну хорошо, – продолжает она. – Давайте решим несколько принципиальных моментов, чтобы сузить сферу поиска. Белый цвет или цвет слоновой кости?

Меня подмывает сказать «ярко-красный», но я сомневаюсь, что она в данной ситуации оценит мое чувство юмора.

– Белый вполне бы подошел, – говорит Анджела.

– Я вообще-то отдала бы предпочтение слоновой кости, – заявляю я.

Джулия переводит взгляд с Анджелы на меня и обратно, но Анджела даже не пытается настаивать на своем.

– Хорошо, – говорит Анджела. – А у тебя есть на примете какой-то конкретный стиль?

Вообще-то я могла бы очень подробно описать платье, в котором выйду замуж за Ли. Я ведь его видела. Мне знаком каждый его дюйм, потому что я уже много раз рассматривала его в своей «Хронике». Но я, конечно же, не могу рассказать ей об этом.

– Я пойму, что это именно *то* платье, когда увижу его, – говорю я.

– Хорошо сказано, – усмехается Джулия.

– Я думаю, нам нужно что-нибудь элегантное и актуальное во все времена, – говорит Анджела. – Подберите что-нибудь в том стиле, в котором одевалась Грейс Келли, и вы вряд ли сильно ошибетесь.

– Но обязательно с открытыми плечами, – добавляю я, вспомнив о том, что сказал Ли. – Мне хочется, чтобы это было платье с открытыми плечами.

Джулия улыбается:

– Прекрасно. Позвольте мне пойти посмотреть, что я смогу найти. Я очень быстро вернусь.

– Все это как-то странно, – говорю я Анджеле, пока мы стоим в ожидании. – Не могу поверить, что буду сейчас примерять свадебное платье. А что, если мне свадебные платья окажутся не к лицу?

– Я не стала бы переживать по этому поводу. Ты будешь выглядеть великолепно даже в мусорном пакете.

– Они бывают цвета слоновой кости? – спрашиваю я.

Анджела смеется.

– Я очень рада, что наш Ли женится на девушке с хорошим чувством юмора. Между нами говоря, его прошлая подружка, по-моему, полностью это чувство утратила. Если оно вообще у нее когда-то имелось.

Внутри меня все сжимается. Я изо всех сил стараюсь сохранить невозможное выражение лица.

– А он долго с ней встречался?

– Около года. Я в то время думала, что она станет его избранницей. Хотя не могу сказать, что очень этого хотела. Она была актрисой. Я не уверена, что она смогла бы жить спокойной семейной жизнью. А Ли нужна прочная семья. Насчет этого он вполне однозначен.

Я киваю и терблЮ кольцо на своем пальце, отчаянно пытаюсь не допустить, чтобы мои руки начали дрожать.

– Именно поэтому они и расстались? – спрашиваю я.

Она смотрит вниз, на свои ладони:

– Думаю, что да. Это было решение Ли. Он вернулся с отдыха, на который они ездили вместе, и сказал, что разорвал с ней отношения. Больше я ее уже никогда не видела. Даже по телевидению. Ее звали Эмма Мак... что-то там. Я сразу бы узнала ее, если бы увидела. Она довольно симпатичная – длинные рыжие волосы. Но с тобой ей, конечно же, не сравниться.

У меня появляется такое ощущение, что меня вот-вот стошнит. Джулия возвращается с целым ворохом платьев, но мне уже совсем не хочется ничего примерять. Я хочу убежать отсюда, запереться где-нибудь и громко пропеть «Ла-ла-ла!», хлопая в ладоши.

– Ну вот, – говорит Джулия. – Может, начнем с этого?

Она приподнимает из общего вороха одно из платьев. У него атласный лиф и юбка в форме рыбьего хвоста. Я на это платье почти не смотрю. Я таращусь на платье, которое будет следующим. Платье, в котором я выйду замуж за Ли. У меня появляется такое ощущение, как будто окружающие меня стены вдруг стали непреодолимой преградой. Я уже не могу удрать, даже если решу, что хочу это сделать. Если только... если только я не изменю положение вещей. Немножко их перетасую. Возможно, если я не стану надевать этого платья, я смогу как-то изменить то, чему суждено произойти. Это будет как в фильме «Осторожно, двери закрываются», но только мое будущее будет зависеть не от того, на какой поезд метро я сяду, а от того, какое платье я надену.

– Вот это, – говорю я, беря у Джулии платье с юбкой в форме рыбьего хвоста. – Оно мне очень нравится. Я пойду его примерить.

Джулия становится у входа в примерочную и пару раз заглядывает в нее:

– У вас тут все в порядке? Дайте мне знать, если вам понадобится помощь.

Я зову ее в примерочную, чтобы она застегнула мне пуговицы на лифе. Она думает, что до них неудобно дотягиваться, но настоящая причина

заключается в том, что мои пальцы слишком сильно дрожат. Я выхожу из примерочной и смотрю на свое отражение в зеркале. Я выгляжу совсем не так, как на своей свадебной фотографии. Может, мне еще сделать такую прическу, чтобы волосы были просто распущенными? Накрутить их немного – и все.

– Мне оно очень нравится, – говорю я, поворачиваясь вокруг своей оси.

– А тебе не кажется, что оно слишком открытое? – спрашивает Андже́ла, разглядывая лиф.

Я, подняв на нее глаза, вижу, что она спрашивает об этом не меня, а Джулию.

– Если у девушки изумительная фигура, то она вполне может позволить себе выставить ее напоказ, – говорит Джулия. – Особенно в день своей свадьбы.

– Правильно, – говорю я. – Это как раз про меня.

– Ты разве не собираешься больше ничего примерять?

Андже́ла, похоже, пришла в ужас. Это платье явно весьма далеко от того, что носила Грейс Келли.

– Мне нет необходимости это делать. Мне очень нравится это платье.

– Вообще-то очень полезно сравнивать различные стили, – говорит Джулия. – Вполне ведь может получиться, что вы найдете что-то такое, что понравится вам еще больше, чем это платье. Может, примерите еще парочку?

У меня возникает подозрение, что она закончила какое-то учебное заведение по специальности «Переговоры между мамой и дочкой относительно свадебного платья».

– Хорошо, – говорю я, решив, что это будет самым легким способом успокоить Андже́лу. – Я примерю вот это, с широкой юбкой.

– Из тафты, да, – кивает Джулия, приподнимая это платье.

– И вот это, – говорит Андже́ла, беря то платье, в котором я видела себя на свадебной фотографии. – Думаю, в нем ты будешь выглядеть великолепно.

Я, пожалуй, примерю и его – лишь бы только угодить Андже́ле. Это все равно не сыграет никакой роли, потому что я не собираюсь менять своего решения. Я иду вслед за Джулией в примерочную. Первым делом я примеряю там платье из тафты. Взглянув на себя при этом в зеркало, я едва не начинаю хохотать: я похожа на крупногабаритную фею, ведущую себя не совсем адекватно.

– Пожалуй, не очень подходит, – говорит Джулия.

– Явно не подходит, – отвечаю я.

Я стараюсь не смотреть в зеркало, когда надеваю следующее платье. Я мысленно говорю себе, что надеваю его только ради того, чтобы угодить Анджеле. Я надену и сниму его как можно быстрее, а затем куплю то платье, которое примеряла первым.

Но когда я выхожу в этом платье из примерочной и вижу выражение лиц Анджелы и Джулии, я понимаю, что поступить так, как задумала, будет, наверное, не очень-то легко.

– О-о, Джесс, – говорит Анджела. – Ты выглядишь ну просто идеально красивой.

– Кружева в верхней части платья вам очень к лицу, – поддакивает Джулия.

– Я тем не менее отдаю предпочтение тому, первому платью, – говорю я.

– А мне кажется, что вот это платье – более сдержанное, – говорит Анджела. – Я уверена, что оно очень понравится Ли. Да и твоему папе тоже.

Это коварный прием, но я на такую удочку не попадусь. Папа будет доволен, что бы я ни надела. При условии, что буду довольна и я – так он мне всегда говорит.

– Спасибо. Оно красивое, но я однозначно выбираю первое. Я ведь сказала, что пойму, что это именно *то* платье, когда увижу его.

Джулия бросает взгляд на Анджелу – так, как это делает аукционист, желающий выяснить, будет ли еще какое-либо – самое последнее – предложение. Анджела в ответ лишь пожимает со смиренным видом плечами.

– Ну хорошо, – говорит Джулия. – Полагаю, мы выбрали именно то, что нужно, причем в рекордно короткое время.

Я иду в примерочную и снимаю платье, надеясь, что вместе с ним я избавляю себя и от всего, что с ним связано. Я освобождаю себя от всего этого, чтобы начертать для себя уже другое, новое будущее – будущее, в котором я могу повлиять на его исход, могу в какой-то степени восстановить контроль над собственной жизнью.

Анджела ведет меня в кафе, расположенное чуть дальше в этом же торговом центре. Мы заказываем кофе и пирожные и садимся за стол у окна.

Она достает из своей сумочки мобильный телефон. У меня складывается впечатление, что она на меня сердится.

– Я просто позвоню в другие магазины для новобрачных и сообщу, что

мы не придем.

Однако не успевает она набрать какой-нибудь номер, как ей самой кто-то звонит.

– Привет, Джулия, – говорит она, и в ее голосе чувствуется удивление.

Она молча слушает, лишь иногда говоря «Понятно». Я изо всех сил напрягаю слух, пытаюсь услышать, что же ей говорят с другого конца линии, но все заглушает общий шум кафе.

– Я спрошу ее, – говорит Анджела некоторое время спустя. – Я перезвоню вам и сообщу, какое будет решение. Нет-нет... Не переживайте. Такое случается.

Она кладет телефон на стол и смотрит на меня.

– Это звонила Джулия, – говорит она. – Платье, которое ты выбрала, уже, оказывается, кто-то купил сегодня утром. Ее помощница должна была повесить на него соответствующую бирку, но она забыла это сделать. Эта помощница – новенькая, покупателей с утра заходило очень много, и она запуталась. Джулия позвонила в компанию, которая изготавливает такие платья, но ей ответили, что, к сожалению, таких платьев в наличии больше нет и появятся они снова не раньше августа. Она очень сильно извинялась и сказала, что сделает нам скидку десять процентов на то, другое платье, которое ты примеряла, – если, конечно, ты согласишься его взять. Если не согласишься, то мы можем пройтись по другим магазинам. Так что решай.

Я смотрю вниз, на свои руки, которые я держу сейчас под столом и которые сильно дрожат. Получается, что бы я ни делала, я не могу ничего изменить. Как бы я ни упиралась, меня будут тащить вдоль какой-то определенной линии. Сопrotивляться – бессмысленно. Мне, наверное, следует смириться со своей судьбой.

– Ну что ж, я тогда возьму то, второе платье, – тихо говорю я.

– Ты уверена?

Ее голос звучит так, как будто после того, как она добилась своего, ей меня уже почти жаль. Почти. Она, наверное, договорилась с Джулией подстроить все это, когда я переодевалась. Но вообще-то не важно, каким образом это произошло. Не очень важно. Важно только то, что это все-таки произошло.

– Да, – отвечаю я.

– Я позвоню Джулии прямо сейчас и поставлю ее в известность.

Я слушаю дальнейший разговор Анджелы с Джулией, то и дело усиленно моргая, чтобы отогнать слезы.

– Как бы там ни было, – говорит Анджела, закончив свой разговор с Джулией, – я думаю, что все к лучшему. Это платье подходит тебе

идеально, Джесс. Попросту идеально. Это прямо-таки судьба, да?

Я киваю и отхлебываю из своей чашки кофе.

– А теперь, прежде чем я уберу телефон, ты должна помочь мне найти тебя в «Фейсбуке», чтобы мы там записали друг друга в друзья. Что нам потом еще надо будет сделать – так это попытаться убедить Ли зарегистрироваться в «Фейсбуке». Знаешь, ты окажешься более толковой женщиной, чем я, если тебе удастся это сделать.

Я пытаюсь сказать что-то в ответ, но не могу выдать из себя ни слова. Поэтому я просто откусываю кусочек от шоколадного пирожного с орехами, которое она мне купила. Я уже больше не знаю, смогу ли я как-то влиять на свое собственное будущее или же мне остается только смириться с ним – таким, какое оно есть. Я начинаю чувствовать себя в своей собственной жизни каким-то пассажиром и не уверена, что смогу остановить поезд и сойти с него, если захочу это сделать.

Анджела Гриффитс → Джесс Маунт

3 октября 2017 г.

Я понимаю, нелепо полагать, что ты сможешь увидеть это, но мне захотелось показать тебе последнюю фотографию. Ему уже почти шесть месяцев, нашему Гаррисону. И он с каждым днем все больше и больше похож на своего отца. Он уже даже пытается ползать: делает движения локтями, как ползущий спецназовец, а затем подтягивает ноги. Ему, видишь ли, на месте не лежит. Все время норовит двигаться. Мне, наверное, придется перейти на неполный рабочий день, как только он начнет ходить, – я это уже предвижу. И произойдет это уже довольно скоро. Ходить он начнет рано – как начал рано ходить и Ли. Он ведь, похоже, решительный. И с крепкими ножками.

Как бы там ни было, он очень бойкий. Ему, конечно же, тебя не хватает. Но нам повезло, что он еще слишком маленький для того, чтобы помнить тебя и чтобы правильно понимать то, что произошло. Так ему будет легче. Мы, конечно же, покажем ему твои фотографии, когда он подрастет. И расскажем ему все про тебя. Хотя тебя уже и нет на этом свете, ты не будешь забыта. Ты оставила мне самый драгоценный из всех возможных даров. Моего первого внука.

Воскресенье, 3 апреля 2016 года

Я вижу эту публикацию, уже находясь дома. Обычно в ночь с воскресенья на понедельник я остаюсь ночевать у Ли, но, когда мы ушли от Анджели после обеда, я как бы «отпросилась» у него: сказала, что сегодня поеду домой, чтобы увидеться с папой и лечь спать пораньше.

И вот теперь у меня нет уже никаких шансов заснуть. С экрана компьютера на меня смотрит мой сын. У него прекраснейшие огромные карие глаза и маленькие ямочки. Ангела права – он и в самом деле похож на Ли. Так сильно похож, что я не могу найти в нем вообще никаких своих черт. Я даже задаюсь на пару секунд вопросом, а мой ли это ребенок, хотя в глубине души я знаю, что мой. Это как-то странно: я рожаю этого младенца, но он остается для меня абсолютно незнакомым.

Протянув руку, я касаюсь пальцами экрана. Мне на мгновение кажется, что я вижу, как его улыбка становится шире и как он что-то лепечет мне в ответ. Интересно, можно ли распечатать эту фотографию? Думаю, что нет, но стоит попробовать. Я сохраняю ее в своей папке «Изображения», но, когда открываю эту папку, в ней ничего нет. Получается, у меня даже не может быть его фотографии. Всего лишь одной фотографии, которую я, его мама, могла бы у себя хранить. Жаль, что у меня нет какого-нибудь 3D-принтера. Может, он сработал бы и я смогла бы напечатать Гаррисона в объемном виде. Он появился бы на полу передо мной, стал бы смеяться и ползать и пах бы тем, чем пахнут младенцы, – думаю, смесью какашек, отрывки и молока.

А если без фантазий, то мне просто придется как-то коротать свое время. Потому что мне предстоит увидеть его в реальной жизни. Через несколько месяцев он уже будет расти внутри меня. И я буду чувствовать, что он толкается у меня в животе, – как это чувствуют все другие мамы. И я рожу его, и буду держать его на руках, и кормить его грудью, и делать все прочее – как это делают все новоиспеченные мамы.

Единственная разница между ними и мной будет состоять в том, что я очень скоро с ним расстанусь.

И что самое грустное для меня – он не будет помнить то короткое время, которое мы с ним проведем вместе. Когда умерла моя мама, у меня по крайней мере остались воспоминания о приятных событиях, связанных с нею. Событиях, происходивших целых пятнадцать лет. У него же не

останется ничего. Впрочем, как написала Анджела, так ему будет легче. Надеюсь, что это правда. Хотя надеяться на такое – это ужасно. Подумать только – надеяться на то, что твоему сыну будет легче мириться с тем, что ты мертва, потому что он абсолютно ничего про тебя не помнит!

– Я люблю тебя, – шепчу я ему.

И чувствую в этот момент, что в самом деле люблю. А еще я чувствую, что мне нужно держаться за Ли, что бы со мной ни происходило, потому что без Ли не будет Гаррисона. И я сомневаюсь, что я смогла бы это вынести. Нет, точно не смогла бы.

Я больше не буду читать эти публикации и комментарии к ним. На этот раз я решила это твердо. Я не буду заходить в «Фейсбук». Я не позволю этим публикациям влиять на мое поведение.

Я снова улыбаюсь «Г».

– Спокойной ночи, спокойной ночи, – говорю я. – Я не буду смотреть на тебя какое-то время, но это не означает, что я не буду о тебе думать.

Я целую экран, закрыв глаза и мысленно представляя себе, как я когда-то поцелую его на самом деле.

На следующее утро, когда я жду поезда, звонит мой телефон. Я достаю его из кармана и с удивлением вижу на дисплее имя Сейди. Я раздумываю, отвечать мне на ее звонок или нет, но в конце концов отвечаю.

– Привет, – говорю я. – Не рановато для тебя?

– Я встала утром так рано, чтобы сказать тебе, какая я балбеска.

– Что ты имеешь в виду?

– А наш с тобой последний разговор, когда мы ходили в «Прет». Я вела себя как какая-то дура.

Несколько секунд я молчу. Честно говоря, я ошеломлена. Я ведь думала, что уже потеряла ее. Потеряла навсегда. Я никак не ожидала, что она даст мне еще один шанс.

– А мне нужно было понимать, насколько тебе тяжело, – говорю я, и мой голос слегка дрожит.

– Я просто не ожидала такого – только и всего. Я имею в виду, что в нынешние времена уже никто не женится, разве не так? Если бы ты сказала, что переезжаешь к нему жить, это не стало бы для меня большой неожиданностью. Если выбирать между малюсенькой спальней в доме ленточной застройки в Митолройте и роскошной квартирой в Лидсе, я знаю, что выбрала бы лично я.

– Я выхожу за него замуж не ради его квартиры. Я его, знаешь ли, и в самом деле люблю.

– Я это поняла. Мне просто не хочется, чтобы ты превращалась для

меня в домохозяйку средних лет – только и всего. Если ты не будешь осторожной, ты и не заметишь, как станешь пахнуть детской отрыжкой и жаловаться по поводу бессонных ночей.

Мне приходится отвести руку с телефоном подальше от головы, чтобы сделать парочку глубоких вдохов (так, чтобы Сейди не услышала). Она даже не представляет себе, *что* сейчас говорит, это очевидно, но я начинаю понимать и то, какими непростыми будут наши с ней отношения, если их удастся сохранить.

– Послушай, я не могу долго говорить. Мой поезд уже вот-вот подъедет, – говорю я.

– А ты не у него дома?

– Нет. Я приехала к себе домой, чтобы повидаться с папой. Я, если честно, была сильно измученной. В этот уик-энд я ходила с матерью Ли по магазинам, выбирала себе свадебное платье.

– Ого! Это уже серьезно. Ну и как, выбрала?

– Да.

– Мне оно понравилось бы?

– Оно не черное и в нем нет элементов из кожи – если ты это имеешь в виду. И еще до того, как ты спросишь, отвечаю, что нет, я не буду надевать под это платье ботинки «ДМ».

– Жаль. Это было бы неплохое сочетание.

– Я не думаю, что мать Ли одобрила бы.

– А тебя-то она одобряет?

– Думаю, что да. Мы теперь с ней еще и друзья в «Фейсбуке».

– Мне тогда лучше быть осторожной по поводу того, что я там тебе пишу. Не хочу, чтобы у тебя возникли проблемы с твоей свекровью.

Поезд уже подъезжает к платформе.

– Ну ладно, мне пора ехать, – говорю я.

– Послушай, а может, на этой неделе снова пообедаем вместе? Только на этот раз платить буду я – чтобы как-то компенсировать то, что вела себя как идиотка.

Я колеблюсь, потому что не уверена, стоит ли мне встречаться с Сейди, тем самым нарываясь на продолжение того разговора с ней, особенно с учетом всего того, что я прочла вчера вечером. Но я ведь уже решила больше не заходить в «Фейсбук». Возможно, было бы неплохо снова привлечь ее на свою сторону. Может, если я заставлю ее увидеть, каков Ли на самом деле, она не станет поднимать весь этот шум в будущем?

– Хорошо. Просто сообщи мне когда.

Я чувствую это, когда просыпаюсь в среду утром. Такое происходит

каждый год. Боль. Страдания. Горечь. Люди врут, когда говорят, что время лечит. Ничего оно не лечит. Просто острая боль притупляется и ты периодически о ней забываешь, но каждый год на годовщину маминей смерти возникает ощущение, что обезболивающее средство перестало действовать, и ты осознаешь, что рана не зажила, она такая же глубокая и болезненная, как и раньше, и что ты всего лишь маскировал ее весь прошедший год, чтобы хоть как-то продолжать жить. И весь день становится одним долгим, беззвучным воплем, пока ты ждешь, когда этот день пройдет и обезболивающее средство начнет действовать снова.

Я быстро одеваюсь и иду на первый этаж. Когда я захожу, папа поднимает на меня глаза, и я вижу, что он плакал. Я подхожу к нему и обнимаю его. Нам с ним не нужны никакие слова. Наше утешение заключается лишь в осознании того, что мы оба испытываем одинаковые чувства и что нам обоим одинаково тяжело. Папа берет меня за голову руками и целует в лоб.

– Не становится ни капельки легче, правда? – говорит он.

– Да, не становится.

– Хочешь позавтракать или поедем сразу?

– Поедем сразу.

Мы садимся в папин автомобиль и едем все десять минут молча. Все мои мысли – лишь о том, как папа едет по этому же маршруту, но с лопатой. И о том, в каком же он был отчаянии, раз решил выкопать меня из могилы.

Я тереблю стебли желтых нарциссов, лежащих у меня на коленях. Нарциссы были любимыми цветами мамы. Вообще-то я не знаю точно, правда ли это или же она говорила так просто потому, что я всегда дарила ей нарциссы на День матери. Интересно, какие цветы будет приносить на мою могилу Гаррисон, когда станет для этого достаточно большим? У меня ведь нет любимых цветов. Думаю, мне стоит выбрать для себя какие-то любимые цветы и сказать об этом папе и Ли. Я готова сделать что угодно, лишь бы им было легче справляться с тем, что меня больше нет.

По сравнению с другими кладбищами это – очень даже симпатичное. С него открывается великолепный вид на долину Ладденден – несколько дымовых труб старых фабрик, поля, деревья и петляющие тропинки вдоль каменных оград, сложенных без строительного раствора. А еще здесь очень тихо. Мы прогуливались здесь, по этой местности, всей семьей, когда я была маленькой. Я тогда жаловалась, что у меня устают ножки.

Я иду вслед за папой в дальний угол кладбища – туда, где более свежие могилы. Деревья за ними заслоняют от нас находящуюся за

кладбищем церковь. Кое-где бросаются в глаза своими яркими оттенками цветы, завернутые в целлофан, с написанными дрожащим почерком посланиями.

Мамина могила – в самом углу. Папа зарезервировал тут место на всю семью. Он сказал мне, что это означает, что мы когда-нибудь снова соберемся все вместе. И что мама будет нас ждать. И теперь из его публикации я знаю, что следующим, кого похоронят здесь, буду я. Он ведь, судя по той его публикации, сидел и плакал между могилой мамы и моей могилой.

Я смотрю, как он кладет на мамину могилу красную розу. Его рука при этом дрожит. Дрожит и его нижняя губа. Я подхожу и сжимаю его ладонь, а затем кладу рядом с его розой свои нарциссы. Когда я делаю это, воздух, который как бы накапливался глубоко внутри меня, вырывается наружу какими-то первобытными звуками. Я опускаюсь на колени и делаю резкий вдох, чтобы заполнить образовавшийся во мне вакуум. Папа тоже опускается на колени рядом со мной и берет под руку.

– Все нормально, – говорит он.

– Ничего не нормально. Не будет нормально. Ни для тебя, ни для меня.

– Джесс, перестань. Нам ведь пока как-то удавалось держаться. У нас получается делать это вместе.

Я качаю головой и начинаю скрести землю пальцами.

Папа пытается оттянуть мои руки назад и заставить меня подняться на ноги.

– Джесс, пожалуйста, остановись.

– Я не могу! – кричу я. – Я не могу ничего остановить! Это все равно произойдет, что бы я ни делала.

– Пойдем, ты начинаешь говорить какую-то ерунду. Нужно отвезти тебя домой.

До меня доходит, что он сейчас подумает, будто я не в себе. И что все это начинается снова. Я отрываю свои руки от земли, смотрю на них, подношу их к своему носу и нюхаю прилипшую к рукам землю, как бы пытаюсь почувствовать в ней какой-то след от мамы.

Папа берет меня под мышки и поднимает на ноги. Ноги у меня дрожат. Я прижимаюсь к нему. Я боюсь от него отстраниться.

– Когда я умру, ты похоронишь меня здесь, – говорю я. – Рядом с мамой.

Папа вытирает слезы со своего лица.

– Нет, это ты похоронишь меня здесь, – говорит он. – Но тут хватит места и для тебя, когда придет и твое время.

– А для Ли?

– Я не знаю, хватит ли места. Если это тебя так волнует, я могу позвонить и спросить.

– А еще дети, которые у нас будут, – говорю я. – Я хочу, чтобы и они когда-нибудь были похоронены именно здесь.

Папа кивает:

– Давай вот об этом пока не переживать, хорошо? Нам сейчас нужно думать о предстоящей свадьбе.

Он крепко обхватывает меня за плечи. Даже сквозь одежду я чувствую, как сильно он волнуется. Я киваю ему в ответ.

– Тебе нужно с кем-то увидеться, Джесс? Тебя что-то беспокоит?

Я колеблюсь. Мне очень хочется рассказать ему обо всем, но я не могу. Он только еще сильнее станет переживать. И тогда может случиться так, что свадьбы не будет. А если свадьбы не будет, то Гаррисон не родится, а этого я вынести не могу. Я не могу и мысли допустить, что у меня не родится мой маленький мальчик.

– Нет-нет, со мной все в порядке. Но я хочу, чтобы ты знал, что и у меня любимые цветы – нарциссы.

Джесс

Август 2008 года

Я стою с Сейди на платформе, дожидаясь прибытия поезда. На железнодорожных станциях мне теперь находиться психологически тяжело. В голову лезут мысли о людях, бросившихся под поезд. Я этого делать не собираюсь – мне такое никогда не приходило в голову, – но мне очень интересно, о чем они могут думать непосредственно перед тем, как сделать это. И что они чувствуют в тот момент, когда спрыгивают с платформы, и в тот момент, когда бьются о рельсы или когда их сшибает поезд – ну, что из этого наступит раньше.

Мне лезут в голову мысли и о тех людях, которые оказываются на терпящих крушение поездах. Кому-нибудь из этих людей удастся разбить стекло и выбраться наружу? Где в подобных случаях лучше сидеть – возле прохода или возле окна? Что происходит с человеком, который во время крушения поезда находится в туалете?

Наш поезд уже подъезжает. Я сжимаю пальцы, вонзая ногти в ладони. Я смогу это сделать, я смогу. Я смотрю, сколько вагонов, и их

оказывается только два. Это означает, что я не смогу сесть в средний вагон. Я не люблю находиться в последнем вагоне. Гораздо больше вероятности погибнуть при крушении поезда, если ты находишься в последнем вагоне... Сейди протягивает руку и нажимает на кнопку. Двери с шипением открываются. Я вижу, что Сейди выжидающе смотрит на меня.

– Ну же!.. – говорит она. – Пойдем посмотрим, найдутся ли для нас сидячие места.

Я, заставляя свои ноги двигаться, захожу вслед за ней внутрь вагона. Но как только я это делаю, они полностью отказываются меня слушаться. В вагоне – только два свободных места, расположенных рядом друг с другом. Они – ближе всего к кабине машиниста. Сейди уже уселась на то, которое у окна, и, нахмурившись, смотрит на меня.

Я качаю головой. Это все, что я сейчас способна сделать.

Сейди берет свою сумку и подходит ко мне:

– Что случилось?

Я не могу сказать ей истинную причину – а именно то, что мне не хотелось бы сидеть там, если вдруг произойдет крушение поезда. Я не могу объяснить ей, что, согласно статистике, вероятность погибнуть у нас будет больше, если мы будем сидеть в передней части первого вагона поезда. Люди не думают об этом. Они лишь слышат иногда, например, что три человека погибли при крушении поезда. Они, возможно, при этом знают, что один из этих троих – машинист этого поезда, но они не спрашивают, где сидели остальные два. Люди не спрашивают, потому что не хотят знать. Они хотят пребывать в счастливом неведении.

Я смотрю на Сейди. Она все еще ждет ответа. Я открываю рот и шевелю губами, но из моего рта не доносится ни звука.

– Ты что, предпочитаешь стоять? – спрашивает Сейди.

Я киваю. Она слегка пожимает плечами и, поскольку поезд начинает движение, хватается за поручень. Но я вижу по выражению ее глаз, что теперь и она перешла в лагерь тех, кто думает, что я свихнулась.

Часть третья

Анджела

Суббота, 2 июля 2016 года

Я приезжаю в магазин для новобрачных намного раньше Джесс. Я уже заметила, что она не такая пунктуальная, как мы с Ли. Но если это ее самый большой недостаток, то не такой он уж и большой. Я достаю из сумочки список того, что нужно сделать, и начинаю его просматривать. Едва я вычеркиваю из него какую-то позицию, как мне тут же приходит в голову что-то еще, что следует добавить. Нет, я отнюдь не жалуюсь. Мне было приятно помогать в организации этой свадьбы. Некоторые из моих подруг чувствовали себя абсолютно непричастными, когда их сыновья женились. Я же на этой свадьбе буду в какой-то степени не только мамой жениха, но и мамой невесты. Да, именно в такой роли я себя и ощущаю.

По крайней мере, пока все идет довольно гладко. Возникла лишь парочка – не больше – спорных моментов, камней преткновения так сказать. В хлопотах при выборе платья. А еще Джесс упрямилась, заявляя, что ей не нужны никакие подружки невесты, и я с этим согласилась, хотя даже отель – и тот был невероятно податливым в вопросе обеспечения гармонии между цветом салфеток и цветом платьев подружек невесты.

Джесс настояла и на том, чтобы ее отцу позволили составить меню вместе с шеф-поваром отеля, но я вполне справилась бы с этим и сама.

Услышав, как зазвенели дверные колокольчики, я поднимаю взгляд и вижу вбегающую Джесс.

– Привет, Анджела. Извините, что заставила вас ждать.

Кончики ее волос влажные – как будто она только что принимала душ.

– Ничего страшного. Но я рада, что ты решила проводить свадьбу не утром.

– Я всегда чувствую себя измученной в конце недели. Кроме того, мне кажется, что мои внутренние часы еще не привыкли к ранним утренним подъемам.

– Ну, осталась еще неделька – и затем ты сможешь, если захочешь, не вылезать из постели хоть две недели подряд.

Она слегка краснеет. Я тоже краснею, когда до меня доходит, что я

только что сказала. Сексуальный аппетит сына – это совсем не то, о чем нравится думать его матери. Хотя я думаю, что такого рода аппетит у него немалый.

– А-а, вот и будущая невеста! – говорит Джулия, быстро выходя из глубины магазина. – Ну, и как у нас дела сегодня утром?

– Прекрасно, спасибо, – отвечает Джесс.

Она не выказывает такого радостного волнения, какое вроде можно было бы от нее ожидать. Может, просто нервничает перед приближающейся свадьбой? Это вообще-то неудивительно, если учесть, что рядом с ней нет ее мамы – а значит, нет и материнской поддержки.

– Хорошо, тогда пойдемте, – говорит Джулия, показывая в сторону примерочной. – Мы подготовили ваше платье. И если потребуются еще какие-то небольшие доработки, у нас достаточно времени, чтобы успеть их сделать до дня свадьбы.

Джесс кивает и исчезает вместе с Джулией в примерочной. Я достаю телефон и просматриваю свою страницу в «Фейсбуке». Джесс не разместила в «Фейсбуке» ничего о своих приготовлениях к свадьбе. Я ее попросила это сделать, но она ответила, что уже практически не заходит в «Фейсбук» (у меня при этом мелькнула мысль, что она, возможно, не хочет размещать сообщения о своих приготовлениях к свадьбе просто из суеверия – боится сглазить). Я просмотрела ее «Хронику», когда мы стали в «Фейсбуке» друзьями. Там было довольно много прошлогодних публикаций, все представляли собой дурацкие селфи, на которых Джесс – как это принято делать у девушек на таких фотографиях – строила рожицы и выпячивала губы. Многие публикации были отмечены ее подругой Сейди – той девушкой, которая будет на свадьбе свидетельницей. Однако размещение публикаций прекратилось примерно в то время, когда она начала встречаться с Ли. Думаю, у нее просто не хватало времени, к тому же, как мне известно, Ли не любит, когда люди, общаясь с ним, то и дело смотрят на свои телефоны. Такая привычка была у Эммы, и это очень сильно злило Ли. Я только один раз слышала, как он накричал на нее, и это было как раз по поводу телефона.

Занавеска примерочной отдергивается, и из-за нее выходит Джесс. Я едва не ахаю, видя ее: она выглядит удивительно красивой. Платье сидит на ней идеально – как будто его сшили специально для нее. И плечи у нее в самом деле весьма красивые.

– О-о, Джесс, – говорю я. – Ты выглядишь просто бесподобно. Я очень рада, что ты в конце концов остановила свой выбор именно на этом платье.

Она слегка улыбается. Это одна из тех ее черт, которые мне нравятся

больше всего: она, похоже, даже не подозревает, насколько привлекательна. При общении с Эммой у меня такого ощущения никогда не возникало. Впрочем, женщина, наверное, никогда не станет актрисой, если не отличается большой самоуверенностью.

Джулия суетится вокруг Джесс, поправляя на платье пояс и разглаживая юбку, а потом наконец отступает назад и вздыхает:

– Я не могу не согласиться с Анджелой. Это платье подходит тебе идеально. И когда ты сделаешь себе высокую прическу, на ней будет очень красиво смотреться диадема.

Диадема – это была идея Джулии. Джесс с этим ее предложением согласилась, хотя и с каким-то отрешенным видом.

– В среду мы сделаем пробную прическу и макияж у того стилиста, которого ты порекомендовала, – говорю я Джулии.

– Вы прямо-таки красавица, – улыбается Джулия, глядя на Джесс. – Вашему парню крупно повезло.

– Он про это знает, – говорю я. – И я не позволю ему об этом забыть. Это первое правило свекрови – позаботиться о том, чтобы твой сын относился к своей жене так, как ты хотела бы, чтобы относились к тебе.

Я смотрю вниз, переминаясь с ноги на ногу и осознавая, что мои собственные слова вызывают у меня психологический дискомфорт.

– Мне уже можно его снять? – спрашивает Джесс.

– Да, уже можно, – кивает Джулия. – Позвольте мне пойти вам помочь.

Джулия, выйдя из примерочной пару минут спустя, подходит ко мне.

– Я думаю, что ей очень подошли бы высококачественные колготки цвета слоновой кости, – шепчет она. – Я просила ее принести на сегодняшнюю примерку такие колготки, но она, похоже, об этом забыла.

– Спасибо, – говорю я. – Предоставь это мне.

Я достаю свой листок бумаги и добавляю в имеющийся список еще один пункт. Я чуть позже свожу Джесс в отдел дамского белья какого-нибудь супермаркета. У бедной девочки сейчас, наверное, голова идет кругом.

Джесс появляется из примерочной, все еще выглядя слегка ошарашенной.

– Ты ведь не торопишься домой? – спрашиваю я.

Она качает головой:

– Ли уехал на мальчишник. Он в данный момент, наверное, летит в Дублин.

Я вообще-то спрашивала Джесс, хочет ли она, чтобы я организовала для нее девичник, но она не проявила к этому никакого интереса. Она

сказала, что, наверное, просто сходит куда-нибудь вечером с Сейди.

– Ну ладно, давай я свожу тебя куда-нибудь перекусить, а затем мы пройдемся по магазинам и купим кое-что еще. Я сказала Джулии, что мы заберем твоё платье на обратном пути.

– Хорошо, – говорит Джесс.

Мы идем в то же самое кафе, что и в прошлый раз, и она снова заказывает шоколадное пирожное с орехами и какао.

– Мне очень хотелось бы, чтобы ты открыла мне свой секрет, Джесс, – говорю я, когда она принимается за пирожное. – Мне ведь стоит только посмотреть на такое пирожное – и я тут же толстею на пару фунтов^[26]. Ты, должно быть, сжигаешь калории, тратя, так сказать, нервную энергию? Или что-то в этом роде.

Она смотрит вниз, на свои руки. Я не могу избавиться от ощущения, что она сегодня какая-то напряженная.

– У тебя все в порядке, милая? Может, начинаешь немного нервничать перед свадьбой?

Она пожимает плечами:

– Думаю, что да. Я все еще не могу поверить, что на следующей неделе выхожу замуж.

– Ну, это вполне объяснимо. Если это только из-за волнения, а не из-за каких-то слов или поступков Ли.

Она поднимает глаза и впивается в меня взглядом. Мне впервые за все время общения с ней становится неловко. У нее такой взгляд, как будто она подозревает меня в том, что я что-то утаиваю.

– Он хороший человек, Джесс. Он будет хорошо о тебе заботиться.

Она теребит свое кольцо и смотрит в окно, часто моргая.

– Твой отец рад тому, что ты выходишь замуж? – спрашиваю я.

– Да. Хотя ему потом придется тяжело. Он ведь будет жить один – и все такое прочее.

– Он привыкнет. Мне самой было тяжело, когда Ли улетел из моего гнездышка, но я в конце концов привыкла. И потом, ты ведь будешь жить не так уж далеко от своего отца. Кроме того, может ведь так получиться, что очень скоро число его близких родственников увеличится на одного человека.

Она с грохотом ставит свою чашку на стол и таращится на меня.

Мне вдруг приходит в голову, что она сегодня, возможно, такая тихая по той простой причине, что кое-что скрывает.

– А ты не... Я имею в виду, тебе ничего не нужно мне сказать?

– Нет. Нет, конечно же нет.

– Ну ладно. Я просто подумала, что мне лучше переспросить. Но это, конечно же, не стало бы проблемой. Во всяком случае, для меня. И я уверена, что и для Ли тоже. Ты ведь знаешь, как сильно он хочет создать семью.

Она снова смотрит вниз и слегка ерзает на стуле.

– И когда придет время, – продолжаю я, – я не хочу, чтобы ты переживала, что тебе придется управляться самой. Я буду приходить каждый день и помогать тебе. Все эти бессонные ночи будут тебя изнурять, я это знаю. Я буду стирать, ходить гулять с ребенком, да и вообще делать все то, что могу, чтобы дать тебе возможность хоть немного отдохнуть.

Джесс встает.

– Извините, – бормочет она и идет в сторону женского туалета.

Я никак не ожидала увидеть ее такой. Она никогда не казалась мне впечатлительным человеком. Думаю, что на ней начало сказываться общее нервное напряжение от всех этих недавних и предстоящих событий. Может быть, мне следует пойти вслед за ней? Нет, я решаю этого не делать: ведь я ее еще недостаточно хорошо знаю.

Я допиваю кофе, достаю телефон и отправляю сообщение Ли.

Джесс выглядит в этом платье очень классно. Желаю тебе хорошо провести время. Веди себя хорошо! X

Он и в самом деле будет вести себя хорошо. Он умеет себя ограничивать. Он ничего не испортит. Он ведь поехал не с целой толпой молодых парней. Их всего трое, это его товарищи по работе, и они старше его. Я уверена, дело ограничится лишь несколькими литрами пива «Гиннесс» – и все. Ничего более зазорного.

Джесс возвращается через несколько минут. У нее такой вид, как будто она только что плакала.

– Прости меня, – говорю я, когда она садится за стол. – Ты тут сидишь и переживаешь по поводу того, что и как будет происходить в следующую субботу, а я разглагольствую о детях и всем таком прочем, еще и навязывая свое мнение. словно бы хочу узурпировать твою жизнь.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Думаю, я сейчас поеду на поезде домой, – говорит она несколько секунд спустя. – Я чувствую себя не очень хорошо.

– А платье?

– А вы не могли бы забрать его сами и отвезти на своей машине домой? Я заберу его у вас на репетиции в четверг. Это будет в любом случае легче, чем везти его с собой сейчас на поезде.

– Да. Да, конечно. Меня это совсем не затруднит. Ты уверена, что

чувствуешь себя достаточно хорошо для того, чтобы идти пешком? Я могу, если хочешь, довезти тебя до вокзала.

– Я и сама справлюсь, спасибо, – говорит она, надевая куртку и беря свой рюкзак. – Думаю, свежий воздух подействует на меня благотворно.

Вернувшись домой, я вешаю платье на внешней стороне двери платяного шкафа в свободной комнате. Мне вообще-то даже нравится, что оно находится у меня дома. Оно является как бы подтверждением того, что все это происходит на самом деле. Я активно занималась приготовлениями, но большей частью через интернет или по телефону. Теперь же, когда свадебное платье здесь, у меня, я как бы убеждаюсь, что все это мне не снится. Просунув руку под полиэтиленовый чехол, я глажу юбку платья, вспоминая, как сильно я волновалась в день своего бракосочетания. Я вспоминаю о том, как я была полна надежд и планов на будущее, и стараюсь не думать о том, что происходило потом, уже после моей свадьбы.

Я вздыхаю. Ждать теперь, по крайней мере, осталось недолго. Ли не станет тратить время попусту после того, как они поженятся. А Джесс такая молодая, что забеременеет, наверное, сразу же. Это у женщин на четвертом десятке шансы забеременеть тают чуть ли не с каждым днем.

Опустившись на колени рядом с кроватью, я выдвигаю из нее нижний ящик. Количество вещей в нем увеличилось. Поскольку Джесс и Ли объявили о помолвке, я уже не видела причин, чтобы сдерживать себя.

Я достаю маленький кремово-бежевый спальный мешок. Одежда для детских кроваток в нынешнее время уже никто, похоже, не использует. Но я все равно купила три одинаковых. Я уверена, что будет много таких ночей, когда малыш будет спать здесь, и я хочу быть уверенной, что у меня все готово для выполнения мною обязанностей бабушки. Я должна стать расторопной бабушкой. Это замечательно, что я буду жить так близко от Ли и Джесс. Я смогу заходить в любое время и брать у нее из рук младенца на пару часов, давая ей вполне заслуженный отдых. И они с Ли смогут ходить куда-нибудь вдвоем по вечерам – как ходят в нынешнее время молодые парочки, – не переживая об уже начавшем ходить малыше, которого они оставили дома. Детскую кроватку я куплю позднее – после того, как станет известно, что Джесс беременна. А то вдруг она отнесется к этому болезненно? Мне не хотелось бы, чтобы она, увидев кроватку, почувствовала, что на нее оказывается какое-то давление.

В том, что рядом с ней нет ее мамы, есть и положительный момент – не будет никакого вмешательства со стороны ее семьи. Я имею в виду, что ее отец вряд ли захочет возиться с пеленками и подгузниками.

Нет, не захочет. Мой первый внук будет целиком и полностью *моим* внуком. Мой внук (или моя внучка) ни в чем не будет нуждаться. И как только ребенок появится на свет, я тоже уже ни в чем больше не буду нуждаться. У нас будет счастливое семейное гнездышко – такое же, как много лет назад. Пока *он* его не разрушил.

Джесс

Суббота, 2 июля 2016 года

Сейди организывает девичник. Я не собиралась устраивать ничего подобного, но когда я рассказала ей, что Ли уезжает на уик-энд на мальчишник, Сейди настояла на том, что мне нужно устроить девичник. Я согласилась при одном условии: в нем будем участвовать только мы вдвоем. Без Анджелы.

В приглашении, которое Сейди прислала мне по электронной почте, было написано, что я должна прийти к ней в 19: 30 – прийти «в сногсшибательной одежде» и взять с собой средства личной гигиены.

Меня охватывают странные чувства, когда я иду домой к Сейди. Я словно вернулась в то время, когда мне было четырнадцать лет. Джессейди вернулась, пусть даже лишь на один вечер. Я звоню в дверь и вскоре слышу шаги. Кто-то с громким топотом сбегает по лестнице. Мама Сейди всегда называла ее слоненком. Конечно же, ласково, с любовью.

Сейди распахивает дверь. Она одета в желтый комбинезон – костюм цыпленка.

– Сейди! – говорю я. – Я в кои-то веки пришла вовремя, а ты еще даже не оделась.

– Ничего подобного. Я вот в этом и пойду.

– Очень смешно. Я, с твоего позволения, напоминаю тебе, что ты написала что-то про «сногсшибательную одежду».

– Это была приманка. Поверь мне, я одета самым подходящим образом.

– Подходящим для чего?

– Пойдем наверх, я тебе все покажу.

Я иду вслед за ней на второй этаж, слегка сердясь из-за того, что я, получается, наряжалась абсолютно напрасно. Сейди открывает дверь своей спальни. На ее постели и на полу валяется множество постельных и диванных подушек. Шторы – задернуты, лампы – включены. На

прикроватном столике – самый большой запас попкорна и шоколада из всех, которые я когда-либо видела, бутылка вина и два бокала. А перед шторами – гигантский экран для проектора, соединенного с портативным компьютером.

Я поворачиваюсь к Сейди и улыбаюсь:

– Наш собственный частный кинотеатр.

– Да, – сказала она. – Как раз то, чего ты всегда хотела.

Она права. Мы раньше часто об этом говорили, ища на сайтах, посвященных недвижимости, дома с домашним кинотеатром.

– Это здорово, – говорю я взволнованным голосом. – Спасибо.

– Знаешь, я не смогла взять напрокат экран на работе, потому что эти жадные ублюдки не захотели сделать мне большую скидку, но вот это – самое лучшее, что я смогла найти. Один из папиных друзей одолжил мне этот экран. Но тебе придется переодеться. Прямо здесь.

Она протягивает мне большой подарочный пакет. В нем лежит желтый комбинезон – точно такой же, как у нее.

– Посмотри на другую сторону пакета, – говорит Сейди.

Я смотрю. Там написано: «Девичник Джесс, июль 2016 года». Чуть ниже изображено большое сердце с подписью «Дж. М. любит Л. Г.» и с дурацкими стрелами, пронзающими это сердце. Такие сердца мы рисовали на своих пеналах в школе. И она нарисовала его вот здесь. Вопреки тому, как она относится к Ли, она нарисовала для меня такое сердце. Я чувствую себя скотиной из-за того, что так гадко относилась к тем действиям, которые Сейди предпримет в будущем. Я подхожу к ней и обнимаю ее.

– Спасибо. Все это – просто замечательно.

– Вот и хорошо. Я подумала, что это наша с тобой последняя возможность провести вечер вдвоем. Может, даже засидимся допоздна. Нам тут есть что посмотреть.

Она показывает на лежащую на полу кучу DVD-дисков. Среди них я вижу по меньшей мере два фильма о Гарри Поттере и фильм «Красотка».

– Начнем вот с этого, – говорит Сейди, беря диск с мультфильмом «Побег из курятника».

– О господи, я обожаю курицу Джинджер.

– Да, идеальный материал для девичника. А еще нам очень скоро принесут пиццу. Кроме того, я обещаю, что не буду потом заставлять тебя собирать с пола рассыпанный попкорн.

Я улыбаюсь и снова ее обнимаю.

– Я буду очень сильно по тебе скучать, – говорит она.

Я с трудом сглатываю. Она себе еще даже не представляет, как сильно

она будет по мне скучать.

– Послушай, я ведь всего лишь выхожу замуж, а не уезжаю жить куда-то за границу.

– Я знаю. Но все будет уже не так, как раньше, верно? Я уже скучаю по тебе и на работе, и в поезде. А теперь, когда ты станешь жить в Лидсе, мы станем видеться еще реже.

– Мы все еще можем встречаться во время обеденного перерыва.

– Знаю. Но, боюсь, все будет уже не так, как раньше.

Я надеваю свой комбинезон, а Сейди тем временем ставит первый DVD-диск.

– Вот черт!.. – говорит она, когда, обернувшись, смотрит на меня.

– Что?

– У тебя получается выглядеть сексуальной даже в таком вот комбинезоне. Знаешь, я тебя прямо-таки ненавижу.

– Мне, наверное, следует взять этот наряд с собой на медовый месяц.

– Хм, – морщится Сейди.

– Что опять не так?

– У тебя будет медовый месяц. Это звучит даже более странно, чем то, что ты выходишь замуж.

Я пожимаю плечами:

– Мне кажется, что это вообще был какой-то странный год.

Сейди косится на меня, когда мы усаживаемся на кровать и на экране появляется заставка к мультфильму «Побег из курятника».

– А ты больше не видела какие-нибудь из тех публикаций в «Фейсбуке»? – спрашивает она.

Я обращаю внимание на то, что она произнесла слово «видела» так, как будто речь идет о том, что существует только в моей голове.

– Я не заходила в «Фейсбук» уже черт знает сколько времени, – отвечаю я.

Она передает мне попкорн.

– Я вообще-то переживала, – говорит она. – Я опасалась, что все это может начаться снова.

– Они просто очень сильно удивили меня – только и всего.

– Ты ведь знаешь, что такое происходить не может, да? Люди не могут размещать публикации из будущего.

Она меня прощупывает. Пытается выяснить, все ли в порядке с моим душевным состоянием, не обвиняя меня ни в чем в открытую. Я беру еще одну пригоршню попкорна и, посмотрев, как курица Джинджер предлагает остальным наседкам сбежать из курятника, отвечаю:

– Ну конечно я это знаю.

– Значит, у тебя в жизни еще полно времени на то, чтобы успеть выйти замуж, если ты уж так хочешь это сделать? Тебе нет необходимости торопиться?

– Это еще что такое? Анкета с целью выяснить, все ли в порядке с психикой у твоей подруги? Только мне кажется, ты упустила в ней кое-какие пункты.

– Ну-ну, перестань. Я просто за тебя беспокоюсь.

– Тебе нет необходимости это делать, понятно? Со мной все в порядке. Я знаю, что я делаю.

Но это, увы, неправда. У меня уже нет ни малейшего понятия, *что* я делаю. Единственное, что я знаю, – так это что мне необходимо через это все пройти ради «Г».

Довольно много времени спустя, когда мы уже умяли привезенную пиццу, посмотрели один из фильмов про Гарри Поттера и начали смотреть «Красотку», Сейди поворачивается ко мне и говорит:

– Знаешь, а ты была права. Я и в самом деле ревновала. Немножко. Я всегда знала, что ты – Вивиан, а я – Кит, но я, пожалуй, не верила в то, что может появиться некий Эдвард, пока ты не стала встречаться с Ли.

– Ты намного лучше, чем Кит.

– Мне нравится Кит.

– Я знаю. Мне тоже. Но ты все равно намного лучше, чем она. У нее, возможно, и есть какой-то потенциал, но ты – уже сложилась как яркая личность.

– Просто скажи мне, что Ли не приедет на белом лимузине в субботу и не полезет вверх по водосточной трубе, чтобы забраться к тебе через окно.

Я улыбаюсь и отрицательно качаю головой.

– Ну ладно, тогда скажи ему, пусть он лучше заботиться о тебе как следует, потому что, если он не будет этого делать, ему придется ответить за это передо мной. Он себе даже и не представляет, как я расвирепею, если он когда-нибудь причинит тебе какой-либо вред.

Я крепко обнимаю ее, и по моему лицу текут слезы. Он, может, и не представляет, а вот я – еще как представляю.

Этот отель кажется мне еще громаднее, чем раньше. Честно говоря, я не понимаю, зачем нам нужна репетиция. Никто ведь не репетирует какие-то другие важные события своей жизни, верно? Свою смерть, например. Ну что есть в свадьбе такого важного, что должно обязательно пройти точно по плану? Ведь события, которые происходят после свадьбы, имеют гораздо большее значение, правда?

Тем не менее Андже́ла сказала, что нам необходимо все отрепетировать. А еще она сказала, что отель идеально расположен между Лидсом и аэропортом. А еще – что номера в нем просторные и украшены со вкусом. Лично я полагаю, что Андже́ла просто начиталась на сайте отеля рекламы, но кто я такая, чтобы подвергать ее слова и действия сомнению?

– Ого, впечатляет, – говорит папа, когда мы выходим из автомобиля.

– Да, – отвечаю я. – Думаю, что да.

– А тебе что, не нравится? – спрашивает он.

– Меня, если честно, вполне устроила бы и обычная регистрация брака, без помпезных мероприятий.

– Почему же ты тогда на все это согласилась?

– Я не соглашалась. Когда Андже́ла показала мне это место в первый раз, она уже все забронировала.

Папа вздыхает и морщится:

– Ты, похоже, не можешь сказать ей «нет».

– Я уже говорила ей «нет» по нескольким другим поводам. А в данном случае мне было настолько все равно, что я даже не стала спорить.

Мы идем мимо дерева с перекрученным стволом, которое было видно на свадебной фотографии, размещенной в «Фейсбуке». Я узнала его еще в тот раз, когда мы пришли сюда впервые. Было уже слишком поздно для того, чтобы что-то менять: Ли уже сделал авансовый платеж. Помня о том, что произошло с платьем, я подумала тогда, что если пойду и забронирую помещение в каком-нибудь другом отеле, то отель этой следующей ночью сгорит дотла.

Ли и Андже́ла ждут нас у стойки дежурного администратора. У Андже́лы в руке – блокнот и ручка. Ли подходит ко мне и целует меня, и когда он это делает, я думаю о Гаррисоне. Думаю, что Ли будет для него замечательным отцом.

– Рад вас снова видеть, Джо, – говорит Ли, пожимая папе руку. – Я только что прочел ваше меню. Оно прямо-таки восхитительное.

– Спасибо, – говорит папа. – Давайте надеяться, что все будет вкусным. А иначе придется с ними поругаться.

– Вы что, как Гордон Рамзи из Уэст-Йоркшира?^[27] – спрашивает Ли. – Тот тоже ругает других поваров.

– Нет, вообще-то он большой добряк, – отвечаю я. – Он никогда даже не повышает голоса – не говоря уж о том, чтобы ругаться.

– Мне хватает и взгляда, – говорит папа. – Если тебя на кухне уважают, то вполне хватает твоего взгляда.

Он оборачивается к Андже́ле и целует ее в обе щеки. Я думаю, ей

нравится, что он наполовину итальянец. Она из тех женщин, которые, пригласив его на ужин, стали бы разговаривать про все итальянское, полагая при этом, что никто до них этого не делал.

– И снова здравствуйте, Анджела, – говорит он. – Спасибо за все ваши труды и старания.

– Не за что, – говорит она. – Я хочу быть уверенной в том, что в день свадьбы все будет идеально.

К нам подходит Мари – координатор свадьбы со стороны отеля.

– Ну и какие у вас всех ощущения? – спрашивает она.

– Мы готовы действовать, – отвечает Анджела.

Мари оборачивается и смотрит на меня. Я решаю, что лучше не упоминать о том, что я полночи не спала и что нервишки у меня пошаливают.

– Да, готовы, – говорю я, пытаюсь выдать максимум из своей улыбки.

– Вот и хорошо. Если пойдете со мной, я проведу вас по отелю и покажу вам все, что вам необходимо знать. Затем мы разберем всю церемонию шаг за шагом и я отвечу на любые вопросы, которые у вас, возможно, появятся.

Мы идем вслед за ней по отелю. Ли берет меня за руку и сжимает ее.

– Сосредоточь все свое внимание на медовом месяце, – шепчет он мне на ухо. – Ничего из вот этого уже не будет иметь значения, когда начнется медовый месяц.

Я смотрю на него. Это тот Ли, в которого я влюбилась. Добрый, заботливый, веселый мужчина, который будет моим мужем и отцом моего ребенка. Но если это так, то почему я все еще чувствую себя в его присутствии так неловко? Почему мне приходится заставлять себя не шарахаться в сторону, когда он прикасается ко мне? Мне необходимо выкинуть другого Ли из своей головы. Другой Ли представляет собой всего лишь плод моего – или чьего-то еще – воображения. Он в действительности не существует. Бояться мне совершенно нечего. И не о чем переживать.

Когда мы оказываемся в помещении, в котором будет проходить церемония бракосочетания, меня снова поражает тот факт, что всего лишь через два дня я выйду замуж. Это событие уже точно произойдет, и у меня есть два варианта: измучить себя переживаниями по поводу того, правильно ли я поступаю, или же просто жить дальше и наслаждаться жизнью. Мама всегда говорила мне, что не стоит тратить время на переживания о том, что, возможно, никогда не произойдет.

Я иду по проходу между стульями и становлюсь рядом с Ли.

– Знаешь, ты выглядишь умопомрачительно! – говорит он.

– Откуда ты это знаешь? Ты ведь еще не видел платья.

– Я сейчас вижу тебя своим мысленным взором, – отвечает он. – И думаю, что ты будешь выглядеть даже лучше, чем я себе это представляю.

Папа по дороге домой молчит. Я думаю, он размышляет над тем, что в воскресенье ему предстоит вернуться после свадьбы в пустой дом. Он припарковывается на единственном у нашего тротуара свободном месте. Я выхожу и иду к багажнику, чтобы забрать из него платье. Оно упаковано в белый пакет так, чтобы не было видно ни малейшей его детали.

– Мне можно заглянуть в пакет? – спрашивает папа.

– Конечно нет. Ждать ведь осталось совсем недолго.

Он улыбается довольно грустной улыбкой и заходит в дом. Я отношу платье прямиком на второй этаж, в свою комнату, и вешаю его в платяной шкаф. Когда я спускаюсь вниз, папа сидит за кухонным столом. На столе – какой-то подарок: плоская квадратная коробка, завернутая в серебристую бумагу и завязанная голубой лентой.

– Что это? – спрашиваю я.

– Кое-что для тебя.

– И мне позволено открыть это прямо сейчас?

– Да, но сначала тебе надо прочесть вот это. Имей в виду, это от мамы.

Он протягивает мне какой-то конверт. На нем написано маминым почерком мое имя. Я смотрю на него, и моя рука начинает дрожать.

– Она написала это тебе незадолго до того, как умерла, – говорит папа. – И попросила передать это тебе, когда придет время. Если ты хочешь пойти с ним в свою комнату, я не возражаю. Или же я могу прочесть его тебе.

Я качаю головой, открываю конверт и вытаскиваю из него два листка бумаги.

Дорогая Джесс!

Извини, если это тебя как-то шокировало. Наверное, это воспринимается как нечто весьма странное, даже жуткое: я обращаюсь к тебе из могилы, – но это показалось мне неплохой идеей. Одним из самых тяжелых моментов прощания является осознание того, что я не буду находиться рядом с тобой во время знаменательных событий твоей жизни. Папа – хороший человек, очень хороший человек, один из самых лучших, но бывают ситуации, когда девушке очень нужна мама, и я подумала, что сейчас ты оказалась в одной из таких ситуаций.

Ты выходишь замуж! Я вынуждена признаться, что мне в данный момент как-то странно даже думать о таком, потому что ты сейчас

представляешь собой вздорного пятнадцатилетнего подростка, который ходит в разорванных джинсах и ботинках «ДМ» и который, несомненно, закатит в ответ глаза, если я хотя бы просто упомяну что-нибудь о свадьбе.

Впрочем, вполне возможно, что ты не выходишь замуж, потому что я сказала папе, чтобы он дал тебе это, когда ты найдешь себе спутника жизни, поэтому, возможно, ты просто живешь с ним. Это тоже хорошо. Документ ведь – это просто листок бумаги, и он для меня не важен. Что для меня важно – так это чтобы ты была счастливой.

Но в любом случае я тебя поздравляю! Я не знаю, сколько лет тебе будет, когда ты прочтешь это, – восемнадцать (это вряд ли, я знаю), двадцать пять, сорок пять или сколько-то еще, – но я очень рада, что ты нашла человека, с которым хочешь провести всю свою оставшуюся жизнь. А жизнь – она ведь нелегкая. Оттого, что ты выходишь замуж, жизнь легче не становится, но это, однако, означает, что рядом с тобой появляется человек, готовый помочь тебе, когда жизнь станет особенно тяжелой. Я надеюсь, что этот человек достоин тебя и что он любит тебя почти так же сильно, как я (я не верю, что кто-то в принципе может любить тебя так же сильно, как люблю тебя я).

Больше же всего я надеюсь, что он будет любить, лелеять и опекать тебя так, как ты того заслуживаешь. Всегда помни, что ты восхитительная и, чтобы быть достойным тебя, он тоже должен быть восхитительным.

Как я тебе не раз говорила, для меня неважно, насколько круто выглядит парень на стене в твоей спальне (я признаю, что Роберт Паттисон ^[28] очень даже крут), лишь бы только он относился к тебе надлежащим образом, а иначе тебе нужно от него избавиться.

Папа не идеален (никто из нас не идеален), и он, наверное, еще больше облысел после того, как меня не стало (еще он, наверное, по-прежнему носит тот свой дурацкий кардиган), но ничего из этого не имеет никакого значения, потому что у него золотое сердце и потому что он был для меня в течение этих последних нескольких лет очень надежной опорой.

Когда ты рождалась на свет, Джесс, ты меня очень сильно порвала. Не так, как это иногда бывает при родах, а гораздо хуже: ты, выходя из меня, порвала мне прямую кишку (ты держала руку вокруг головы, но ничего страшного, я простила тебя давным-давно). Меня потом пришлось зашивать в операционной. Очень много стежков: мне даже не сказали сколько, потому что их было уж очень много. И когда меня выписывали из больницы, мне сказали, что, когда я в ближайшее время пойду в туалет

«по-большому», может получиться так, что стежки разойдутся. Поэтому, когда мне понадобилось пойти в туалет, я так сильно боялась, что они и в самом деле разойдутся, что твой папа пошел в туалетную комнату вместе со мной и держал меня за руку. Я понимаю, что это, возможно, выглядит не очень романтичным, но именно в этом и заключается настоящая любовь, Джесс. Именно в этом, а не в той чепухе, которую показывают в диснеевских мультфильмах.

В общем, я надеюсь, что человек, с которым ты решила провести всю свою оставшуюся жизнь, – именно такой человек. Человек, который неизменно будет рядом с тобой тогда, когда ты будешь в этом очень сильно нуждаться. Человек, который никогда не бросит тебя наедине с твоими проблемами.

Я оставила тебе подарок. Это то, что я надела, когда выходила замуж за твоего отца. Я надеюсь, что ты будешь такой же счастливой, какими были мы, Джесс. И знай, что и я счастлива оттого, что счастлива ты.

Неизменно люблю тебя.

Мама. X

Я кладу письмо на стол и заливаюсь слезами. Папа опускается рядом со мной на колени и обнимает меня. Он притягивает меня к себе и покачивает меня, поглаживая по волосам. В этот момент я забываю, что мне уже двадцать три года. Я снова чувствую себя ребенком, и мне хочется, чтобы папа обнимал меня так всегда, заставляя все плохое обходить меня стороной.

– Она очень сильно любила тебя, – в конце концов говорю я между всхлипываниями.

– Я знаю, – отвечает папа, убирая влажную от слез прядь волос с моего лица, – но не так сильно, как она любила тебя.

Он берет подарок со стола и протягивает мне. Я дрожащими пальцами развязываю голубую ленту, отдираю клейкую ленту, разрываю упаковочную бумагу и вытаскиваю из нее коробку. Подняв крышку, я вижу красивое жемчужное кольцо. Оно – такое, как на моей свадебной фотографии. Я уже спрашивала себя, откуда же оно возьмется: его ведь не было среди купленных мне на свадьбу вещей. Я думала, что, наверное, Анджела подарит мне его в день свадьбы утром, однако подарила мне его не Анджела, а моя мама. Я и не заметила раньше, что это точно такое же кольцо, как на ее свадебной фотографии. У меня снова начинают литься слезы. Папа достает это украшение из коробки и надевает его на меня. Я легонько прикасаюсь к нему и чувствую при этом маму. Она в эту субботу

будет со мной. Она будет мне помогать. Потому что она понимает, что никто не может любить другого человека так сильно, как мать любит свое дитя.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Джо Маунт

08/01/2018 21: 39

Джесс, они предъявили ему обвинение. Ли обвинили в том, что он тебя убил. Точнее, совершил непредумышленное убийство. Полицейские говорят, что они не могут обвинить его в умышленном убийстве, потому что не могут доказать наличие умысла, однако это не меняет того факта, что он тебя убил. Мою красивую, милую дочь убил ее собственный муж. А я не делал ничего, потому что не знал, что он распускает по отношению к тебе руки. Я не знал этого, потому что ты мне об этом не рассказывала. Почему, Джесс? Почему ты не могла мне довериться? Возможно, ты не хотела меня тревожить, но уж лучше бы ты это сделала.

Женщина-детектив, которая приходила поговорить со мной, сказала, что иногда женщины стесняются о таком рассказывать, им кажется, что они в какой-то степени сами в этом виноваты. Нет, такого быть не может, Джесс. Никто не заслуживает того, чтобы на него поднимали руку. Мне жаль, что я тебя не защитил. Мне жаль, что я ничего не заметил. Может, мне просто не хотелось ничего замечать. Может, я уж слишком сильно старался одобрять своего зятя, полагая, что он – именно тот, кто тебе нужен. Жаль, что мамы не было здесь. Она бы все заметила. Она бы догадалась о том, что происходит. И я знаю, что ей бы ты точно все рассказала.

Я все еще не могу прийти в себя из-за того, что произошло. Ты как будто бы жила какой-то тайной жизнью. Я не могу все это осмыслить. Но пока что я попытаюсь забрать к себе Гаррисона. Анджела не захочет его отдавать, я это знаю. Но я попытаюсь найти способ вернуть его туда, где он должен находиться, потому что знаю, что именно этого хотела бы ты.

Суббота, 9 июля 2016 года

Когда читаю это, я не рыдаю, не кричу. Я вообще не издаю никаких звуков. Возможно, потому, что сейчас четыре часа утра и я не хочу разбудить папу. А может, потому, что я уже не способна издавать никаких звуков. Мое тело, похоже, охвачено какими-то конвульсиями. Я лежу и дрожу неудержимой дрожью. Голова дергается из стороны в сторону. На дисплее моего телефона (он лежит тут же, на кровати) – все еще эта публикация. Ли действительно убивает меня. Мужчина, за которого я сегодня выхожу замуж, станет тем человеком, который оборвет мою жизнь. Я не знаю, каким именно образом он это сделает. Но это и не важно. Что важно – так это то, что он это сделает.

Я зашла в «Фейсбук» только потому, что хотела увидеть фотографию «Г». Последнее время я чувствовала себя более-менее хорошо, потому что не заглядывала в свою «Хронику» в «Фейсбуке» уже не одну неделю. Однако меня мучила бессонница, потому что я нервничала, и единственное, как мне казалось, что сможет как-то поднять мне настроение, – так это если я снова увижу «Г». Я поступила глупо. Очень глупо. Но теперь мне стало *это* известно и я не могу выкинуть это из головы. Я, конечно, могу попытаться убедить себя, что это какая-то ерунда – просто очередная ложь от брошенной им подружки и от моей ревнивой лучшей подруги. Но я не могу притвориться, что ничего не видела. Об этом ведь написал не кто-нибудь, а мой папа.

Я закрываю глаза, но мне не удастся отогнать от себя то, что я только что увидела, оно словно отпечатано на внутренней стороне моих век. Теперь я уже никогда от этого не избавлюсь. Зерно сомнения уже посеяно, и даже если я не буду его поливать, оно станет выискивать щелки с проникающим через них светом и, устремившись к ним, найдет себе путь на поверхность. И когда сегодня во время церемонии я буду идти по проходу среди людей, я буду думать именно об этом. Вместо того чтобы радоваться, что я выхожу замуж за мужчину, рядом с которым хочу провести всю свою оставшуюся жизнь, я буду терзаться мыслями, как именно он меня убьет. И действительно ли убьет.

Дрожь постепенно стихает, и я частично восстанавливаю контроль над своим телом. Я отчетливо осознаю, что у меня все еще есть выбор. Я могу принять решение отказаться от этой свадебной церемонии. Мне даже не

пришлось бы давать объяснения: я просто взяла бы и не пришла. С Анджелой, наверное, случился бы нервный срыв. А папа, наверное, в глубине души почувствовал бы облегчение. Сейди уж точно облегчение бы почувствовала.

Но я никогда и никому не смогла бы объяснить свое решение и потом до конца своих дней спрашивала бы себя, а не отвергла ли я свою самую лучшую возможность стать счастливой из-за того, чего в действительности никогда не могло бы произойти. А еще мне, конечно, пришлось бы уйти с работы. Впрочем, это не имело бы большого значения, потому что я уверена, что смогла бы снова устроиться на свою прежнюю работу.

Однако есть одна очень важная причина для того, чтобы не отказываться от свадьбы. Причина, которая важнее всех остальных. Я беру телефон, закрываю последнюю папину публикацию и перемещаюсь ниже, к предыдущей публикации. К новой фотографии «Г». Он улыбается, и его ямочки видны очень отчетливо. А еще видны два зубика. Я даже не знала, что у моего малыша уже прорезались первые зубки. Я за последнее время многое упустила. Я не видела, как он растет. У него уже и побольше волосиков, хотя их по-прежнему немного. Я смотрю на дату этой публикации и на комментарий папы: «Сегодня восемь месяцев». Я не обращаю внимания ни на количество тех, кто нажал «Нравится», ни на все те комментарии, которые размещены ниже. Я слишком занята подсчетами. Получается, что зачатие произойдет в ближайшее время. «Г» – ребенок, зачатый в медовый месяц.

Меня снова начинает трясти. Где-то внутри меня возникает такое напряжение, что кажется: еще чуть-чуть – и я могу взорваться. Если сегодня я не выйду замуж за Ли, «Г» не родится. У него никогда не прорежутся первые зубки, он никогда не будет улыбаться своему дедушке, и его никогда не будут держать на руках любящие его люди – вроде меня. Как я могу лишиться его всего этого? Как я могу лишиться его жизни, которой он мог бы жить? Он заслуживает того, чтобы жить. Он заслуживает, чтобы ему дали такую возможность. Но я знаю, что мама, если бы была жива, сказала бы мне, что я не заслуживаю того, чтобы моя жизнь оборвалась – как оборвалась ее жизнь.

Я сижу прямо, как истукан, и вдруг вспоминаю, что Сейди как-то написала, что она прочла мое письмо и что она попытается спасти «Г». До меня доходит, что мне необходимо сделать. Я не могу никому ничего рассказать, потому что мне все равно не поверят, но я могу оставить записку – для того времени, когда не поверить моим словам будет уже трудно. Это, видимо, не спасет мне жизнь, но, возможно, после того, как со

мной что-то случится (если и в самом деле случится), это поможет спасти «Г». Потому что оставлять его в руках человека, который меня убьет (предположительно), – совершенно недопустимо.

Я встаю с кровати. Спать – нет никакого желания. Я слишком взвинчена. Пытаясь найти бумагу и конверт, я роюсь в шкафу, стоящем в углу моей комнаты. Найдя то, что мне нужно, я сажусь на край кровати и начинаю писать.

Когда наступает рассвет, я лежу в постели с широко раскрытыми глазами. Я уже приняла решение. Точнее говоря, я теперь знаю, что мне необходимо сделать. Я чувствую себя каким-то историческим персонажем – молодой королевой, решившей смириться со своей судьбой. Я медленно приподнимаюсь, спрашивая себя: это Земля стала вращаться быстрее или просто у меня кружится голова? На комодѣ лежит запечатанный конверт. Он будет вручен адресату, и никакие вопросы задаваться не будут. Хотя нет, задаваться они, может, и будут, но вот ответа на них не будет. Сделав три глубоких вдоха, я встаю с кровати. С царственным видом иду к двери, снимаю с крючка свой купальный халат, укутываюсь в него и открываю дверь – чтобы встретиться лицом к лицу с тем, что принесет мне этот день.

Сегодня моя очередь готовить завтрак для себя и папы. Он очень часто готовил его для меня, и я с душевной болью осознаю, что начиная с завтрашнего дня меня уже не будет здесь и я не смогу оказывать ему эту небольшую услугу. Интересно, все дети такие гнусные или только я. Неужели я так сильно погрузилась после смерти мамы в свое горе, что никогда не замечала, как горюет он? Никогда не замечала, как сильно он переживает из-за меня? Это ведь очень простой завтрак – яичница, грѣнки и чашка чая. Если бы я была повнимательнее и посообразительнее, я бы приготовила что-нибудь особенное. Но мне это в голову не пришло. Вот такая я никудышная дочь.

Папа удивленно поднимает брови, открывая дверь и обнаруживая, что стол уже накрыт.

– У тебя все нормально? – спрашивает он.

– Да. Мне не спалось, и я подумала, что вполне могу встать и сделать что-нибудь полезное.

– Нервничаешь перед свадьбой? – спрашивает он.

– Думаю, что именно так.

Он подходит ко мне и обнимает меня. С большим трудом мне все-таки удается сохранить самообладание.

– Спасибо, – говорю я. – Мне это было необходимо.

– Знаешь, тебе не нужно ни о чем переживать. Андже́ла позаботилась

буквально обо всем.

– Я знаю.

– Она была права. Все, что тебе нужно сделать, – так это прийти на свадьбу.

Я выдавливаю из себя легкую улыбку.

– Я приготовила тебе яичницу и гренки, – говорю я, подходя к рабочему кухонному столу.

Папа грустно смеется.

– Что? – спрашиваю я.

– Ну, раз уж приготовила, так приготовила, но вообще-то я приготовил для тебя кое-что особенное.

Ожидание меня очень утомляет. Если бы я решила проводить свадьбу утром, мне было бы легче. Мне пришлось бы просто встать с постели, собраться и поехать. У меня не было бы времени раздумывать о том, что я делаю.

Внутри меня – неприятная пустота. Еще слишком рано напяливать на себя платье. У меня еще пара часов до того, как придет женщина, которая займется моей прической и макияжем.

Моя комната уже не кажется мне такой милой и уютной, какой она мне когда-то казалась. Моя комната – это место, где раскрывается правда или же плетется паутина лжи – все зависит от того, как на это смотреть. В ней уже мало что осталось. Большинство своих вещей я перевезла в квартиру Ли – в том числе и упакованный чемодан, с которым я отправлюсь в путешествие на свой медовый месяц. В моей комнате – ощущение пустоты. Ощущение того, что отсюда уезжают. Ощущение того, что воспоминания уже блекнут... Мой телефон издает звуковой сигнал. Это пришло сообщение от Ли.

Я тебя люблю. Не могу дождаться, когда же ты станешь миссис Гриффитс. X

Два соперничающих чувства внутри меня сталкиваются с такой силой, что все мое тело содрогается. Мне необходимо вручить мое письмо адресату.

Я беру конверт, сбегая вниз по лестнице и направляюсь к задней двери.

– Куда это ты? – спрашивает папа.

– Мне нужно подышать свежим воздухом.

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, хорошо. Я скоро вернусь.

Опасаясь, что папа сейчас предложит пойти вместе со мной, я

быстренько выбегаю на улицу, лишая его возможности это сделать. Я не хочу оскорблять его отказом. Я направляюсь прямо к каналу. Туда, куда я ходила, когда умерла мама. Мне нравится, что вдоль него можно идти в любом направлении – и все равно придешь туда, откуда начал идти. Я достаю телефон и звоню Сейди. Я уже плачу, когда она отвечает на звонок.

– Привет, что случилось?

– Ты можешь сейчас со мной встретиться? – всхлипываю я.

– Ты еще дома?

– Нет. Возле канала.

– А что ты там делаешь?

Я пытаюсь ответить, но у меня не получается.

– Ну ладно, никуда не уходи оттуда, – говорит Сейди. – Я уже выхожу, понятно?

В ее голосе я замечаю признаки паники. Она, вероятно, думает, что я собираюсь сделать какую-нибудь глупость. Впрочем, наверное, и в самом деле собираюсь. Но только не такую глупость, о которой она подумала.

Она появляется через пять минут. Я вижу по ее выражению лица и прерывистому дыханию, что она всю дорогу бежала. Она обнимает меня, чувствуя, по-видимому, облегчение из-за того, что видит меня живой и невредимой.

Я снова начинаю плакать.

– Что случилось? – спрашивает она.

Все еще не в состоянии говорить, я лишь качаю головой.

– Ты ведь не хочешь этого делать, да?

Я пожимаю плечами.

– Это тяжело, – вот и все, что мне удастся сказать.

– Что тяжело? Тебя что, кто-то вынуждает?

– У меня нет выбора.

– Нет, у тебя есть выбор. Ты можешь уйти отсюда прямо сейчас. Если хочешь, я пойду с тобой.

– Нет, ты не понимаешь.

– Если я не понимаю, то помоги мне понять.

Я смотрю на небо, впервые замечая, какой сегодня чудесный день. Очень даже подходящий день для того, чтобы выйти замуж.

– Мне необходимо это сделать. Это для меня – единственный выход.

– Ты все еще говоришь что-то непонятное.

– Если я не выйду за него замуж, кое-какие хорошие события не произойдут.

– Откуда ты это знаешь?

– Я просто это знаю – и все.

Я вижу по выражению ее лица, что до нее кое-что дошло, и мне даже кажется, что я слышу, как где-то внутри ее головы что-то щелкнуло.

– Ты снова видишь эти публикации?

Она думает, что я больна. И все так будут думать, если я это не пресеку. «У Джесс Маунт что-то не в порядке с головой. Всегда было не в порядке. Ну, по крайней мере, с тех пор, как...»

– Нет, – резко говорю я.

– Ты любишь его?

– Да.

– Он любит тебя?

– Да.

– Тогда в чем проблема?

Я с трудом сглатываю. Она же не понимает, что я говорю про Гаррисона.

– Это тяжело. Вот и все.

– Тебя что, охватила предсвадебная нервозность?

– Да. Думаю, что именно так. Но я с ней справлюсь.

– Ты уверена?

Вытирая глаза, я киваю. Сейди сжимает мои плечи еще раз и выпускает меня из своих объятий:

– Вот и слава Богу, потому что я уже купила себе новое платье и все такое прочее.

Мне удастся улыбнуться сквозь слезы.

– Я купила даже шляпу, – добавляет она.

– Но тебе не идут шляпы. Ты сама это говорила.

– Я знаю. Но я подумала, что это не будет иметь значения, потому что все в любом случае будут таращиться на тебя – а значит, я смогу немного посумасбродничать.

Я качаю головой:

– Я люблю тебя, сумасбродная ты девушка.

– Но не пытайся меня растрогать. Я берегу слезы на потом.

Я достаю из своего кармана конверт и протягиваю его ей.

– Что это?

– Положи это в какое-нибудь надежное место. Вскрой его только в том случае, если со мной произойдет что-то плохое.

– Перестань, Джесс. Я ведь уже подумала, что мы сейчас все уладили. Или нет?

– Это все, о чем я тебя прошу. Я почувствую себя лучше, если ты

возьмешь. Пожалуйста.

Она берет конверт и засовывает его в карман своей куртки.

– Спасибо, – говорю я. – Пожалуйста, помни, что это был мой собственный выбор и что все равно ты не смогла бы меня отговорить. Хорошо?

Она пожимает плечами. Мы молча идем вдвоем вдоль канала.

Я не могу сказать, что я не узнаю девушку, которая смотрит на меня из зеркала. Еще как узнаю. Я узнаю ее по фотографии в «Фейсбуке». У нее такие же волосы и такой же макияж, такое же платье, такое же выражение неуверенности в глазах. Я ее узнаю. Я понимаю, что она делает то, что должна сделать. Я в последний раз окидываю взглядом свою спальню. Так много воспоминаний – хороших и плохих. Но я сейчас хороню Джесс Маунт вместе с ними. Сегодня – новое начало. Новое начало в моей жизни. Новая жизнь.

У папы появляются на глазах слезы, едва он видит меня на лестнице.

– Ой, ну перестань, – говорю я. – Ты испортишь мне макияж, если будешь плакать и растрогаешь меня.

Он улыбается и вытирает лицо.

– Ты такая красивая.

– Я надела под это платье ботинки «ДМ».

– Лучше этого не делать.

Я приподнимаю платье, чтобы показать ему, что я шучу: у меня на ногах – такие туфли, какие должны быть у невесты. Почему подобные вещи могут кого-то всерьез беспокоить, я не знаю, но Анджела настояла.

Когда я дохожу до основания лестницы, папа целует меня в обе щеки. Его взгляд останавливается на моем колье.

– Это идеально, – говорит он.

– Я знаю, – отвечаю я, слегка прикасаясь к украшению.

– Если ты в какой-то момент почувствуешь, что она тебе нужна, просто вспомни о том, что она рядом с тобой.

Я киваю. К нашему дому подъезжает автомобиль. А точнее – белый лимузин.

Я смотрю на папу.

– Честно говоря, я вполне могла бы доехать и на твоей машине, – говорю я.

– Нет, – отвечает он. – Сегодня у тебя очень важный день, и мне захотелось, чтобы автомобиль, в котором ты поедешь, был особенным.

– Спасибо, – говорю я.

Папа сам заплатил за лимузин. Я знаю об этом от Ли. Папа заплатил и

за еду. Я попросила Ли позволить папе это сделать, потому что мне не хотелось унижать его отцовское достоинство.

Когда папа открывает дверь, на улице уже собрались люди. Пожилые женщины, которые здоровались с мамой, когда она вела меня в школу и из школы. Дети на велосипедах. Парень из кафе, в котором продают рыбу с картофелем. Несколько человек, которых я вроде бы видела на похоронах мамы. Они все начинают хлопать в ладоши. Я улыбаюсь, потому что не знаю, что мне еще делать.

Шофер обходит свой автомобиль и открывает для меня дверцу. Я приподнимаю подол своего платья и сажусь в автомобиль – сажусь с таким видом, как будто делаю это каждый день и как будто я знаю, что делаю. Папа садится рядом со мной, берет меня за руку и слегка сжимает ее.

– Жаль, что ее нет сегодня здесь, рядом с тобой, – шепчет он.

– Да, – отвечаю я. – Мне тоже жаль.

Автомобиль объезжает фонтан перед главным входом в отель и останавливается перед этим входом. Ну все, сейчас все окончательно решится. Если я ступлю на красную дорожку, которая ведет от автомобиля к входной двери, моя жизнь пойдет в одном направлении; если я попрошу шофера отвезти меня назад, домой, она пойдет совершенно в другом направлении. В направлении, в котором не будет «Г».

Папа снова слегка сжимает мою руку.

– Готова? – спрашивает он.

Я киваю. Перед моим мысленным взором – фотография Гаррисона. Я делаю это ради него. Для меня невыносима мысль о том, что его может не быть, что я могу потерять своего ребенка еще до того, как он будет зачат – не говоря уже о том, что рожден. И если мне придется ради этого рискнуть своей жизнью – ну что же, да будет так. Я выбираю его. Я выбираю своего сына. И я возлагаю на Сейди задачу добиться того, чтобы Гаррисона в будущем передали моему папе, если возникнет такая необходимость.

Я выхожу из автомобиля. Мои ноги слегка дрожат. Папа подходит ко мне и берет меня под руку. Я ему за это очень благодарна. На верхней ступеньке перед входом в отель стоит Мари – координатор свадьбы от отеля. Она широко улыбается мне.

– Добрый день, – говорит она. – Вы выглядите удивительно красиво. Все вас уже ждут в зале.

– Я опоздала, да?

– Нет, как раз вовремя. Пойдемте со мной. Я отведу вас в зал и сообщу регистратору, что вы уже здесь.

Я иду по отелю за ней. Мое платье шелестит, пальцы ног отчаянно

пытаются как-то цепляться за мои туфли невесты, которые на размер больше, чем нужно. Я уже выбрала для себя этот путь. И свернуть с него не могу. Может, я сейчас иду к месту своей казни. И может, у меня еще есть шанс быть в последнюю минуту помилованной. Тот факт, что так много из всего этого оказалось верным, еще не означает, что верным окажется все. Возможно, еще в моих силах изменить то, чем все это закончится...

Мы останавливаемся перед дверьми, ведущими в нужный нам зал. Я слышу за ними какие-то голоса, затем начинает играть музыка. Двери открываются. Значит, мне нужно войти. Но мои ноги не двигаются. Я парализована от шеи и до пят. Работоспособной осталась только моя голова: глаза видят мужчину, которого я люблю и который стоит сейчас в этом помещении, а уши слышат крики, которые я издаю, когда он убивает меня, и мой мозг аж начинает болеть в своих отчаянных попытках разобраться, чему же я должна верить.

Я снова начинаю дрожать.

– С тобой все в порядке? – шепотом спрашивает папа.

Я киваю. По моей щеке медленно течет слеза.

– Я тебя держу, – шепчет папа. – Я не дам тебе упасть.

Он держит меня под руку еще крепче. Я поднимаю другую руку и прикасаюсь к колье. Моя мама – здесь. Она рядом со мной. Она понимает, что я должна делать. И она будет ждать меня там, за чертой, на другой стороне.

Я начинаю идти. Покосившись на папу, я вижу, что и у него на лице слезы. Но он все так же крепко держит меня под руку. Я чувствую, что все поворачивают ко мне головы, но я не вижу лиц приглашенных. Я замечаю только какую-то шляпу. Это, видимо, шляпа Сейди, потому что из всех знакомых мне людей только она одна могла додуматься надеть на мою свадьбу огромную черную шляпу. Я слышу приглушенное оханье и аханье, но я не знаю, кто его издает. Мои глаза неотрывно смотрят на мужчину, стоящего посреди этого зала. Мужчину, к которому я подхожу все ближе и ближе. Моя судьба. Моя любовь. Мой убийца. Он уже вот-вот станет моим мужем. Когда я подхожу к нему, он поворачивает голову и улыбается мне. Он говорит мне лишь одно слово: «Красавица». Сердце мое екает, заматавшись между любовью и ненавистью. Я чувствую, что вот-вот упаду, и протягиваю руку вперед в надежде спастись. Он берет меня за руку и поддерживает меня. Регистратор начинает что-то говорить. Я чувствую у себя под ногами в туфлях песок. Совсем немножко, но он как-то туда попал.

«Брак в нашей стране – это союз двух людей, добровольно

заклучивших этот союз».

Да, я делаю это добровольно. Я сама отдаю себя на закляние. Я – лев Аслан у каменного стола в Нарнии^[29].

«...торжественный и обязывающий характер клятв, которые вы сейчас дадите».

Я смелая и сильная. Теперь наступает моя очередь говорить. Моя очередь рычать, как лев.

«Я торжественно заявляю, что мне неизвестны никакие юридические препятствия, в силу которых я, Джессика Маунт, не могла бы вступить в брак с Ли Гриффитсом».

Это, конечно же, ложь. Мне известна одна очень весомая причина. Но я не могу здесь о ней рассказать. Я должна принять свою смерть с достоинством.

«Я призываю присутствующих здесь людей в свидетели того, что я, Джессика Маунт, беру тебя, Ли Гриффитс, в свои законные мужья».

Ну вот, я сделала это. Не так уж все было и плохо. Ни капельки не больно. Я все еще здесь, я все еще дышу. Все еще. Нас провозгласили мужем и женой. Ли наклоняется ко мне и целует меня. Я закрываю глаза. Я вижу, как мне улыбается «Г». Он уже скоро будет внутри меня. Очень даже скоро.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Анджела Гриффитс

09/01/2018 10: 34

Он не делал этого. Впрочем, мне нет необходимости тебе это сообщать, потому что ты и сама это знаешь. Услышать это нужно совсем другим людям. Тем, кто слушает ложь и верит ей целиком и полностью. В нашей стране человек считается невиновным, пока не будет доказано, что он виновен. По крайней мере, так должно быть. Но люди уже разносят слухи. Показывают пальцем и перешептываются. Разводят очень много дурацкой суеты из ничего.

В этом, конечно же, виноваты они – Эмма и та твоя глупая подружка. Придумывают вдвоем всякие враки, как парочка современных ведьмочек. Я не могу понять, почему в полиции восприняли их заявления всерьез. Их, конечно, выведут на чистую воду, когда начнется разбирательство в суде. Когда будет

доказано, что все эти заявления – всего лишь ложь.

А ты, Джесс, точно знаешь, что произошло. Потому что, в отличие от них, ты была там.

Джесс

Воскресенье, 10 июля 2016 года

Увидев, что Ли возвращается из ванной, примыкающей к спальне, я быстренько убираю свой телефон, надеясь при этом, что он не заметит в моих глазах смущение.

– Послушай, я же сказал тебе, что во время медового месяца – никаких телефонов.

Меня ошеломляет, каким резким голосом он это говорит.

– Я не знала, что медовый месяц уже начался.

– Он начался в тот момент, когда я надел кольцо на твой палец. Дай мне, пожалуйста, свой телефон.

Я не могу понять, шутит он или говорит серьезно. Тем не менее я протягиваю ему телефон. Он выключает его и кладет в один из чемоданов – в тот, который мы с собой не возьмем.

– Это вообще-то уже слишком, – говорю я.

В выражении его глаз чувствуется твердость, которая слегка смягчается, когда он видит, что я смотрю на него из-под нахмуренных бровей. Он подходит и садится на кровать.

– Я не хочу, чтобы что-либо мешало мне проводить время с тобой, – только и всего.

– Когда ты собираешься сказать мне, куда мы едем?

– Когда мы будем проходить регистрацию в аэропорту. Но куда бы мы ни поехали, твой телефон тебе там не понадобится.

– Твоя мама уже разместила в «Фейсбуке» наши свадебные фотографии.

– Это меня не удивляет. Ей же нужно чем-то заниматься в своей жизни.

– Твой папа не узнает об этом? Я имею в виду, через кого-нибудь еще.

– Нет, не узнает. А если и узнает, то это не имеет значения. Сейчас уже слишком поздно.

– Вы с ним вообще не контактируете?

Ли отрицательно качает головой:

– Он портит все, к чему прикасается. У нас нет ничего общего. Вообще

ничего.

Он приближается ко мне и целует меня в губы:

– Кстати, миссис Гриффитс, вам сейчас лучше поторопиться. Нам нужно слопать обильный завтрак на первом этаже и успеть сесть на самолет.

Это как-то странно – пойти в ресторан отеля и снова увидеть всех там. Мои бабушка и дедушка, тетушки и двоюродные братья и сестры из Италии все еще находятся в этом отеле. Я чувствую себя неловко, потому что у меня вчера вечером почти не было возможности с ними пообщаться. Ли только и делал, что таскал меня танцевать и знакомил со своими родственниками и друзьями. Они все, впрочем, пробудут здесь еще несколько дней, поэтому, по крайней мере, папа общается со своими итальянскими родственниками после моего отъезда. Ему от этого, думаю, станет легче. Да и мамина сестра Сара все еще здесь. Она очень надеялась привезти сюда бабушку Мэри из дома престарелых в Девоне, но та себя плохо чувствовала и не поехала.

Тетушка Сара подходит ко мне и берет меня за руки.

– Какой вчера был удивительный день! Я сделала много фотографий и покажу их твоей бабушке.

– Спасибо, – говорю я, обнимая ее.

Я поворачиваюсь, чтобы познакомить ее с Ли, но он уже отошел в сторону, чтобы поговорить с Анджелой.

– Ты, похоже, нашла себе завидного жениха, – говорит тетушка Сара. – И он явно влюблен в тебя по уши.

Я тяжело сглатываю и смотрю в пол. Все, что мне сейчас приходит в голову, – так это те печальные идеограммы, из которых будут состоять комментарии тети Сары ко всем публикациям папы после того, как меня не стало. Она, несомненно, тоже будет чувствовать себя виноватой. Она будет думать, что ей следовало бы присматривать за мной после смерти мамы. Я вижу, как папа манит меня рукой, приглашая подойти к нему и окружившим его нашим итальянским родственникам.

– Ну ладно, пойду-ка я пообщаюсь с папой, – говорю я.

– Да-да, иди. Он наверняка будет по тебе сильно скучать.

– Я знаю.

Мы с Ли уезжаем сразу после завтрака в водовороте слез, обниманий и выкриков «Желаю хорошо провести время!». Сейди подходит ко мне и крепко обнимает.

– Желаю тебе классно повеселиться, – говорит она. – Я буду по тебе скучать.

– Я бы бросила через голову букет цветов так, чтобы его поймала ты, – говорю я. – Но я знаю, что ты ненавидишь подобные традиции.

– Совершенно верно, – говорит она.

– Но если бы я все-таки бросала букет, я бы бросила его в твою сторону, – говорю я ей.

С папой я прощаюсь в последнюю очередь. Он тоже не торопится ко мне подходить, опасаясь момента прощания, по-видимому, не меньше меня. Я не вижу его глаз, потому что он надел солнцезащитные очки, но подозреваю, что он очень энергично моргает, отгоняя подступающие слезы. Наконец стоящие вокруг него люди расступаются в стороны, оставляя его одного. Он, похоже, не решается взглянуть мне в глаза. Я обнимаю его, и он, уткнувшись в мои волосы, тихонько всхлипывает. От него исходит очень знакомый и такой приятный запах. Потом он отрывается от меня и берет мое лицо в свои ладони.

– Будь счастлива. – Это все, что ему удастся сказать, прежде чем его снова одолевают слезы.

Я вижу, как папу обнимает одной рукой его родственница Нонна. Она тоже плачет. Я стараюсь не думать о том, каково им будет на моих похоронах.

Я чувствую, как на мое плечо ложится чья-то рука.

– Готова? – спрашивает Ли.

Точно такой же вопрос мне задавали вчера. Только на этот раз мне его задал не мой папа, а мой муж. Я киваю и сажусь в автомобиль.

Лишь только когда мы уже летим в самолете, я признаюсь, что не знаю, где находятся Сейшельские острова. Ли смеется и просит у стюардессы салфетку, чтобы нарисовать на ней для меня карту.

– Сегодня вечером мы сделаем промежуточную остановку и переночуем в отеле аэропорта в Абу-Даби. Знаешь, в чем заключается основная разница между Дубаем и Абу-Даби?

– Нет, – отвечаю я.

– Люди в Дубае не смотрят «Флинтстоунов»^[30], а люди в Абу-Даби – смотрят.

У меня уходит пара секунд на то, чтобы понять смысл его слов, но когда я его понимаю, мое лицо расплывается в улыбке и я начинаю громко смеяться.

Я пихаю Ли локтем в бок.

– Я думала, ты спрашиваешь о чем-то серьезном, – говорю я. – И снова поняла, что таки слабовата по части географии.

– Тебе следовало бы меня уже получше изучить.

– Да, – отвечаю я, глядя на него. – Следовало бы.

– Кстати, нам лететь в общей сложности четырнадцать часов, мы прибудем в место назначения лишь завтра утром. Но это будет стоить того, можешь мне поверить.

Я в этом не уверена. Мы летим гораздо дальше, чем я когда-либо за свою жизнь летала. Я пытаюсь скрыть от Ли, что отчаянно вцепилась свободной рукой в подлокотник своего сиденья.

Он, однако, это сам замечает и сжимает мою ладонь чуть-чуть крепче.

– С тобой все будет нормально. Я не буду отпускать твою руку в течение всего полета. Обещаю тебе.

– Даже когда нам принесут еду?

– Да, даже когда принесут еду. Как бы неудобно мне не было.

Я улыбаюсь ему, чувствуя, что в глубине души мне становится легче. Я поступила абсолютно правильно. Мне страшно себе это представить, но я ведь едва все не испортила.

– Спасибо, – шепчу я.

– За что?

– За то, что заботаешься обо мне.

Он целует меня в макушку:

– Так и должно быть. Это мой долг.

На следующее утро, когда мы приземляемся, я смотрю в окно самолета на взлетно-посадочную полосу, с одной стороны которой море, а с другой – заросшие лесом холмы. Я так очарована красотой этого места, что даже не переживаю по поводу предстоящей посадки. Лишь только после того, как колеса самолета касаются земли, Ли отпускает мою руку.

– Не так уж это было и страшно, правда?

– Да. Не так уж и страшно.

Нас ждет катер: он отвезет нас на остров Силуэт, на котором мы и будем отдыхать. Это хорошо, что я уже больше не Джесс Маунт. Джесс Маунт не делала ничего подобного. Джесс Маунт жила в Митолройде, собирала в кинотеатре с пола рассыпанный попкорн и иногда ела в воскресенье утром на завтрак холодную пиццу. А вот Джесс Гриффитс, похоже, живет в совершенно другом мире – мире, в котором она летит на расположенный на другом краю света остров, море вокруг которого такое синее, что кажется ненастоящим, и в котором тот мужчина, который держит ее руку, похож на фотографию красавчика, вырезанную из какого-то глянцевого журнала.

Ли целует меня сзади в шею. Мое лицо ласкает теплый ветерок. Я выбираю для себя вот эту жизнь. И возможно, если я смогу научиться

расслабляться и просто наслаждаться ею, она в конечном счете окажется долгой и счастливой.

Катер подходит к маленькой пристани. Какой-то босоногий мужчина выпрыгивает из катера и привязывает его к пристани. Кто-то еще выгружает наш багаж. Ли берет меня за руку и ведет на пляж с таким белым песком, что он слепит мне глаза. Перед нами – группки курортных домиков, расположенных среди деревьев. Мы идем за мужчиной, несущим наш багаж, вверх по крутым ступенькам отдельно стоящего домика, с одной стороны которого устроен водопад с водоемом, а с другой стоят два шезлонга, обращенных к морю. Я с видом человека, не верящего собственным глазам, поворачиваюсь к Ли. Он улыбается. Носильщик заводит нас через раздвигающиеся двери в огромное помещение, в котором расположены и спальня, и гостиная. У стоящей там огромной кровати с балдахином – кружевные занавески, прикрепленные к кроватным столбикам. Я осматриваюсь по сторонам, будучи все еще не в состоянии что-то сказать.

Как только носильщик уходит, я начинаю плакать. Я сажусь на край кровати. Слезы у меня льются рекой, и я чувствую себя полной дурой из-за того, что усомнилась в Ли. Ведь все, что он делал для меня, было таким обалденным, и чудовищем он становился только в моем воображении. Я думаю, это происходило потому, что где-то в глубине души я понимаю, что недостойна его. Я считаю, что он для меня слишком хорош, и поэтому я невольно как бы занимаюсь саботажем собственного счастья, выдумывая для себя всякие потенциальные проблемы.

– Послушай, – говорит Ли, – если тебе здесь не нравится, мы можем поехать в какое-нибудь другое место.

Произнося эти слова, он улыбается. Я слегка качаю головой, причем делаю это раз двадцать, прежде чем ко мне возвращается дар речи.

– Мне здесь очень нравится, – говорю я. – И мне очень нравишься ты. Я просто чувствую, что я вроде бы всего этого недостойна.

– Не говори глупостей, – возражает Ли, опускаясь на колени передо мной. – Или ты наприсишься на то, что я через минуту начну цитировать рекламу компании «Лореаль».

Я глажу его лицо:

– Вот так вот у нас всегда все и будет, да?

– Ну, вообще-то я не могу позволить нам пробыть здесь дольше двух недель.

– Нет, я не про это. Я – про нас. Вот такими будут наши отношения. Мы всегда будем рядом друг с другом такими вот счастливыми.

Ли кивает:

– Да. Но я не хочу, чтобы мы были только вдвоем. Я хочу обзавестись детьми и не намерен откладывать это дело в долгий ящик. А еще я не хочу останавливаться на одном ребенке. И даже на двух. Я хочу, чтобы у нас с тобой была целая футбольная команда.

– Вообще-то мне будут нужны хоть какие-то передышки. А мы не можем усыновить кого-нибудь – как Брэд Питт и Анджелина Джоли?

– Нет, потому что я хочу, чтобы это были наши дети – твои и мои. Не знаю, как тебе, а мне очень не нравилось быть единственным ребенком в семье. Я не хочу, чтобы и у нас был только один ребенок и чтобы он чувствовал себя одиноким.

– Хорошо, но если я превращусь в располневшую мамашку, от которой постоянно пахнет детской отрыжкой, ты все равно будешь меня любить, да?

– Конечно, – говорит он, улыбаясь. – Но ты такой не станешь. Ты будешь восхитительной мамой. Такой же восхитительной, какая восхитительная ты сейчас жена.

Он начинает меня целовать. Я позволяю его словам успокоить меня, позволяю его рукам гладить мою теплую кожу и спрашиваю себя, в какую же все-таки игру я играла эти последние несколько месяцев. Вот это – моя жизнь. Это – мои реалии. Это – то, чего я всегда хотела.

Ли расстегивает мою рубашку. Перед моим мысленным взором – фотография «Г». Малыш улыбается, и его зубки выглядывают из блестящих розовых десен. Я впервые как бы слышу, как он гулит – гулит так, как это делают все развеселившиеся младенцы. И в этот миг я осознаю, что он будет зачат именно сейчас. Да, здесь и сейчас. Это мгновение не могло бы быть еще более идеальным. И это как раз то, чего я хочу для него: я хочу, чтобы у него все было идеальным. Ли укладывает меня на постель, и я мысленно говорю «Г», что ради него я готова на что угодно. Да, на что угодно.

Часть четвертая

Джесс

Суббота, 30 июля 2016 года

Я точно знаю, в какой именно момент был зачат «Г», и поэтому я ничуть не тороплюсь делать тест на беременность. Прошло уже три дня, как у меня должны были бы начаться месячные. Они не начались. Однако я вовсе не сгораю от нетерпения по поводу этого теста – я воспринимаю его скорее как формальное подтверждение того, что я и так уже знаю. Тем не менее, сидя в туалете дома и мочась на тестовую палочку, я с надеждой думаю, как будет замечательно, если появится синяя полоска.

Я говорю «дома», но, если честно, все еще не чувствую, что мой дом – здесь. У меня такое ощущение, что я просто присматриваю за квартирой, в которую в любой момент могут вернуться из отпуска хозяева и вытурить меня отсюда. И мне придется упаковать свои вещи в сумки и вернуться к своей прежней жизни. Привыкну ли я когда-либо к этому своему новому жилью – не знаю. Может, я почувствую себя дома только после того, как мы переедем в какое-нибудь другое место?.. А переехать нам, конечно, придется. В такой квартире, как эта, не очень-то удобно жить с маленьким ребенком. Я хочу, чтобы рядом был сад, в котором «Г» мог бы бегать. Пусть даже не очень большой и не очень красивый, но все же сад. Хватит и небольшой лужайки с травой, на которой можно было бы погонять мяч.

Я поднимаю тестовую палочку и надеваю на нее колпачок, потом спускаю воду в унитазе и мою руки. Я слышала, как некоторые женщины говорили, что они чувствуют себя совсем по-другому после того, как узнают, что беременны. Пусть даже они и не могут физически ощутить появившееся внутри них скопление новых клеток. Я же почувствовала себя по-другому еще с того момента, как мой ребенок был зачат. Я даже вставала каждое утро пораньше и плавала перед завтраком для того, чтобы иметь возможность поговорить с ним, пока Ли этого не слышал. Мне казалось, что мой сын уже находится рядом со мной. Я даже как бы слышала, как он гукает, когда ложилась в воде на спину. Ему это нравилось. Да, я знаю, нравилось. И я люблю его. Я от него без ума. Мне очень нравится, что у меня есть возможность думать о ком-то, кто для меня

важнее, чем я сама. О ком-то, ради кого я пожертвовала бы своей жизнью. А может, уже пожертвовала.

Я отгоняю от себя эту мысль, едва она приходит мне в голову. Я не позволяла таким мыслям появляться у меня в голове с начала медового месяца. А еще я не заглядывала в «Фейсбук» после возвращения с Сейшельских островов. Потому что когда я заглянула туда в последний раз, я едва не сорвала свою собственную свадьбу. Больше я уже так глупо себя вести не буду – мне ведь теперь есть что терять. И очень многое. Поэтому я не хочу доводить себя до сумасбродства от чтения всего этого.

Я снимаю с тестовой палочки колпачок и обнаруживаю на ней синюю полоску. Она даже синее полоски на сравнительной диаграмме – показателя положительного результата теста. Синяя, отчетливая, наглядная. «Г» – здесь. Он уже внутри меня. Я-то это уже знала, но теперь у меня есть этому подтверждение и для других людей. Никто не сможет усомниться в моих словах. Никто не сможет сказать, что я всего лишь фантазирую. Вот она – синяя полоска на белом фоне. «Г» уже существует.

Я не планировала говорить об этом Ли сразу же. Думала, что мне, может быть, захочется поддержать это в себе – как своего рода секрет – какое-то время. Но я держу это в себе уже так долго, что сейчас, похоже, расколуюсь.

Из ванной я иду на кухню. Ли готовит нам кофе. Я вновь надела на тестовую палочку колпачок, но все еще держу ее в руке. Ли оборачивается и смотрит на меня. Его взгляд опускается на тестовую палочку и возвращается на мое лицо. Его брови вопросительно поднимаются. Я киваю, и мое лицо помимо моей воли расплывается в улыбке.

Ли, широко улыбнувшись, подходит ко мне и берет меня на руки.

– О господи, ты не теряешь времени даром, да?

– Так ты ведь сам говорил, что хочешь побыстрее обзавестись детьми.

– Я знаю, и я действительно этого хотел. И хочу. Я просто не ожидал, что это произойдет так быстро.

– А вот произошло. Ты ведь не передумал?

На глазах Ли выступают слезы. Человек, который в моем присутствии никогда не ронял ни одной слезинки и который с большой гордостью заявил мне, что он не плакал даже тогда, когда умер отец львенка Симбы в мультфильме «Король Лев», теперь льет слезы, узнав о том, что скоро станет отцом.

– Я люблю вас, миссис Гриффитс.

– Я тоже вас люблю.

– И его, – говорит Ли, кладя левую руку на мой живот.

Я удивленно поднимаю брови:

– Почему ты говоришь «его»? А может, «ее»?

– У меня просто такое предчувствие, что это будет мальчик. Я ведь говорил тебе, что мне нужна футбольная команда.

– Так футбольная команда может быть и женской.

– Да, может, но я в этом сомневаюсь. Во всяком случае, пусть мой первенец будет мальчиком.

Все, что я в данный момент могу сделать, – так это сдержаться и не сказать ему, что он прав. Соблазн все ему рассказать – очень велик. Ну, может быть, не все, а только часть. Мне хочется принести свой телефон и показать ему фотографии. Но он не сможет их увидеть. И поэтому подумает, что у меня что-то не в порядке с головой. И тогда ему захочется меня бросить.

Поэтому я просто улыбаюсь и говорю:

– Давай подождем и посмотрим.

Ли с сияющим видом смотрит на меня и качает головой. Он сейчас очень похож на маленького мальчика, который только что получил самый лучший в его жизни рождественский подарок. И меня очень даже радует тот факт, что подарок этот ему преподнесла я.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – спрашивает он. – Я имею в виду, тебя не тошнит или что-то в этом роде?

– Нет. Я себя чувствую хорошо. Вообще-то даже великолепно.

– Вот и замечательно. О боже, я стану папой! Я все еще не могу свыкнуться с этой мыслью.

– Мне это вполне понятно. Лично я не ощущаю себя достаточно взрослой для того, чтобы быть мамой. Это ведь такая большая ответственность!..

Он смотрит на меня. Он по-прежнему похож на маленького мальчика, но теперь на испуганного ребенка.

– Но мы же справимся? – говорит Ли. – Мы не подведем своих собственных детишек?

– Нет конечно. У нас все будет хорошо. Думаю, мы справимся не хуже, чем справляются все остальные люди.

Ли снова качает головой:

– Придется сказать Карлу, что ему вскоре опять придется искать нового секретаря.

– Я не хочу пока никому ничего говорить. Люди в подобных случаях обычно ждут три месяца. На всякий случай – мало ли что может произойти...

– Да, конечно. Он, кстати, сказал, что одна из девушек, приходивших к нему на собеседование, произвела хорошее впечатление. Может, он возьмет на работу ее. Если ей захочется устраиваться на постоянную работу.

– Постоянную?

– Ну да. Ты ведь не станешь возвращаться на работу после того, как у нас появится малыш, не так ли?

Я смотрю на него и не могу скрыть своего раздражения, вызванного этими его словами.

– А может, я захочу вернуться, – говорю я.

– Да нет, не захочешь. Ты будешь растить нашего ребенка – это ведь намного важнее, да?

Я поворачиваюсь и отхожу в сторону.

– Что? – спрашивает он, и выражение его лица становится каким-то суровым.

– Ты так говоришь, как будто мы живем в пятидесятые годы прошлого века.

Он, став еще более мрачным, засовывает руки в карманы своего халата.

– Понимаешь, я не хочу, чтобы за нашим малышом присматривал кто-то еще, – только и всего.

– А твоя мама хочет.

– Что? – хмурится он.

– Я имею в виду, что она будет мне помогать, когда родится ребенок. Она уже сказала, что ей хотелось бы помогать.

– Когда она это сказала?

– Она говорила об этом до свадьбы. Сказала, что была бы очень рада приходить хоть каждый день, чтобы давать мне возможность отдохнуть.

– Ну, даже в этом случае тебе нет необходимости ходить на работу.

Я качаю головой, пытаюсь понять, каким это образом мы перешли от восторга по поводу моей беременности к нашей первой ссоре.

– Я могу чокнуться, если буду находиться каждый день с утра до вечера и с вечера до утра с младенцем. Кроме того, нам могут понадобиться деньги.

Ли тихонько смеется.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Ну, если ты будешь приходить на работу в общей сложности пару дней в неделю, это вряд ли сильно увеличит наши доходы.

Его слова меня больно жалят. Ощущение такое, будто он меня ударил.

– Нам понадобится больше денег, потому что мы ведь не сможем и

дальше жить здесь. У нас тут даже нет детской комнаты.

Ли поворачивается ко мне спиной и идет к окну.

– У них тут есть квартиры с двумя спальнями. Такие квартиры есть этажом ниже. И стоять это будет ненамного больше. Я наверняка смогу покрыть разницу в оплате и без того, чтобы ты ходила на работу.

Ну вот, он меня разозлил. И я не собираюсь ему уступать, как бы ему этого ни хотелось.

– А разве нам не следовало бы снять не квартиру, а дом? Дом с садом.

– Нам не нужен сад. Вокруг есть парки, скверы и прочее. Кроме того, если у нас будет сад, то это закончится только тем, что мы купим и поставим в нем один из тех дурацких красно-желтых пластмассовых игрушечных домиков – вот и все. Именно это произошло с Карлом и его женой, и я пока что не готов пойти по тому же пути.

Ли выходит из кухни. Я собиралась сказать, что меня совсем не прельщает перспектива подниматься пешком по лестнице, если вдруг сломается лифт, но я не вижу смысла продолжать этот спор. Ли явно не настроен на то, чтобы слушать. Кроме того, я не могу сказать ему, что я на самом деле думаю – а именно то, что «Г» не захочет торчать в квартире целый день. Ему захочется играть в саду. Ему будет нужен свежий воздух. Я хочу, чтобы у него была возможность играть на улице с другими детьми. А здесь никаких детей нет. Я кладу ладонь туда, где через несколько месяцев будет выпирающий вперед живот. Мой «воздушный шарик» лопнет вовремя, в строго назначенный срок.

Я стою на работе за стойкой дежурного администратора, спрашивая себя, заметно ли уже, что я беременна. Чувствую-то я себя уже по-другому, поэтому и не могу избавиться от мысли, что и выгляжу не так, как раньше. Мне вспомнилась беременная женщина-секретарь, которая была здесь, когда я приходила на собеседование. Какой неуклюжей она выглядела на своих высоких каблуках. Я все еще не знаю, кто на нее «косо посмотрел» из-за того, что она пришла в обуви без каблуков. Тогда я подумала, что это, наверное, был Карл, но после ссоры с Ли в субботу я в этом засомневалась.

Вряд ли мои коллеги по работе очень сильно впечатлятся, когда узнают о моей беременности. Двое из них и так уже стали смотреть на меня насмешливо, когда все узнали, что мы женимся. Могу себе представить, что они говорят у нас за спиной. Оно и понятно: один из руководителей устраивает свою подружку на работу в компанию, женится на ней, обрюхачивает ее, в результате чего она уходит с работы. И все это – меньше чем за год. Они, наверное, будут отпускать шуточки в мой адрес, сидя в баре после работы. Я их, правда, никогда не услышу. Меня к тому времени

уже давно как не станет.

Дверь открывается, и заходит молодой человек с довольно длинными светлыми волосами. Подходя к стойке дежурного администратора, он улыбается мне ослепительной улыбкой – как на рекламе зубной пасты.

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь? – спрашиваю я.

– Здравствуйте. Я пришел к Ли Гриффитсу. Меня зовут Дэн Темплтон.

– Понятно, – говорю я. – Присаживайтесь. Я сообщу Ли, что вы здесь.

Он садится, забрасывает ногу на ногу и слегка ослабляет свой галстук.

Я звоню Ли, но его линия занята. Я кладу телефонную трубку и спрашиваю у посетителя:

– Сделать вам кофе?

– Это было бы замечательно, спасибо. Черный, без сахара.

Я снова пытаюсь дозвониться Ли, но линия все еще занята. Я делаю кофе и несу его Дэну.

– Вот, пожалуйста, – говорю я, протягивая ему чашку.

– Спасибо, – говорит Дэн, чуть сдвинув брови. – Я с вами раньше где-то встречался?

Хотя тон его голоса вроде бы дружески-нейтральный, что-то мне в нем не нравится.

– Хм, я так не думаю. Я здесь вообще-то новенькая.

– А где вы работали раньше?

– Не в рекламной фирме. Я вообще-то работала в одном кинотеатре.

– А-а, вот там-то я вас и видел, – говорит он, тыкая пальцем в воздух. –

Я все время туда хожу. Я видел вас за стойкой дежурного администратора, и, думаю, вы пару раз приносили мне по моему заказу еду.

– Ого, я поражена тем, что вы меня помните. Я там выглядела немного иначе.

– Я никогда не забываю симпатичное лицо, – говорит он.

Я улыбаюсь и слегка краснею. И тут вдруг я слышу позади себя шаги. Я оборачиваюсь и вижу, что Ли стоит у лестницы и вопросительно смотрит на меня.

– Э-э... К тебе пришел Дэн Темплтон.

– Я это вижу.

– Я пыталась тебе позвонить, но ты с кем-то разговаривал по телефону. Он кивает мне с каменным лицом и поворачивается к клиенту:

– Привет, Дэн. Извини, что заставил тебя ждать. Пойдем ко мне в кабинет.

Дэн берет свой кофе и, проходя мимо меня, снова улыбается мне ослепительной улыбкой. Я юркаю обратно за стойку дежурного

администратора – как зверушка, бегущая в спасительное убежище. Почему я так себя веду – не знаю: я ведь не делала ничего предосудительного. Меня просто смутило выражение лица Ли.

Следующие полчаса я стараюсь себя чем-то занять, хотя у меня, по правде говоря, вообще нет никакой работы. Услышав шаги двух человек, спускающихся по лестнице, я начинаю старательно печатать что-то на компьютере.

– Еще раз спасибо за то, что пришел, Дэн, – слышу я голос Ли. – Я скоро с тобой свяжусь.

– Замечательно, – отвечает Дэн. – Спасибо за то, что уделил мне время.

Когда он проходит мимо меня, я поднимаю взгляд: мне сказали всегда улыбаться клиентам, когда они покидают это здание.

– Был рад снова вас увидеть, – говорит Дэн с улыбкой.

– А я – вас, – отвечаю я.

Он закрывает за собой дверь. Ли подходит ко мне. Его лицо – мрачнее тучи. Я чувствую на своих щеках его горячее дыхание.

– Откуда ты его знаешь? – спрашивает он.

– Он приходил в кинотеатр – только и всего. Он меня вспомнил.

– Это как-то странно, правда?

– Не знаю. Он сказал, что регулярно ходит в тот кинотеатр.

Ли поднимает бровь:

– В следующий раз я назначу ему встречу в каком-нибудь другом месте.

– В этом нет необходимости.

– Тебе хочется, чтобы он сюда пришел, да? – резко говорит Ли.

Все мое тело напрягается.

– Я этого не говорила.

– Но ты вела себя так, как будто тебе этого хочется.

– Я всего лишь имела в виду, что он меня совсем не беспокоит, – вот и все.

– Да, но он беспокоит меня.

Ли разворачивается и уходит вверх по лестнице.

Я стою несколько секунд неподвижно, все еще толком не понимая, в чем меня обвиняют. Я никогда раньше не видела Ли таким: он никогда не казался мне ревнивым. Да я, собственно говоря, вообще очень мало общалась с другими мужчинами с тех пор, как мы стали встречаться. Единственными мужчинами из числа моих знакомых, приглашенных на свадьбу, были Адриан и его приятель. А с этим Дэном я сейчас даже ни капельки не флиртовала. Реакция Ли была явно неадекватной.

Я вздыхаю и снова обращаю свой взор на монитор компьютера, надеясь, что позже Ли объяснит мне, почему он так себя повел.

Ли не вспоминает об этом инциденте весь вечер, до тех самых пор, когда мы собираемся лечь в постель.

– Послушай, я извиняюсь за то, что сегодня произошло, – говорит он. – Я осознаю, что, пожалуй, повел себя уж слишком жестко.

Я пожимаю плечами. Я не хочу, чтобы он знал, как сильно его поведение меня расстроило. Я весь остаток рабочего дня не могла сконцентрироваться на работе.

– Знаешь, тот парень ведь вообще не создавал никаких проблем, – говорю я.

– Во мне иногда уж слишком сильно срабатывает защитный инстинкт, – отвечает Ли. – Думаю, тот факт, что ты беременная, существенно усугубляет положение. Я как бы чувствую, что мой долг – постоянно оберегать тебя. Точнее, вас обоих.

– Вообще-то я и сама в состоянии за себя постоять. Я думала, что ты об этом помнишь.

– Ну да. Но это было до того.

– До чего?

– До того, как ты вышла за меня замуж. До того, как ты стала носить в себе моего ребенка.

– Я все еще способна назвать козла козлом, если я вижу, что это козел.

– Тебе этого делать не нужно. Больше уже не нужно. Тебя буду оберегать я, понятно?

Я слегка киваю – просто потому, что это легче, чем продолжать спор. Я устала. Сегодня был долгий и нелегкий день. Честно говоря, я очень хочу спать.

Ли притягивает меня к себе и целует. Целует крепким поцелуем, а не таким, каким целуют, желая спокойной ночи. У меня на секунду возникает желание сказать ему, что я слишком устала, но я ловлю себя на мысли, что переживаю о том, какой будет его реакция. Кроме того, мама всегда говорила, что мужчине и женщине никогда не следует ложиться в постель, если возникший между ними спор не был улажен. А нам это нужно. Нам необходимо снова воссоединиться. И тогда все будет хорошо.

Сентябрь 2008 года

– Как часто ты думаешь о смерти, Джесс? – спрашивает Эдвард.

Он сказал мне называть его Эдвардом, хотя формально его следует называть «профессор Дженкинс».

Паула, психолог управления образования, направила меня к нему, потому что решила, что я нуждаюсь в дополнительной помощи высококвалифицированных специалистов. Это просто такая вежливая форма заявления о том, что у меня не все в порядке с головой.

– Вы хотите, чтобы я дала вам откровенный ответ или же такой ответ, который мне следует дать вам в том случае, если я не хочу, чтобы вы думали, что я чокнутая?

– Лучшее всего – это откровенный ответ, – улыбается он.

– Ну, тогда я скажу, что думаю о ней очень часто. Но ведь это естественно и разумно, не так ли?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, если человек думает о смерти, то тогда у него больше шансов ее избежать, ведь правда? Я имею в виду, что, например, детям говорят переходить дорогу так, как положено, чтобы их не задавил автомобиль. А это ведь тоже означает думать о смерти, не так ли? Просто люди называют это «быть разумным».

– То есть ты считаешь свои мысли о смерти чем-то вроде предохранителя?

– Да. Раз человеку необходимо быть осторожным, когда он переходит дорогу, то почему бы ему не быть осторожным, когда он садится на поезд или когда выходит из дому? Я не вижу никакой разницы.

– Именно поэтому ты не хочешь поехать в Манчестер?

– Людей в Манчестере убивают из огнестрельного оружия.

– Поэтому ты думаешь, что поехать туда – это небезопасно, да?

– Именно так.

– А если я скажу тебе, что молодые люди, которых застрелили в Манчестере в прошлом году – а все они были молодыми людьми, – были осознанно выбраны в качестве цели нападения? Они не были случайными жертвами.

Я пожимаю плечами:

– При такой стрельбе пуля может попасть в кого-то и случайно, верно? Излишняя осторожность не повредит.

Эдвард кивает и что-то записывает. Про меня уже, наверное, очень много чего поназаписывали. Сначала все время что-то записывала Паула, а теперь вот и Эдвард... Но это вовсе не означает, что теперь они знают и

понимают меня уже лучше. Это означает, что они всего лишь думают, что знают и понимают меня уже лучше.

– Но ты не думала так до того, как умерла твоя мама, правда?

– Нет, не думала. Но это все равно как люди не бросают курить до тех пор, пока им не скажут, что у них рак легких. Это как сигнал тревоги, верно?

– То есть ты считаешь смерть мамы своего рода сигналом тревоги, да? Но ведь она умерла не в результате несчастного случая, не так ли? Она умерла от рака кишечника. Она этого предотвратить не могла.

– Еще как могла. Она могла стараться не есть мяса. Я больше не ем красного мяса, потому что если есть его слишком много, то это закончится раком кишечника.

– Ну, это точно еще не известно. Пока что есть только исследования, результаты которых связывают красное мясо с повышенным риском.

– Именно так. Об этом-то и идет речь – о риске. Я просто снижаю свой риск. Врачи только об этом все время и долдонят, не так ли? Не кури. Не употребляй алкоголя. Не ешь жирную пищу. Больше занимайся физическими упражнениями. Сгоняй вес. Все это снизит вероятность того, что ты умрешь. Вот только когда они говорят это, они считаются здравомыслящими, а когда я говорю то же самое о других вещах, меня считают ненормальной.

Произнеся эти слова, я скрещиваю руки на груди. Эдвард ничего не говорит. Я думаю, что, возможно, убедила его в том, что права.

Анджела

Воскресенье, 28 августа 2016 года

Только когда она почти не прикасается к обеду, я обо всем догадываюсь. Она кое-как справляется с йоркширским пудингом, но когда я ставлю перед ней говядину, выражение ее лица становится таким, как будто ее вот-вот вырвет. А еще она бледная, со слегка осунувшимся лицом. Ее лицо раньше никогда не казалось мне осунувшимся. Еще на прошлой неделе я подумала, что она выглядит неважно и не ест столько, сколько обычно, но сейчас она уже вообще почти ничего не ест. Она режет мясо на кусочки и гоняет их туда-сюда по тарелке, но не съедает ни одного. Я вижу, как Ли встречается с ней взглядом и поднимает бровь. Она еле заметно

качает головой.

Я решаю, что с моей стороны будет очень даже гуманно помочь ей выкарабкаться из данной неловкой ситуации.

– Ой, Джесс, почему ты мне ничего не сказала?

Я кладу свои нож и вилку на стол и, быстро обойдя вокруг стола, убираю стоящую перед ней тарелку и уношу ее. Вернувшись, я смотрю на Джесс и на Ли, и у меня начинают литься слезы.

– Я очень-очень рада за вас обоих, – говорю я, а затем, наклонившись, обнимаю Джесс и тут же звонко целую Ли в щеку. – Вы, должно быть, на седьмом небе.

Они снова переглядываются. Джесс пожимает плечами, а Ли поворачивается ко мне.

– Спасибо, – говорит он. – Именно так. Джесс хотела три месяца никому ничего не говорить, но ты, я вижу, и сама обо всем догадалась.

– Я чувствовала себя абсолютно так же, когда забеременела, – говорю я, обращаясь к Джесс. – От одного взгляда на приготовленную пищу у меня возникало ощущение, что меня сейчас вырвет. Это было ужасно. И такое у меня было не только по утрам, а, можно сказать, круглые сутки.

– Я знаю. Со мной то же самое. А с прошлой недели стало совсем тяжело. Я почти не могу есть.

– Может, подать тебе что-нибудь другое? Суп и булочку? Или просто сухие крекеры? Мне помнится, я ела много крекеров, когда была беременной.

– Да, я, пожалуй, попытаюсь съесть парочку крекеров, спасибо.

Я кладу два крекера «Джейкобс» на тарелку и приношу их. Джесс сначала чуть-чуть обкусывает их с краю, а затем несколько раз кусает уже побольше.

– Ну, ты, по крайней мере, хоть что-то можешь есть. Возьми с собой всю пачку, милая. Понемножку, но часто – как говаривала моя мама. А когда срок?

– Где-то на второй неделе апреля, но я еще не ходила на УЗИ и не знаю точную дату.

– О-о, это замечательно, когда ребенок рождается весной. Впереди ведь тогда целое лето. Я помню, как в январе, когда я просыпалась рано утром вместе с Ли, все время было темно.

– Думаю, это замечательно, что у меня будет возможность ходить на прогулки с коляской.

– Кстати, я настаиваю, чтобы коляску тебе купила именно я. Хочу подыскать что-то очень практичное. На тот случай, конечно, если мне будет

позволено иногда гулять с коляской.

Джесс смотрит на Ли.

– Спасибо, – говорит он, дожевав и проглотив то, что находилось у него во рту. – Это было бы замечательно. Но ты не спеши что-то покупать. У нас еще полно времени.

– Джесс совсем не нужно шататься туда-сюда в поисках коляски на восьмом месяце беременности. Купить коляску необходимо сейчас.

– Может, после того, как меня перестанет все время тошнить, – говорит Джесс.

– Да, конечно. У меня, правда, это продолжалось аж до шестнадцатой недели, но будем надеяться, что тебе повезет больше, чем мне. В любом случае мы можем начать искать по интернету, правда? Так будет намного легче.

Джесс откусывает еще один кусочек от крекера. Ли опять принимается за свое мясо. Я подозреваю, что все эти нюансы заставляют его нервничать. Отцовство – это большая ответственность. Я, впрочем, придерживаюсь той точки зрения, которую уже высказывала. Он преобразится, когда станет отцом. Ему пойдет на пользу, если у него будет жена и ребенок, ждущие его дома. Это не позволит ему уж слишком заикливаться на своей карьере.

– О-о, – говорю я, озвучивая очередную мысль, пришедшую мне в голову. – Вы ведь теперь, конечно же, переедете.

Джесс снова смотрит на Ли.

– Мы, возможно, снимем более просторную квартиру в том же доме, – говорит он.

Чуть нахмурившись, я смотрю на него, не будучи уверенной в том, что не ослышалась.

– Вам будет нужен настоящий семейный дом, а не квартира, – говорю я.

– Нас устроит и квартира, пока ребенок еще совсем маленький. Мы сможем снять что-нибудь побольше позднее.

– Но это ведь совсем не подходящее место для того, чтобы жить там с малышом, разве не так? А вдруг сломается лифт? Джесс ведь не сможет тащить коляску вверх по лестнице.

Ли слегка закатывает глаза. Он все время делал так, когда был подростком. Когда он начинает говорить, его взгляд становится каким-то стальным. Такое выражение глаз я помню очень хорошо.

– За все то время, пока я там живу, лифт еще ни разу не ломался. Нам нет необходимости переезжать в одно-или двухэтажный дом в пригороде только потому, что Джесс беременна.

Думаю, эта его реплика имеет целью уколоть меня. Ли обожал наш сад, когда был маленьким мальчиком. Он проводил там много времени, играя в мяч или роясь в клумбах. Но когда он стал подростком, он вдруг решил, что ненавидит Горсфорт. Он говорил, что в Горсфорте очень скучно и не происходит никаких событий. Он стал заявлять, что переедет в центр города, как только у него появится такая возможность. Что он в конце концов и сделал. Когда он окончил университет, он стал снимать жилье, а когда начал зарабатывать хорошие деньги, то купил себе квартиру. Однако центр города – это не то место, в котором следует растить маленького ребенка. Совсем не то.

Я хочу что-то сказать, но при этом знаю, что мне нужно быть осторожной. Я не хочу, чтобы он вышел из себя в присутствии Джесс. Он ведь в подобных случаях выглядит отнюдь не привлекательно, и я не хочу, чтобы она видела его таким.

– Ну, может быть, пока еще не время, но вам в конце концов придется переехать ради школы, не так ли? Что-то я сомневаюсь, что в центре города есть хорошие школы.

– Мы, возможно, отдадим его в частную школу, – отвечает Ли.

– А зачем транжирить деньги всего лишь на вычурную школьную форму, если в округе есть очень даже хорошие государственные школы? Начальная школа, которая находится на этой улице, пользуется очень хорошей репутацией. Я видела ее рекламный баннер, когда проезжала мимо.

Ли со звоном кладет нож на край своей тарелки:

– Я сказал, что у нас с жильем пока что все в порядке. Так что спасибо за советы.

Его тон говорит мне, что мне теперь лучше помолчать. Видя, что Джесс хмурится на Ли, я решаю сменить тему. Я не хочу еще больше накалять обстановку. А менять темы я умею. Мне пришлось этому научиться.

– А вы смотрели передачу «Пекарский турнир» на этой неделе? Там участвует девушка из Лидса. Она проявляет себя очень хорошо. Ее заварное тесто выглядело весьма аппетитно.

Дождавшись, когда закончится обед и Ли начнет загружать посудомоечную машину, я иду вместе с Джесс в гостиную.

– Пойдем ненадолго наверх, милая, – говорю я. – Мы можем начать подыскивать коляску через интернет.

Джесс идет вслед за мной на второй этаж в комнату для гостей. Я включаю компьютер и жду. На загрузку компьютера всегда уходит пара

минут. Ли говорит мне, что это потому, что компьютер устарел и что нужно его модернизировать, но я не вижу в этом большой необходимости.

– Ага, ну вот, – говорю я, заходя на веб-сайт «Мамочки и папочки». – В Лидсе есть один из таких магазинов, и мы могли бы туда вместе сходить. Давай посмотрим, что у них там есть.

На веб-странице фигурирует просто ошеломляюще большое количество вариантов: это и модульные коляски, и обычные, и детские складные стулья на колесиках, и многое другое.

– Вам, видимо, понадобится универсальная модульная коляска, да?

– Понятия не имею, – отвечает Джесс.

– Я думаю, это очень удобно, когда модуль-люльку можно доставать вместе со спящим в ней ребенком из автомобиля и устанавливать на колесное шасси, и при этом ребенок даже не проснется.

Произнося эти слова, я кошусь на Джесс и замечаю на ее глазах слезы.

– О-о, милая, – говорю я, протягивая к ней руку и сжимая ее ладонь. – Тебе сейчас нежелательно расстраиваться.

– У меня нет обо всем этом ни малейшего представления, – говорит она. – Я не знаю, что мне нужно. Я ничего не знаю о младенцах. Как я смогу о нем надлежащим образом заботиться?

Слезы льются по ее щекам. Я обнимаю ее одной рукой и глажу ее плечо.

– Не переживай, – говорю я. – Все поначалу чувствуют себя подобным образом. Я уж точно себя так чувствовала. Нам всем ведь когда-то приходилось учиться. Никто от тебя не ожидает, что ты большой специалист в данной области.

– Вы и в самом деле не имели обо всем этом никакого представления?

– Не имела.

– Тогда откуда вы знали, что вам нужно делать?

– Думаю, инстинкт подсказывал. И моя мама мне очень много помогала.

Уже произнеся эти слова, я осознаю, что зря это сказала. Джесс всхлипывает.

– Извини, я не хотела сделать тебе больно. Я знаю, что тебе придется нелегко без твоей мамы, но я хочу, чтобы ты помнила: я буду помогать тебе буквально во всем. Ты можешь звонить мне в любое время дня и ночи, и ни один из твоих вопросов не будет считаться глупым. Договорились?

Она кивает и вытирает себе нос рукой. Я встаю, беру салфетку из коробки и протягиваю ее Джесс.

– Я буду приходить помогать тебе каждый день, особенно в самом

начале. Я позабочусь о том, чтобы ты не оставалась одна, когда Ли будет находиться на работе.

– Спасибо, – бормочет она. – Это очень любезно с вашей стороны.

– Не говори глупостей. Это мой первый внук, и мне хочется проводить рядом с ним как можно больше времени. Помогать тебе – это будет для меня удовольствием. Считай меня своим бесплатным работником.

Она слегка улыбается, а затем высмаркивается.

– Послушай, – говорю я, выключая компьютер, – давай займется поиском коляски лучше как-нибудь потом, когда у тебя будет соответствующее настроение. Но я хочу тебе еще кое-что показать, прежде чем ты уйдешь из этой комнаты.

Я наклоняюсь, выдвигаю нижний ящик кровати и достаю из него крестильную рубашку, завернутую в оберточную бумагу.

– Это крестильная рубашка Ли. Я хочу, чтобы ты использовала ее и для крещения твоего ребенка.

Она снова начинает плакать – если она вообще переставала это делать. Толком не взглянув на рубашку, она заворачивает ее обратно в оберточную бумагу.

– Спасибо, – шепчет она. – Она красивая. Вы можете похранить ее пока у себя? По крайней мере до тех пор, пока мы не переедем.

– Конечно, – говорю я, забирая у Джесс крестильную рубашку и пряча ее обратно в ящик.

Вставая, я замечаю выражение лица Джесс: она хмурится.

– А вот эти другие вещи – что это? – спрашивает она.

– О-о, это различные предметы одежды для младенца, которые я уже приготовила.

– Но вам ведь стало известно об этом только что.

– Да, только что. Но это ведь было всего лишь вопросом времени, не так ли?

Она идет в сторону двери. Я думаю, что она все еще переживает по поводу того, что недавно сказал Ли.

– Послушай, – говорю я, догоняя ее, – не переживай относительно нашего Ли. Я с ним поговорю. Думаю, он просто немножко нервничает из-за того, что скоро станет отцом и что ему придется заботиться о ребенке. Как только малыш родится, я подыщу что-нибудь в этом районе. Чудесный дом с садом. Я уверена, что Ли образумится, как только родится ребенок.

Она смотрит на меня и, ничего больше не говоря, уходит вниз по ступенькам.

15 апреля 2018 г.

Вот он. Маленький Гаррисон, которому сегодня исполняется один год. Он улыбается особой улыбкой своей мамочке, но при этом он хочет, чтобы ты знала, что бабушка о нем очень хорошо заботится. Он любит играть в моем саду (мы всегда говорили, что ему понравилось бы жить в доме с садом, не так ли?). Он уже делает первые шаги и скоро будет гонять по саду мяч – так, как это когда-то делал его папочка. Папочка скоро приедет домой, а пока что Гаррисон здесь, со мной, и нам обоим очень нравится проводить время вместе. Он – самый замечательный внук из всех, которые у меня когда-либо могли быть. Спасибо.

Джесс

Суббота, 15 октября 2016 года

Я зашла в «Фейсбук» только потому, что это был его день рождения. Мне удалось прожить без «Фейсбука» три месяца, но мне так сильно захотелось увидеть его фотографию, что я нарушила свое обещание больше в «Фейсбук» не заходить. Нельзя сказать, что я не знала, чего мне ожидать, но уже при одном виде «Г» я сразу же залилась слезами. Он так сильно изменился! Он теперь настоящий маленький мальчик, и у него уже так много зубов, что сразу и не сосчитаешь. Волос у него теперь тоже намного больше. Они темные и довольно густые. И хотя он все еще однозначно похож на своего папу, мне кажется, что я могу различить в нем и кое-какие свои черты. И мамины. У него такая же нижняя часть лица – вокруг рта, – как у нас с ней.

– Эй, привет!.. – шепчу я и прижимаю телефон к своей груди так, как будто я прижимаю не телефон, а своего сына. Я как бы даю ему знать, что я здесь, рядом. Меня охватывает ужас от осознания того, что я никогда не увижу такого вот «Г» в реальной жизни, что меня не станет уже к тому времени, когда ему исполнится три месяца. Я не хочу верить в то, что это правда, однако все остальное пока что оказывалось правдой, даже когда я пыталась как-то сопротивляться, а потому с какой стати эта часть моей жизни в будущем окажется какой-то другой? Но я не понимаю, почему «Г»

все еще живет с Анджелой. После того, как Ли арестовали, «Г» ведь уже должен был бы находиться у папы, не так ли? Наверное, Ли пока еще не признали виновным... Но как только его осудят и посадят в тюрьму, папа должен будет забрать моего сына к себе. Мое письмо ведь сыграет свою роль, верно? Я понимаю, что это не завещание, но в нем все же как бы содержится моя последняя воля. И я однозначно заявила в этом письме Сейди, кого я хочу видеть в роли воспитателя «Г» и почему будет небезопасно оставлять моего сына у Ли.

Я буду бороться за то, чтобы оставаться рядом с «Г», потому что меньше всего на свете мне хочется покидать его. Я не позволю растить его никому другому – и уж конечно не позволю этого делать Анджеле.

Я иду в ванную и умываюсь. Ли дома нет. Он прямо с работы поехал на матч футбольных команд «Лидс» и «Скотт». Я договорилась встретиться сегодня во второй половине дня с папой и Сейди. Я еще не говорила им о том, что беременна, но уже пора сказать. Я на четвертом месяце, и скоро скрывать это станет трудно: мой живот потихонечку начинает выпирать вперед. Мне это кажется чем-то таким невероятно большим и взрослым – сказать своему отцу, что ты беременна. Но я не чувствую себя в данный момент ни большой, ни взрослой. Я чувствую себя маленькой и уставшей девочкой, и меня все еще немного тошнит. Однако я знаю, что это необходимо сделать.

Когда я захожу в наш дом, папа готовит для меня обед. Это как-то странно – приходить в свой родной дом, который для тебя уже больше не дом. Все вроде бы такое же, как и раньше, но при этом уже кажется каким-то маленьким и чужим.

– Привет, – говорит папа, обнимая меня и целуя в обе щеки. – Очень рад тебя видеть.

Я знаю, что говорит он это очень искренне. Я вижу это по блеску, появившемуся в его глазах. И стараюсь не думать о том, как одиноко ему теперь здесь без меня.

– Привет. Как дела?

– Замечательно. Все время чем-то занят.

Я киваю, хотя и подозреваю, что не так уж у него все замечательно. От запаха того, что он готовит, меня уже слегка начинает тошнить. Я не могу придумать, каким образом отказаться от приготовленной папой еды так, чтобы он ни о чем не догадался, а потому решаю сказать ему сразу.

– У меня есть новости, – говорю я, чтобы больше не оттягивать. – Ты скоро станешь дедушкой.

Он смотрит на меня с таким видом, как будто ждет, что я сейчас начну

смеяться и скажу, что это была шутка. Увидев, что я не смеюсь, он как-то так вздрагивает, а потом начинает плакать.

– Эй, – говорю я, подходя к нему и обнимая его. – Я вообще-то думала, что ты обрадуешься.

Проходит несколько секунд, пока к нему возвращается дар речи. Когда это наконец происходит, он просто говорит:

– Я радуюсь. И очень даже сильно. А если честно, то я попросту ошеломлен. И давно?

– Уже четвертый месяц. Срок – девятого апреля.

Он смотрит на меня.

– Да, – говорю я. – Я знаю. Это как будто *она* направила его нам, чтобы у нас появилось что-то такое, что ослабило бы нашу боль.

Папа вытирает глаза.

– Она очень бы обрадовалась, Джесс. Она пришла бы в восторг.

– И, наверное, начала бы что-то вязать, да?

– О да!.. Она начала бы вязать, готовясь к появлению малыша. И к тому моменту, когда он родится, ты уже была бы завалена всяческой вязаной одеждой.

– И она уже наговорила бы мне всякого-разного о том, что делать и чего не делать, что есть и чего не есть. Она каждый день давала бы мне какие-нибудь новые советы.

Папа улыбается, а потом его лицо слегка мрачнеет.

– Я приготовил рыбу. Это тебе подходит?

– Да, вполне, спасибо. Хотя сейчас мне не очень-то хочется есть. По правде говоря, с утра меня довольно сильно тошнило.

– Ой, солнышко мое... Я помню, как это было у твоей мамы. Жаль, что я ничего не знал.

– Я не хотела никому ничего говорить раньше трех месяцев. Ты ведь понимаешь, что может случиться всякое.

– Конечно. Ты скажешь завтра Анджеле?

Пару секунд я размышляю, стоит ли мне соврать, и решаю не делать этого.

– Она вообще-то уже догадалась. Потому что я не смогла съесть ее воскресный обед. Так что все раскрылось раньше, чем мне хотелось бы.

– А-а, ну да, – говорит он, явно стараясь изо всех сил не обидеться. – Готов поспорить, что она обрадовалась.

– Да. Обрадовалась. Честно говоря, даже слишком сильно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, она захотела начать подыскивать коляску уже сейчас. А еще у нее

целый выдвижной ящик набит одеждой для младенца. Вот и скажи после этого, что на меня не оказывается давление!

– Ого! Да уж, в этом мне с ней не посостязаться. У нас, наверное, на чердаке лежит какая-то твоя детская одежда, но, думаю, ничего подходящего.

– А это не старые вещи Ли. Они абсолютно новые. Она купила их для своего внука еще до того, как он был зачат.

– Это как-то странно.

– А еще она показывала мне крестильную рубашку. В которой когда-то крестили Ли. Она хочет, чтобы в ней крестили и моего малыша.

– Мне бы и в голову не пришло, что ты захочешь своего ребенка крестить.

– Я не хочу. Но мне пришлось отложить спор по данному поводу на потом. Я сказала ей, чтобы она пока похранила крестильную рубашку у себя.

Папа на пару секунд задумывается, а потом качает головой.

– Что? – спрашиваю я.

– Я все еще пытаюсь осмыслить эту новость. Всего лишь год назад ты еще даже не была знакома с Ли, и вот теперь вы собираетесь стать родителями. Я полагаю, он этому рад, да?

– Да. Он сам это и инициировал.

– О-о, ты имеешь в виду, что это запланированная беременность?

– Ну ты и сказанул! – говорю я, смеясь. – Ты что, думаешь, что у меня всегда все происходит случайно и абы как?

– Нет, я не имел в виду... Мне и в голову не приходило, что ты захочешь так быстро обзавестись ребенком – только и всего.

Я бросаю взгляд на свою левую руку и начинаю крутить обручальное кольцо.

– Ну, человек ведь никогда не знает, что ждет его за ближайшим углом, правда?

– Да ладно тебе. Ты знаешь, что мама сказала бы по этому поводу.

– Да, и еще она сказала бы мне, что не нужно никогда жалеть о том, что сделала, а нужно жалеть о том, чего не сделала.

Папа некоторое время молчит.

– Ты будешь замечательной мамой.

– Неужели? Не могу себе этого даже представить. Я вполне могу от себя ожидать, что рано или поздно забуду ребенка в поезде, надену ему подгузник наоборот и вообще наделаю всяких разных глупостей.

– Ты будешь своего ребенка обожать, – говорит папа. – А это –

единственное, что имеет значение.

Я договорилась с Сейди встретиться возле канала. Мне подумалось, что свежий воздух подействует на меня благотворно, и, кроме того, мне не хотелось сообщать ей о том, что я беременна, в кафе: я опасалась, что она опять устроит мне сцену при посторонних. Я подозреваю, что ее реакция на эту новость будет не такой позитивной, как у папы. Я имею в виду, что в результате рождения у меня ребенка у нее же не появляется внук, верно? У нее вообще ничего не появляется. Она просто продолжает терять свою лучшую подругу. Лучшую подругу, которую за последние два месяца она почти и не видела.

– Привет, – говорит она, подходя и обнимая меня. – Как дела, незнакомка?

– Все хорошо, спасибо.

Она смотрит на меня:

– Почему всего лишь хорошо?

Я решаю сказать ей сразу:

– Ну, последние шесть недель я то и дело занималась тем, что выблевывала из себя свои внутренности.

Когда до нее доходит смысл моих слов, она от удивления аж разевает рот:

– О господи!.. Ты беременна?

Я киваю, слегка улыбаясь в надежде на то, что это даст ей понять, что новость эта – хорошая. По крайней мере, с моей точки зрения.

– Черт побери!..

Я качаю головой:

– Классно сказано. Наверное, следовало бы начать продавать в магазинах открытки с такими словами: «Черт побери, ты беременна!»

– Извини. Я просто шокирована – только и всего.

– Да, женщина рано или поздно выходит замуж, и у нее рано или поздно рождается ребенок. Или такого еще никогда не бывало?

– Но ведь это же не какая-нибудь женщина, а ты, Джесс. Моя лучшая подруга, которая до совсем недавних пор не вставала по утрам раньше одиннадцати. Я все еще никак не могу свыкнуться с мыслью о том, что ты уже вышла замуж. А теперь вот мне уже пора начинать ходить с тобой по магазинам в поисках одежды для будущей мамы и ее ребенка.

– Ну да, именно так и обстоит дело. Если ты мной недовольна, то извини.

Я начинаю идти по дороге, тянущейся вдоль канала. Несколько секунд спустя я слышу, как Сейди, застонав, бросается вслед за мной и догоняет

меня.

– Эй, я такого не говорила. Я очень даже довольна. Если ты сама рада тому, что произошло. Ты рада?

– Да, – говорю я.

– А Ли?

– Очень рад. Это вообще-то была его идея.

– То есть это запланированная беременность?

– Ты выражаешься как мой папа. Я вообще-то ходила на занятия по отношениям между полами.

– Но ты не говорила мне, что будешь пытаться забеременеть.

– Да, но ты дала мне однозначно понять, что это совсем не то, чего тебе хотелось бы услышать.

Мы отходим чуть-чуть в сторону, пропуская едущего на велосипеде мальчика, а затем молча идем по дороге. Я знаю, что первой молчание нарушит Сейди.

– Послушай, извини меня, хорошо? – говорит она некоторое время спустя. – Если ты и в самом деле этого хотела и тебя никто не принуждал, то тогда я, конечно, за тебя рада.

– Правда?

– Да. Я ведь теперь становлюсь вроде бы как тетушкой, да? Я буду нянчиться с твоим ребенком, но тут же буду звать тебя, если он начнет капризничать или вдруг обделается.

– Мне приятно осознавать, что я могу на тебя рассчитывать.

– Да, можешь. И это не шутка. Я буду тебе помогать. Я могу даже, если хочешь, присутствовать на родах.

– Не говори глупостей. Ты что, не помнишь, *что* произошло, когда ты держала меня за руку в тот момент, когда мне делали татуировку «Дары смерти»?

– Ты сейчас про то, что ты визжала, как резаная, и впивалась ногтями мне в ладонь аж до крови? Нет, я про это напрочь забыла.

– Мне, возможно, придется делать кесарево сечение.

– А ты напичкай себя какими-нибудь успокоительными средствами. Возьми их столько, сколько поместится у тебя в ладонях.

– Тебе, кстати, про это совсем не нужно волноваться. Со мной там будет Ли.

– А ты уверена, что хочешь, чтобы он присутствовал? Помнишь, что сказал по этому поводу Робби Уильямс? Он сказал, что это все равно что смотреть на то, как сгорает твой любимый паб.

– О-о, спасибо за то, что меня подбадриваешь.

– Что-что? Ты всегда говорила, что тебе нравится во мне то, что я говорю все напрямик.

– Да, может быть, но не настолько же напрямик! Поэтому, когда я располнею и стану похожей на гиппопотамиху, не начинай звать меня Глория^[31].

– Хорошо, я вместо этого пришлю тебе какие-нибудь безделушки на тему мультика «Мадагаскар».

– Я уже сгораю от нетерпения.

– Кстати, тебе совсем не о чем переживать. Готова поспорить, что у тебя будет такой небольшой и аккуратненький животик, что люди даже не будут замечать, что ты беременна.

– Чего мне по-настоящему хотелось бы – так это чтобы эта была такая беременность, при которой женщина сама не замечает, что она пузатая, пока не наступит тот момент, когда из нее уже начнет лезть ребенок.

– Я никогда не верила в такие рассказы, – говорит Сейди.

К ней подбегает большая собака. Она обнюхивает ее ботинки и затем бежит дальше.

– Я тоже уже не верю. Я еще никогда не чувствовала себя такой уставшей и больной.

– Тебе следовало бы мне об этом сказать.

Я пожимаю плечами:

– Я держала язык за зубами, пока не пошел четвертый месяц.

Лицо Сейди выражает сомнение. Я знаю, о чем она сейчас думает. И вижу, как выражение ее лица становится обеспокоенным.

– Но ничего плохого не произошло, да? – тихо говорит она.

– Нет, – говорю я. – Пока нет.

Мы отходим в сторону от дороги, пропуская трех мужчин на велосипедах.

– Все будет хорошо, – говорит Сейди.

– Да, – отвечаю я. – Давай на это надеяться.

Когда я возвращаюсь домой, Ли уже там. Телевизор включен на спортивном телеканале «Скай спортс».

– Привет. Они выиграли? – спрашиваю я, подходя к сидящему на диване Ли и целуя его.

– Да. Два – ноль.

– Прекрасно.

– Ну, и что сказал твой папа?

– Очень обрадовался. Сказал, что поздравляет.

– Я говорил тебе, что он отреагирует нормально.

– Я знаю. Но он, бедняга, поначалу подумал, что я забеременела случайно. Сейди подумала то же самое.

Ли хмурится:

– А когда это ты с ней встречалась?

– После встречи с папой. Мы прогулялись вдоль канала.

– Я не знаю, зачем ты все еще с ней общаешься.

Я делаю шаг назад, удивляясь этому его резкому выпад.

– Что ты имеешь в виду? Она – моя лучшая подруга.

– Была раньше. Теперь ты с ней уже почти не видишься. Ты переехала жить в другое место.

– Мы с ней подруги еще с того времени, когда нам было по четыре года от роду, Ли.

– Это не имеет значения. Люди встречаются, люди расстаются. У вас скоро не будет ничего общего. Ты будешь растить ребенка, а она будет встречаться с какими-то своими парнями – то с одним, то с другим. Ты вполне можешь с ней расстаться навсегда. Она вовсе не станет для тебя большой утратой.

Я чувствую, как внутри меня закипает возмущение. Мне не верится, что он только что произнес такие слова.

– А я вот не поучаю тебя, с кем тебе следует дружить.

Ли выпрямляется на диване и тычет в мою сторону пальцем.

– Мне не нравится твой тон, – говорит он.

– А мне не нравится, что ты требуешь от меня перестать встречаться с моей лучшей подругой.

Уже через мгновение я понимаю, что мне не следовало этого говорить. Ли хватает пульт дистанционного управления телевизором и швыряет его в меня. Я быстро пригибаюсь, и пульт, пролетев надо мной, ударяется в стену позади меня. Я начинаю плакать.

– Извини, – тут же говорит он, пристально глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Ты вообще думаешь, что ты делаешь?

Я всхлипываю. Он вскакивает с дивана и подходит ко мне, но я его отталкиваю.

– Послушай, я отреагировал неадекватно, я это признаю. Извини.

– Ты мог сделать больно мне. Или навредить ребенку.

Он опускается на колени и обхватывает свою голову руками.

– Мне совсем не хотелось бы это сделать, – говорит он.

– Тогда почему, черт побери, ты так поступил?

Он поднимает голову, смотрит на меня и вздыхает. Его большие глаза

молят о прощении.

– Мои мама и папа частенько ссорились, – говорит он. – И когда мы начинаем ссориться, меня это очень сильно пугает. Я переживаю, как бы и у нас все не закончилось так, как у них.

Я кладу ладонь на его плечо. Это происходит машинально: он расстроен, и я пытаюсь его утешить. При этом я осознаю, что вообще-то это он должен утешать меня.

– Мне жаль, что так получилось, – говорю я. – Но это все еще не оправдание тому, что ты сделал.

– Я знаю. Ты ведь беременна. На меня сейчас нахлынули неприятные воспоминания. Я даже начал переживать, какой же это из меня получится отец.

Я не знаю, что на это ответить. Мне хочется сказать ему, что из него получится замечательный отец, но я не знаю, правда ли это. Я сейчас вообще уже не знаю, что правда, а что нет.

Ли встает и протягивает ко мне руки. Я закрываю глаза и позволяю себя обнять с единственным желанием, чтобы этот инцидент побыстрее ушел в прошлое. Мне хочется делать вид, что ничего не произошло.

– Такое больше не повторится, – говорит он.

– Хорошо.

– Я вовсе не хотел тебя расстраивать. Я всего лишь высказывал мнение, что было бы правильно уже поменьше общаться с Сейди. Мне кажется, что она становится каким-то зеленоглазым монстром.

– Любой девушке будет не очень-то легко, когда ее лучшая подруга выходит замуж.

– Как я уже сказал, возможно, тебе пришло время как-то обходиться без нее.

Он садится на диван и хлопает по нему возле себя, тем самым приглашая меня сесть рядом с ним, но мне кажется, что я как бы предам Сейди, если сделаю это. Кроме того, я не хочу, чтобы он заметил, что я вся дрожу.

– Я пойду приготовлю нам чай, – говорю я.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Сейди Уорд

28/05/2018 9: 05

У них есть еще один свидетель. Твоя уборщица Фарах.

Женщина, о которой ты мне рассказывала. Женщина-детектив сказала, что эта уборщица раньше им ничего не сообщала, потому что боялась, что потеряет работу и ее депортируют. Срок ее дискреционного разрешения на пребывание в стране вроде бы уже истекает, и ей не хотелось делать ничего, что могло бы помешать ей его продлить. Но ей сказали, что она теперь уже может остаться здесь жить навсегда, а потому она пришла и сделала заявление. Она все знала, Джесс. Знала о том, как он поступает по отношению к тебе. Ты, возможно, этого и не замечала, но они не упускают ничего, эти уборщицы. Они ведь бывают в твоей спальне, в твоей ванной. Они видят мусор, который ты выбросила, они смывают у тебя в туалете. Они убирают за тобой.

Детектив сказала, что Фарах видела на тебе синяки. Всегда в тех местах, которые можно прикрыть, когда выходишь из дому. Она видела и кое-что еще. Детектив не захотела сообщить мне, что именно, но говорит, что это важно. И что это дает нам очень убедительные доводы. Он получит по заслугам, Джесс. Мы скоро навсегда избавимся от этого ублюдка. А еще твой папа нанял адвоката, чтобы попытаться забрать «Г». Он сейчас находится у матери Ли, но ей придется его отдать, если Ли признают виновным. Мы вернем его ради тебя, Джесс. Даже если это будет самым последним, что мы в своей жизни сделаем.

Джесс

Понедельник, 28 ноября 2016 года

Я читаю это, сидя в ванной, и вся дрожу. Наша уборщица, которую я вообще-то никогда даже не видела, собирается дать показания против Ли. Почему? Какая у нее для этого может быть причина? Ну, кроме того, чтобы сказать правду.

Может, Ли пожаловался на нее, в результате чего она теряет свою работу, а потому хочет ему отомстить? Но он ведь всегда говорил, что она очень хорошая уборщица. Она в самом деле хорошая. Когда мы приходим по понедельникам с работы, у нас дома идеальная чистота. У меня даже такое ощущение, как будто мы живем в отеле. А еще она надежная: никогда не бывает, чтобы она вдруг не пришла.

Я кладу мобильный телефон в карман домашнего халата и, подняв крышку мусорной корзины, смотрю на ее содержимое. Что уборщица может увидеть в ней? Что она может в ней найти? Что-то такое, что не сразу заметно?

Стук в дверь ванной заставляет меня вздрогнуть. Крышка мусорного ведра со стуком шлепается на место. Дверь открывается, и из-за нее появляется лицо Ли.

– Ну что, ты скоро будешь готова? Нам нужно выходить в десять с минутами.

– Да, я буду готова через несколько минут.

Он бросает взгляд на мой лифчик и трусики, висящие на тыльной стороне двери. Они – для беременных женщин.

– Ну давай, побыстрее надевай это свое несексуальное белье, – говорит он. – Я не хочу опоздать.

Я выдыхаю, когда он закрывает за собой дверь. Я пыталась убедить его, что вполне смогу сходить на УЗИ сама. Я не была уверена, что ему стоит находиться рядом, когда я увижу изображение «Г» на экране. Боюсь, что яотреагирую на это не так, как другие мамы, которые видят своего ребенка в первый раз. Потому что это будет не первый раз, когда я его вижу.

Но Ли настоял на том, что нужно пойти и ему. Он сказал, что не упустит возможности впервые взглянуть на своего ребенка. И вот теперь я все никак не могу решить, радоваться мне этому или огорчаться. Потому что уже проявились первые признаки – вспышки гнева, неадекватное поведение. Все это заставляет меня думать, что Ли, в общем-то, способен на ужасные поступки, о которых я уже так много читала.

Мы садимся в комнате ожидания больницы. Впервые в жизни я оказываюсь в окружении других беременных женщин. И хотя мне очень не хочется сравнивать себя с ними, от этого трудно удержаться. У большинства из них живот побольше, чем у меня, и лишь у одной – меньше. Почти все они старше меня. Большинство – намного старше. Интересно, не думают ли они, взглянув на меня, что я еще слишком молода для того, чтобы быть мамой. В моей голове начинает звучать песня «История подростка». Я рада, что Ли здесь, со мной, потому что в противном случае они, наверное, решили бы, что я – мать-одиночка. У меня возникает желание повесить себе на живот табличку «Запланированная беременность». Все, с кем мы говорили о моей беременности до сего момента, поначалу думали, что я забеременела случайно – уж слишком увлеклась сексом в медовый месяц. Люди и понятия не имеют, что этот ребенок даже больше, чем запланированный. Он уже существует –

существует в *том* будущем. И все, что мы сейчас делаем, – так это лишь обеспечиваем его появление в надлежащее время.

– Кто из вас миссис Гриффитс? – громко спрашивает женщина в голубой униформе.

Ли приходится слегка толкнуть меня локтем: я все еще не привыкла к своей новой фамилии.

– Это я, – говорю я, вставая.

– Заходите, пожалуйста.

– А можно и моему мужу зайти вместе со мной? – спрашиваю я.

– Да, конечно, – улыбается она.

Мы заходим вслед за ней в комнату с тусклым освещением, посреди которой стоит топчан, окруженный различными медицинскими приборами и экранами.

– Ага, – говорит она, глядя в мою медицинскую книжку. – Прилягте, пожалуйста, на топчан и слегка приспустите свои лосины и приподнимите кофточку, чтобы я могла хорошо осмотреть ваш животик.

Я делаю то, о чем она меня просит. Она закладывает бумажные полотенца вдоль верхнего края моих лосин и нижнего края кофточки.

– Это просто для того, чтобы гель не попал вам на одежду, – говорит она. – Он может показаться вам немного холодным, когда я стану его наносить, но он необходим нам для того, чтобы получить четкое изображение.

Ли берет меня за руку. Его ладонь липкая. А может, это моя ладонь липкая – я точно не знаю. Я смотрю на его лицо: он напряженно всматривается в экран, отчаянно надеясь что-нибудь различить. Я пытаюсь представить себе, каково бы было мне, если бы я не знала, что все хорошо. И если бы переживала обо всем том, о чем в подобных случаях обычно переживают люди, а не о том, *что* мой муж, возможно, сделает со мной, когда этому ребенку исполнится три месяца.

Женщина елозит по моему животу своим устройством где-то минуту.

– Кое-кто сегодня утром очень активен.

Она снова улыбается.

– Кто *он*? – спрашиваю я.

Ли смотрит на меня вопросительным взглядом. Врач – тоже.

– Мой муж думает, что это мальчик, – поспешно говорю я.

– Ну, если малыш перестанет дергаться хотя бы на пару секунд, я, возможно, смогу рассмотреть, кто там у вас. Думаю, вам бы этого хотелось, да?

Мы оба киваем. Изображение на экране становится более четким.

Ребенок лежит, повернув голову налево, и отчетливо виден его маленький носик. Со стороны кажется, что малыш пускает пузыри. Врач настраивает экран так, чтобы мы могли видеть все более отчетливо. Ли сжимает мою ладонь, и на его лице появляется улыбка.

– Ну что, все вроде бы в порядке, – говорит врач некоторое время спустя. – Ваш муж прав. У вас мальчик.

Ли начинает плакать. Настоящие мужские слезы. Он кладет голову мне на плечо, и я прижимаю его к себе.

– Все хорошо, – шепчу я. – И дальше все будет хорошо.

Я говорю это ему, я говорю это «Г», и – самое главное – я говорю это самой себе.

Позже мы сидим в автомобиле Ли, таращась на черно-белую распечатку. Анджела предлагала нам попросить сделать трехмерное изображение. Она показывала мне на своем планшете, как выглядят подобные изображения, но я подумала, что все они похожи на Добби из фильма про Гарри Поттера. Поэтому я сказала, что двухмерного изображения будет вполне достаточно.

Его и вправду достаточно. На распечатке отчетливо видно, что это «Г». Хотя это и странно, но я узнаю его по той фотографии, которая будет сделана в будущем. Это все равно как переместиться назад во времени. Жаль, что я не могу стереть будущее со своей головы и быть сейчас просто счастливой.

– Он идеален, – говорит Ли. – Да, именно идеален.

– Я знаю. Мне очень нравится его маленький носик.

– Видимо, его носик похож на твой.

– Нет. Наш малыш во всем похож на тебя.

– Теперь мы знаем, что это мальчик, – говорит Ли. – Мне можно уже начинать предлагать имена?

Я чувствую, что мои пальцы сдавили листок бумаги сильнее.

– Да, можно, – говорю я. – Соглашусь ли я с каким-нибудь из них – это уже второй вопрос.

– У меня есть только один вариант, – говорит он. – Ты, возможно, помнишь. Это – Гаррисон.

Я, тяжело сглатывая, киваю. У меня, похоже, появляется еще один шанс. Возможно, я все еще могу изменить ход событий. Но я боюсь, что, если предложу другое имя и Ли согласится на него, Гаррисон на белый свет не появится. Может быть, с этим ребенком что-то случится и я потеряю его. Сейчас я, по крайней мере, знаю, что мальчик с именем Гаррисон точно будет жить в будущем – пусть даже меня в этом будущем и не будет.

– Гаррисон – это замечательно. А может, давай пока будем называть его по первой букве – «Г»? Я не хочу, чтобы люди знали его имя, пока он не родится.

– Не возражаю, – пожимает плечами Ли. – По-моему, это даже прикольно – держать что-то в секрете аж до самого рождения.

Я улыбаюсь ему. У меня такое ощущение, будто я выиграла для себя еще немного времени. И теперь мне нужно использовать это время с умом.

Ли высаживает меня возле подъезда нашего дома. Он договорился, чтобы мне сегодня дали отпуск на полдня – на тот случай, если наше пребывание в клинике затянется. Кроме того, я ему сказала, что хотела бы заглянуть после клиники домой, привести себя в порядок и переодеться.

Уезжая, он машет мне рукой. Он сейчас едет на встречу с клиентом в город Харрогейт. Я захожу в дом через парадную дверь и нажимаю кнопку, чтобы вызвать лифт. Тот приходит почти сразу же. Я захожу, и двери лифта закрываются. Я кладу ладонь на свой выпирающий живот и глажу его.

– Я вижу тебя, «Г», – говорю я. – Я теперь точно знаю, что ты там. И я жду не дождусь встречи с тобой. Я буду очень хорошо о тебе заботиться. Обещаю.

Двери открываются. Я выхожу и, вынув из кармана ключ, вставляю его в замок и отпираю дверь. Я кладу свой рюкзак на пол в прихожей, все еще держа распечатку с изображением «Г» в руке. Иду на кухню, намереваясь прикрепить листок с помощью магнитика к холодильнику. Я буду такой же, как и все другие беременные женщины в нашей стране. Я буду самой что ни на есть нормальной, и это будет самая обычная беременность. Я буду делать всю ту сентиментальную чепуху, которую делают другие женщины, потому что все, чего я сейчас хочу, – так это чтобы все было нормальным.

Дверь ванной открывается. Я чувствую, как внутри меня все похолодело. Из ванной появляется темная фигура, несущая что-то в руках, и я вскрикиваю. Я вскрикиваю так громко, что этот звук, вырвавшись у меня изо рта, еще долго вибрирует где-то внутри. Я слышу, как кто-то ахает и что-то роняет, а потом вижу пристально смотрящую на меня молодую худощавую женщину в хиджабе. В ее темных глазах – испуг.

– Извините, – говорит она на чуть ломаном английском. – Это я, ваша уборщица. Я вовсе не хотела вас пугать.

Я киваю ей, тяжело дыша, и жду, когда ко мне вернется дар речи.

– Все в порядке, – говорю я, наклоняясь, чтобы поднять щетку, которую она уронила, и передаю ее ей. – Я забыла, что вы будете находиться здесь.

– Спасибо, – говорит она, беря у меня щетку. – Вы – миссис Гриффитс.

Я видела вас на фотографии. – Она показывает в сторону гостиной. – Простите меня за то, что я смотрела, но это очень красивое платье.

– Спасибо, – отвечаю я, и мое дыхание снова становится нормальным. – Пожалуйста, называйте меня Джесс.

Она вытирает руку о фартук и протягивает ее мне:

– Рада с вами познакомиться. Меня зовут Фарах.

Джесс

Ноябрь 2008 года

Когда поезд трогается с вокзала в Лидсе, вагон, в котором я нахожусь, полностью забит пассажирами. Я поехала в Лидс сразу после окончания занятий в школе, чтобы купить подарок Сейди на ее день рождения, но теперь я жалею, что не подождала до уик-энда. Я обычно не езжу на транспорте в час пик. Мне не нравится ощущение, что чье-то тело прижато ко мне. Я не хочу делать вдох в тот момент, когда стоящие рядом люди делают выдох. Мне нужен собственный воздух, свое собственное пространство.

Можно было бы протиснуться дальше, в глубину вагона, где чуть-чуть посвободнее, но я не хочу находиться слишком далеко от рукоятки аварийного выхода. Если случится какая-то авария, то именно возле этого выхода мне и необходимо быть. В идеале – между ней и той штукой, которой можно разбить стекло. Я пытаюсь найти место, с которого я видела бы и то, и другое. И мысленно прокладываю свой маршрут к ним: пройти мимо женщины с большой розовой сумкой и остановиться как раз перед мужчиной средних лет с бородой и в очках. Они, скорее всего, в случае аварии не предпримут никаких решительных действий. Когда происходит авария, люди цепенеют. Ну, во всяком случае, некоторые люди – я об этом читала. Их парализует страх. Вот почему нужно всегда быть начеку и надеяться лишь на самого себя. Нельзя рассчитывать на то, что другие люди хорошо проявят себя в критической ситуации. Поэтому при каждой своей поездке я в первую очередь продумываю, как выберусь наружу в случае аварии. Иногда мне приходится отходить подальше от толстых людей, поскольку я опасаясь, что они при аварии могут упасть и придавить меня своим весом. Не было бы ничего хорошего, если бы единственный человек в вагоне, который знает, как себя вести в случае аварии, вдруг оказался бы прижатым к полу чьей-то толстенной

задницей.

Сегодня насчет этого все в порядке: люди вокруг меня принадлежат к легкой весовой категории. Крупногабаритного багажа тоже нет, и это хорошо. Чего мне совсем не хочется – так это чтобы меня придавил какой-нибудь гигантский чемодан.

Поезд, выезжая из Лидса, начинает набирать скорость. Я сильнее сжимаю пальцами поручень, за который держусь, и вижу, как суставы на руке белеют. Мне не удалось толком рассмотреть машиниста, потому что я подбежала к поезду как раз в ту минуту, когда он уже должен был отправиться в путь. Обычно, если я стою и жду на платформе, я внимательно рассматриваю машиниста, когда поезд подъезжает к платформе. Машинисты средних лет – самые лучшие. Если машинисты слишком молоды, у них, возможно, маловато опыта. Если машинисты слишком старые, то с ними может случиться сердечный приступ. А еще больше вероятности, что они, управляя поездом, заснут.

Поезд поворачивает на большой скорости, и мужчина, стоящий рядом со мной, невольно делает шаг назад и наталкивается на меня. Он бормочет извинение. Я сдвигаю руку чуть в сторону по поручню, чувствуя, что моя ладонь потеет. Я пытаюсь смотреть в окно, но то, что я за ним вижу, начинает проноситься мимо уж слишком быстро. Я перемещаю свое внимание обратно внутрь вагона: смотрю вниз, на пол, и пытаюсь определить на глаз, какой размер обуви у стоящих рядом со мной людей. Я замечаю, что у одной женщины очень маленькие ступни – может, третьего размера. Или даже меньше. У мужчин это определить труднее, особенно если размер – от девятого до одиннадцатого. У парня, стоящего напротив меня, туфли с длинным носком. Возможно, двенадцатый размер, хотя из-за длинного носка такие туфли всегда кажутся большего размера, чем они есть на самом деле.

Я поднимаю взгляд, когда поезд дергается. Что-то не так – я это чувствую. Я делаю шаг в сторону стоп-крана. Машинист ведет поезд на слишком большой скорости. Обычно поезд так сильно не дергается. Возможно, машинист еще молод и делает это ради собственной забавы. Некоторые парни из моей школы совершают подобные глупые поступки, когда ездят на мопедах. А может, машинист уже очень пожилой и сейчас засыпает, не чувствуя при этом, что поезд чрезмерно набирает скорость.

Я чувствую, что так вспотела, что одежда на спине у меня уже мокрая. Я слышу свое дыхание – быстрое и неглубокое. Если мимо будет проходить проводник, я спрошу у него, в чем проблема. Может, он пойдет и выяснит. Я смотрю сначала в одну сторону, потом в другую, но

проводника нигде не видно. Он, возможно, в другом конце поезда. Проверяет там билеты. И не обращает внимания на то, что происходит. Пройдет целая вечность, прежде чем он окажется здесь, возле меня. И будет уже слишком поздно. Я перестаяю держаться за поручень и делаю еще один шаг в сторону стоп-крана. Никто вокруг меня, похоже, ничуть не обеспокоен. Все они слишком заняты тем, что разглядывают что-то в своих телефонах, а потому ничего вокруг не замечают. Поезд снова дергается и, похоже, еще больше ускоряется. Никто другой не собирается это сделать. Значит, придется мне. Я вытираю рукой пот со лба, а затем вытираю ладонь о свою юбку. Я слышу, как колеса стучат о рельсы, они уже неуправляемые. Поезд вот-вот сойдет с рельсов, если я это не сделаю.

Я резко двигаюсь всем телом вперед, хватаюсь рукой за стоп-кран и поворачиваю его. Тормоза визжат, вагон сильно дергается, и поезд останавливается. Люди переводят взгляд со своих мобильных телефонов на меня. Какой-то мужчина кричит: «Эй, что ты, черт тебя побери, делаешь?» Я улыбаюсь ему, зная, что я спасла его, спасла себя, спасла всех. Другие люди начинают кричать, ругаться и показывать на меня пальцем. Я опускаюсь на корточки, дрожа при мысли о том, как близко мы находились от катастрофы. Я все еще сижу на корточках, когда приходит проводник. Я сижу на корточках и зову маму.

Анджела

Воскресенье, 25 декабря 2016 года

Я всегда любила Рождество. Столько воспоминаний о том, как Ли просыпался в три часа ночи и нырял руками в глубину мешка с подарками от Санта-Клауса. Он всегда почему-то начинал именно с глубины мешка, а не сверху. Саймон не утруждал себя тем, чтобы понаблюдать при этом за Ли, а вот я не упустила бы этот момент ни за что на свете. Дети ведь растут очень быстро. Не успеешь оглянуться, как они уже становятся раздражительными подростками, которые в рождественское утро не спешат даже подняться с постели.

По правде говоря, празднование Рождества уже много лет совсем не такое, каким оно было раньше. Тем не менее я старательно готовлю ужин для Ли, слегка пританцовывая на кухне под различные рождественские песенки. И не поймите меня неправильно – для меня всегда было удовольствием готовить для него ужин. Просто Рождество – это прежде

всего детский праздник. На следующий год в этом доме снова появится ребенок. Понятно, что он будет еще слишком маленьким для того, чтобы понимать, что такое Рождество, но это не мешает нам устроить для него очень даже веселый праздник. Рождество снова станет таким, каким оно должно быть. Настоящее семейное Рождество. Я уже и в этом году приглашу к нам на Рождество Джесс и ее отца. То есть нас будет на два человека больше, чем в прошлом году. Пригласить ее отца – это правильно. Иначе ведь Ли и Джесс пришлось бы рано вставать, чтобы поехать к отцу Джесс домой, а проводить такой важный день в глухомани им было бы совсем не интересно.

Я рада, что у них родится мальчик, а не девочка. Думаю, Ли очень доволен, что у него будет сын, с которым он сможет играть в футбол и ходить на футбольные матчи, когда малыш подрастет. Обзавестись дочерью они еще успеют – времени у них впереди много. Именно поэтому очень хорошо, что они не стали тянуть с первым ребенком. И именно поэтому я рада, что Ли не связал свою судьбу с одной из тех карьеристок, которые ждут лет до тридцати пяти и лишь потом начинают подумывать о семье и детях. Так сказать, в последнюю минуту. Нет, обзаводиться детьми нужно пораньше – пока сам еще молодой. И радоваться тому, что они у тебя есть. Кроме того, при подобном подходе бабушки и дедушки будут еще нестарыми и достаточно сильными для того, чтобы помогать.

Они упорно не говорят мне, какое имя выбрали для ребенка. Они утверждают, что его имя начинается на «Г», и хотя в разговорах с ними я как бы вскользь упомянула поочередно буквально все мужские имена, начинающиеся на «Г», они так и не раскололись. Может, Генри? Имя это ведь достаточно модное для того, чтобы понравиться им обоим. Или же Гамильтон – в честь отеля «Гамильтон», в котором они провели свой медовый месяц. Знаменитости так ведь поступают, правда? Они дают своему ребенку имя в честь того места, где этот ребенок был зачат. По крайней мере, Дэвид Бекхэм и его жена назвали своего сына Бруклин по наименованию района в Нью-Йорке. Жаль, что наш малыш был зачат не в Горсфорте. Впрочем, если бы он и был зачат именно там, я сомневаюсь, что они выбрали бы для него такое имя.

Так или иначе, знать хотя бы первые буквы его имени и фамилии – это уже хорошо. Я уже вышила их на детских одеяльцах. А зная, что это мальчик, я начала покупать детские вещи голубого цвета. Еще мне нравятся лимонный и бежевый цвета, но вещей такого цвета у мальчика не должно быть много.

Я проверяю сначала индюшку, а затем овощи и картошку. Все под

контролем. Я всегда готовлю очень вкусный рождественский ужин. Даже Саймон признавал это, пусть и как-то так нехотя. Отец Джесс предложил свои услуги в качестве повара. Я сказала Джесс поблагодарить его и предложила, чтобы он принес нам рождественский пудинг – ну, чтобы он чувствовал, что внес свою лепту. По правде говоря, мне не хотелось бы, чтобы на моей кухне ходил туда-сюда и что-то готовил профессиональный повар. Судя по тому, что я видела о них по телевидению, они далеко не самые опрятные люди. А так он принесет всего лишь одну миску с пудингом, я этот пудинг подогрею – и моя кухня останется чистой.

Я поднимаюсь на второй этаж, чтобы немного отдохнуть перед их приходом. Весь дом красиво оформлен. Ли всегда шутит, что у меня тут как в пещере Санта-Клауса. А мне приятно немножко потрудиться по части праздничного интерьера. Подобная обстановка поднимает людям настроение. Во всяком случае, лично мне уж точно поднимает.

Отец Джесс приходит первым. Для меня это весьма непривычно: мужчина целует меня в обе щеки на пороге моего дома и поздравляет с Рождеством. Он передает мне бутылку какого-то вина. Я мало что соображаю в вине, но мне кажется, что это хорошее вино, потому что я никогда не слышала его названия.

А еще от отца Джесс всегда приятно пахнет. Я заметила это еще на свадьбе. Это, наверное, потому, что в его жилах течет итальянская кровь. Я всегда думала, что люди средиземноморского типа уделяют личной гигиене больше внимания, чем все другие люди. Впрочем, от Ли тоже всегда хорошо пахнет.

– Здравствуйте, Джо. Я тоже поздравляю вас с Рождеством. Наши Ли и Джесс еще не пришли. Заходите и почувствуйте себя как дома.

– Спасибо. У меня здесь пудинг, – говорит он, показывая на сумку, которую держит в руках. – Вам просто нужно его разогреть.

Я беру его куртку и вешаю ее на вешалку, затем веду Джо на кухню. Стол уже накрыт. Крекеры я купила в магазине, где все стоит по одному фунту, потому что все равно никто не сможет почувствовать разницу во вкусе между этими крекерами и крекерами, купленными в дорогом магазине. А еще я украсила стол веточками падуба, чтобы сделать обстановку более праздничной.

– О-о, тут у всего праздничный вид, – говорит Джо, ставя сумку на рабочий кухонный стол и потирая ладони.

– Знаете, а к нам уже давненько не приходили на Рождество гости. Не знаю, как вы, а я жду не дождусь следующего года. Будет ведь так замечательно, когда здесь появится малыш. Я уже буквально считаю дни.

– Джесс, я думаю, тоже их считает. Беременность у нее проходит довольно тяжело.

– Я знаю, но все это будет забыто, как только малыш родится. Весь ее мир тогда изменится. Мой мир, я помню, изменился.

– Да. Мой тоже.

– Она ждет этого с нетерпением, правда? Вот только в последнее время она стала какой-то тихой.

– Думаю, она просто переживает по поводу того, как будет справляться. Ей будет нелегко без помощи ее матери.

– Да, конечно, но я уже сказала ей, что буду делать все, что в моих силах, чтобы ей помочь. Я буду приходить каждый день.

– Спасибо. Я знаю, что она это высоко ценит.

– И наш Ли, я уверена, будет очень заботливым и расторопным папой. Они с Джесс оба преобразятся, когда станут родителями. На свете нет ничего более прекрасного, чем появление в семье маленького ребенка, правда?

– Да. Ничего более прекрасного на свете нет.

Вскоре приходят Ли и Джесс. Она одета в просторный бежевый балахон. Под ее глазами – темные круги. Волосы у нее не такие блестящие, как обычно.

– Поздравляю вас обоих с Рождеством, – говорю я, обнимая их по очереди. – И малыша тоже поздравляю.

Я кладу ладонь на живот Джесс. Она вздрагивает и быстро отступает на шаг назад. Я не знаю, почему она это делает: я ведь и раньше клала ладонь ей на живот, и она никогда этому не противилась.

Ли смотрит на нее, потом на меня.

– Я думаю, она пытается не допустить, чтобы он лягнул тебя ногой, – говорит он.

– Он шевелится? Ты сейчас чувствуешь, как он толкается?

Джесс кивает.

– О-о, как это замечательно! Это уже совсем другие ощущения, правда? Ну, когда ты уже чувствуешь, как твой ребенок двигается внутри тебя.

– Да.

В коридор заходит Джо. Джесс обнимает его, и я вижу, что ее нижняя губа дрожит.

– Ты отнес их? – тихо спрашивает она.

– Да. Поставил их в вазу рядом с моими. Там все чисто и аккуратно.

Он поднимает глаза и встречается со мной взглядом. О чем бы они

сейчас ни говорили, они явно не хотят, чтобы кто-то другой понял смысл их разговора.

– Заходи на кухню и садись, милая, – говорю я. – Разгрузи свои ноги.

Джесс расстегивает сапоги, идет вслед за мной на кухню и садится за стол рядом с отцом.

– Ты не мог бы помочь мне с вином, Ли? – спрашиваю я.

Он подходит ко мне.

– С ней все в порядке? – шепчу я, передавая ему открывалку для бутылок.

– Да. Она всего лишь расстроена по поводу своей мамы. В этом году она впервые не была на ее могиле на Рождество, но я сказал, что ей следует относиться к этому проще. И думать в первую очередь о ребенке.

– Абсолютно верно. Ты поступил правильно, милый. Я думаю, в ней просто разыгрались гормоны.

Ли открывает бутылку вина и несет ее к столу, а я тем временем достаю из духовки подогревшиеся тарелки.

– Ну что ж, пора, я думаю, подавать индюшку.

– Можно я вам помогу? – спрашивает Джо.

– Нет необходимости, спасибо. Этим займется наш Ли. Он в этом доме главный резатель мяса.

Я передаю Ли разделочный нож. Однажды я предложила ему купить на распродаже какой-нибудь электрический нож, но он не проявил к этому интереса, сказав, что вполне может обойтись и без такого ножа. Интересно, помнит ли он, как нам приходилось отворачиваться, когда индюшку разрезал Саймон? Тому ведь очень не нравилось, когда мы видели, что у него что-то не получается.

Пока я ставлю на стол большое блюдо с картошкой, морковью и пастернаком, Ли накладывает в тарелки мясо. Затем я ставлю на стол кувшинчик с подливкой и тарелочку с клюквенным соусом, который я в этом году приготовила особенным образом. Ли приносит первые две тарелки, а я иду за оставшимися.

– Ну вот мы и готовы праздновать, – говорю я, садясь за стол и беря свой бокал с вином. – Думаю, пора сказать тост.

Я смотрю на Ли.

– За следующее Рождество, – говорит он, поднимая свой бокал. – На которое, я уверен, будет намного шумнее, чем сейчас.

– И за тех, кого мы любим, но которых с нами нет, – добавляет Джо, поднимая свой бокал.

Я смотрю на Джесс и только тут замечаю, что бокал у нее пустой.

– Ой, извини, милая. Что тебе налить?

Я вижу, как Джо бросает взгляд на Ли, а потом на Джесс.

– Ты вполне можешь выпить немножко вина, милая, – говорит он. – В небольшом количестве оно не повредит.

Она качает головой:

– Нет, спасибо, лучше воды.

– У меня вообще-то есть апельсиновый сок. Хочешь? А еще есть кока-кола, если тебе можно пить газированные напитки.

– По правде говоря, лучше всего подойдет вода.

Я беру ее бокал и иду налить ей воды. Компакт-диск с рождественскими песнями заканчивается, а потому я вновь нажимаю «Воспроизведение» и, передав Джесс ее бокал с водой, сажусь за стол.

Начинает звучать песня «На прошлое Рождество» в исполнении «Уэм!»^[32]. Мне всегда нравился в ней перезвон бубенцов – в этом чувствуется настоящая рождественская классика. Я обычно подпеваю, но не тогда, когда у нас гости.

– Итак, на чем мы остановились? – спрашиваю я. – Джесс, ты хотела сказать тост?

Ее рот открывается, но она ничего не говорит. Из ее глаз льются слезы.

– Извините, – говорит она, вставая. – Начинайте без меня.

Она отодвигает стул и поспешно выходит из кухни. Я смотрю на Ли и Джо, не зная, что мне в такой ситуации следует делать.

– Ты лучше пойди за ней, Ли, – говорю я. – Посмотри, что там такое.

Ли встает, но Джо, накрыв его руку своей, останавливает его.

– Дай ей несколько минут, – говорит он. – В этот день ей всегда тяжело. Ей потребуется немного времени на то, чтобы взять себя в руки.

– Да, конечно, – говорю я. – Она была очень юной, когда не стало ее мамы. Когда не стало моей мамы, мне было уже пятьдесят, и то для меня это было очень тяжело.

– Давайте начнем без нее, – говорит Джо. – Как она и сказала.

– Вы правы. Будет жаль, если вся эта еда остынет. Может, поставить ее тарелку в духовку, чтобы ничего не остыло? Вы как считаете?

– Я это сделаю, – говорит Ли, вставая и беря тарелку Джесс. – Хотя, по правде говоря, аппетит у нее сейчас не ахти какой.

– Она восприняла это настолько болезненно? – спрашиваю я Джо. – Я имею в виду, когда умерла ее мама...

– Да, ей пришлось очень тяжело, – отвечает Джо.

Ли возвращается за стол, и мы втроем начинаем есть.

– А она получала психологическую помощь? – спрашиваю я, жуя. – За

такой помощью вообще-то обращаться никогда не поздно. Я на прошлой неделе слушала по «Радио-2», как кто-то рассуждал об утрате близких людей и о том, как это может отражаться на человеке в последующие годы.

Джо смотрит на меня. Он, похоже, не может подобрать подходящих слов.

– Мы все старались ее поддерживать, – говорит он.

– О-о, я вовсе не говорю, что вы ее не поддерживали. Я уверена, что поддерживали. Просто я имею в виду профессиональную помощь со стороны специалистов. Консультации и прочие услуги можно получить и сейчас.

Джо смотрит на Ли. Никто из них ничего не говорит.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Послушайте. Ли, по-видимому, не говорил вам, и я благодарен ему за эту его тактичность, но, наверное, вам лучше знать, что Джесс лечилась в течение некоторого времени в психиатрической больнице после смерти мамы.

– А-а, понятно. Вы имеете в виду, что у нее было что-то вроде психического расстройства?

Джо кивает и опускает взгляд.

– Я думаю, очень важно, чтобы об этом знали все, кто будет помогать ей после рождения ребенка. Просто чтобы мы все могли за ней присматривать.

– Да, конечно. Но означает ли это, что она будет одной из тех женщин, которые впадают в послеродовую депрессию? Я слышала по радио разговоры и про это, и таким женщинам в наше время тоже может оказываться различная психиатрическая помощь.

– Нет-нет, я такого вовсе не говорю. Я всего лишь хочу, чтобы мы все за ней присматривали и заботились о ней. Я хочу, чтобы мы не просмотрели те или иные тревожные признаки. Я уверен, что Ли со мной согласится.

Я смотрю на Ли. Его глаза потемнели, а лицо перекошено. Мне знакомо такое выражение лица. Мне оно очень даже знакомо. Он, похоже, ничего об этом не знал. Джесс, должно быть, от него это утаила. И сейчас Ли устроит ужасную сцену.

– Ой, подождите-ка! – говорю я. – Мы же не надели праздничные головные уборы! Вот, Джо, возьмите вот этот!

Только мы с Джо надели бумажные колпаки, как на кухню заходит Джесс.

– У тебя все нормально, милая? – спрашиваю я.

– Да, все хорошо, спасибо.
– Я сейчас достану твою еду из духовки. Наш Ли поставил ее туда, чтобы она не остыла.

Я ставлю тарелку Джесс на стол перед ней.

– Не переживай, если у тебя не получится съесть все. Съешь столько, сколько сможешь.

Она поднимает взгляд на Ли. Он смотрит на нее, сжав челюсти и нахмутив брови. Она, тоже нахмурившись, опускает глаза и начинает теревить салфетку, лежащую у нее на коленях.

Мне нужно что-то предпринять. Мне нужно как-то разрядить атмосферу, снять напряжение. Я не хочу все снова испортить. Слишком много раз Рождество бывало испорчено в прошлом.

– Итак, с Рождеством, – говорю я, поднимая свой бокал. – За новые начинания.

Бокалы тихонько стучаются друг о друга. Все бормочут поздравления с Рождеством. И некоторое время никто ничего не говорит. Мы едим молча, звучит только музыка с компакт-диска. Лишь когда Джонни Мэтис^[33] начинает исполнять песню «Когда рождается дитя», я поднимаю взгляд и вижу, что и у Джесс, и у ее отца на глазах слезы.

– В духовке есть добавка, если кто-то хочет еще, – говорю я.

Никто мне ничего не отвечает. Тогда я встаю и приношу добавку. При этом я нажимаю на проигрывателе кнопку «Пропустить», и начинает звучать «Прекрасное время Рождества» в исполнении Пола Маккартни. Мне нравится подпевать этой песне, но сейчас мне кажется, что это было бы неуместно.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Джо Маунт

25/06/2018 16: 05

Я должен был заметить эти признаки. Вот из-за чего я терзаюсь снова и снова. Когда я оглядываюсь назад, я осознаю, что они были, но я попросту не хотел их замечать. Например, когда ты в то Рождество не приехала на могилу мамы, я списал это на то, что ты сильно устала. Или когда Ли не налил тебе вина, даже не спросив твоего мнения по данному поводу. Я думал, что это было твое решение. Я думал, что ты вообще все решала сама. Я не верил, что какой-либо мужчина может заставить мою дочь

делать то, чего ей делать не хочется. Я имею в виду, что ты не из числа очень послушных и застенчивых девочек, не так ли? Ты всегда вела себя по отношению к другим людям так, как они вели себя по отношению к тебе, и ни в чем им не уступала. Я должен был догадаться, ведь я сталкивался с этим достаточно долгое время.

Полагаю, заметив, что ты изменилась, я просто решил, что ты всего лишь взрослеешь. И что брак и материнство сделали тебя более уравновешенной и менее вспыльчивой. Моя маленькая девочка стала мамой – а значит, она, конечно же, будет вести себя уже совсем по-другому. Вот что я сказал самому себе.

Но теперь мне известно, что тогда происходило. Точнее говоря, мне известна только часть из того, что происходило, и я с ужасом думаю о том, как услышу все остальное на суде. Да, я осознаю, что знаю еще не все. И мне жаль – мне очень-очень жаль, что я ничего не понял раньше и не вмешался, чтобы тебе помочь. Если бы я знал о том, что происходит, я немедленно приехал бы и забрал бы тебя домой. Я забаррикадировал бы двери и окна, чтобы не позволить ему даже подойти к тебе. Но я ничего не знал. А ты мне не рассказывала. И поэтому я через несколько недель поеду на твою могилу в годовщину твоей смерти. А еще я буду сидеть в сентябре в зале суда и слушать о том, как этот ублюдок уничтожил тебя и отнял у тебя жизнь. Я доверял ему, Джесс. Я был так глуп, что доверял ему, потому что он всегда был с тобой вежливым и обходительным. И даже когда Сейди пришла ко мне поговорить, первое, о чем я подумал, что ты опять на грани психического расстройства, а не о том, что он толкает тебя к краю пропасти.

Я со страхом ожидаю судебного разбирательства, Джесс. Я порой даже не знаю, как смогу через это пройти. Но я буду присутствовать там каждый день и буду вслушиваться в каждое слово, потому что никто уже больше никогда не затуманит мне глаза.

Джесс

Воскресенье, 25 декабря 2016 года

Мы едем домой в автомобиле в полной тишине. Мне становится еще хуже: выходит, что бы он ни намеревался сказать мне, не может быть сказано в машине. Пока меня не было на кухне, что-то произошло: я поняла это по тому, как изменился тон Анджелы, когда я вернулась на кухню, и по тому, как папа сжал мне руку, когда мы уже уходили от Анджелы. Он сделал это так, словно пытался за что-то извиниться, но я и представить себе не могла, за что. Однако прежде всего я поняла это по тому, как Ли посмотрел на меня за столом. И позже не обмолвился со мной ни словом.

Наверное, папа рассказал что-то о маме и о том, что произошло со мной после ее смерти. Я не знаю, *что именно* он рассказал, но этого, похоже, было более чем достаточно. Я в свое время предпочла не рассказывать Ли об этом, потому что, если честно, боялась, что это отпугнет его от меня. Я знаю, что если папа и в самом деле что-то рассказал, то только потому, что он переживает за меня, но я все равно очень сильно на него злюсь. Те события ведь происходили с Джесс Маунт, а я уже больше не Джесс Маунт. Я – Джесс Гриффитс, и я больше не имею к Джесс Маунт никакого отношения. Вообще никакого.

Мы останавливаемся возле дома, в котором находится наша квартира. Ли выходит из машины и громко захлопывает за собой дверцу. Обойдя автомобиль, он открывает мою дверцу. Обычно он подает мне руку, поскольку самой мне выйти из машины более-менее грациозно уже тяжело, но на этот раз он этого не делает. Он стоит рядом и смотрит, как я пытаюсь выбраться наружу. Когда мне это удастся, он запирает дверцы и быстро идет к входной двери дома. У меня мелькает мысль, что он уедет на лифте без меня и что мне придется либо дожидаться лифта, либо подниматься вверх по лестнице, но он держит кнопку лифта до тех пор, пока в него не захожу я.

По правде говоря, мне не хотелось, чтобы он это делал. Я еще никогда не видела его таким и не знаю, безопасно ли находиться вместе с ним в лифте. Это ведь все равно что оказаться возле вулкана как раз перед началом извержения. Мое тело инстинктивно готовится либо дать отпор, либо броситься наутек, но мой мозг все время напоминает мне, что я на шестом месяце беременности и не смогу сделать ни того, ни другого. Я смотрю прямо перед собой, стараясь не встретиться с ним взглядом в зеркале из опасения, что это заставит его сорваться. Я вздыхаю, когда двери лифта открываются, выхожу из него и жду, когда Ли откроет входную дверь квартиры. Я уже едва ли не слышу, как внутри него шипит пар. До меня доходит, что это может быть как раз тот момент, когда он вспылит и ударит меня в первый раз. Возможно, вот именно сейчас все и начнется... Я

захожу в квартиру вслед за Ли. Когда он запрет за нами дверь, я стану полностью беспомощной. Если я закричу, меня никто не услышит. И никто мне не поможет.

Дверь позади нас захлопывается. Я пытаюсь морально подготовиться ко всему, что сейчас может произойти. Ли оборачивается и смотрит на меня так, как будто ждет, что я ему что-то скажу.

– Скажи мне, что случилось, – говорю я. – Пожалуйста, скажи мне.

– Я думаю, это ты должна мне кое-что рассказать. Начни с правды.

– Это про то, что произошло после смерти моей мамы?

– Я не знаю, Джесс. Ты мне сама все расскажи. Я, похоже, ничего про тебя не знаю.

– Мне пришлось некоторое время пробить в больнице.

– По-видимому, в психиатрической больнице.

– Да. У меня было небольшое нервное расстройство – вот и все. У меня тогда голова шла кругом.

– Но почему, черт возьми, ты мне об этом не рассказала? – кричит он мне.

Я отступаю к стене.

– Я думала, что это не имеет значения. Мне в то время было всего лишь пятнадцать лет. Я ведь тоже не знаю, что происходило с тобой в твои пятнадцать лет.

– Ты знаешь, что я не был в психиатрической больнице.

– Это не имело бы значения, даже если бы ты там и был. Это ничего бы не изменило.

– Ты поставила меня в дурацкое положение, выставила меня дураком.

Он практически выплевывает в меня эти слова. Его лицо – лишь в нескольких дюймах от моего. Я чувствую на своем лице его дыхание. Если он собирается ударить меня, то пусть ударит прямо сейчас, чтобы все это побыстрее закончилось. Я инстинктивно закрываю свой живот руками.

– Послушай, я сожалею, что так случилось. Я не знала, что мой папа про это расскажет. Он не имел права тебе этого рассказывать.

Ли хватает меня за левое запястье и сжимает его так сильно, что мне становится больно.

– А есть ли еще что-нибудь такое, что тебе следовало бы рассказать мне, раз уж у нас начался этот разговор? Если ли еще маленькие секреты? Может, какие-нибудь бывшие дружки, оказавшиеся в Бродмуре^[34]?

– Ли, перестань.

– А почему я должен перестать? Что, боишься, что мне может не понравиться то, что я услышу?

Я начинаю плакать.

– А-а, ну да, давай, залейся слезами.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что женщины всегда начинают плакать, когда хотят, чтобы их не трогали, не так ли?

– Я уже пять месяцев как беременна, Ли. Сегодня еще одно Рождество, которое я провожу без своей мамы, а тут еще мой муж на меня орет. Как тут не расплакаться, а?

Он придвигает свое лицо почти вплотную к моему.

– Ты мне солгала, Джесс. Ты выставила меня дураком. И я тебе сейчас говорю, чтобы ты никогда больше такого не делала. Ты меня слышишь?

Я сглатываю слюну и киваю. Он выпускает мое запястье и уходит в спальню, хлопнув при этом позади себя дверь.

Я опускаюсь в коридоре на пол, всхлипывая и дрожа. Ну вот, это уже происходит. Он превращается в чудовище, хотя я мысленно твердила себе, что он в него никогда не превратится. Вот сейчас все начинается, вот сейчас все изменяется. И вполне возможно, что дальнейшее развитие событий приведет через шесть месяцев к убийству. Если это правда, то почему, черт возьми, я нахожусь сейчас здесь? «Г» слегка лягает меня изнутри, напоминая мне почему.

Если я сейчас сбегу, Ли меня разыщет – в этом я уверена. И если он меня разыщет, то я могу лишь догадываться, что он сделает со мной и моим ребенком. Поэтому мне необходимо оставаться здесь. Это для «Г» сейчас самое безопасное место. Я не думаю, что Ли причинит ему какой-либо вред, пока я нахожусь здесь.

А может, ситуация улучшится после того, как «Г» родится? Может, Ли изменится? Говорят, что отцовство меняет мужчину. Я, возможно, еще могу это все остановить. Все, что мне надо делать сейчас, – так это защищать «Г». Он – единственное, что имеет значение. Пока с ним все в порядке, все остальное тоже в порядке.

Я поднимаюсь с пола, снимаю сапоги и, достав из кармана куртки телефон, вешаю ее на крючок. Затем я иду в ванную. Меня одолевает усталость, но я ни в коем случае не лягу спать, пока не буду уверенной, что Ли уже уснул. А иначе может получиться так, что он снова на меня набросится.

Я сажусь на унитаз и писаю. Мне все еще как-то непривычно видеть при этом перед собой свой живот. Сейди говорила, что он будет небольшим и аккуратненьким, но он совсем не такой. С таким животом я со стороны кажусь очень толстой. Глядя вниз, я уже не вижу, что находится под ним. Я

уже не та девушка, на которую запал Ли. Возможно, именно поэтому он ведет себя так по отношению ко мне. Я ношу специальные трусики и лифчик, предназначенные для беременных. Придя домой, я тут же надеваю лосины и просторный джемпер. Я чересчур быстро устаю, чтобы ходить куда-то развлекаться, и слишком измучена, чтобы заниматься сексом, но иногда мне кажется, что это ничуть не раздражает Ли. Мы если и занимаемся сексом, то чаще всего ночью, с выключенным светом, как будто ему уже стало невыносимо смотреть на меня такую.

Я мою и вытираю руки, опускаю крышку унитаза и тяжело сажусь на нее. Затем я беру свой телефон. Я читаю последнюю публикацию папы, и по моим щекам текут слезы. Мне очень бы хотелось позвонить ему прямо сейчас, рассказать ему все и попросить его приехать и забрать меня отсюда. Попросить его прогнать чудовищ – как он делал это в детстве, когда мне снились кошмары. Но я знаю, что не могу вернуться в родительский дом. Это ведь первое место, куда направится Ли, если станет меня искать. Кроме того, я больше не хочу травмировать папу. Он и так уже немало пережил за последние несколько лет.

Я продолжаю просматривать свою страничку в «Фейсбуке» – ее «нормальную» часть. Люди размещают публикации с соболезнованиями по поводу кончины Джорджа Майкла^[35]. Я поначалу не могу понять, относится ли это к будущему или к настоящему. Зайдя на сайт новостей Би-би-си, я вижу, что это уже произошло. Он умер. Ему было всего лишь пятьдесят три. Маме он нравился. Она частенько ставила в автомобиле компакт-диск с его песнями и подпевала им. Я вроде бы тоже неплохо исполняла его песню «Разбуди меня, когда будешь уходить», сидя на заднем сиденье машины.

Я снова начинаю перемещаться по своей страничке в «Фейсбуке». Кто-то опубликовал шутку о том, что это было для Джорджа Майкла последнее Рождество. Но шутка эта совсем не смешная. Да и вообще тут нет ничего смешного. Люди мрут один за другим, и это уже начинает действовать мне на нервы. Я сижу в туалете довольно долго, щелкая по ссылкам на песни Джорджа Майкла, чтобы не уснуть. Когда я уже уверена в том, что Ли уснул, я чищу зубы, смываю макияж и иду в спальню. Я открываю дверь так тихо, как только могу, но дверь все равно при этом слегка щелкает. Ли лежит спиной ко мне. Если даже он до сих пор не спит, он явно не хочет, чтобы я это заметила.

Я раздеваюсь и аккуратно забираюсь под пуховое одеяло. Я ложусь на бок спиной к нему: это в любом случае единственное удобное для меня положение тела на кровати. Я кладу правую ладонь себе на живот и шепчу:

«Спокойной ночи, “Г”, я люблю тебя». А другой рукой отчаянно цепляюсь за простыню.

Первое, что я вижу на следующее утро, – это улыбающееся мне лицо Ли. Он уже отдернул шторы, и в спальню проникает такой яркий солнечный свет, что я, чтобы разглядеть Ли, щурюсь.

– Доброе утро, – говорит он. – Я подумал, что завтрак в постели будет очень даже кстати.

Опустив взгляд, я вижу, что он держит поднос с кофейником, кружками и горкой рогаликов. Я тру себе глаза и сажусь в постели, начиная сомневаться, что я и в самом деле проснулась. Он все еще с выжидающим видом улыбается мне – так, как будто вчера вечером ничего не происходило.

– Вот, – говорит он, ставя поднос на мой прикроватный столик, потом берет подушку и пристраивает ее у меня за спиной.

После этого он берет с подноса тарелку.

– С шоколадом или обычный? – спрашивает он.

– Э-э... Обычный, пожалуйста.

Он кладет рогалик на тарелку и передает ее мне, а затем относит поднос на свой прикроватный столик и, вернувшись к моей стороне кровати, садится рядом со мной и улыбается мне.

Я не знаю, что мне говорить и что делать. Я опасаясь, что, если упомяну о том, что произошло, он снова вспылит. Он поднимает на меня взгляд и видит, что я все еще пристально смотрю на него.

– Послушай, давай просто забудем о вчерашнем вечере, – говорит он. – Я думаю, мы оба были уставшими, и я знаю, что у тебя был нелегкий день. А может, начнем отмечать Рождество заново? Отметим его только вдвоем... Точнее говоря, втроем, – поправляет он себя.

– Но...

Он прислоняет к моим губам палец, как бы замыкая их:

– Ни единого слова. Я не хочу, чтобы ты о чем-то переживала. Ты просто расслабься. Я буду ухаживать за тобой весь день. Можешь даже не вставать с постели, если не хочешь этого делать.

Он берет свой рогалик и откусывает от него кусочек. Я слишком удивлена для того, чтобы что-то сказать, поэтому я просто отвожу взгляд в сторону и смотрю в окно.

Мы собрались отмечать наступление Нового года не у себя дома. Пойдем в какой-то местный бар, где соберутся коллеги Ли и их партнеры. По правде говоря, я не могу себе даже представить, что может быть хуже. Я никогда не любила канун Нового года. Помнится, еще ребенком я долго

упрашивала маму разрешить мне не ложиться спать, чтобы я могла дожждаться момента наступления Нового года. Она в конце концов согласилась. И я сидела, смотрела и слушала по телевизору бой часов Биг-Бен, ожидая, что затем произойдет нечто необыкновенное. Когда этого не произошло, когда на экране телевизора несколько человек – один из них в шотландской мужской юбке – всего лишь стали обниматься, я повернулась к маме и спросила:

– Что, вот это и все?

Она кивнула.

– Боюсь, что все, – сказала она. – Ты разочарована, да?

После этого наступление Нового года меня уже никогда не интересовало. В последние несколько лет мы с Сейди в новогоднюю ночь просто смотрели фильмы. И если честно, именно этим мне хотелось бы заняться и в эту новогоднюю ночь. Но сказать об этом Ли я, конечно же, не смогла.

Он заходит в спальню – выглядит, как всегда, великолепно даже в мелких деталях.

– Нам уже пора идти, – говорит он, видя, что я все еще сижу на кровати в лосинах и джемпере, в которых я ходила с самого утра.

– Мне, если честно, туда идти не хочется, – говорю я.

– Почему? Что случилось?

– Ничего. Я просто очень устала, и если я туда пойду, то к десяти часам буду уже засыпать на ходу, а мне не хочется заставлять тебя уходить оттуда так рано.

– Хорошо, – говорит он таким неприятным тоном, по которому однозначно понятно, что ничего хорошего он в этом не видит. – Мы не пойдем.

– Нет, ты сходи сам. Я не хочу портить тебе праздник.

– Ты уверена?

– Да. Со мной все будет в порядке. Я лягу спать пораньше.

– Я постараюсь не задерживаться там надолго после полуночи.

– Находишь там столько, сколько захочешь.

– Хорошо. Тогда я, пожалуй, пойду – раз уж я готов.

– Да-да, иди. Желаю хорошо повеселиться. Передай там всем от меня привет.

Последнюю фразу я сказала совсем не искренне. Никто из его друзей для меня не друг. Они – люди не моего сорта. Сейди была права: они все самодовольные и заносчивые рекламщики. Никто из них никогда не говорит мне ничего, кроме как «Привет» и «Пока». Они относятся ко мне

так, как будто я хуже их, причем только потому, что работаю за стойкой дежурного администратора.

– Договорились. Ну что же, с Новым годом!

Он наклоняется и целует меня в макушку. Свою первую встречу Нового года вместе с ним я представляла себе другой. Совсем другой.

Едва он ушел, я хватаю свой мобильный телефон и звоню Сейди. Есть ведь вероятность того, что она сейчас ничем не занята, а значит, могла бы приехать ко мне. Она здесь еще ни разу не была. Я не представляла себе, как ее приглашать, после всего того, что сказал мне о ней Ли. Даже если бы я выбрала время, когда его нет дома, я невольно переживала бы, что он может неожиданно прийти домой и увидеть ее здесь – и тогда это спровоцировало бы у него очередную вспышку гнева. В телефоне звучит пара гудков, прежде чем Сейди отвечает на звонок. Я слышу какой-то громкий фоновый шум.

– Привет, – говорит она. – Как дела?

– Все в порядке. Немного устала – только и всего. Ты где?

– На работе. Я вызвалась поработать сегодня в вечернюю смену, потому что не нашлось более интересных вариантов. А ты где?

– Дома. Дома у Ли, я имею в виду. Мы собирались пойти кое-куда поразвлечься, но мне этого делать не захотелось.

– То есть у тебя сейчас тихий вечер наедине с мужем?

– Нет. Он ушел. У него там что-то вроде корпоратива. Я сказала, что не против.

– Правильно.

– Во сколько ты заканчиваешь? Мне вдруг пришло в голову, что ты, возможно, захочешь ко мне заглянуть.

– Боюсь, что не раньше одиннадцати. Кроме того, Адриан купил билеты на какой-то концерт здесь, в Лидсе, и я сказала, что пойду с ним.

– Да, конечно. Ну ладно.

– Вообще-то я запросто могу отказаться и вместо этого прийти к тебе. Хочешь?

– Нет, не надо. Я не хочу нарушать твои планы. Тем более что к такому позднему времени я уже, наверное, усну.

– Ну ладно, если ты так считаешь...

– Да. Но я все равно с тобой скоро увижусь. Желаю хорошо провести время.

– И тебе того же самого. Ну, и чтобы сны тебе снились хорошие.

Я нажимаю на кнопку отбоя, прикусив нижнюю губу. Несколько секунд спустя мой телефон издает звуковой сигнал. Это пришло сообщение

от Сейди: она прислала мне целую кучу идеограмм, рассматривать которые мне совсем не хочется. Я щелкаю на иконке «Фейсбука». Люди все еще обсуждают кончину Кэрри Фишер^[36] и публикуют ссылки на «Звездные войны». Ли отнесся к данному событию абсолютно равнодушно, и это меня удивило. Когда я спросила его, в чем причина его равнодушия, он сказал, что его интересовали в «Звездных войнах» только персонажи мужского пола.

Все заявляют в своих публикациях, как им не терпится дождаться конца этого ужасного 2016 года. И выражают свою скорбь по поводу того, как много умерло в этом году знаменитостей. А меня сейчас одолевают мысли о том, что на следующий год все эти люди будут говорить, каким ужасным был год 2017-й. И будут поминать меня.

Я захожу в свою «Хронику» и нахожу в ней последнюю фотографию «Г».

– Не могу дождаться встречи с тобой, – говорю я, целуя экран.

Затем я ложусь спать, зная, что, когда проснусь, уже наступит год, в который я встречу с ним и в который я с ним попрощаюсь.

Сейди Уорд → Джесс Маунт

11 июля 2018 г.

Ровно год назад я потеряла свою лучшую подругу. Я все еще не могу поверить в то, что тебя не стало, Джесс. Я все еще высматриваю тебя на железнодорожной платформе, я все еще ожидаю услышать на работе твой смех, и я все еще скучаю по тебе так, что это невозможно выразить словами.

Не у всех есть такая лучшая подруга, какая была у меня. Мои самые ранние воспоминания – о том, как мы играли с тобой на школьном дворе. Я не помню свою жизнь до тебя. Для меня жизнь как бы началась заново, мне пришлось учиться жить без тебя. И большую часть времени мне это удается, хотя я не живу, а просто существую: делаю свою работу, пытаюсь вести себя вежливо при общении с людьми... Но иногда, проснувшись утром, я не могу думать ни о чем, кроме того, что произошло с тобой. Иногда я лежу в постели ночью и не могу заснуть, потому что чувствую себя из-за всего этого очень плохо. После твоей смерти в моей жизни образовался огромный и ужасный вакуум, который когда-то заполняла ты. Я скучаю по тебе, Джесс. Я люблю тебя, и хотя мне нельзя сообщать здесь

что-либо о том, что произошло, я хочу, чтобы ты и все остальные люди знали, что, когда начнется разбирательство в суде, я буду говорить правду, только правду, ничего, кроме правды. И я сделаю это ради тебя.

Джесс

Вторник, 14 февраля 2017 года

В прошлом году были розы. Две дюжины роз. Я помню, как их доставили к нам на работу и Нина пробормотала, что у некоторых людей намного больше денег, чем здравого смысла. Я помню, что чувствовала себя особенной, избалованной, обожаемой.

В этом году – лишь открытка на кухонном столе.

– С Днем святого Валентина! – говорит Ли, подходя ко мне и целуя меня.

Я не чувствую себя достойной и этого. Я стою в своем замызганном домашнем халате, пояс которого неплотно завязан вокруг моего выпирающего живота. Мои волосы растрепаны, а под глазами – темные круги. Я не знаю, черт возьми, кто они такие – те женщины, про которых говорят, что они во время беременности расцветают. Я вот явно не расцветаю. Я увядаю и сохну прямо у него на глазах.

– Спасибо, – говорю я, доставая свою открытку из кармана халата и передавая ее Ли.

Мы открываем открытки одновременно. Ли написал внутри «Маме моего сына». И я снова спрашиваю себя: что же произошло с Джесс – девушкой, в которую он влюбился? Я не уверена, что она все еще существует. Мы оба издаем соответствующие возгласы. Я не знаю, что мне после этого следует сказать. Я включаю радио, чтобы как-то смягчить атмосферу неловкости, которая возникает, когда мы начинаем завтракать. Потом Ли загружает посудомоечную машину, а я тем временем собираюсь на работу. Я в конце концов сдалась в борьбе за свой внешний вид и купила себе одежду для беременных. Я старалась не употреблять этот термин: от слов «одежда для беременных» меня аж начинает тошнить, – но я уже дошла до того момента, когда попросту не могу носить обычную одежду на пару размеров больше. Я надеваю лосины для беременных и натягиваю новый черно-серый балахон. Повернувшись к зеркалу, я смотрю на свое отражение. Единственное, что мне приходит при этом в голову, – так это что Сейди описалась бы от смеха, если бы увидела меня сейчас. Я

расчесываю волосы щеткой и завожу их за уши в тщетной надежде, что это хоть как-то спасет во мне остатки презентабельности. Нет, не спасает. Я выхожу в коридор, где меня уже ждет Ли. Окинув меня взглядом, он хмурится.

– Ты собираешься пойти на работу вот в этом?

– Я знаю, что это не очень презентабельная одежда, но ничего другого на меня уже больше не налезит.

– Да, но ты не можешь пойти в таком виде. Ты ведь секретарь на ресепшне, Джесс, и ты должна выглядеть соответствующим образом.

– Каким еще соответствующим образом? Я беременна. Женщина вот так и выглядит, когда она беременна. Если, конечно, она не Бейонсе^[37], а я уж точно не она.

– А тебе и не нужно быть никакой Бейонсе.

Тон его голоса становится резким. Он смотрит на меня с явным презрением.

Я невольно отступаю назад и упираюсь спиной в стену:

– И что же ты предлагаешь мне сделать?

– Пройдись по магазинам и купи себе какую-нибудь более подходящую одежду. Я скажу Карлу, что ты пошла на прием к врачу. И сделай так, чтобы, явившись на работу, ты выглядела так, как будто пришла работать в офис, а не попить кофе с другими мамочками.

Он поворачивается и уходит, хлопнув за собой дверью.

Я закрываю глаза. Мне грустно от осознания того, что моя первая реакция на такое его поведение заключается не в гневе, а в облегчении от того, что он меня не ударил. «С Днем святого Валентина, черт побери!» – бормочу я, медленно опускаясь на пол возле стены.

По правде говоря, я не уверена, что новая одежда, которую я купила, сильно отличается от предыдущей, но я все же прихожу на работу часом позднее в черном платье для беременных из магазина «Хеннес энд Мауриц», колготках и полусапожках. Я даже добавила на лицо больше косметики в надежде на то, что это, по крайней мере, будет означать «Я старалась». Я снимаю с себя куртку и протискиваюсь за стойку дежурного администратора. Там я чувствую себя психологически уже легче: видна ведь только верхняя половина моего туловища.

Мне вспоминается Бет – женщина-секретарь, которую я сменила и которая была вынуждена ходить в туфлях на шпильках на девятом месяце беременности. Что-то я сомневаюсь, что в свои восемь месяцев беременности смогу пролезть за стойку дежурного администратора.

Вскоре вниз по лестнице сходит Карл. Он останавливается слева от

стойки. Я вижу, как его взгляд опускается на мои полусапожки и затем снова поднимается до уровня лица.

– Джесс, – говорит он, – я понимаю, что тебе сейчас уже тяжело ходить на работу, а потому я предлагаю, чтобы твой отпуск по беременности начался раньше и чтобы ты закончила свою работу здесь в конце месяца. Полагаю, что так будет лучше для всех.

Я смотрю на него с изумлением. Есть только один человек, от которого это могло исходить. Поступить так ему предложил Ли. Его так смущает мой нынешний внешний вид, что он уже больше не хочет, чтобы я работала рядом с ним. Я пытаюсь подавить закипевшее во мне негодование, вернув себе способность говорить.

– Нет, спасибо, – говорю я. – В этом нет необходимости.

Брови Карла поднимаются. Он, похоже, не привык к тому, что женщины ему перечат.

– Понимаешь, я твой начальник, и я полагаю, что такая необходимость есть. Это совсем не та внешность, с которой мы хотели бы видеть секретаря, встречающего наших клиентов. Старайся по возможности не выходить из-за стойки дежурного администратора, пока не уйдешь в отпуск по беременности через две недели.

Я так ошеломлена, что даже не знаю, что сказать. «Да пошел ты к черту!» – вот какой напрашивается ответ. Именно так ответила бы Джесс Маунт. Но Джесс Маунт больше не существует.

– Хорошо, – говорю я. – И прошу иметь в виду, что я сюда больше уже не вернусь.

Карл улыбается с таким видом, как будто он рад это слышать.

– Да, а еще если бы ты соблюдала дресс-код по части высоких каблуков, то это было бы замечательно.

Он уходит еще до того, как я успеваю что-либо сказать. Что, наверное, хорошо.

Примерно часом позже мне приносят цветы. Две дюжины красных роз, связанных широкой красной лентой. Когда их приносят, возле стойки дежурного администратора находится Эми – одна из менеджеров по работе с клиентами.

– Ого! – восклицает она. – Везет же тебе... А ну-ка, сфотографируйся с ними и размести потом фотографию в «Фейсбуке». Покажи всему миру, как сильно он тебя любит.

Я улыбаюсь, пока она не уходит наверх. Подозреваю, что она знает не хуже меня, что это было сделано всего лишь ради поддержания имиджа.

Это была идея Сейди – встретиться и пообедать вместе в День святого

Валентина. Она сказала, что только таким способом ее можно вытащить на обед, даже если он будет состоять всего лишь из бутерброда в «Каффе неро». Я же, по правде говоря, была рада, что хотя бы ненадолго уйду из офиса.

Когда я подхожу к ней, она ухмыляется.

– Ты что скалишься? – спрашиваю я.

– А то, что ты теперь и в самом деле выглядишь как беременная женщина.

– Тебе следовало бы посмотреть, как я выглядела сегодня утром до того, как переоделась.

– Ты, наверное, скоро заменишь свое фото профиля на то, где ты с большим голым животом.

– Не ахай, когда это увидишь.

– Странно все-таки, как все изменилось. Я вот тут вспоминала о том, как несколько лет назад мы с тобой заказали столик на двоих в ресторане вечером на День святого Валентина и потом напились за этим столиком и вели себя очень шумно лишь ради того, чтобы позлить окружающие нас парочки.

– Я уверена, что у них остались о тебе самые приятные воспоминания.

– Ну, кому-то же надо было раздолбать этот их романтический бред, не так ли? Кстати, о романтическом бреде – что он тебе подарил?

– Красные розы, – отвечаю я. – Как и в прошлом году.

– Видишь, он теперь на крючке, так ведь? Раз уж он установил планку так высоко, ему придется держать ее на таком уровне каждый год, а иначе ты подумаешь, что он стал меньше тебя любить. Лично я начала бы с одной розы. И если бы я продолжала их дарить, это все еще выглядело бы романтическим, но не стоило бы так дорого.

Я смеюсь, пусть даже в глубине души мне совсем не до смеха. Просто находиться рядом с Сейди – для меня сейчас самое лучшее лекарство из всех, какие только могут быть.

– Ну ладно, – говорю я, крутя свое обручальное кольцо. – Пойдем и слопаем по бутерброду, посвященному Дню святого Валентина.

Пока мы стоим в очереди, Сейди рассказывает мне все новости с моей прежней работы. Она сообщает, как обычно, о том, что там наговорила Нина. А еще – о том, что один повар увольняется, и о том, что какому-то парню, сидевшему на двойном диване в дальней части зала, пришлось два раза сказать во время сеанса, чтобы он заткнулся. Я скучаю по этому. По всему этому. Я скучаю по Сейди, я скучаю по веселью и смеху, я скучаю по Джесс Маунт.

– А у тебя как дела? – спрашивает она, когда мы садимся со своей едой за столик.

– Нормально. Но, как обычно, чувствую себя уставшей.

– А сколько тебе еще осталось работать? Около месяца?

– Нет, всего лишь пару недель. Я уйду с работы в конце месяца.

– Ага, понятно. А ты не чокнешься потом от того, что будешь аж шесть недель сидеть и ничего не делать?

– Может, и чокнусь. Но у меня вообще-то не было особого выбора. Карл решил, что я больше не соответствую требованиям к внешнему виду секретаря на ресепшене, раз уж я теперь похожа на Глорию из «Мадагаскара».

– Ты серьезно? Это, черт возьми, незаконно.

– Я знаю. Но, видишь ли, было бы нелепо подавать в суд на компанию, в которой работает мой муж.

– А что об этом думает Ли?

Я медленно дожевываю и проглатываю то, что находится у меня во рту, чтобы достаточно хорошо взять себя в руки перед тем, как начну отвечать.

– Не знаю. У нас пока еще не было возможности об этом поговорить.

Сейди смотрит на меня. У меня вообще-то не получается ничего от нее скрывать.

– У тебя точно все в порядке? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами:

– Сейчас, я думаю, вообще тяжелое время. Все станет лучше, когда родится ребенок.

Сейди, похоже, мои слова не убедили, но я не думаю, что она начнет развивать данную тему в таком общественном месте, как это.

– Ну, пока ты еще ходишь на работу, ты можешь приходить со мной пообедать в любой день, когда захочешь, – говорит она, вытирая крошки с губ.

– Хорошо. Если я, конечно, еще буду способна ковылять по городу.

– Будет прикольно смотреть на то, как ты пытаешься это делать.

– Нас уже скоро ждет переезд на другую квартиру.

– Я об этом забыла. Я еще никогда не слышала, чтобы кто-то переезжал в том же самом доме на один этаж ниже.

– Это, по правде говоря, будет больше похоже на перемещение из одного номера отеля в другой. Все мои вещи вполне поместятся в одном чемодане.

– А где же тогда все твои остальные вещи?

– Дома. Я имею в виду у папы. Ли не любит, когда в квартире все загромождено. А большинство моих вещей – это хлам: старые книги, фотографии, сувениры и все такое прочее.

– Это не хлам, это очень важные вещи.

Я отхлебываю из своего стаканчика с какао.

– А что представляет собой новое жилье? – спрашивает Сейди.

– Все точно так же, как и в нынешнем, но есть еще одна спальня... – Я запинаюсь, вдруг осознав, что Сейди никогда не видела нашу с Ли квартиру. – Тебе нужно будет прийти как-нибудь ко мне до работы и посмотреть – я имею в виду, когда я уже буду в отпуске по беременности.

– Хорошо, – говорит Сейди. – Мне бы тоже этого хотелось.

– Но нам лучше подождать, пока Анджела не закончит украшать детскую комнату. Она, похоже, будет практически жить у нас, пока будет этим заниматься.

– Это тебя не раздражает?

Я пожимаю плечами:

– Мне кажется, что это замечательно, что она проявляет такую большую активность.

– А мне это кажется чрезмерным.

– У нее благие намерения.

– Ты уже не скажешь этого, когда она начнет с помощью трафарета рисовать дурацких игрушечных коней-качалок и плюшевых медвежат на твоих стенах.

Я смеюсь. Смеюсь искренне. Так, как когда-то смеялась Джесс Маунт.

Джесс

Ноябрь 2008 года

Я лежу на больничной койке. Все вывернулось наизнанку и встало с ног на голову. Все стало хуже после инцидента в поезде. Намного хуже. Я, к примеру, стала кричать на одного учителя в школе и отказываться отправляться в школьную поездку, потому что ехать в автобусе – это небезопасно. А еще я стащила одного мальчика с его велосипеда на дороге, тянувшейся вдоль канала, потому что мне показалось, что он сейчас на кого-то наедет.

Когда они стали обследовать меня и обсуждать, как меня лечить, Эдвард сказал, что я утратила способность вести себя в обществе

адекватно и мне необходимо находиться под круглосуточным психиатрическим наблюдением. Поэтому меня теперь считают чокнутой. Меня заперли люди, которые в действительности сами чокнутые, но их таковыми не считают. Они говорят, что всего лишь пытаются помочь мне, что они делают то, что для меня лучше всего. Но на самом деле это все потому, что они хотят продолжать быть чокнутыми и не хотят признать, что я права.

Папа сидит на стуле рядом с моей кроватью. Он сейчас много плакал. И таращился в окно. Когда я смотрю на него, я вижу в его глазах страх. Он думает, что я схожу с ума, и не знает, что ему делать. Он терзает себя, но он вообще-то не виноват в том, что мама умерла. Никто в этом не виноват. Это просто произошло – и все. Такое может произойти с любым из нас в любой момент. В этом-то и состоит проблема.

Медсестра приходит с лекарствами для меня. Я не хочу их принимать. Они пытаются превратить меня в какого-то зомби, который думает так же, как все остальные. Кроме того, у лекарств есть побочные эффекты. Я про них очень много читала. Меня сейчас пытаются убить изнутри. Я загоняю таблетки языком себе за щеку, выпиваю немного воды, открываю рот – и медсестра думает, что я проглотила эти таблетки. Она мне что-то говорит, но я не слышу ее слов. Я как будто бы нахожусь под водой, а разговаривающие со мной люди находятся над ее поверхностью, и поэтому я не слышу, что они мне говорят. Папа улыбается и кивает. Позже, когда они не будут на меня так внимательно смотреть, я пойду в туалет, выплюну таблетки в унитаз и смою их. Все будут улыбаться и говорить, что скоро мне станет лучше, а я стану отвечать им то, что им хочется от меня услышать, и им придется отпустить меня домой и оставить меня в покое. Но ничего в конечном счете не изменится, и я буду думать все то же самое, однако они будут радоваться и говорить, что они меня вылечили. Им только того и хочется, чтобы подтвердилось, что они были правы, и чтобы они могли сказать, что я была не права, и тогда они будут довольны. Ну что ж, я собираюсь позволить им быть довольными, потому что я гораздо больше их довольна от своего осознания того, что они полные идиоты. Мне просто нужно никому об этом не говорить, и тогда у меня все будет в порядке.

Среда, 1 марта 2017 года

Такое жилье – я предупреждала Ли об этом еще несколько месяцев назад – им не подходит. Оно явно не подходит для того, чтобы растить в нем малыша. Джесс и Ли переехали туда лишь пару дней назад, но уже распаковали свои вещи, поэтому в этой квартире вроде бы должно стать хоть немножечко уютней. Но в ней неуютно. Она все еще похожа на гостиничный номер, и у них тут нет никаких безделушек и сугубо личных вещей, которые придают жилищу уютный вид. Я подарила им в день свадьбы вышивку в рамке с их именами и датой и всем таким прочим, но так не увидела, чтобы они ее где-нибудь разместили. Ее здесь нет. Что есть – так только одна фотография: черно-белый снимок их свадьбы в темной рамке. Я знаю, что Ли любит такой минималистский стиль, но, честно говоря, он заходит в этом, по-моему, уж слишком далеко. В общем, все это должно будет измениться после того, как родится ребенок. Когда в вашем доме есть маленький ребенок, вряд ли там все и всегда будет чисто и аккуратно. Да, все должно будет измениться, причем к лучшему.

– Ну так что, – говорю я, поворачиваясь к Джесс, – ты абсолютно уверена насчет цвета?

Она кивает. Я потратила много времени на то, чтобы порассматривать и обсудить с ней цвета и их оттенки. Я раньше даже не представляла себе, сколько сейчас имеется оттенков голубого. Мы в конце концов выбрали что-то вроде мягкого бирюзового цвета, который ярче, чем традиционный голубой, используемый для младенцев-мальчиков. Джесс, похоже, такой цвет понравился больше всего. Ли же, по правде говоря, не проявил к этому большого интереса. Он предоставил все, что касается детской комнаты, нам, сказав, что это может быть «нашим проектом». Хотя оплатит расходы, конечно, он.

Я окунаю валик в краску. Вообще-то я раньше никогда не красила стены. Саймон всегда сам красил и сам украшал интерьер нашего дома. Только один раз я ободрала обои в нашей спальне. А после того как он от меня ушел, я нанимала разнорабочих, когда нужно было красить стены или клеить обои. Но детская комната – это совсем другое дело. Детскую комнату следует украсить с любовью. А поскольку эта комната – маленькая, я уверена, что мы покрасим в ней стены вдвоем за один день.

Я прикасаюсь валиком к стене и двигаю его туда-сюда.

– Ну вот, – говорю я Джесс. – Все получается. И цвет шикарный.

– Да, – отвечает она, поднимая на меня взгляд от валика, который держит в руках.

Она в последнее время стала какой-то тихой. Как будто у нее поубавилось прыти. Думаю, она утомлена, и это вполне объяснимо. Но я все же переживаю за нее – особенно после того, как Джо рассказал о ее пребывании в психиатрической больнице. Она ведь, должно быть, находилась в весьма тяжелом психическом состоянии, раз ее туда положили. И она, конечно же, не сможет ухаживать за ребенком, если с ее психикой снова что-то произойдет. Это хорошо, что ребенком вполне могу заняться я. Я сказала Ли, что, как только родится ребенок, я буду приходить каждый день. Хотя бы для того, чтобы просто присматривать за Джесс. Мне не хотелось бы, чтобы он, находясь на работе, переживал. Я понимаю, что ей, должно быть, пришлось нелегко, когда она потеряла маму в таком юном возрасте, но ведь очень многие люди перенесли подобную утрату и при этом не тронулись рассудком, верно? И если с ней такое когда-то произошло, кто даст гарантию, что это не может повториться?

А еще мне не нравится, что она, похоже, не рассказала об этом Ли. Получается, она пыталась от него что-то скрыть, до того как они поженились. Она как бы подправила свое прошлое, чтобы убедить его в том, что на ней вполне можно жениться. Кто знает, что еще она скрывает? Я думаю, что ему это тоже не понравилось, хотя, когда я попыталась поговорить с ним об этом, он довольно резко сменил тему.

У меня складывается впечатление, что между ними не все гладко. Все их прежние улыбки, держание друг друга за руку, шуточки шепотом – все это куда-то улетучилось. Меня это, конечно же, беспокоит, ибо я помню о том, что произошло с Эммой. Я очень надеюсь, что Ли понимает, что эти его отношения обязательно должны сложиться. Она ведь уже носит в себе его ребенка. Если все пойдет как-то не так, одному только Богу тогда будет известно, когда я увижу своего внука. Нет, мне необходимо позаботиться о том, чтобы их отношения вновь стали такими, как раньше. Именно поэтому я и записала их на курсы для будущих родителей. Я подумала, что если они получают побольше информации относительно своего будущего материнства и отцовства и пообщаются с другими молодыми парами, находящимися точно в таком же положении, то это их подбодрит.

– Ой, Джесс, напомни мне, когда я уже соберусь уходить, что мне нужно прислать тебе по электронной почте подробную информацию о тех курсах, о которых я тебе говорила. Их проводит организация, занимающаяся оказанием помощи будущим родителям. Начало – через пару недель.

– Да, конечно, хотя вообще-то я все еще не уверена, что это хорошая идея. Ли не проявлял никакого интереса к таким курсам.

– Иногда, Джесс, он нуждается в том, чтобы его слегка подтолкнули. Он не всегда знает, что для него лучше.

– Боюсь, что это вряд ли ему понравится. Он на таких курсах будет себя чувствовать неловко.

– Ну, теперь у него уже нет выбора. Я вас туда уже записала.

Она опускает свой валик и смотрит на меня, вытаращив глаза:

– И вы его даже не спросили?

– Мне там сказали, что вам очень повезло, что нашлись свободные места. Все было занято, но кто-то отменил свое бронирование. Обычно на такие курсы записываются за несколько месяцев.

Она качает головой, и выражение ее глаз становится слегка испуганным – как у оробевшего кролика.

– Нет, это плохая идея. Вы же знаете, что он очень не любит, когда ему указывают, что ему нужно делать.

Я надуваю губы. Мне не нравится, что она упрямится. А еще что-то рассказывает мне про Ли – как будто я не знаю своего собственного сына! Моего сына, с которым она познакомилась, по сути, совсем недавно.

– Не переживай, Джесс. Я знаю, как для него будет лучше. Я сумею его в этом убедить.

– Да, но потом вас рядом с нами не будет, – говорит она, повышая голос так, как никогда еще этого не делала, общаясь со мной. – Вы не увидите, как он будет себя вести, когда мы с ним останемся вдвоем.

Она несколько раз окунает валик в краску. Когда она подносит руку с валиком к стене, я вижу, что ее рука дрожит.

– Джесс, – говорю я, опуская свой валик. – Что вообще происходит, а?

– Он разозлится. Очень сильно разозлится.

– Нет, не разозлится.

– Разозлится, и тогда он может...

Она запинается и начинает всхлипывать. Я обнимаю ее и чувствую, как ее тело дрожит.

– Он может сделать что?

– Не важно. Я думаю, он может разозлиться на меня – только и всего.

– Но на тебя ему сердиться не за что. Это ведь я записала вас на курсы. Я ему об этом так и скажу.

Она вытирает нос рукавом. Я сомневаюсь, что она видит все в правильном свете. По правде говоря, она кажется мне немного истеричной. А вдруг у нее опять начинаются проблемы с психикой?..

– Все это становится для тебя слишком тяжелым? – спрашиваю я. – Это для тебя слишком большая психическая нагрузка?

– Нет. Со мной все в порядке. Я просто немного нервничаю из-за ребенка – только и всего.

– Смотри, если это для тебя все-таки слишком большая психическая нагрузка, мы можем найти для тебя психотерапевта.

– Со мной все в порядке.

Тон ее голоса изменился. В нем чувствуется резкость, которой я раньше не замечала. Возможно, с этим сейчас приходится сталкиваться и Ли. Возможно, именно поэтому их отношения кажутся такими напряженными.

– Я знаю, но нам необходимо сделать так, чтобы мы могли за тобой присматривать. Так сказал твой папа. Нам совсем не нужно, чтобы дело дошло до того, что...

– Анджела, я сказала, что со мной все в порядке. Понятно?

– Тебе, возможно, сейчас необходимо прилечь и отдохнуть, дорогая. Я могу закончить эту работу и сама.

– Я себя чувствую прекрасно.

– Нет, ты чувствуешь себя отнюдь не прекрасно, Джесс. Но я уверена, что ты будешь чувствовать себя гораздо лучше, если немного поспишь. А я тут и сама все доделаю. Не переживай об этом.

Она снова вытирает себе нос и смотрит в потолок. Мне на мгновение кажется, что она сейчас начнет мне возражать, но она этого не делает. Она просто молча выходит из комнаты. Несколькими секундами позже я слышу, как закрывается дверь ее спальни. Я глубоко вздыхаю. Ситуация, похоже, хуже, чем я предполагала. Я уже отнюдь не уверена, что она сможет надлежащим образом заботиться о малыше при таком состоянии ее психики.

Я вижу, что буду нужна намного больше, чем могла себе представить. И до того, как родится малыш, и после. Я буду приходить к ним регулярно и, пожалуй, не стану предупреждать ее о своем приходе. В этом случае, если она и в самом деле перестанет вести себя адекватно, она не сможет это скрыть.

Мне придется контролировать, что она следит за собой и ходит на курсы для будущих родителей. У меня такое ощущение, что ей сейчас нужен кто-то вроде матери, которая заботилась бы о ней. Я вполне могу справиться с подобной ролью. Я могу быть мамой и бабушкой в одном лице. Я не позволю их семье распасться. Я в своей жизни один раз уже проявила пассивность и позволила такому произойти, но больше ничего подобного не повторится.

Я снова поднимаю валик и продолжаю красить стену. Я закончу всю

эту работу к тому моменту, когда Джесс проснется. Это немного поднимет ей настроение. А затем я покажу ей трафареты, которые я принесла с собой, и спрошу, какие из них ей нравятся больше всего.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Джо Маунт

12/09/2018 18: 53

Я не хочу в это верить, Джесс. Я не хочу верить, что твоя жизнь была такой. Когда его бывшая девушка стала давать показания, я, по крайней мере, мог сказать себе, что описываемые ею события не имеют отношения к тебе. Она рассказала о том, как Ли ударил ее, когда застал глазающей на дисплей мобильного телефона во время их совместного отдыха. Я видел лица присяжных, когда они смотрели на рентгеновский снимок ее челюсти, сделанный в больнице в Италии. Но я мог сказать себе, что к тебе это не имеет отношения. Ужасно то, что он сделал с ней, и гнусно то, что он затем – примерно через год – поселился с тобой в том же самом гостиничном номере, но речь о насилии непосредственно по отношению к тебе еще не шла. Даже когда Сейди начала давать показания и рассказала о том, что в последние месяцы видела на тебе синяки и ссадины и что ты всегда давала им какое-то объяснение, я подумал, что это, возможно, всего лишь ее слишком богатое воображение. Я подумал, что, возможно, как заявляла защита, Сейди всего лишь испытывает чувство ревности из-за того, что он как бы отнял тебя у нее. Но затем прочли вслух письмо, которое ты написала Сейди и в котором ты попросила ее позаботиться о том, чтобы я стал опекуном ребенка, который у тебя родится, потому что будет небезопасно оставлять этого ребенка у Ли. Только тогда я понял, что у тебя в твоей семейной жизни и в самом деле что-то пошло не так. Защита, конечно, заявила, что, когда ты это писала, у тебя было не все в порядке с головой, но я-то знал, что это неправда.

А когда сегодня стала давать показания та уборщица – сама еще совсем юная девушка, – когда она начала рассказывать, что видела окровавленные салфетки в мусорном ведре в ванной, причем не один раз, у меня в животе все начало сжиматься. Я слушал, как она рассказала им о том, как она, опорожня

мусорное ведро, нашла что-то твердое и белое. Оно выпало из куска туалетной бумаги. Она поднесла его к свету и увидела, что это зуб. Точнее говоря, часть переднего зуба. Часть зуба, которую он выбил, когда ударил тебя. Вот тогда-то я опустил голову и заплакал. Заплакал, потому что уже не мог больше этого отрицать. Даже для самого себя. Он бил тебя, Джесс. Он бил тебя и ладонью, и кулаком, и еще черт знает чем. Он делал это, возможно, на глазах у Гаррисона, и я рад тому, что твой сын еще так мал, что не будет помнить этого, когда вырастет. Но я всегда буду это помнить, Джесс. Я вижу, как это происходило, своим мысленным взором. И я не знаю, перестану ли я когда-нибудь это видеть. Я никогда не прощу себе, Джесс, того, что я допустил, чтобы с тобой происходило подобное.

Я все еще очень хорошо помню, как впервые взял тебя на руки, когда ты была маленьким комочком с красной морщинистой кожей, и, повернувшись к твоей маме, сказал ей, что никогда не допущу, чтобы с тобой произошло что-либо плохое. А теперь вот получается, что я ее подвел. И ее, и тебя. Мне очень жаль, Джесс. Мне очень жаль, и мое сердце разрывается от боли.

Джесс

Понедельник, 20 марта 2017 года

Я просыпаюсь и инстинктивно провожу пальцем по своим верхним зубам, чтобы убедиться, что они все еще на месте. Я делала это в течение последней недели каждое утро, после того как прочла эту публикацию. Интересно, какой же из зубов он мне выбьет? И каким, черт побери, образом я умудрюсь отреставрировать их так, что этого никто не заметит? Я зарегистрирована у государственного стоматолога в Митолройде, а Ли – у частного стоматолога в Лидсе. Наверное, у частного стоматолога вполне можно поставить коронку очень-очень быстро. Я думаю, что если мне там будут задавать вопросы, то я просто что-нибудь сойду. Если я вру лучшей подруге и отцу, то почему бы мне не соврать стоматологу?

Я кладу ладонь себе на живот. «Г» тихонько шевелится. Места у него там для активных движений, конечно, немного.

– Я делаю это ради того, чтобы тебе было хорошо, – говорю я.

Но даже произнося эти слова, я понимаю, что это какая-то ерунда.

Через четыре месяца он останется без мамы. Разве это может быть для него хорошо?

Правда заключается в том, что я делаю это потому, что не знаю, как еще я могу поступить. Если сбегу и спрячусь, я все равно могу умереть. Я ведь еще не знаю, где буду убита. Может быть, и не здесь вовсе. Кроме того, во мне все еще теплится надежда, что я смогу изменить Ли. Надежда на то, что, даже если он избивал Эмму, он, возможно, сделал для себя выводы и не собирается поступать так по отношению ко мне.

А если его не смогу изменить я, то, возможно, сможет «Г». Вдруг, как только он родится, Ли посмотрит на него, смягчится где-то внутри себя и осознает, что не должен никогда поднимать на меня руку.

Я встаю с кровати. Мне вообще-то очень даже нравится быть в отпуске по беременности. Нравится, конечно же, не потому, что я пузатая, у меня изжога и мне приходится подниматься по малой нужде по три раза за ночь, а потому, что я могу нежиться одна в постели по утрам столько, сколько захочу. Это дает мне пространство и время, а это как раз то, в чем я сейчас нуждаюсь.

Я иду на кухню, чтобы поставить чайник, и вдруг замечаю, что дверь в детскую приоткрыта. Я захожу в нее и включаю свет. Интерьер в ней – как на иллюстрациях в журналах про убранство детской комнаты, которые Анджеला все время приносит. И это неудивительно, если учесть, что большинство своих идей она черпает из них.

В детской все в бирюзовых и кремовых тонах. Мне удалось уговорить ее не делать на стенах рисунки с помощью трафаретов, потому что я знала, что Ли они очень не понравятся, но она настояла на шторах со звездами, месяцами и космическими ракетами, абажуре и коврике. А еще на том, что над кроватью «Г» должна висеть крутящаяся игрушка в виде луны и звезд, а на стене должна висеть вышивка в рамке со словами «Я люблю тебя больше всего на свете». Я подхожу к кровати, опускаю ее защитную стенку и глажу матрац. Скоро здесь будет лежать «Г». Мой маленький мальчик. Мысленно я уже вижу его. Все время вижу. А совсем скоро я уже смогу к нему прикоснуться и взять его на руки, и он наконец-то будет настоящим, а не просто фотографией в моем телефоне.

Фарах приходит в десять тридцать. Последние две недели перед ее приходом я старалась уйти куда-нибудь из дому – обычно я гуляла вдоль канала, – потому что для меня было невыносимо встречаться с этой женщиной, которая вскоре будет знать про меня кое-что такое, что мне хотелось бы от всех скрыть. Но сегодня я осталась дома. Сегодня я чувствую, что мне следует пообщаться с этой молодой женщиной, которая

будет выступать в суде в мою пользу.

– Здравствуйте, Фарах, – громко говорю я, когда слышу, что в замке поворачивается ключ.

Я делаю это потому, что не хочу напугать ее своим неожиданным появлением – так, как однажды своим неожиданным появлением она испугала меня. Она заглядывает на кухню.

– Здравствуйте, – улыбается она.

У нее симпатичное лицо и карие глаза миндалевидной формы с красивыми ресницами. Такой, как она, макияж совсем не нужен.

– Я приготовила кофе. Хотите выпить чашечку?

– Нет, спасибо, – отвечает она. – Мы не должны делать перерывы на кофе, когда работаем.

– Так я никому об этом не расскажу.

Она пару секунд колеблется, а потом ее улыбка становится шире.

– Если вы уверены, что мне можно это сделать, то тогда я согласна. Я просто потом добавлю себе рабочего времени.

– Не говорите глупостей. Всем должны предоставляться перерывы на то, чтобы попить кофе. В каком виде вы хотите кофе?

– Пожалуйста, без молока и без сахара.

Я киваю.

– Сколько времени вы уже работаете на это агентство?

– Около года. Почти с того самого времени, как я приехала в эту страну.

– А откуда вы приехали?

– Из Афганистана. Это моя родина.

Я киваю, но при этом чувствую себя невеждой, потому что про Афганистан почти ничего не знаю. Так, просто видела какие-то репортажи про эту страну в новостях.

– Вы приехали сюда со своими родственниками? – спрашиваю я, протягивая ей кофе.

Она отрицательно качает головой:

– Нет. Мои близкие родственники – они все мертвы.

– Простите, – говорю я, опуская взгляд. – Я не знала. Моя мама тоже уже мертва, и поэтому я знаю, как это тяжело.

– Да, но я уже привыкла разговаривать об этом. Мне приходилось рассказывать об этом местным властям, когда я приехала сюда.

– То есть вы беженка?

– Нет. На мое ходатайство о предоставлении убежища ответили отказом. Они утверждают, что мне на моей родине уже ничего не угрожает

и что я вполне могу туда вернуться. Даже когда я рассказала им о том, что сделали с моей мамой, отцом и братом, они говорят, что теперь ситуация уже совсем другая, что теперь там уже безопасно. Они, видимо, не понимают, что там происходит.

– А как же тогда вам удастся все еще находиться здесь?

– Мне дали дискреционное разрешение на пребывание в стране, потому что мне еще нет восемнадцати лет и у меня на родине не осталось никого, кто мог бы обо мне позаботиться.

– А сколько вам лет?

– В следующем месяце мне исполнится семнадцать.

У меня аж перехватывает дыхание. Какой ужас! Я не могу и представить себе, каково это – потерять всех своих близких родственников примерно в том возрасте, в котором я потеряла маму.

– Я не знала, что вы еще такая юная.

Она пожимает плечами:

– Я думаю, что если у человека трудная жизнь, то он выглядит старше своих лет.

– То есть, когда вы сюда приехали, вам было всего лишь шестнадцать? Вы совершили такое длинное путешествие сами?

– Да, хотя я ехала вместе со многими другими людьми. Мы все заплатили одному и тому же человеку.

– А вам не было страшно?

– Было, но не так сильно, как в Афганистане. Они ведь снова бы пришли, чтобы убить и меня. Потому что я и мои родственники жили не такой жизнью, какой они велели нам жить. Потому что мой отец с ними спорил.

– Тем не менее отправиться в такое долгое путешествие – это был с вашей стороны смелый поступок, – говорю я.

Она отхлебывает из своей чашки кофе.

– Это легко – быть смелой, если в противном случае тебя ждет смерть.

– А вам разрешат остаться здесь навсегда после того, как срок вашего разрешения истечет?

– Не знаю. Они будут принимать решение, когда мне исполнится семнадцать с половиной лет.

– Но вы не можете туда вернуться!

– Я это знаю. Но мне придется подождать и посмотреть, что они мне скажут.

Она допивает свой кофе. Мне вспоминается публикация Сейди, в которой она пишет, что Фарах поначалу ничего не сообщала полиции,

потому что боялась. Теперь я понимаю – по крайней мере, в какой-то степени, – что это такое – бояться.

– Я надеюсь, они позволят тебе остаться.

– Спасибо, – говорит она. – Я тоже на это надеюсь.

Она подходит к раковине, чтобы вымыть свою чашку.

– Не надо, – говорю я, забирая у нее чашку. – Пожалуйста, дайте ее помою я. Это одно из тех немногих дел, которые я все еще могу делать сама.

– Спасибо, – говорит она, поворачиваясь, чтобы уйти, но потом снова поворачивается ко мне: – Детская комната для вашего ребенка – она такая красивая! Этому маленькому мальчику очень повезет.

Я улыбаюсь ей, зная при этом, что очень скоро она узнает о нашей семье всю правду.

Ли не очень-то рад этим курсам. Точнее говоря, совсем не рад. Я все еще хорошо помню, какую он соорудил мину на прошлой неделе, когда взялся за подгузник, вымазанный в смеси дрожжевой пасты и арахисового масла. Меня, откровенно говоря, даже удивило, что он не встал и не вышел вон. Играть в мамочек и папочек – развлечение явно не для него. Я до сих пор удивляюсь тому, что он вообще согласился ходить на эти курсы. Я не знаю, что ему сказала Анджела и как она его убедила, но я абсолютно уверена, что он уже жалеет, что согласился.

Мы припарковываемся возле колледжа, в котором проходят занятия. Ли, выйдя из машины, хлопает дверцей и подходят к моей дверце. Рядом с нами останавливается еще один автомобиль. Когда Ли открывает мою дверцу, я вижу, как из того автомобиля появляется мужчина. Я узнаю его: он тоже ходит на эти курсы, – но я не могу вспомнить, как его зовут.

– Думаю, им следовало бы выделить пару специальных парковочных мест для беременных женщин, – шутит мужчина. – Странно, что у супермаркетов нет парковочных мест под названием «Мама и ее живот».

Ли ему улыбается, но, я думаю, только потому, что считает для себя необходимым быть вежливым. Вряд ли эти заявления кажутся ему смешными. Он помогает мне выйти из машины и затем захлопывает дверцу. Женщина из соседнего автомобиля, выкарабкиваясь из него, тихонько ворчит.

– Привет, Джесс, – говорит она. – Все труднее и труднее, правда?

– Да, – отвечаю я. – Все труднее и труднее.

Я не могу вспомнить ее имя. Кажется, ее зовут Рейчел. Или Шарлотта. По-моему, каждую вторую из женщин, посещающих эти курсы, зовут либо Рейчел, либо Шарлотта. Они, конечно же, все старше меня, причем

большинство из них – лет на десять. И у всех у них, похоже, есть – в отличие от меня – какая-то своя карьера.

– Интересно, чем они займут нас сегодня вечером, – говорит женщина, когда мы идем все четверо к входу.

Ее спутник открывает и держит для нас дверь, и я, проходя мимо него, говорю ему «Спасибо!».

Как только мы оказываемся внутри, Ли берет меня за руку. Это как бы противоположность той ситуации, когда ты ребенок и когда ты быстренько высвобождаешь свою руку из руки мамы, завидев знакомых людей. Я не знаю, какое чувство мне при этом испытывать – радость или грусть.

– Должен признать, что вы намного лучше справились с подгузниками, чем я, – говорит спутник этой женщины Ли.

– Да, но когда нам придется иметь дело с настоящими подгузниками, они будут вымазаны не в дрожжевой пасте, правда? – говорит в ответ Ли.

Они оба смеются. Ли, похоже, нравится этим двоим. Они, наверное, вспомнят об этом эпизоде, когда услышат, что его обвинили в том, что он меня убил (пусть даже и неумышленно). Скажут что-то вроде: «У него ведь, по-моему, было очень хорошее чувство юмора» и «Он всегда помогал ей выходить из машины и держал ее за руку».

Мы заходим в комнату. Стулья в ней расставлены полукругом. Все рассаживаются так, чтобы беременные женщины и будущие папы были вперемешку. Мы садимся в самом конце. К нам подходит преподавательница, которую зовут Кэт.

– Здравствуйте, Джесс. Как ваша изжога?

– Все так же жутко.

– А вы пытались есть понемножку, но часто?

– Да, но толку от этого пока нет.

– Ну, страдать вам, по крайней мере, осталось уже недолго. Три недели, да?

– Да, примерно три недели.

Я не говорю ей, что роды у меня будут на шесть дней позже предполагаемого срока. Такого ведь заранее никто знать не может.

Кэт становится лицом ко всем собравшимся, когда все уже на месте.

– Я надеюсь, что все себя чувствуют хорошо и комфортно – настолько комфортно, насколько можно чувствовать себя при подобных обстоятельствах.

Я смотрю по сторонам. Ли – единственный, кто не улыбается. Его челюсти плотно сжаты. Он ненавидит эти курсы – я это знаю.

– Так вот, рассмотрев на прошлой неделе некоторые практические

вопросы обращения с новорожденным младенцем, мы сегодня вечером уделим больше внимания эмоциональной стороне – как для вас, так и для вашего мужчины.

Мне кажется, что я слышу, как Ли издает стон, – даже если больше никто этого не слышит. Нас всех делят на две группы – будущие мамы и будущие папы – и просят перечислить – в порядке важности – наши личные эмоциональные и физические потребности, которые возникнут у нас после рождения ребенка. Я почти ничего не говорю: мне нет в этом необходимости. В этой группе есть две женщины, которые говорят намного больше всех остальных. Для меня проще всего лишь кивать в знак согласия с ними, когда они переводят свой взгляд на меня. Раз два я кошусь на Ли. Он тоже не проявляет большой активности, и лишь один раз я слышу, как он тихонько хихикает. Они, мужчины, видимо, заговорили о сексе.

После того как Кэт пообщалась с каждой группой отдельно, она снова собирает нас всех вместе.

– Ну что ж, есть много совпадений во мнениях, – говорит она, – но есть и такие области, в которых ваши мнения очень даже разнятся. Мы начнем с обсуждения секса после рождения ребенка. Сразу говорю – еще до того, как некоторые из вас, женщины, начнут вздыхать, – я понимаю, что секс – это, видимо, далеко не самое первостепенное из того, чем сейчас заняты ваши мысли, но могу вас уверить на основании статистики, что не все в этой комнате солидарны с вами.

Двое или трое из мужчин смеются. Ли смотрит прямо перед собой.

– Я попрошу вас всех выйти в коридор и положить цветной ярлычок на имеющейся на столе временной шкале в том месте, которое соответствует тому времени, через которое вы после рождения ребенка планируете снова начать заниматься сексом. Я предусмотрела диапазон от одного дня до года.

Снова кто-то смеется, но на этот раз уже не только мужчины.

– О-о, поверьте, мне заявляли и об одном дне, и об одном годе, – говорит Кэт. – Ну что, женщины, вы будете первыми. Вот ваши красные маркеры. Напишите на обратной стороне свои инициалы и положите маркер там, где считаете нужным. Когда вы вернетесь в комнату, я отправлю туда мужчин с синими ярлычками.

Я беру ярлычок, который она протягивает мне, и выхожу вслед за другими женщинами в коридор. Откровенно говоря, я над этим вопросом пока еще не думала. Мы с Ли перестали заниматься сексом где-то месяц назад. Я решила, что это произошло потому, что я сейчас выгляжу не очень-то сексуально. Кроме того, я ведь каждый вечер ложусь в постель на час или два раньше Ли, а это явно не создает благоприятную обстановку для

занятий сексом.

Другие женщины смеются, кладя свои маркеры – в основном где-то между тремя неделями и тремя месяцами. Я иду к отметке «три месяца». Я знаю, что идти дальше нее, в общем-то, не могу, потому что в то время я уже буду мертва, а потому я кладу ярлычок точно на отметке в три месяца.

Мы возвращаемся в комнату, а мужчины выходят в коридор. Раздается много смешков и приглушенных восклицаний, прежде чем они заходят обратно в комнату.

– Ну а теперь мне хотелось бы, чтобы вы все пошли и встали возле своих ярлычков, – говорит Кэт.

Я закрываю глаза. Ли очень не понравится, что его выставят в данном вопросе на всеобщее обозрение. Мы всей толпой выходим в коридор, и раздается еще больше смеха и восклицаний, когда мы видим, что все синие ярлычки сгруппировались в одном конце. Я становлюсь возле своего ярлычка. Рядом со мной становятся две женщины, но их мужчины располагаются сравнительно недалеко от них. Ли же от меня – далеко. Он – в другом конце. Насколько мне видно, возле отметки в три дня.

Все остальные, заметив это, начинают смеяться.

– Ага, Ли и Джесс, – говорит Кэт. – Между вами, я думаю, может состояться разговор относительно разницы в ваших ожиданиях, когда вы будете сегодня вечером возвращаться домой.

Но такого разговора, конечно же, не происходит. Просто удручающее молчание. Я не могу подобрать каких-либо подходящих слов, но мне очень хочется что-то сказать – что-то такое, что позволит предотвратить то, что, как я подозреваю, скоро может произойти.

– Послушай, если тебе не хочется туда ходить, то мы на следующей неделе можем не пойти. Я твоей маме ничего не скажу.

Я сказала это, чтобы как-то поднять ему настроение, но он, похоже, вовсе и не хочет, чтобы его настроение улучшилось. Он продолжает пребывать в крайне дурном расположении духа и в машине, и в лифте, и даже уже находясь перед нашей входной дверью. Он открывает ее, и я захожу в квартиру, чувствуя, что уже начинаю дрожать. Он тихо закрывает дверь за собой. Невероятно тихо. А затем поворачивается и дает мне сильную пощечину.

Я взвизгиваю и пытаюсь поднести руку к своей щеке, но он перехватывает мою руку за запястье до того, как я прикасаюсь ладонью к щеке.

– Больше никогда-никогда меня так не унижай, – говорит он. – Понятно?

Я киваю, стараясь удержать слезы.

– Хорошо. Мы туда больше не пойдем. Ты удалишь все номера этих женщин из своего телефона, и если они позвонят тебе или пришлют сообщение, ты не должна им отвечать. Я на следующей неделе отправлю Кэт сообщение по электронной почте, скажу ей, что тебе нездоровится и что мы на эти курсы ходить больше не будем. Понятно?

Я снова киваю.

– Хорошо. А теперь иди в ванную и умой свою физиономию.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Сейди Уорд

20/09/2018 18: 45

Он выкрутился, Джесс. Мне очень жаль, но присяжные признали его невиновным. Я думаю, благодаря тому, что им сказал судья. Он попросил их помнить, что Ли Гриффитс судят не за насилие над Эммой Маккинли и не за то, что он делал или же не делал с тобой незадолго до твоей смерти. Единственный вопрос, на который им нужно было ответить, состоял в том, действительно ли – вне всякого разумного сомнения – он ударил тебя, когда ты находилась в душе в то утро, тем самым заставив тебя упасть и удариться головой о раковину и покрытый плитками пол. Это были два удара, которые оказались достаточно сильными для того, чтобы ты потеряла сознание и чтобы у тебя поднялось внутричерепное давление, что и привело к твоей смерти.

Судья сказал, что они должны рассматривать только фактические доказательства, а не предположения. Я думала, что показаний Фарах может оказаться достаточно, тем более что стоматолог подтвердил, что ты приходила к нему на прием и что он поставил в тот день на твой передний зуб коронку. Защита, однако, заявила, что это мог быть несчастный случай – как ты сама и сказала стоматологу, а Ли это подтвердил. Не было никакого доказательства того, что Ли выбил твой передний зуб. И даже если он его выбил, это еще не доказывает, что он поднял на тебя руку в тот день, когда ты умерла. Защита, конечно, также попыталась дискредитировать Фарах на основании того факта, что она не сказала всей правды сразу после того, как ты умерла.

Когда полицейские допрашивали ее после того, как она обнаружила тебя лежащей на полу в ванной, она даже не упомянула ни о зубе, ни о крови, которую она видела раньше. Она попыталась объяснить, что просто очень боялась, что ее могут отправить обратно на родину. Она сказала, что, увидев тебя лежащей среди пятен крови, она невольно вспомнила о трагедии, произошедшей с ее близкими родственниками. Но присяжные в конечном счете ей не поверили.

Они предпочли поверить Анджели. Анджеле, которая считает, что ее драгоценный ребенок не способен никого обидеть, и которая заявила, что ничего не знает о том, что произошло с Эммой, и – самое главное – что она, Анджела, пришла в квартиру после того, как Ли ушел на работу, и увидела, что с тобой все в порядке и что ты просто сильно устала, потому что тебе прошедшей ночью приходилось часто вставать. И именно поэтому, сказала она, она забрала «Г» к себе домой, а тебе она якобы посоветовала снова лечь спать. А ты, по ее словам, ей ответила, что вряд ли сможешь заснуть, но хочешь принять душ, чтобы попытаться как-то взбодриться. Она даже сказала, что как-то говорила Ли купить резиновый коврик для ванны, но он не захотел этого делать, потому что, по его словам, это старомодно и, более того, такие коврики быстро плесневеют.

Я знаю, что Анджела соврала, Джесс. Я наблюдала за ней, когда она давала показания. Я не отводила от нее взгляда ни на секунду. Я слушала все эти ее вранья по поводу того, что она переживала о твоём психическом здоровье и думала, что у тебя послеродовая депрессия. Она сказала, что она даже начала приходить к вам домой каждое утро, потому что переживала, что ты не в состоянии полноценно ухаживать за «Г» и что у тебя в любой момент может начаться психическое расстройство. Она даже набралась наглости и заявила, что ты не проявляла больших чувств к своему малышу и что ей было боязно оставлять тебя наедине с ним надолго. Все это была чушь – одна лишь чушь. Я в какой-то момент едва не выкрикнула это из зала. Мне жаль, что меня не вызвали давать показания еще раз, потому что, если бы они это сделали, я сказала бы им правду о том, что я в своей жизни еще никогда не видела никого, кто проявлял бы такие большие чувства к своему ребеночку, как ты, причем начиная уже с того момента, когда ты сказала мне, что беременна, и не говоря

уже о том моменте, когда он родился. Но вместо этого мне пришлось слушать, как Анджела нагло врет. Конечно же, она врала: я видела это по ее глазам, хотя она и пыталась прятать их под своей дурацкой челкой. Впрочем, она не могла поступить по-другому, не так ли? Ли ведь ее плоть и кровь. Я готова поспорить, что она забрала Гаррисона еще до того, как Ли ушел на работу, и что они потом вместе состряпали изложенную ею версию. Потому что, если бы она его не выгородила, ее сын сел бы за решетку и, более того, она потеряла бы «Г». Теперь же, раз Ли удалось выкрутиться, она получит своего сыночка обратно и ее внук останется у нее. И она будет ухаживать за ним, пока Ли будет на работе.

Его показали в новостях: он выходит из суда свободным человеком. И делает при этом душещипательное заявление о том, что это было для него жутким кошмаром – быть обвиненным в том, что он тебя убил, – что данный инцидент вовсе не следовало доводить до суда и что единственное, чего он сейчас хочет, – так это отправиться домой, к своему сыну.

Именно это меня больше всего раздражает, Джесс. Он теперь будет растить «Г» и расскажет ему свою версию этой истории. И поэтому «Г» никогда не узнает правды. Твой милый маленький мальчик будет расти, думая, что его мамочка умерла в результате трагического несчастного случая.

Но сам Ли знает правду. И Анджела знает. И им придется жить с ней всю свою оставшуюся жизнь. Х

<i>Джесс</i>

Вторник, 21 марта 2017 года

Ах вот как оно будет. Вот что со мной произойдет. Меня убивает в моей собственной ванной мой собственный муж. Муж, который затем выходит сухим из воды, потому что против него нет никаких фактических доказательств. Единственным очевидцем преступления являюсь я, но меня уже нет в живых. Ли будет продолжать жить своей жизнью и, возможно, сделает то же самое по отношению к своей следующей подружке. А за маленьким «Г» станет ухаживать его бабушка и мать убийцы, которая врала на суде, чтобы этого своего сыночка-убийцу спасти.

Что это за жизнь? И что это за смерть? Ни то и ни другое я для нас обоих не хочу – я это знаю точно. Я кладу свой телефон и пытаюсь потянуться, поскольку чувствую в нижней части спины тупую боль, которая сильнее, чем обычная боль, связанная с беременностью. Все мое тело ноет. Я провела всю ночь на диване. Для меня было невыносимо вчера вечером лечь в одну постель с Ли, поэтому я легла здесь, на диване, в своем домашнем халате. Думаю, мне ночью иногда удавалось ненадолго заснуть, но большую часть времени я таращилась на потолок, сжимая руками свой халат и дожидаясь наступления утра.

И что теперь? Я буду просто пассивно ждать, когда все это произойдет? Я так не думаю. Все, хватит. Теперь я знаю, что он и в самом деле распускает руки, что он меня бьет. Я больше не могу убеждать себя в том, что это всего лишь плод моего воображения. Я все время говорила самой себе, что это, возможно, неправда, что он, возможно, не тронет меня даже пальцем. Теперь же я знаю, что еще как тронет. Мне вспоминается то, что сказала мне Фарах: легко быть смелой, если в противном случае тебя ждет смерть. И теперь я вижу, что она права. Я знаю, что если останусь рядом с Ли, то через некоторое время полностью собой статистику несчастных случаев, а я этого не хочу. И дело тут даже не в смелости. Мне просто нужно поступить благоразумно. Ради себя самой и – что еще более важно – ради «Г».

Я поворачиваюсь на бок, медленно опускаю ноги на пол и сажусь, подложив себе под спину подушки. И тут открывается дверь. У меня мелькает мысль, что я сейчас, наверное, увижу поднос с кофе и рогаликами. Но ничего такого я не вижу. Я вижу мужчину, у которого раскисающее выражение лица и который выглядит так, как будто он, как и я, этой ночью почти не спал. Он идет по направлению ко мне, как бы стыдясь смотреть мне в глаза. Подойдя ко мне, он опускается на колени, наклоняет голову и начинает плакать.

Я к такому не готова. Я не знаю, что мне следует сказать или сделать. Он протягивает ко мне руку и всхлипывает:

– Прости. Пожалуйста, прости.

Я беру его руку. Я не знаю, что еще можно было бы сделать. Он поднимает голову и смотрит на меня своими огромными глазами.

– Я вовсе не хотел делать тебе ничего плохого, – говорит он.

– Но ты сделал.

– Я знаю. Именно поэтому я и пришел извиниться.

– Думаешь, извинишься – и все уладится?

Он качает головой.

– Иногда, – говорит он дрожащим голосом, – я боюсь самого себя. Да, очень сильно боюсь. Вчера вечером был как раз такой случай.

– Ты и меня заставил бояться.

Он кивает, и его взгляд падает на мой живот.

– Подумать только – я сделал это, когда ты...

Он запинается и обхватывает свою голову руками.

– То, что я рассказал тебе о своих родителях, – говорит он, – это еще не все. Они не просто ссорились. Все было гораздо хуже. Я никогда об этом никому не рассказывал, но мой отец... – Он снова замолкает, закрывает глаза и пытается взять себя в руки. – Мой отец бил маму, – говорит он. – Я помню это только отрывками, потому что я тогда был еще очень маленьким, да и мама, я думаю, пыталась все это от меня скрывать, но один раз я отчетливо видел, как он ее ударил в спальне кулаком по лицу. Он ударил ее так сильно, что сбил с ног и она упала и ударилась об стену. Из ее носа брызнула кровь. На обоях потом были брызги крови. Родители при этом не замечали, что я их вижу. Я пришел из своей комнаты, чтобы посмотреть, что там в спальне за крики. Он не помог ей подняться на ноги. Он подошел к ней и плюнул на нее. То, что я сказал тебе вчера вечером: «А теперь иди в ванную и умой свою физиономию» – вот именно это он ей тогда и сказал.

Он снова начинает плакать. Я не знаю, что мне следует сказать или сделать. Я все еще пытаюсь совместить Анджелу, которую я знаю, с женщиной, про которую он мне только что рассказал и которая лежала на полу с окровавленным лицом. Я и понятия не имела об этом. Я даже не представляла себе, через что ей пришлось пройти.

– Мне жаль, – говорю я, положив руку на его плечо. – Мне жаль, что тебе довелось такое увидеть, но это не означает, что ты можешь поступать так по отношению ко мне.

Мой голос даже чуточку не дрогнул. У меня откуда-то появилась сила. Сила, о которой я и не подозревала, что она у меня может быть.

– Я знаю, – говорит Ли. – Именно поэтому мне сейчас так плохо. Я боюсь того, что превращаюсь в своего отца.

Я понимаю это. Я понимаю, что это такое – терять контроль над самим собой. Я решаю дать ему шанс. Дать ему шанс быть честным по отношению ко мне.

– А ты уже так поступал раньше? – спрашиваю я. – С другими своими подружками?

Он колеблется, а затем поднимает на меня взгляд.

– Нет, – говорит он. – Никогда. Это было в первый раз.

Я тяжело сглатываю, зная, что он лжет. Перед моим мысленным взором появляется лицо Эммы после того, как он сломал ей челюсть. От него, наверное, пострадали подобным образом и другие девушки. Они просто побоялись об этом заявить.

– Тебе нужно обратиться к психиатру, Ли.

– Если нужно, то обращусь. Я сделаю все ради того, чтобы как-то выправить ситуацию. Я не хочу, чтобы наш сын в своем детстве видел то, что видел в детстве я.

– Он не будет этого видеть, – говорю я абсолютно спокойным голосом.

Ли поднимает на меня взгляд. Его лицо – уже не такое перекошенное, каким оно было только что.

– Мы поговорим позднее, когда я приду домой с работы. Я поведу тебя куда-то поужинать. Или же принесу еды, если ты слишком утомлена. Сделаю так, как ты захочешь.

Я, ничего не говоря, киваю. Он встает и целует меня в макушку.

– Такого больше никогда не повторится, – говорит он. – Даю тебе свое слово.

Я жду, пока услышу, как за ним закрывается входная дверь. Я уже ничего не могу делать быстро, но я, по крайней мере, могу сейчас заставить себя двигаться чуть-чуть быстрее, чем обычно. Я иду в нашу спальню и достаю из платяного шкафа свой чемодан. Я дала ему шанс, и он его не использовал. Он солгал мне, что такого раньше никогда не было, а затем пообещал мне, что такого больше никогда не будет. Я уверена, что он говорил такие слова и Эмме. И другим девушкам, которые у него когда-то были. Я впервые радуюсь тому, что видела в «Фейсбуке» те публикации. Они показали мне такое мое будущее, которое мне совсем не нужно. Они показали мне, что его слова ничего не значат.

Я не кладу в чемодан ничего из той одежды, которую мне купил он. Я упаковываю только те удобные вещи – лосины и футболки, – которые носила Джесс Маунт. Потому что я оставляю Джесс Гриффитс позади себя. Застегнув чемодан на молнию, я выкатываю его в коридор. Я бросаю последний взгляд на детскую комнату. В ней все выглядит тихим и мирным. Эта комната как бы ждет, когда в ней появится новый маленький обитатель. Ее красота, однако, обманчива. Что имеет значение – так это то, что лежит под поверхностью.

Я иду в ванную. Я быстренько приму душ и свалю отсюда. Мне необходимо смыть с себя свою боль и обиду, чтобы затем начать жизнь заново. Я снимаю домашний халат. Мой живот теперь уже такой огромный, что мне даже трудно залезать в ванну и вылезать из нее. Я уже в сотый раз

жалею о том, что у нас тут нет душевой кабинки. Думаю, чтобы втиснуть в конструкцию этой квартиры дополнительную спальню, пришлось урезать площадь ванной комнаты. Я держусь одной рукой за край раковины, чтобы устойчивее стоять на ногах. Все, о чем я сейчас могу думать, – так это что я в данный момент нахожусь как раз в том месте, где *это* произойдет. Я нахожусь в том месте, где меня убьют. Я мысленно представляю себе, как это произойдет – произойдет через четыре месяца. Но пока «Г» все еще внутри меня. Там он – в безопасности. Оттуда его у меня никто не отберет.

Он бьет ножкой, как бы напоминая мне о том, что он и в самом деле там. Я подставляю лицо под поток теплой воды. И спрашиваю себя, *что* бы я делала, если бы не знала конца этой истории. Впрочем, тут все понятно. Я осталась бы здесь. Я поверила бы его обещаниям о том, что такого раньше никогда не было и что такое больше никогда не повторится. Однако у меня есть возможность заглядывать в будущее, а потому я должна этим воспользоваться. Я не хочу стать героиней трагической истории. Хотя я все еще люблю Ли – ну, в какой-то степени, – я знаю, что, если останусь здесь, мне придется расстаться с жизнью. Я знаю, что буду лежать вот здесь в луже крови и что меня обнаружит уборщица – несчастная девушка, которая и так уже видела за свою недолгую жизнь слишком много смертей. Я знаю, что Ли сумеет выйти сухим из воды и что растить «Г» будет он.

Именно поэтому мне удастся игнорировать голоса, звучащие в моей голове и уговаривающие меня поверить ему и понять, что он тоже является жертвой. Они шепчут мне, что, возможно – всего лишь возможно, – я все это просто выдумала, потому что в силу каких-то причин пытаюсь уничтожить то счастье, которое преподнесла мне судьба.

Я слышу за дверью ванной какой-то шум. Входная дверь громко хлопает. Я выключаю душ, хватаю с вешалки полотенце и заворачиваюсь в него. А что, если это вернулся Ли? Что, если он понял, что я собираюсь от него уйти, и теперь попытается меня остановить? Я слышу шаги по покрытому ламинатом полу в коридоре. Но это шаги не Ли. Это шаги какой-то женщины. Шаги затихают. Я вспоминаю о том, что в коридоре стоит мой чемодан. Упакованный и готовый к тому, чтобы его отсюда забрали.

Некоторое время не слышно вообще никаких звуков. А затем раздается голос. Женский голос, произносящий мое имя с тревожными нотками.

Я стою неподвижно в ванне, вцепившись руками в полотенце. Я вижу, как ручка двери ванной поворачивается и в ванную заходит Андже́ла. Выражение ее лица – суровое и горькое.

– Уходите отсюда! – кричу я.

Она отрицательно качает головой:

– Я никуда не уйду, пока ты мне не скажешь, почему твой чемодан стоит в коридоре.

Ее голос – тихий, но настойчивый. Я никогда раньше не слышала, чтобы она разговаривала таким голосом. Я уже собираюсь ей солгать, собираюсь сказать ей, что просто уже собрала вещи на тот случай, если вдруг придется срочно ехать в родильный дом, но тут до меня доходит, что сейчас не время для лжи. Сейчас – время для правды.

– Я ухожу, – говорю я.

– Что ты имеешь в виду? Ты уже на девятом месяце беременности.

– Я знаю. Именно поэтому я и ухожу. Чтобы защитить своего сына.

– Послушай, Джесс, я думаю, что тебе лучше успокоиться. У тебя опять начинаются проблемы с психикой.

– Нет, не начинаются. Со мной все в порядке. Проблема не во мне, а в вашем сыне.

Она смотрит на меня, чуть сдвинув брови:

– Какая еще проблема?

– Он бьет меня, Анджела. Вчера вечером он сильно ударил меня по лицу. Вон там, в коридоре.

Я вижу, что она содрогнулась. Ее тело как бы съежилось.

– Нет, такого не может быть. Ты врешь.

– Уж лучше бы я врала, поверьте мне. Врет как раз-таки ваш сын. Но вы, вероятно, это и сами знаете.

– Я даже понятия не имею, о чем ты говоришь.

Ее голос повышается. Она старается не встречаться со мной взглядом.

– Думаю, что еще как имеете. Он бросил Эмму после их совместного отдыха в Италии, так ведь? Он прилетел обратно один, потому что она тогда попала в больницу. После того, как он сломал ей челюсть.

– Ничего подобного.

Она отрицательно качает головой. Она не хочет признаваться в этом, причем даже самой себе.

– И были, возможно, и другие такие девушки. Думаю, что даже не один десяток. И каждый раз вы просто делали вид, что ничего подобного не происходило, и клали одежду для младенца обратно в нижний выдвижной ящик под кровать – до следующего раза. И в конце концов он нашел девушку, которая оказалась достаточно глупой для того, чтобы ему поверить и чтобы влюбиться в него так сильно, чтобы закрывать глаза на то, что он творит с ней, как полностью подчиняет ее себе, делая ее такой, какой ему хотелось бы ее видеть.

– Джесс, я думаю, что тебе лучше пойти прилечь. Мне кажется, что ты чувствуешь себя не очень хорошо. Более того, мне кажется, что ты чувствуешь себя не очень хорошо уже довольно долгое время.

– Нет, я чувствую себя нормально, – говорю я сильным голосом, чеканя слова. – Я еще никогда не видела ситуацию, в которой оказалась, более отчетливо – поверьте мне.

– Ты все это выдумываешь. Это все – плод твоего воображения. Это просто еще одна твоя проблема с психикой.

– Как и то, что ваш муж вас бил? – говорю я, повышая голос. – Я и это тоже выдумываю, да? Выдумываю, что он ударил вас и затем крикнул вам пойти в ванную и умыть свою физиономию.

Она снова как бы съеживается. Я вижу, что она кладет одну руку на раковину.

– Да, ваш муж бил вас, Анджеला, и Ли сейчас поступает точно так же по отношению ко мне. Пришло время прекратить закрывать на это глаза.

Она смотрит на меня:

– Ли рассказал тебе об этом? Он об этом помнит?

Я киваю:

– Кому нужна помощь психиатра – так это ему, Анджеला. А может быть, и вам.

– Ты не должна уходить, – говорит она умоляющим голосом. – Это его уничтожит.

– А если я останусь, он уничтожит меня.

– Не уничтожит. Я обещаю. Я позабочусь о том, чтобы он обратился к психиатру.

Я качаю головой:

– Нет, будет происходить совсем другое. Он будет продолжать вести себя в том же духе. Ситуация будет ухудшаться. Он даже выбьет мне зуб после того, как родится «Г». И он в конце концов меня убьет – убьет здесь, в этой ванной.

Анджеला качает головой. Все ее тело дрожит.

– Нет. Ты сейчас говоришь какую-то чушь. Откуда тебе может быть известно о том, что произойдет в будущем?

– Это не имеет значения. Мне это известно – и все. Ли обвинят в том, что он меня убил. А точнее – совершил непредумышленное убийство. Однако ему удастся выпутаться, потому что вы станете врать, чтобы его выгородить. Вы скажете, что пришли сюда и забрали «Г» после того, как Ли ушел на работу, хотя в действительности этого не было. Вы выгородите его, убийцу, потому что вы не можете позволить себе потерять своего

драгоценного внука.

Я поднимаю ногу, собираясь вылезти из ванны. Когда я делаю это, она бросается ко мне, истерически крича: «Нет, ты не уйдешь, ты не забереешь у меня моего внука!» Она хватается меня за руку, ее пальцы впиваются в мою плоть. Она тянет меня за руку, я вскрикиваю, теряю равновесие и начинаю падать. Я вижу, что раковина стремительно приближается к моему лицу. Это произойдет здесь и сейчас – еще до того, как родится «Г». Я сейчас умру и потеряю своего ребенка. Я пытаюсь избежать сильного удара, пытаюсь защитить своего малыша. Я чувствую, что падаю. Я смотрю вверх, на потолок, и слышу, как вскрикивает Андже́ла. А может, это кричу я сама – это мне определить трудно. Затем я чувствую, что с глухим звуком упала на холодную, твердую кафельную плитку пола ванной.

Джесс

Июнь 2009 года

Сейди стучит в дверь моей спальни и заходит. Мне как-то странно видеть ее в школьной форме. Я не могу вспомнить, когда в последний раз надевала такую форму. Я уже давно не ходила в школу и не могу себе даже представить, что снова туда пойду.

– Ну и как? – спрашиваю я.

– Думаю, что нормально, хотя, по-моему, с английским языком никогда заранее не знаешь, каким может быть результат, правда? Я, вполне возможно, наделала кучу ошибок.

– Не-а. Я уверена, что ты все написала очень даже хорошо.

Сейди улыбается и садится на мою кровать. Она не приходила меня навестить, когда я была в больнице. Папа сказал, что психбольница – не очень подходящее место для того, чтобы туда приходила девочка ее возраста. Он, похоже, забыл, что это также не очень подходящее место и для того, чтобы там находилась девочка моего возраста.

– Как у тебя дела? – спрашивает Сейди.

– Ты и сама знаешь.

– Тебя уже не пичкают лекарствами?

– Нет, не пичкают. Они говорят, что лекарства мне больше не нужны. Они собираются понаблюдать, что будет происходить дальше.

Сейди кивает. Она знает, что я в больнице поначалу лишь делала вид, что принимаю лекарства. Но врачам это в конце концов стало известно.

Какая-то хитроумная медсестра решила, что сможет вывести меня на чистую воду. И смогла. Но потом я все равно принимала их таблетки не очень долго – ровно столько, сколько было нужно для того, чтобы они поверили, что лекарства действовали.

– И что теперь?

– Не знаю. Снова начать ходить в школу в этом учебном году – уже слишком поздно. Папа говорит, что я смогу возобновить учебу в следующем году – после того, как мне полегчает. Но не в этой школе. Может быть, в колледже. Я хочу начать все с нуля. Я не хочу быть среди людей, которые знают о том, что со мной произошло.

Она кивает.

– Может, ты могла бы пойти в Колдердейлский колледж? Придумаешь что-нибудь про себя и расскажешь там другим учащимся. Никто про тебя ничего не узнает.

Она права. Я размышляю над тем, что любые друзья, которых я заведу себе там или где-нибудь позднее, будут уже не такими, какие были у меня раньше. Старые друзья знают меня такой, какая я есть, а новые друзья будут знать обо мне только то небольшое, что я позволю им обо мне знать.

Мой взгляд останавливается на стоящей на прикроватном столике фотографии, на которой запечатлены мы вдвоем с мамой. Мы на ней обхватили друг друга руками и смеемся. Я уже даже не помню, из-за чего мы тогда смеялись. Жаль, что не помню.

– Она гордилась бы тобой, Джесс, – говорит Сейди.

– По поводу чего? Того, что я впадаю в слабоумие и треплю вам всем нервы?

– Нет. По поводу того, что ты сумела пройти через такой ужас, который мы – все остальные – не можем себе даже представить.

Я пожимаю плечами:

– Я, возможно, через него еще не прошла.

– Ты сумела пережить самый страшный год, какой только может быть. В жизни нет уже ничего такого, что могло бы тебя сломить. Ты сильнее всех нас, Джесс. Ты просто этого еще не осознаешь.

Я тянусь к ней и обнимаю ее. Мы с ней обнимались именно так до того, как это все произошло. Хотя нет, не совсем так: я сейчас обнимаю ее намного крепче.

– Спасибо, – говорю я. – Я имею в виду, за то, что ты здесь.

– Друзья для того и нужны, – говорит она.

– Спасибо за все, что ты для меня сделала.

Она улыбается мне и вытирает своими длинными пальцами слезы в уголках своих глаз.

– Хочешь, съездим в Лидс в субботу? – спрашивает она.

Я, прежде чем ответить, колеблюсь. Я ведь уже долго не бывала нигде, кроме своего дома и больницы.

– Да, – говорю я. – Да, это было бы замечательно.

Папа будет рад – я это знаю. Он подумает, что это означает, что мне уже лучше. Что я снова становлюсь нормальной. Но я уже и понятия не имею, что это значит – быть нормальной. Когда меня спросят, стало ли мне лучше, не знаю, что я им отвечу. Лучше, чем что? Лучше, чем мне было несколько месяцев назад, – да. Лучше, чем мне было до того, как умерла мама, – такого просто не может быть. Я не думаю, что мне стало лучше. Врач сказал, что не существует таких понятий, как «нормальное» и «ненормальное», и что психическое здоровье представляет собой континуум – линию, вдоль которой мы все движемся в различные моменты нашей жизни то выше, то ниже. И большую часть этого времени нам удастся избегать серьезных неприятностей. Только иногда мы ударяемся в буферы на одной из границ. И то, что мы, возможно, в конце концов удаляемся от этих буферов, еще не означает, что потом у нас все всегда будет в порядке. Но это также не означает и то, что мы всегда будем чокнутыми. Мы просто опять движемся вдоль этой линии, пытаюсь найти себе место и толкаясь рядом со всеми теми, кто считает себя нормальным.

Анджела

Вторник, 21 марта 2017 года

Она лежит неподвижно на полу. Я несколько секунд боюсь к ней даже прикасаться, с ужасом думая, что она, наверное, уже мертвая. Потому что если она и в самом деле мертвая, то убила ее, получается, я.

Убила ее и своего внука.

Мне становится очень страшно. Как я объясню все это Ли? Меня начинает сильно трясти. Она издает какой-то звук. Звук этот очень тихий, но он дает мне понять, что она жива.

– О-о, слава Богу!.. – говорю я, опускаясь на колени на пол ванной рядом с ней.

Полотенце, в которое она куталась, разошлось, и из него торчит ее

огромный живот. Она, падая, как-то умудрилась повернуться и упасть на спину. Я при этом ничего не сделала. Я стояла, словно окаменев. Меня парализовал страх – страх не из-за того, что она на моих глазах умрет, а из-за того, что я потеряю своего внука.

Я смотрю, есть ли где-нибудь кровь, и не вижу ее нигде. Я ковыряюсь в своей памяти, пытаюсь вспомнить, что же в подобной ситуации надлежит делать. Мне, видимо, следует попытаться повернуть ее на бок, но я не уверена, можно ли мне сейчас ее как-то двигать. И я боюсь, что это может оказаться неправильным, что это может только все ухудшить. Она слегка двигает головой. Через пару секунд ее тело охватывает судорога и она издает пронзительный крик. Затем она открывает глаза, и я по их выражению понимаю, что она в сознании.

– «Г», – еле слышно говорит она. – Он лезет наружу.

Я вскакиваю и бегу в коридор, где оставила свою сумку, когда увидела ее чемодан. Я достаю телефон и набираю «999»^[38]. Я еще никогда не набирала этот номер. Мои руки дрожат, когда мне отвечают с другого конца линии.

– Скорая помощь, – говорю я, когда меня спрашивают, какая служба мне нужна.

Пока я жду, когда меня соединят со службой скорой помощи, из ванной доносится еще один крик.

– Я звоню по поводу своей невестки, – говорю я, когда мне наконец снова отвечают с другого конца линии. – Она на девятом месяце беременности, и она очень неудачно упала. Она говорит, что ребенок уже вот-вот родится.

Я сообщаю адрес и, услышав, как она снова закричала, бегу в ванную.

– Все в порядке, – говорю я ей. – Скорая помощь уже едет.

– Папа... – говорит она. – Позвоните папе! Скажите ему, чтобы он приехал в больницу.

– А Ли?

Она отрицательно качает головой:

– Пусть приедет папа.

Я иду обратно в коридор и делаю то, о чем она меня попросила. Когда Джо отвечает на мой звонок, голос у него удивленный.

– Привет, Анджела. Все в порядке?

– Я по поводу Джесс, – говорю я. – У нее начались схватки.

– Но это же должно произойти только через три недели.

– Она упала, – говорю я. – Поскользнулась в ванной. Сюда уже едет скорая помощь. Ее отвезут в «Джимми» – ну, то есть в больницу Святого

Джеймса. Она хочет, чтобы вы приехали туда.

– С ней все нормально? – спрашивает Джо.

– Не знаю, – говорю я. – Ждем, когда приедут парамедики. Вы езжайте прямо в «Джимми», в родильное отделение.

Я могу себе представить, какое у Джо сейчас лицо и как он бросился к своему автомобилю. Она ведь его дочь. Она – единственное, что у него осталось. Она и ее малыш. Я знаю, какие Джо испытывает чувства. Они мне знакомы.

Я иду обратно в ванную, снимаю с крючка на тыльной стороне двери домашний халат и укрываю им ее.

– Он уже поехал в больницу, – говорю я.

Она кивает, а затем ее лицо искривляется и она снова кричит. Я беру ее за руку, но она ее отдергивает.

– Старайся глубоко дышать, – говорю я. – Старайся все это замедлить.

Она морщится. Я задаюсь вопросом, следует ли мне попытаться ее приподнять, но решаю, что пусть уж лучше это сделают парамедики. Я все еще не знаю, ушиблась ли она при падении или нет. Я не хочу еще больше усложнить ситуацию. Я и так уже ее сильно усложнила.

Я слышу, как раздается сигнал домофона. Я бегу в коридор, снимаю трубку, говорю им подниматься на лифте и нажимаю кнопку, чтобы отпереть дверь подъезда. Я жду, когда они доедут до нашего этажа.

– Сюда! – кричу я. – Она здесь.

Они вбегают. У одного из них – кресло на колесиках. Он оставляет его в коридоре. Я открываю для них дверь ванной. Когда они заходят, Джесс снова издает крик.

– Все в порядке, милая, – говорит тот из них, который постарше, наклоняясь над Джесс и осматривая ее. – Мы моментально доставим вас в больницу. Мне просто нужно убедиться, что вы себе ничего не сломали и что нет серьезного ушиба.

Он слегка приподнимает ее и, засунув руку под нее, ощупывает ее позвоночник и надавливает на нижнюю часть спины. Затем он просит ее пошевелить пальцами ног, и она делает это.

– Она потеряла сознание? – спрашивает он, повернувшись ко мне.

– Нет. Думаю, что не потеряла.

Он переводит взгляд на ее глаза и просит ее следить за ее пальцем, который он начинает водить из стороны в сторону. Затем он ощупывает ее шею и ключицы, после чего достает стетоскоп.

– Он, возможно, немножко холодный, – говорит он.

Он прикладывает стетоскоп к ее животу и передвигает его туда-сюда, а

затем останавливается и прислушивается.

– С ним все в порядке? – хныкающим голосом спрашивает она.

– Да, – отвечает он. – С ним все хорошо. Мы сейчас вас приподнимем, посадим в кресло на колесиках и отвезем в больницу. Согласны?

Она кивает и, схватив себя руками за живот, стонет. Парамедики становятся с обеих сторон от нее и приподнимают ее. Полотенце падает. Я бросаюсь к ней и укрываю ее домашним халатом, стараясь прикрыть ее интимные места. Парамедики берут ее под руки и осторожно перемещают в коридор. Я подкатываю кресло на колесиках и наблюдаю за тем, как они медленно усаживают ее в кресло.

– Вы с ней едете? – спрашивает тот парамедик, который постарше.

Я, еще не успев ничего ответить, вижу, как Джесс отрицательно качает головой.

– Нет, – тихо говорю я. – Туда к ней приедет ее отец. Ей понадобится ее чемодан с личными вещами. Он – вон там, – говорю я, показывая на стоящий в коридоре чемодан.

Второй парамедик берет его.

– Ой, и еще кое-что, – говорю я, направляясь бегом в детскую и возвращаясь с автолюлькой. – Хотите, чтобы я вам помогла? – спрашиваю я.

– Нет, спасибо, – говорит он, беря ее у меня. – Я справлюсь и сам.

Джесс снова вскрикивает.

– Ну все, – говорит тот, который постарше, – уже везем вас в больницу.

Я смотрю, как они выкатывают ее на кресле из квартиры и закатывают в лифт. Я закрываю дверь, поворачиваюсь и иду в детскую. Там я начинаю плакать, опустившись на пол и схватив плюшевого медвежонка, которого я купила для своего внука. Внука, которого я уже не знаю, увижу ли когда-нибудь.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Анджела Гриффитс

21 сентября 2017 г.

Я всегда знала, что Ли не делал этого, Джесс. У них не было никаких однозначных доказательств его вины, потому что он не делал этого. Вот так вот все просто. Я, впрочем, также знала, что со стороны может показаться, что он это и в самом деле сделал. Вот почему я поступила именно так, как поступила. Я не горжусь

тем, что сделала, Джесс. Я попросту запаниковала, когда приехала и увидела в коридоре твой чемодан. Потому что я тоже однажды вот так вот упаковывала чемодан, Джесс. И я тоже оставила его стоять в коридоре. Единственная разница заключалась в том, что я не смогла заставить себя реализовать свой замысел из-за маленького мальчика, который заметил этот чемодан там. Заметил и начал задавать вопросы. Очень неприятные вопросы, на которые у меня не было ответов. А потому этот чемодан был распакован до того, как отец мальчика пришел домой с работы, и маленькому мальчику было велено ничего никому об этом не рассказывать. Я не ушла, я осталась – осталась на недели, которые переросли в месяцы, а те, в свою очередь, переросли в годы. Я терпела при этом все, что на меня сваливалось, потому что я не могла решиться уйти и бросить своего маленького мальчика, а уйти и взять его с собой я попросту не могла. Я не могла позволить себе растить его в одиночку. В конце концов в коридоре оказался упакованным чемодан его отца, когда тот ушел от меня к другой женщине. Женщине, которая тогда была, возможно, моложе меня, но которая сейчас уже, видимо, пожилая. Такая же пожилая, уязвленная и сломленная, как я.

Вот почему я сорвалась. Вот почему я зашла в ванную, чтобы уговорить тебя остаться. А когда я увидела, что ты лежишь неподвижно на кафельной плитке и из раны на твоей голове течет кровь, я подумала, что ты либо уже мертва, либо умираешь. В ту долю секунды мне нужно было принять решение, остаться ли здесь и помочь тебе или же забрать Гаррисона и удрать. Сделать вид, что я приехала сюда еще до этого несчастного случая и, как обычно, забрала с собой своего внука на все утро, чтобы позволить тебе спокойненько принять душ.

В общем, я выбрала Гаррисона. Все, о чем я могла думать, – так это об этом маленьком мальчике, вопящем что есть силы. И я знала, что мне необходимо увезти его оттуда. Знала, что, если я задержусь еще на пару секунд – даже для того, чтобы набрать по телефону номер «999», – будет больше вероятности того, что полицейские подумают, что это был вовсе не несчастный случай и что это сделал с тобой Ли. И тогда Гаррисон потерял бы не только свою маму, но и своего папу. А ни один ребенок не должен обрекаться на такую участь.

Поэтому именно так – я забрала его и захлопнула за собой дверь, оставив тебя там умирать. Потому что я не могла допустить, чтобы моего внука постигла такая участь. И хотя я, возможно, принесла при этом в жертву твою жизнь, я говорю себе, что ты согласилась бы с таким моим поступком. Потому что ты как никто другой знаешь: мать сделает что угодно ради того, чтобы спасти свое дитя.

И конечно же, полицейские поверили мне, когда я сказала, что приехала в вашу квартиру уже после того, как Ли ушел на работу. Никто в этом даже не усомнился. И в самом деле – какая женщина оставила бы свою невестку умирать на полу в ванной? Мне поверили и в суде. Поверили даже после того, как те женщины стали рассказывать о Ли всякие гадости.

Что сделано – то сделано, и мне придется жить с этим всю свою оставшуюся жизнь. Теперь никто уже никогда не узнает правды, потому что я не собираюсь ее никому говорить. Ли, возможно, ее тоже знает. Но только в том случае, если он и в самом деле убил тебя, а я все еще в это не верю. И я не могу спросить его, даже если бы и хотела это сделать, потому что, если я спрошу его, он узнает, что я нашла тебя и что я оставила тебя умирающей на полу. Мы никогда не говорили об этом. И, думаю, вряд ли когда-либо об этом поговорим. Между матерью и ее сыном существует особая связь. И о некоторых вещах лучше вообще никогда не говорить.

Джесс

Вторник, 21 марта 2017 года

Я настолько уверена, что рожу в машине скорой помощи, что даже удивляюсь, когда машина останавливается и меня начинают выкатывать на кресле наружу.

– Мы уже приехали? – спрашиваю я парамедика, который постарше и который сказал мне, что его зовут Терри.

– Да, мы сейчас доставим вас прямоком в здание. Там уже ждут те, кто вами займется.

– С ним все будет в порядке?

– Да, с ним все будет замечательно, – говорит Терри, улыбаясь мне. –

Он заставил свою мамочку попереживать, да?

Я киваю и одновременно с этим стону, потому что схватки начинаются снова. Терри закатывает меня на кресле в приемный покой родильного отделения. Врач и акушерка уже ждут меня с тележкой для перевозки беременных. Я слышу, как Терри им что-то быстро говорит, пока меня на нее кладут. Я различаю лишь обрывки его фраз: что-то про время моих схваток и про то, что мне после родов нужно будет пройти всестороннее обследование. Второй парамедик передает местному персоналу мой чемодан и автолюльку. Затем меня завозят в лифт. Акушерка – очень полная женщина – берет меня за руку и говорит, что ее зовут Глория. Я стараюсь не думать о гиппопотамике из мультфильма «Мадагаскар».

– Папа сюда уже едет? – спрашивает она.

Я уже собираюсь сказать «да», когда до меня доходит, что она имеет в виду отца моего ребенка.

– Нет, – отвечаю я. – Я от него только что ушла.

Ее брови слегка приподнимаются.

– Девушка, вы, похоже, подбираете для себя самые подходящие моменты.

Это заставляет меня улыбнуться. Я улыбаюсь впервые за несколько дней. А может, и недель.

– Но сюда едет *мой* папа, – говорю я. – Это мой единственный близкий родственник.

Когда снова начинаются схватки, она сжимает мою руку чуть сильнее.

– Роды вообще-то должны были начаться через три недели, – говорю я. – Я упала. Я переживаю, что это могло ему навредить.

– Парамедик говорит, что с ним все в порядке. Вы просто его разбудили – только и всего. И он решил, что пришло время ему появиться на белый свет.

Двери лифта открываются. Меня вывозят из лифта и затем везут куда-то налево по коридору.

– Мы сейчас проведем быстрое обследование, – говорит Глория.

– Я же вам сказала, что уже рожая! – визжу я.

– Я знаю, – улыбается она. – Но нам необходимо уточнить, на какой это стадии.

– Хорошо, – говорит она некоторое время спустя, выныривая из пространства у меня между ногами. – Нам, очевидно, пора доставить вас в родильную палату. Не паникуйте, но он, похоже, уже очень хочет познакомиться со своей мамочкой.

– Вы больше никого в то помещение не пустите, правда? – спрашиваю

я, будучи уверенной, что Анджела уже позвонила Ли. И он, возможно, уже едет сюда. – Я хочу видеть только своего папу.

– Хорошо. Туда никто не зайдет. Вы здесь в безопасности.

Говоря это, Глория сжимает мою руку. А я спрашиваю себя, догадалась ли она о том, что переживаю я не о самих родах, а о том, что будет происходить после них.

Меня привозят в родильную палату и кладут на топчан. Я смутно помню это помещение по экскурсии в родильное отделение, на которую ходила с Ли. Он, увидев здесь ванну, тогда пошутил, что он, по крайней мере, сможет принять ванну, пока я буду рожать. Но я не сочла эту его шутку смешной.

– Вам не обязательно находиться именно на топчане, – говорит Глория. – Я могу набрать для вас ванну, вон там есть мяч для родов, или, если хотите, можете сидеть на корточках на полу.

– Я буду находиться здесь, – говорю я.

Она берет больничный халат и помогает мне его надеть, а затем подсоединяет меня проводами к какому-то стоящему возле топчана прибору, чтобы контролировать сердцебиение находящегося во мне плода.

– С ним по-прежнему все в порядке? – спрашиваю я.

– Да, все хорошо.

Я закрываю глаза. Перед моим мысленным взором – лицо «Г», его маленькие ямочки, его улыбающиеся глаза. И когда снова начинаются схватки, я думаю только о том, что уже сгораю от нетерпения увидеть своего маленького мальчика.

Я толком не знаю, сколько прошло времени перед тем, как раздается стук в дверь. Все, что я знаю, – так это что я почему-то стою на четвереньках на топчане, с моего лица капает пот, моя задница слипается, и я вою, как дикий зверь.

– Кто это? – спрашиваю я акушерку. – Я не хочу, чтобы он сюда заходил. Я не хочу, чтобы он находился рядом со мной – ни здесь, ни в любом другом месте.

– Это ты про своего отца? – спрашивает Глория.

– Нет, – говорю я. – Я говорю не о нем.

– Хорошо, – говорит она. – Я пойду и посмотрю, кто это. Мимо меня никто не пройдет.

Она идет к двери. Голос, который я слышу, – это голос не Ли. И не папы. Это голос Сейди.

– Это ваша любовница, – громко говорит Глория, поворачиваясь и вновь поднимая брови. – Девушка, вы, я смотрю, точно времени зря не

теряете.

Я начинаю смеяться – больше от облегчения, чем по какой-либо другой причине.

– Она – моя лучшая подруга, – говорю я.

– Вы хотите, чтобы она сюда зашла?

– Да, – говорю я.

Сейди подбегает ко мне.

– Эй, привет, – говорит она, потирая мои плечи.

– Почему ты сказала, что ты моя любовница?

– Мне ведь нужно было как-то добиться, чтобы меня сюда пропустили, правда? Твой папа ждет там. Он подумал, что ты, возможно, захочешь сейчас увидеться со мной даже больше, чем с ним. Поэтому он заехал за мной.

Я киваю и снова начинаю выть.

– Она что, всегда такая шумная? – спрашивает Глория.

– Даже хуже того, – говорит Сейди. – А где Ли?

– Я от него ушла, – говорю я.

– Что? Почему?

– Можно я расскажу тебе об этом позже? Я сейчас немного занята.

Она кивает и хватает меня за руку.

– Пойди скажи папе, что со мной и с ребенком все в порядке, – говорю я, с трудом произнося слова. – А затем возвращайся сюда и будь готова к тому, что я на тебя буду орать.

Вернувшись, Сейди больше не спрашивает про Ли. И она умудряется не расхохотаться, когда я знакомлю ее с Глорией: она всего лишь улыбается мне с заговорщическим видом и шепчет: «Гиппопотамиха из того мультфильма», когда Глория отходит зачем-то в сторону. Сейди, в общем-то, именно тот человек, который мне нужен, который должен быть рядом со мной, когда я рожаю. Я рада, что она здесь. И рада, что, когда я начинаю громко ругаться, у меня есть возможность ругаться не только на Глорию, но и на кого-то еще. Я рада, что, когда я пытаюсь вытолкать из себя плод, опасаясь при этом, что могу сейчас развалиться на две части, она заверяет меня, что я при этом пока что случайно не обкакалась. А еще я рада, что, когда она кладет свои руки мне на плечи, мне таки удается вытолкать из себя скользкий и морщинистый маленький объект в окружающий мир.

– С ним все в порядке, – говорит Глория, быстренько осматривая «Г» и потом передавая его мне.

Я, взяв его, плачу. Мой ребеночек. Ребенок, ради которого я была готова умереть, но мне в конечном счете этого делать не пришлось.

– О господи!.. – говорит Сейди, громко шмыгая носом и вытирая глаза. – Это твой ребенок. Это твой сын.

Я киваю.

– Его зовут Гарри, – говорю я. – И он теперь – моя реальность.

Некоторое время спустя – после того, как врачи осматривают Гарри и меня, – нас отвозят в отделение послеродовой реабилитации. Глория сказала мне, что это мера предосторожности: Гарри ведь появился на свет на три недели раньше срока, и поэтому они хотят за ним внимательно понаблюдать. Только поэтому, а не потому, что с ним что-то не так.

Папа ждет меня возле кровати, держа в руке огромный букет цветов. По его щекам текут слезы.

Наклонившись, он целует меня. Потом берет меня за руку. Его рука при этом дрожит.

– Я очень сильно разволновался, когда позвонила Анджела, – шепчет он.

– С нами все в порядке, – отвечаю я. – С нами обоими все в порядке.

Я вижу, как его взгляд перемещается на ребенка. Папа закусывает нижнюю губу, а потом на его лице появляется улыбка.

– Познакомься со своим внуком, – говорю я. – Его зовут Гарри Джо Маунт.

– Он очень красивый, – говорит папа. – Просто бесподобный. Спасибо.

Потом он пару секунд молчит. Я знаю, о чем он меня сейчас спросит, еще даже до того, как он открывает рот.

– Что произошло? С тобой и Ли, я имею в виду. Почему он не здесь? Почему у Гарри не его фамилия?

– Я от него ушла, папа. Я намереваюсь рассказать тебе почему и все объяснить, и я знаю, что, когда я сделаю это, ты все поймешь правильно, но мне, если ты не возражаешь, не хотелось бы делать это прямо сейчас. Я не хочу чем бы то ни было омрачать вот эту ситуацию. Все, что тебе сейчас нужно знать, – так это что со мной и с Гарри все в порядке и что мы, когда нас отсюда выпишут, собираемся вернуться к нам домой, чтобы жить рядом с тобой. Такое тебя устраивает?

– Ну конечно, – говорит он, тяжело сглатывая. – Твоя мама очень бы тобой гордилась. Я это точно знаю.

Я киваю. Папа, засунув руку в карман, достает из него и протягивает мне конверт, на котором написано мое имя. Я сразу же узнаю почерк.

– Я говорил тебе, что она написала несколько писем, – говорит он. – На случай различных важных и чрезвычайных событий.

– Спасибо, – говорю я. – Мне кажется, что такие события наступают

одно за другим быстрее, чем она могла предположить.

Я читаю это мамино письмо позже. Читаю уже после того, как папа и Сейди уходят, Гарри засыпает, лежа рядом со мной, а акушерки снова заверяют меня, что никому не позволят зайти повидаться со мной без моего разрешения. У меня болит в промежности, все тело ноет, и я так сильно устала, что мне ужасно хочется спать. Но я знаю, что не смогу заснуть, пока не узнаю, что написано в этом письме.

Я открываю конверт, вытаскиваю из него листок бумаги и начинаю читать.

Дорогая Джесс!

Знаешь, никто не подготовит тебя к этому моменту. Ты можешь ходить на всевозможные курсы и прочесть все существующие на свете книги про младенцев, но ничто не подготовит тебя к тому моменту, в который ты возьмешь своего ребенка на руки в первый раз.

И я знаю, что ты будешь думать, потому что это то же самое, что чувствовала я, когда впервые взяла тебя на руки. То же самое, что думают все мамы, когда они берут своего ребеночка на руки в первый раз. Но ты справишься, Джесс. И ты будешь знать, что делать. Не потому, что ты прочла соответствующие книги или запомнила то, что тебе говорили по этому поводу другие люди, а просто потому, что это твой ребенок и инстинкт подскажет тебе, что делать. Вокруг тебя могут оказаться люди, которые будут давать тебе совершенно другие советы и пытаться убедить тебя, что нужно действовать совсем по-другому – не так, как тебе подсказывает твой инстинкт. Возможно, если бы я находилась рядом с тобой, я была бы одним из таких людей. Но тебе нет необходимости их слушать, Джесс. Тебе нужно научиться доверять себе самой. Поначалу этого ощущения не будет, потому что ты будешь очень сильно переживать, но постепенно нервное напряжение будет спадать и ты начнешь доверять своему собственному мнению.

И я скажу тебе, почему ты всегда будешь права, Джесс. Потому что ты любишь этого ребеночка больше, чем кого-либо другого на всем белом свете. Ты – его мама, и ты будешь бороться за него так, как я боролась за тебя. И все, что тебе нужно делать, – это любить его, Джесс. Вот так вот все просто. И, пожалуйста, целуй своего малыша от имени его бабушки и говори моему внуку каждый день, что, хотя я его никогда не увижу, я его очень люблю. И я буду присматривать за ним – так, как я всегда буду присматривать и за тобой.

Вторник, 21 марта 2017 года

Когда Ли приходит домой с работы, я сижу и жду его. Сижу и жду в детской, окруженная всем тем, что я подготовила для своего внука.

– О господи!.. – говорит Ли, вздрагивая, когда видит меня. – Что ты здесь делаешь?

– Вспоминаю, – говорю я. – Вспоминаю о том времени, когда ты только что родился на белый свет.

– Где Джесс? – спрашивает он, ставя на пол свой портфель и ослабляя галстук. – Она спит?

– Нет, – говорю я. – Она не здесь.

– Что ты имеешь в виду?

– Она ушла, Ли. Ушла сегодня утром.

Он таращится на меня. Я вижу, как на его лице появляется выражение паники.

– А ну-ка давай объясни мне все вразумительно, – говорит он.

Я поднимаюсь на ноги.

– Она рассказала мне о том, что произошло вчера вечером, Ли. Ей пришлось мне это рассказать, потому что ее чемодан стоял упакованным в коридоре и потому что я стала кричать ей, чтобы она не уходила.

Ли опускает взгляд. Он ничего не говорит.

– Я пыталась ее остановить, – продолжаю я, удивляясь тому, какой спокойный у меня голос. – Я зашла в ванную, где она принимала душ, и стала уговаривать ее не уходить. Вот тогда-то она мне все и рассказала. Она все знает, понимаешь? Ей каким-то образом стало известно и про Эмму, и про остальных.

– Не смей меня, – говорит Ли. – Она не может этого знать.

– Может или не может, но она знает. Она также рассказала мне, что, по ее мнению, произойдет, если она останется. Она считает, что ты ее убьешь и что я буду врать в суде, чтобы тебя выгородить.

– О господи!.. Она что, чокнулась, да? У нее, видимо, в конце концов опять начались проблемы с психикой.

– Нет, не начались. Я сидела вот здесь весь день, размышляя над тем, что она сказала, и теперь мне понятно, что произойдет. Я имею в виду, что мы с тобой оба знаем, каким образом могут развиваться события, не так ли? Мы знаем, что если мужчина избил как-то раз женщину и это сошло

ему с рук, он, вполне возможно, станет делать это снова и снова... И если я покрывала тебя все то время, когда ты делал это, то почему бы я не поступила так опять даже в том случае, если бы ты ее убил. Я ведь тебя люблю. Ты – мой сын, а потому моя любовь к тебе безгранична. Я сделала бы для тебя что угодно. Даже дала бы лживые показания в суде, поклявшись говорить правду. Однако сегодня до меня дошло, что это не было бы настоящей любовью. Это просто что-то вроде слепой преданности. И я делала это годами, Ли, я смирялась со всем, что сваливалось мне на голову, и вот посмотри, к чему это меня привело.

– Я не такой плохой, каким был он, – говорит Ли.

– Ты станешь таким, как он, если я позволю тебе продолжать вести себя в том же духе. Ты станешь даже хуже его. И поэтому это нужно остановить.

– Что ты имеешь в виду?

– Я больше не буду тебя покрывать, Ли. Я не буду делать вид, что я не знаю, что происходит. Тебе придется столкнуться с собой таким, каким ты стал, и мне тоже придется с таким тобой столкнуться. У тебя, и у меня нет другого выбора.

Его лицо бледнеет. Мне кажется, что он как бы сжался, уменьшился в размерах.

– Я не понимаю, – говорит он.

– Джесс уже родила. Она упала, когда я попыталась не позволить ей уйти, и у нее начались схватки. Приехали парамедики и забрали ее в больницу. Ее подруга только что разместила публикацию в ее «Хронике». Там написано, что у Джесс родился сын и что мама и ребенок чувствуют себя хорошо.

Ли разворачивается и направляется к двери.

– Куда ты? – спрашиваю я.

– В больницу, – говорит он. – Увидеть своего сына.

– Нет, ты туда не поедешь, – отвечаю я. – Потому что Джесс не хочет, чтобы ты туда приезжал. И если ты туда поедешь, я напишу в «Фейсбуке» обо всем, что ты делал. Я сделаю так, чтобы все узнали, что ты делал с ней и со всеми остальными.

– Ты не посмеешь, – фыркает Ли.

– Раньше не посмела бы, – говорю я. – А теперь посмею.

Ли, подняв руку со сжатым кулаком, направляется ко мне. Я, готовясь защищаться, выставляю вперед руку. Руку, которая держала его, когда он был младенцем. Руку, которая гладила и успокаивала его, когда он плакал. Руку, которая махала ему на прощанье, когда я впервые привела его в

школу.

Он останавливается очень близко от меня, поворачивается и в сердцах бьет ногой по своему портфелю так, что тот отлетает далеко в сторону и попадает в лежащего на комодке плюшевого медвежонка со встроенной в него музыкальной шкатулкой. Медвежонок падает на пол, проиграв при этом несколько ноток из колыбельной «Рок-э-бай бэби».

Ли тоже как бы падает на пол: он резко опускается на колени на коврик. И начинает неудержимо всхлипывать. Я кладу ладонь на его плечо. Моя ладонь сейчас сильнее, чем его кулак. Потому что я нашла более сильную любовь.

Я не надеваю утром свою обычную «маску». Я больше уже не прячусь за ней. Мне как-то странно смотреть на свое «гололицее» отражение в зеркале. Мои глаза, нетронутые контурным карандашом, кажутся гораздо меньше. Но хотя они, возможно, покажутся такими вот маленькими и другим людям, я знаю, что впервые за много лет они широко раскрыты.

Я отправляю Джесс сообщение через «Фейсбук», спрашивая, могу ли я приехать ее навестить. Я сообщаю ей при этом, что Ли со мной не будет, что я приеду одна. Проходит довольно много времени, прежде чем она присылает ответ. Думаю, она была занята ребенком. А может, просто раздумывала, что же мне ответить.

Как бы там ни было, она ответила «да». Меня это, честно говоря, удивило. Я поблагодарила ее и сообщила, что я пробуду у нее недолго. Я прекрасно понимаю, что она не горит желанием со мной общаться и что ей больше хочется побыть наедине со своим ребенком.

Я сажусь на автобус, идущий в центральную часть города. Найти парковочное место возле больницы всегда проблематично, и мне не хочется нервничать по этому поводу непосредственно перед своим приходом к Джесс. Когда я приезжаю в больницу, мне довольно быстро удается найти отделение послеродовой реабилитации.

Я сообщаю женщине в регистратуре свои имя и фамилию. Она спрашивает, кем я прихожусь этому ребенку.

– Я его бабушка, – гордо говорю я твердым голосом.

Одна из акушерок подводит меня к двери комнаты, в которой находится Джесс.

– Она там, – улыбается акушерка. – В данный момент кормит своего ребенка. У них обоих все в порядке.

Открыв дверь, я осторожно захожу в комнату. Джесс поднимает на меня взгляд. Она не улыбается мне, но и не хмурится. На ее лице – выражение умиротворения. Мой взгляд падает на младенца, которого она

кормит грудью. Он – маленький и красный. Его малюсенькие пальчики цепляются за ее грудь.

– Поздравляю, – говорю я. – Он очень милый.

– Спасибо, – отвечает она. Затем ее лицо становится мрачным. – А Ли знает?

Я киваю.

– Я сказала ему вчера вечером, – говорю я. – После того, как увидела публикацию твоей подруги в «Фейсбуке».

Она хмурится:

– Тогда почему же он не приехал?

– Это я сказала ему не приезжать.

Она хмурится еще больше.

– Я сказала ему и много чего другого. Много того, что мне следовало бы сказать ему уже давным-давно. Он не будет тебя донимать, Джесс. Я сказала ему, что ему необходимо пройти обследование у психиатра, прежде чем он хотя бы приблизится к тебе или к твоему ребенку.

Она начинает плакать.

– Прости меня, – говорю я, садясь на краешек ее кровати. – Прости за все, что я не сказала и не сделала. Видишь ли, я считала, что у меня не хватает мужества для того, чтобы ему противиться. Все те годы, когда мой муж бил меня и я мирилась с этим, я думала, что так происходит потому, что я слабая.

Джесс качает головой.

– Вы любили его, – тихо говорит она.

– Да, – отвечаю я. – Да, любила.

– Любовь ослепляет, правда?

Я киваю, вытирая слезы с глаз.

– И когда Ли начал делать это, когда девушки, которых он приводил домой, в конце концов начинали выглядеть так, как когда-то выглядела я, мне не хотелось в это верить. Для меня была невыносимой сама мысль о том, что он будет вести себя так же, как вел себя его отец.

– Так что изменилось?

– Появилась ты, – говорю я. – Ты изменила его и изменила меня.

– Он все равно бил меня.

– Да, но он ненавидел самого себя за это. А я получила свою силу от тебя. О господи, как бы мне хотелось, чтобы у меня в твоём возрасте была хотя бы половина той силы, которая есть у тебя.

Мы некоторое время молчим, прислушиваясь к звукам, которые издает кормящийся младенец.

– Ли изменится? Он может измениться?

– Не знаю, – отвечаю я. – Что я знаю – так это то, что он попросту не может продолжать вести себя так и дальше.

Она опускает взгляд на младенца, который перестал сосать мамочкину грудь. Его глаза закрыты. Она притягивает его поближе к себе.

– Акушерка сказала, что с ним все в порядке, – говорю я.

– Да, именно так. Ему повезло. Нам обоим повезло.

– Прости меня за то, что произошло в ванной. Я не знаю, что на меня нашло.

– Не переживайте, теперь уже все хорошо, – спокойно говорит она.

Но я знаю, что не все хорошо. Знаю, что я никогда не смогу забыть то, что произошло.

– Ну ладно, – говорю я, вставая. – Ты, должно быть, устала. Я уйду, чтобы дать тебе возможность отдохнуть.

Она бросает взгляд на большую сумку для покупок, которую я держу в руке.

– О-о, – говорю я. – Чуть не забыла. Это новая одежда, которую я для него купила. Если не хочешь, можешь ее не брать.

– Спасибо, – говорит она.

Я ставлю сумку в углу комнаты – рядом с автолюлькой – и поворачиваюсь к Джесс.

– Крестильную рубашку я туда не положила, – говорю я. – Понимаешь, на ней есть кровавое пятнышко. Отец Ли ударил меня, когда мы пришли домой с крестин. Он сказал, что мне следовало суметь удержать его от слез в церкви. Я все еще держала Ли на руках в его крестильной рубашке, когда мой муж сделал это.

Джесс опускает взгляд и поправляет одеяло вокруг своего ребенка.

– Вы хотите поддержать своего внука? – спрашивает она.

Я смотрю на нее. Я даже не отважилась ее об этом попросить.

– Спасибо, – говорю я.

Я подхожу и становлюсь рядом с ней. Она передает мне его – этот драгоценный комочек надежды. Я смотрю на него и, кусая себе губу, начинаю плакать. Потому что я очень сильно его люблю. И потому что я его едва не потеряла.

11 июля 2017 г. в 20: 33

Вообще-то, я не должна была дожить до этого дня. Сейчас уже неважно, почему или как, но я не должна была быть здесь. Однако я здесь и поэтому хочу поблагодарить сегодня вас всех за то, что вы помогали мне, когда я нуждалась в вашей помощи, пусть даже вы тогда этого и не осознавали.

Эти последние несколько месяцев были нелегкими, но при этом они были и самыми лучшими четырьмя месяцами в моей жизни. Да, быть матерью-одиночкой – это тяжело. Да, я все еще изнемогаю от недосыпания, и да, я иногда буквально падаю в конце дня на кровать и плачу. И я считаю важным сообщить вам об этом и объяснить, почему я написала здесь и о своих трудных днях – да потому, что на каждую радужную и оптимистическую публикацию в «Фейсбуке» приходится и такая, которая не размещается. Такая, которая показывает другую сторону жизни – тяжелые времена, слезы, ужас с трудом пережитого дня.

Но сегодня я делаю позитивную публикацию и поэтому прилагаю к ней фотографию, на которой запечатлены я и Гарри. Я на ней улыбаюсь. Улыбаюсь, потому что сегодня я счастлива уже оттого, что жива.

Об этой книге

Осторожно, спойлер [\[39\]](#)!

Как это ни печально, но написать эту книгу меня понудила смерть двух моих друзей. Я довольно долго обдумывала идею написать роман про молодую женщину, которая находит страницы, описывающие ее будущую жизнь, и которой приходится выбирать: или принимать все как есть, или попытаться все изменить. Меня интересовало, как часто, говоря, что нам хотелось бы изменить прошлое, мы забываем, что событие, которое нам хотелось бы изменить, может иметь не только негативные, но и позитивные последствия. Впрочем, только лишь про это одно романа не напишешь, да и вряд ли это является очень актуальным.

Когда одна моя подруга умерла от рака груди, это стало в моей жизни первым случаем утраты человека, который относился к числу моих друзей как в «Фейсбуке», так и в реальной жизни. До ее смерти ее близкие родственники и друзья использовали социальные сети с позитивным настроем – для того, чтобы собрать деньги для ее детей, – тем самым очень сильно подбадривая ее в последние дни ее жизни. Что я еще обнаружила – так это то, что, читая размещаемые ее друзьями в ее «Хронике» уже после ее смерти сообщения, ее близкие находили для себя в этом огромное утешение, и на этой почве даже образовалось новое сообщество друзей (многие из которых ранее никогда друг с другом не встречались).

Моя вторая подруга умерла при совсем других обстоятельствах. В ее публикациях в «Фейсбуке» отразились имевшиеся у нее проблемы с психическим здоровьем. А когда она, как это ни прискорбно, наложила на себя руки, в ее «Хронике» был целый поток горестных высказываний людей, по именам и фотографиям которых я узнавала, что это те, кто, как и я, пытался поддерживать ее в «Фейсбуке» во время ее нелегкой жизни.

Опять же, было большим утешением читать воспоминания о ней разных людей и складывать вместе аспекты ее жизни, о которых я мало что знала. Придя на ее похороны, я встретила и поговорила с некоторыми из тех людей, чьи соболезнования читала в ее «Хронике» в «Фейсбуке».

После смерти этих двух женщин друзья продолжали размещать в их «Хрониках» публикации с мыслями и воспоминаниями о них, особенно в значимые даты. Пока я писала эти строки, «Фейсбук» мне сообщил, что

одна из этих моих двух подруг будет отмечать на этой неделе день рождения. Она, конечно же, ничего отмечать не будет, но зато ее близкие разместят на ее страничке в «Фейсбуке» свои соболезнования – новый, современный вид общественного траура.

Вот так и родился замысел этого романа – из идеи о том, что если кто-то увидит излияние горя в социальных сетях после его будущей смерти, то это может повлиять на его поведение в жизни.

Не читайте дальше, если вы еще не прочли роман. В основу данного произведения легли случаи бытового насилия. Будучи журналистом, я осветила в своих статьях очень много вопиющих случаев и побеседовала со многими женщинами о том, как лично они сталкивались с бытовым насилием, а также поговорила с мужчинами о том, как они стали субъектом подобного явления (и мне хотелось бы здесь подчеркнуть, что, хотя Ли в своем детстве и был свидетелем бытового насилия, я ни в коем случае не утверждаю, что все мальчики, которые были такими свидетелями, обязательно тоже потом начинают распускать руки. Многие мальчики в подобной ситуации вовсе не следуют дурному примеру и зачастую, наоборот, активно выступают против насилия мужчин по отношению к женщинам).

Я принимала во внимание те статистические данные, согласно которым женщины – в среднем – подвергаются насилию тридцать пять раз до того, как они впервые решаются обратиться в полицию. Я часто слышала, как люди спрашивают, почему же эти женщины терпят так долго. Эти люди не понимают всех тех сложностей, которые имеют место в подобных случаях – контроль со стороны мужчин, специфика способов негативного психологического и эмоционального воздействия на женщин, желание не ущемить чувство собственного достоинства, не говоря уже о переживаниях по поводу их детей и по поводу того, смогут ли они, женщины, материально обеспечить своих детей, если уйдут от мужа.

Мне захотелось наделить свою главную героиню способностью видеть будущее и затем проанализировать, как повлияет на нее знание того, что насилие будет продолжаться и в конце концов приведет к ее смерти. Мне также хотелось подчеркнуть тот факт, что в тридцати процентах случаев бытовое насилие начинается или усиливается тогда, когда женщина беременна. Двадцать лет назад, когда я излагала результаты одного опроса, проведенного по данной проблеме в местном приюте для пострадавших таким вот образом женщин, мой редактор отдела новостей сказал: «Ну да, это потому, что мужчинам в подобной ситуации труднее добиваться своего».

Когда я возразила этой «шутке», мне сказали, что у феминисток слабовато с чувством юмора. К сожалению, подобные подходы и настроения в наше время все еще существуют, и нам необходимо бороться с ними с целью добиться того, чтобы насилие над женщинами когда-нибудь было искоренено. Из гонорара за эту книгу я сделаю пожертвования нижеуказанным благотворительным организациям, которые очень хорошо работают в данной сфере. Я была бы безгранично благодарна, если бы и вы тоже смогли оказать им поддержку или же сообщили бы телефонный номер «горячей линии» тому, кому, насколько вы знаете, нужна помощь. Спасибо.

The White Ribbon Campaign – мужчины, работающие над тем, чтобы прекратить насилие против женщин

www.whiteribboncampaign.co.uk

Women's Aid – национальная благотворительная организация, работающая над тем, чтобы прекратить бытовое насилие против женщин и детей

www.womensaid.org.uk

Refuge – самая большая в нашей стране организация, занимающаяся предоставлением специализированных услуг, связанных с противодействием бытовому насилию

www.refuge.org.uk

National Domestic Violence Helpline – управляется организациями «Women's Aid» и «Refuge»

Слова благодарности

Я думала, что на этот раз напишу выражение признательности в стиле тех речей, которые произносят при вручении премии «Оскар», надеясь при этом, что я не перепутала конверты! Романы пишутся в одиночку, однако огромное число людей вовлечены в работу по выходу романа в свет и популяризации его среди потенциальных читателей. Огромное спасибо моему редактору Кэтрин Тауссиг за то, что она помогла мне придать данному произведению надлежащую форму (благодаря ей оно стало лучше) и за продвижение его везде и всюду. Огромное спасибо вообще всем сотрудникам издательского дома «Куэркус» (*Quercus*) за их нелегкую работу. Мой агент Энтони Гофф был для меня поддержкой с самого начала, и его компетентность и мудрость являются неоценимыми – так же как является неоценимой и поддержка со стороны всех сотрудников компании «Дэвид Хайэм Ассоушийтс» (*David Higham Associates*).

Спасибо Эмили и Мило за участие в видеоролике о данной книге, а Джулии с Карен – за предоставление соответствующего места; спасибо Лэнсу Литтл за фантастически замечательное представление этого романа на моем веб-сайте; спасибо Дэвиду Эрлу за его ответы на мои вопросы, относящиеся к деятельности полиции. Спасибо всем писателям, которые прочли черновые варианты и дали свои комментарии; спасибо блогерам, написавшим про эту книгу и тем самым оказавшим содействие в ее популяризации; спасибо независимым книжным магазинам и библиотекам за неизменную поддержку читателей и писателей. Книжное сообщество – это воистину классное сообщество!

Спасибо моим близким родственникам и друзьям за их постоянную поддержку и за их терпимое отношение к моему периодическому уклонению от общения с ними.

Моему мужу Йену (камера переводится на многострадального мужчину с седыми волосами, находящегося в третьем ряду) спасибо за съемку прекрасного видеоролика о данной книге, за авторские фотографии, за выполнение всей домашней работы, за сопровождение меня во всех тех прогулках, на которых я излагала сюжет, и за то, что – иногда довольно назойливо – предлагал мне включить в сюжет романа публикации в «Фейсбуке». Моему сыну Рохану (к глазам подступают слезы) спасибо за всю его техническую помощь, идеи и энтузиазм, а также за то, что он такой «востребованный актер» (камера переводится на улыбающуюся Мерил

Стрип) и часто участвует в спектаклях и съемках фильмов, тем самым давая мне дополнительное свободное время, которое было необходимо для завершения работы над этой книгой. Я обещаю, что буду надевать «соответствующее платье» на будущие церемонии твоего награждения!

Тех, кто пережил бытовое насилие и с кем я беседовала, когда работала журналистом, я благодарю за их откровенные рассказы, имевшие своей целью помочь другим людям: ваша сила духа является для меня вдохновением (слезы из глаз рекой).

А вам, мои замечательные читатели, спасибо за то, что вы берете почитать, покупаете, рекомендуете и анализируете книги. Ваши одобрительные отзывы, пожелания и комментарии постоянно напоминают мне, какой честью является выполнение этой работы. Пожалуйста, пишите мне в «Твиттере» на @lindagreenisms и в «Фейсбуке» на «Fans of Author Linda Green», а также на моем веб-сайте (www.linda-green.com), чтобы сообщить мне, что вы думаете об этой книге. Пишите все, кроме того человека, который так отозвался на сайте компании «Amazon.com» о моем предыдущем романе: «Это первая книга Линды Грин, которую я прочел, и она будет последней». Я надеюсь, что вы нашли себе почитать что-то лучше!

notes

Примечания

Гиллиан Флинн, Элис Сиболд – американские писательницы.

«Вольная пятница» – пятница, в которую в некоторых компаниях работникам разрешается носить не установленную для данной организации официальную форму, а обычную повседневную одежду.

Бранч – плотный поздний завтрак.

Ботинки «ДМ» («Док Мартенс») – ботинки на шнурках с толстыми легкими подошвами.

«Лабиринт» и «Абсолютные новички» (*Labyrinth* и *Absolute Beginner*) – фильмы, в которых снялся Дэвид Боуи – британский рок-певец и автор песен.

Дементоры – фантастические существа, фигурирующие в книгах и фильмах о Гарри Поттере. Способны высасывать душу из всего живого.

Кэри Маллиган – британская актриса театра, кино и телевидения.

Волан-де-Морт – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.

Халлуми – разновидность сыра.

Усэйн Болт – ямайский легкоатлет, бегун на короткие дистанции, неоднократный чемпион мира и Олимпийских игр.

Долорес Амбридж – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.

Алан Рикман – британский актер.

Северус Снегг – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.

Дж. К. Роулинг (Джоан Роулинг) – британская писательница, автор серии романов о Гарри Поттере; Дэниел Рэдклифф – британский актер, исполнивший роль Гарри Поттера.

Джереми Вайн – британский журналист.

Эдди Редмэйн – британский актер.

Джульет Стивенсон – английская актриса и певица.

Лорд-мэр – титул главы муниципалитета некоторых крупных городов Англии, Уэльса и Северной Ирландии.

Ночь Гая Фокса (Ночь костров, Ночь фейерверков) – традиционное для Великобритании ежегодное празднование, не являющееся государственным праздником, в ночь на 5 ноября, когда люди зажигают фейерверки и костры, на которых сжигают чучело Гая Фокса. Это пятая ночь после Хэллоуина, когда отмечается провал Порохового заговора. В эту ночь на 5 ноября 1605 года группа католиков-заговорщиков попыталась взорвать Парламент Великобритании в Лондоне во время тронной речи протестантского короля Якова I.

Оби-Ван Кеноби – персонаж из киносаги «Звездные войны».

Йоркширский пудинг – жидкое пресное тесто, которое запекается под куском мяса на рашпере и впитывает стекающий сок и растопленный жир.

Дэвид Аттенборо – британский телеведущий и натуралист.

Эдди Редмэйн – британский актер.

«Эммердейл» – популярный многосерийный телевизионный фильм о повседневной жизни жителей одноименной фермы на севере Англии.

«Кайзер Чифс» – английская инди-рок-группа из города Лидс.

Один фунт приблизительно равен 450 граммам.

Гордон Рамзи – знаменитый британский повар; Уэст-Йоркшир – церемониальное метрополитенское графство на севере Англии.

Роберт Паттисон – британский актер и музыкант.

Лев Аслан – центральный герой серии книг «Хроники Нарнии», написанной англо-ирландским автором Клайвом Стейплзом Льюисом. Каменный стол – один из объектов, фигурирующих в этой серии книг, а Нарния – мир в стиле фэнтези, в которой развиваются события, описываемые в этой серии книг.

«Флинтстоуны» – американский комедийный мультсериал.

Намек на гиппопотамиху по имени Глория – один из персонажей мультфильма «Мадагаскар».

«Уэм!» – дуэт британских певцов Джорджа Майкла и Эндрю Риджли.

Джонни Мэтис – британский вокалист и автор песен.

Бродмур – широко известная в Великобритании психиатрическая больница для душевнобольных преступников.

Джордж Майкл – британский певец, поэт и композитор.

Кэрри Фишер – американская актриса, сыгравшая роль принцессы Леи Органы в киносаге «Звездные войны».

Бейонсе (Бейонсе Жизель Ноулз-Картер) – американская певица, актриса и танцовщица.

999 – номер телефона, по которому в Великобритании можно связаться с экстренными службами.

Спойлер – преждевременно раскрытая важная информация, которая портит впечатление от художественного произведения, разрушая интригу.